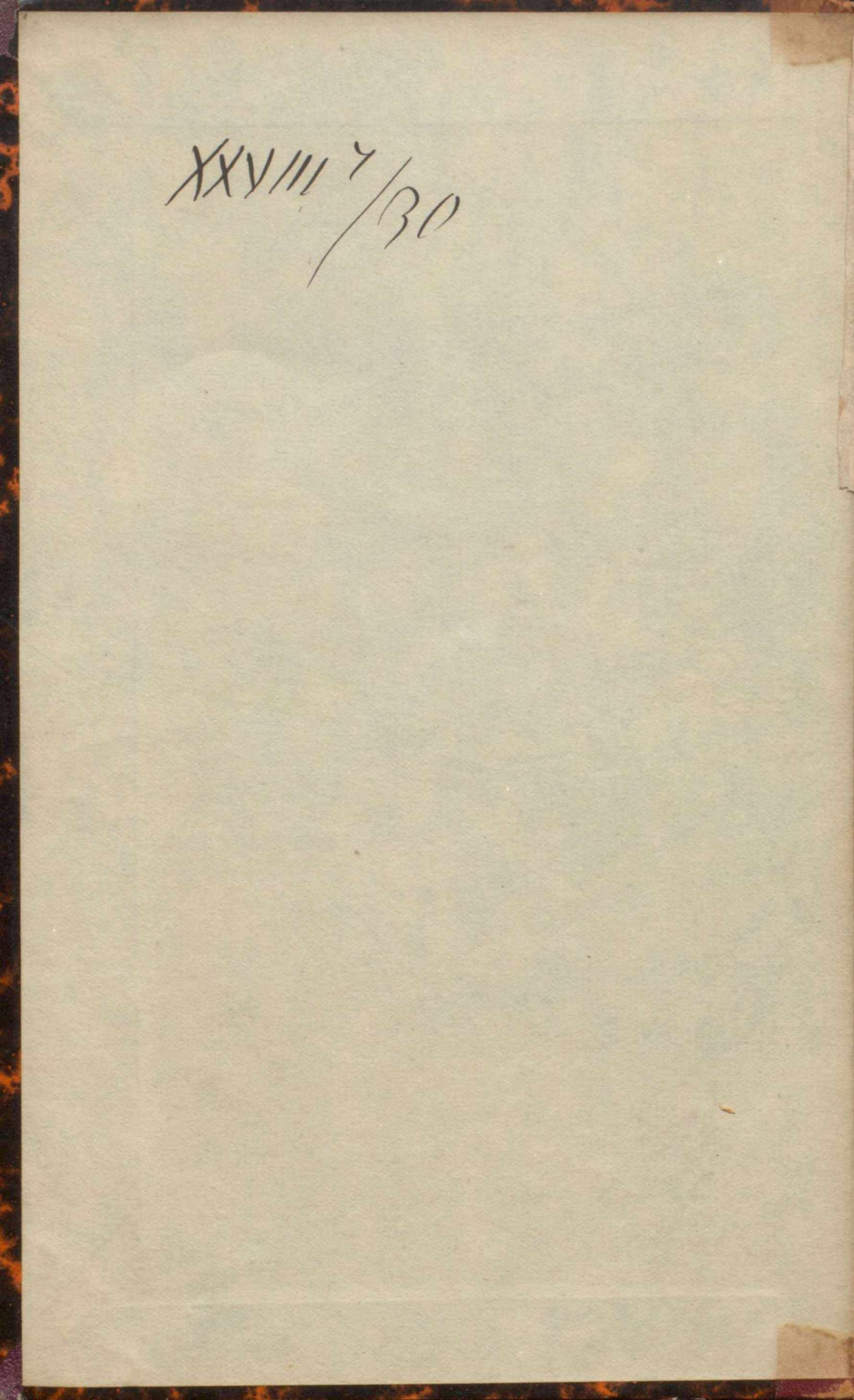

XXVIII 7/30

в 942 и ссылки

ИСТОРІЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ

ВЪ

АНГЛІИ.

БОКЛЬ.

ИСТОРІЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ ВЪ АНГЛІИ.

Томъ II.

ПЕРЕВОДЪ

А. Н. Буйницкаго и Ѳ. Н. Ненарокомова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Юлія Андреевича Бокрама.
По Большой Московской, № 4.
1866.

ГЛАВА I.

Очеркъ исторіи умственнаго движенія въ Испаніи, съ V до половины XIX столѣтія.

Въ предыдущемъ томѣ, я старался доказать четыре главныя предложенія, которыя, по моему мнѣнію, слѣдуетъ считать основаніемъ исторіи цивилизаціи. А именно: 1) что прогрессъ человѣчества зависитъ отъ успѣха, съ какимъ изслѣдуются законы явленій, и отъ степени распространенія знанія этихъ законовъ; 2) что прежде, чѣмъ можетъ начаться подобное изслѣдованіе, долженъ зародиться духъ скептицизма, который сначала помогаетъ изслѣдованію, а потомъ самъ пользуется его помощью; 3) что произведенныя, такимъ образомъ, изслѣдованія увеличиваютъ вліяніе умственныхъ истинъ, и уменьшаютъ, относительно, но не абсолютно, вліяніе истинъ нравственныхъ, такъ какъ нравственныя истины болѣе неподвижны, чѣмъ умственныя, и менѣе пополняются; 4) что сильная задержка этого движенія, а слѣдовательно и цивилизаціи, есть духъ излишняго покровительства, подъ которымъ я разумѣю такое понятіе, будто общество не мо-

жетъ преуспѣвать, если всѣ дѣла человѣческія не находятся, почти на каждомъ шагу, подъ суровымъ надзоромъ и покровительствомъ. Таковы предложенія, которыя я считаю наиболѣе необходимыми для правильнаго пониманія исторіи, и которыя я защищалъ двумя единственными путями, какими только можетъ быть защищаемо предложеніе, а именно — индуктивно и дедуктивно. Индуктивная защита заключаетъ въ себѣ собраніе историческихъ и научныхъ фактовъ, которые служатъ какъ источникомъ, такъ и оправданіемъ дѣлаемыхъ изъ нихъ выводовъ; дедуктивная же защита состоитъ въ повѣркѣ этихъ выводовъ, изслѣдованіемъ, въ какой мѣрѣ ими объясняется исторія различныхъ странъ и ихъ неодинаковая судьба. Къ первому, или индуктивному методу защиты, я въ настоящее время не въ состояніи прибавить ничего новаго; дедуктивную же защиту я надѣюсь значительно усилить въ этомъ томѣ, и, съ помощью ея, утвердить не только приведенныя выше четыре главныя предложенія, но и нѣкоторыя предложенія меньшей важности, которыя, собственно говоря, изъ нихъ же вытекаютъ, но требуютъ всетаки отдѣльной повѣрки. Согласно съ начертаннымъ уже планомъ, остальная часть введенія будетъ заключать въ себѣ изслѣдованіе исторіи Испаніи, Шотландіи, Германіи и Соединенныхъ Штатовъ Америки, съ цѣлію уяснить тѣ принципы, для которыхъ исторія Англіи не представляетъ достаточныхъ данныхъ. И какъ Испанія есть страна, гдѣ особенно явнымъ образомъ нарушались тѣ условія, которыя я считаю наиболѣе необходимыми для преуспѣянія націи, то мы найдемъ также, что эта страна понесла и особенно тяжкое наказаніе за такія нарушенія, и что поэтому на ней именно полезнѣе всего изучать, до какой степени преобладаніе извѣстныхъ мнѣній влечетъ за собой упадокъ той націи, въ которой эти мнѣнія господствовали.

Мы видѣли, что древнія тропическія цивилизаціи сопровождались замѣчательными особенностями, которыя я назвалъ

общимъ видомъ природы и которыя, воспламеняя воображеніе людей, поощряли суевѣріе, вслѣдствіе чего люди не смѣли анализировать такія грозныя физическія явленія — другими словами — не могли создать естественныя науки. Но вотъ любопытный фактъ: ни одна страна Европы не представляетъ, въ этомъ отношеніи, такой аналогіи съ тропическими странами, какъ Испанія. Никакая другая страна Европы не предназначена такъ явно природою быть убѣжищемъ суевѣрія. Обращаясь къ тому, что̀ было уже доказано, припомнимъ, что къ числу самыхъ важныхъ физическихъ причинъ суевѣрія относятся: голодъ, эпидеміи, землетрясенія, и вообще нездоровый климатъ, которые, сокращая среднюю продолжительность жизни, дѣлаютъ болѣе частыми тѣ случаи, въ которыхъ особенно усердно призывается сверхъестественная помощь. Эти особенности, взятыя вмѣстѣ, болѣе бросаются въ глаза въ Испаніи, чѣмъ въ какой либо другой странѣ Европы, и поэтому полезно будетъ представить здѣсь такой обзоръ этихъ особенностей, который сдѣлалъ бы очевиднымъ вредное вліянія ихъ на образованіе національнаго характера.

Если исключить сѣверную оконечность Испаніи, то можно положительно сказать, что двѣ главныя отличительныя черты климата этой страны—зной и засуха, и что и тому, и другому благопріятствуютъ представляемыя самою природою особенныя препятствія къ орошенію. Рѣки, пересѣкающія эту страну, текутъ по большей части въ руслахъ слишкомъ глубокихъ, чтобы можно было извлечь изъ нихъ пользу для орошенія почвы, которая поэтому есть и всегда была замѣчательно суха. Вслѣдствіе этого обстоятельства и рѣдкости дождей, оказывается, что во всей Европѣ нѣтъ страны, одинаково щедро одаренной природою въ другихъ отношеніяхъ, въ которой засухи, а слѣдовательно и голода, были бы такъ часты, какъ въ Испаніи. Въ то же время, перемѣнчивость погоды, въ особенности въ централь-

ныхъ частяхъ, дѣлаетъ Испанiю вообще нездоровою страной; ко всему этому, въ средние вѣка, присоединялись еще безпрестанно случавшiеся голода, вслѣдствiе которыхъ опустошительное дѣйствiе заразы становилось особенно пагубнымъ. Если прибавить къ этому, что на всемъ полуостровѣ, неисключая и Португалiи, бывали чрезвычайно бѣдственныя землетрясенiя, и что они возбуждали всѣ тѣ суевѣрныя чувства, какiя обыкновенно вызываются подобными явленiями,—то можно составить себѣ нѣкоторое понятiе о небезопасности жизни въ этой странѣ и о томъ, какъ легко было ловкому и честолюбивому духовенству сдѣлать изъ этого орудiе для расширенiя своей власти.

Другую черту этой своеобразной страны составляетъ преобладанiе пастушескаго образа жизни, происходящее въ ней, главнѣйшимъ образомъ, отъ невозможности правильнаго занятiя земледѣлiемъ. Въ большей части Испанiи, климатъ дѣлаетъ невозможнымъ для работника трудиться цѣлый день, а этотъ невольный перерывъ занятiй способствуетъ къ развитiю въ народѣ безпорядочности и непостоянства, вслѣдствiе чего онъ предпочитаетъ бродячiй образъ жизни пастуха болѣе постояннымъ занятiямъ земледѣльца. Притомъ, въ теченiе долгой и трудной борьбы съ магометанскими завоевателями, народъ этотъ подвергался такимъ частымъ и неожиданнымъ нападенiямъ со стороны непрiятеля, что ему не мѣшало имѣть такiя средства къ пропитанiю, которыя всего легче было бы увозить съ собою; вотъ онъ и предпочиталъ произведенiя своихъ стадъ произведенiямъ своихъ земель, и занимался скотоводствомъ, вмѣсто земледѣлiя, единственно потому, что при этомъ условiи, онъ менѣе страдалъ отъ неблагопрiятныхъ случайностей. Даже послѣ взятiя Толедо, въ концѣ XI столѣтiя, пограничные жители Эстрамадуры, Ла Манхи и Новой Кастилiи были почти исключительно пастухами, и ихъ скотъ пасся не на принадлежавшихъ кому либо лугахъ, а въ открытыхъ поляхъ. Все это увеличивало необезпеченность

жизни и усиливало ту любовь къ приключеніямъ и тотъ романтическій духъ, которые, впослѣдствіи, сообщили особый характеръ народной литературѣ. При такихъ обстоятельствахъ, все оказывалось невѣрно, тревожно, шатко; мышленіе и изслѣдованіе было невозможно; сомнѣніе было неизвѣстно; и подготовлялся путь для тѣхъ суевѣрныхъ привычекъ, и для тѣхъ глубоко вкоренившихся, упорныхъ вѣрованій, которыя всегда составляли главную черту въ исторіи испанскаго народа.

До чего простерлось бы вліяніе однихъ этихъ обстоятельствъ на дальнѣйшую судьбу Испаніи, — составляетъ вопросъ, на который едвали возможно отвѣтить; но то не подлежитъ сомнѣнію, что вліяніе ихъ всегда было бы значительно, хотя по недостатку свидѣтельствъ, мы и не въ состояніи съ точностью опредѣлить его. Впрочемъ, относительно оказавшагося на самомъ дѣлѣ результата, это не особенно важно, такъ какъ цѣлый рядъ другихъ еще болѣе вліятельныхъ обстоятельствъ, соединясь съ только что упомянутыми нами, и дѣйствуя совершенно въ одинаковомъ направленіи, образовали такое сочетаніе вліяній, которому ничто не могло противостоять и изъ котораго мы можемъ, съ непогрѣшимою вѣрностью, вывести, шагъ за шагомъ, весь ходъ дальнѣйшаго постепеннаго упадка этой націи. Исторія причинъ упадка Испаніи станетъ слишкомъ ясна, чтобы можно было ошибиться въ ней, если только изучать ее въ связи съ тѣми общими началами, которыя я вывелъ выше и которыя сами получатъ новую силу отъ проливаемаго ими свѣта на это поучительное, хотя и грустное явленіе.

Послѣ паденія Римской Имперіи, первымъ крупнымъ фактомъ въ исторіи Испаніи было водвореніе въ ней Вестготовъ и введеніе ихъ религіи на этомъ полуостровѣ. Они, такъ же какъ и Свевы, которые непосредственно предшествовали имъ, были аріане, и Испанія, въ теченіе полутораста лѣтъ, сдѣлалась средоточіемъ этой знаменитой ереси, къ которой

дѣйствительно принадлежала тогда большая часть готскихъ племенъ. Но въ концѣ пятаго столѣтія, Франки, при своемъ обращеніи изъ язычества, приняли противоположное правовѣрное исповѣданіе, и духовенство стало поощрять ихъ къ войнѣ противъ своихъ сосѣдей еретиковъ. Хлодовика, тогдашняго короля Франковъ, церковь считала поборникомъ вѣры, во имя которой онъ нападалъ на невѣрующихъ Вестготовъ. Его преемники, движимые тѣми же побужденіями, слѣдовали той же политикѣ; и въ продолженіе почти столѣтія, происходила между Франціею и Испаніею война за религіозныя убѣжденія, которая подвергла серіозной опасности царство Вестготовъ, бывшее не разъ на краю погибели. Такимъ образомъ, въ Испаніи, война за національную независимость сдѣлалась также войною за національную религію, и между аріанскими королями и аріанскимъ духовенствомъ былъ заключенъ тѣсный союзъ. Въ тѣ невѣжественныя времена, духовенство могло быть увѣрено, что останется въ выйгрышѣ отъ подобнаго союза; и дѣйствительно, оно получило значительныя свѣтскія преимущества за свои молитвы, направленныя противъ врага и также, за чудеса, которыя оно по временамъ совершало. Такимъ образомъ, рано положено было основаніе тому громадному вліянію, которымъ съ тѣхъ поръ постоянно пользовалось испанское духовенство, и которое было еще болѣе усилено послѣдующими событіями. Въ концѣ VI столѣтія, латинское духовенство обратило своихъ вестготскихъ повелителей, и испанское правительство, сдѣлавшись правовѣрнымъ, естественно даровало своимъ учителямъ власть равную той, какою пользовалась аріанская іерархія. Дѣйствительно, правители Испаніи, изъ признательности къ тѣмъ, которые направили ихъ на путь истинный, оказывали расположеніе скорѣе увеличивать, чѣмъ уменьшать власть церкви. Духовенство воспользовалось этимъ расположеніемъ; прежде половины VII столѣтія, духовное сословіе въ Испаніи, имѣло болѣе вліянія, чѣмъ въ какой либо другой час-

ти Европы. Духовные синоды были не только церковными соборами, но и парламентами королевства. Въ Толедо, тогдашней столицѣ Испаніи, духовенство имѣло громадную власть и проявляло ее съ такимъ тщеславіемъ, что на соборѣ, бывшемъ тамъ въ 633 году, мы видимъ короля буквально падающаго ницъ передъ епископами; а полустолѣтіемъ позже, какъ говоритъ одинъ историкъ церкви, унизительный обрядъ этотъ былъ повторенъ другимъ королемъ, какъ нѣчто вошедшее въ обычай. Что это не было одною пустою церемоніею,—очевидно и изъ другихъ, аналогическихъ фактовъ. Точно то же стремленіе видно и въ испанской юриспруденціи; такъ, по вестготскому кодексу, каждый міряпинъ, истецъ ли, или отвѣтчикъ, могъ требовать, чтобы его дѣло было судимо не свѣтскими судами, а епархіальнымъ епископомъ. Сверхъ того, даже въ томъ случаѣ, когда обѣ стороны единодушно предпочитали гражданскій трибуналъ, епископъ всетаки сохранялъ право отмѣнить рѣшеніе, если, по его мнѣнію, оно было неправильно; и его особенною обязанностью было наблюдать за отправленіемъ правосудія, и научать судей, какъ имъ слѣдуетъ исполнять свои обязанности. Другое, еще болѣе печальное доказательство силы духовенства видно въ томъ, что законы противъ еретиковъ были суровѣе въ Испаніи, чѣмъ въ какой либо другой странѣ; евреи, въ особенности, преслѣдовались съ непреклонною жестокостью. Дѣйствительно, желаніе поддержать вѣру было такъ сильно, что вызвало формальную декларацію, что ни одинъ государь не долженъ быть признанъ, если онъ не обѣщаетъ сохранять чистоту вѣры; судьями этой чистоты были, разумѣется, сами епископы, голосу которыхъ король былъ обязанъ своимъ престоломъ.

Таковы были обстоятельства, которыя, въ исходѣ шестаго и въ седьмомъ столѣтіи, обезпечили испанской церкви такое вліяніе, которому не было ничего подобнаго ни въ какой другой части Европы. Въ самомъ началѣ VIII столѣтія, слу-

чилось событіе, которое, казалось, низпровергло и разсѣяло іерархію, но, въ сущности, было чрезвычайно благопріятно для нея. Въ 711 году магометане, отплывъ изъ Африки, высадились на югѣ Испаніи, и въ теченіе трехъ лѣтъ завоевали всю страну, за исключеніемъ почти недоступныхъ мѣстностей на сѣверо-западѣ. Испанцы, безопасные въ своихъ родныхъ горахъ, вскорѣ оправились, собрали свои силы, и стали, въ свою очередь, нападать на завоевателей; началась отчаянная борьба, продолжавшаяся почти восемь столѣтій, и тутъ, во второй разъ въ исторіи Испаніи, война за независимость являлась также войною за религію; борьба между Арабами-невѣрными и Испанцами-христіанами послѣдовала за войною между тринитаріями Франціи и аріанами Испаніи. Медленно и съ безконечною трудностью пролагали себѣ путь христіане. Въ серединѣ IX столѣтія, они дошли до Дуэро; около конца XI—завоевали всѣ земли до Тахо, и Толедо; ихъ древняя столица снова досталась имъ въ руки въ 1085 году. Но и тогда многое еще оставалось сдѣлать. На югѣ, борьба принимала самый кровавый видъ; тамъ она продолжалась съ такимъ упорствомъ, что только послѣ взятія Малаги, въ 1487 году, и Гранады, въ 1492, христіанское владычество было возобновлено и старая испанская монархія окончательно возстановлена.

Все это имѣло весьма замѣчательное дѣйствіе на испанскій характеръ. Въ продолженіе восьми послѣдовательныхъ столѣтій, вся страна постоянно вела крестовый походъ; и тѣ священныя войны, которыя только по временамъ случались у другихъ народовъ, въ Испаніи тянулись непрерывно въ теченіе болѣе двадцати поколѣній. И такъ какъ цѣль заключалась не въ одномъ обратномъ завоеваніи территоріи, но и въ возстановленіи вѣры, то естественнымъ образомъ случилось, что проповѣдники этой вѣры заняли видное, важное мѣсто. Въ лагерѣ, въ совѣтѣ, раздавался голосъ духовныхъ и его слушались; такъ какъ война имѣла цѣлію распростране-

ніе христіанской религіи, то и казалось справедливымъ, чтобы ея служители принимали замѣтное участіе въ дѣлѣ, такъ близко до нихъ касавшемся. Такъ какъ опасность, которой подвергалась страна, была чрезвычайно велика, то и возбуждались тѣ суевѣрныя чувства, которыя способна порождать опасность, и которымъ, какъ я уже показалъ въ другомъ мѣстѣ, тропическія цивилизаціи обязаны нѣкоторыми изъ своихъ главныхъ особенностей. Лишь только испанскіе христіане были изгнаны изъ своихъ домовъ и принуждены искать убѣжища на сѣверѣ,—этотъ великій принципъ возымѣлъ дѣйствіе. Пріютившись въ горахъ, они сохраняли ковчегъ, наполненный мощами ихъ святыхъ, обладаніе которыми они считали своимъ главнымъ спасеніемъ. Этотъ ковчегъ былъ для нихъ національнымъ знаменемъ, около котораго они собирались, и съ помощью котораго они одерживали чудесныя побѣды надъ своими невѣрными противниками. Они смотрѣли на себя какъ на воиновъ креста, и потому умы ихъ привыкли къ мысли о сверхъестественномъ до такой степени, что въ настоящее время мы съ трудомъ можемъ повѣрить этому; этимъ отличались они отъ всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ. Молодымъ людямъ являлись видѣнія, старикамъ снились сны. Странныя зрѣлища представлялись имъ на небѣ; наканунѣ сраженія являлись таинственныя предзнаменованія и было замѣчено, что когда магометане оскорбляли гробъ христіанскаго святаго,—громъ и молнія низпосылались для обузданія невѣрующихъ, и для наказанія ихъ за дерзкое нашествіе.

При подобныхъ обстоятельствахъ, духовенство не могло не увеличить свое вліяніе, или скажемъ скорѣе, самый ходъ событій увеличилъ это вліяніе. Испанскіе христіане, запертые, въ продолженіе довольно значительнаго времени, въ горахъ Астуріи, и лишенные прежнихъ своихъ средствъ, быстро вырождались и скоро утратили и ту скудную цивилизацію, какой успѣли прежде достигнуть. Лишенные всего своего богатства и

принужденные ограничиться сравнительно безплодною страною, они вновь впали въ варварство и остались, почти въ продолженіе столѣтія, безъ искусствъ, безъ торговли, безъ литературы. По мѣрѣ увеличенія ихъ невѣжества, увеличивалось также ихъ суевѣріе, которое, въ свою очередь, усиливало власть ихъ священниковъ. Все, слѣдовательно, шло путемъ самымъ естественнымъ. Нашествіе магометанъ сдѣлало христіанъ бѣдными; бѣдность породила невѣжество; невѣжество породило легковѣріе; а легковѣріе, лишая людей, какъ способности, такъ и желанія самимъ что либо изслѣдовать, усиливало духъ подобострастія и поддерживало привычку къ покорности и слѣпое повиновеніе клерикаламъ составляющія, главную и самую жалкую особенность исторіи Испаніи.

Изъ этого видно, что вторженіе магометанъ усилило набожность испанскаго народа трояким путемъ: вопервыхъ, вызвавъ продолжительную и упорную религіозную войну; во вторыхъ, окруживъ его постоянными и непосредственными опасностями; и въ третьихъ, повергнувъ въ бѣдность, неизбѣжно породившую невѣжество между христіанами.

Эти событія, слѣдуя за великою аріанскою войною, и будучи сопровождаемы и безпрестанно усиливаемы тѣми физическими явленіями, которыя, какъ я уже указалъ, вліяютъ въ томъ же направленіи,—дѣйствовали такъ дружно и сильно, что въ Испаніи, теологическій элементъ сдѣлался не составною только частью національнаго характера, а скорѣе самымъ характеромъ. Самые способные и самые честолюбивые изъ испанскихъ королей были принуждены слѣдовать общему движенію, и при всемъ своемъ деспотизмѣ, уступали давленію мнѣній, которыми, какъ имъ казалось, они управляли. Война съ Гранадою, въ концѣ пятнадцатаго столѣтія, была скорѣе религіозною, чѣмъ свѣтскою; и Изабелла, сдѣлавшая огромныя пожертвованія на эту войну и стоявшая, по способностямъ и правдивости, выше Фердинанда, имѣла въ виду не столько пріобрѣтеніе территоріи, сколько распространеніе христіанской

вѣры. Въ самомъ дѣлѣ, какiя бы ни возникали сомнѣнiя относительно цѣли этой распри, они разсѣеваются послѣдующими событiями. Едва кончилась война, какъ Фердинандъ и Изабелла издали указъ, изгоняющiй изъ государства всякаго еврея, нежелающаго отказаться отъ своей вѣры; такъ что почва Испанiи съ тѣхъ поръ не должна была болѣе оскверняться присутствiемъ невѣрныхъ. Сдѣлать ихъ христiанами, или, не успѣвъ въ этомъ, истребить ихъ—стало задачею инквизицiи, которая была учреждена въ это же царствованiе, и дѣйствовала, къ концу XV вѣка, съ полною силою. Въ продолженiе XVI столѣтiя, на престолѣ смѣнились два государя съ замѣчательными способностями, которые оба держались одинаковой политики. Карлъ V, наслѣдовавшiй Фердинанду, въ 1516 году, управлялъ Испанiею въ теченiе сорока лѣтъ, и общiй характеръ его правленiя былъ такой же, какъ и царствованiя его предшественниковъ. Что касается его внѣшней политики, то при немъ было три значительныя войны: съ Францiею, съ германскими князьями и съ Турцiею. Изъ нихъ первая имѣла свѣтскiй характеръ, а двѣ послѣднiя были въ сущности религiозныя. Въ германской войнѣ, онъ защищалъ церковь противъ нововведенiй, и въ сраженiи при Мюльбергѣ, нанесъ такое пораженiе протестантскимъ князьямъ, что замедлилъ на нѣкоторое время прогрессъ Реформацiи. Въ другой великой войнѣ своей, онъ, какъ защитникъ христiанства противъ магометанства, довершилъ то, что было начато дѣдомъ его Фердинандомъ. Карлъ разбилъ и прогналъ магометанъ на востокѣ, точно такъ же, какъ Фердинандъ сразилъ ихъ на западѣ; пораженiе Турокъ подъ Вѣною было тѣмъ же для шестнадцатаго столѣтiя, чѣмъ была для пятнадцатаго побѣда надъ Арабами при Гранадѣ. По этому, Карлъ, при концѣ своего царствованiя, имѣлъ полное право похвалиться, что онъ всегда предпочиталъ свою вѣру своей родинѣ, и что главнымъ предметомъ его честолюбивыхъ стремленiй было охраненiе интересовъ христiанства. Съ какою ревностью

онъ боролся за вѣру, видно также изъ тѣхъ усилій, которыя онъ употреблялъ противъ ереси въ Нидерландахъ. По отзыву современныхъ, свѣдущихъ писателей, въ царствованіе его, въ Нидерландахъ, казнено отъ пятидесяти до ста тысячъ человѣкъ, за религіозныя убѣжденія. Позднѣйшіе изслѣдователи усумнились въ вѣрности этого показанія, которое, по всей вѣроятности, преувеличено, но мы знаемъ, что между 1520 и 1550 годами, онъ издалъ рядъ законовъ, по которымъ обвиненные въ ереси обезглавливались, сожигались, либо погребались живыми. Такъ, наказанія были различныя, смотря по обстоятельствамъ каждаго преступленія. Но во всякомъ случаѣ подвергался уголовному наказанію тотъ, кто купилъ или продалъ еретическую книгу, или даже списалъ ее для своего собственнаго употребленія. Его послѣдній совѣтъ сыну совершенно согласовался съ этими мѣрами. За нѣсколько дней до своей смерти, онъ сдѣлалъ приписку къ завѣщанію, въ которой совѣтовалъ: никогда не оказывать никакой милости еретикамъ, всѣхъ ихъ предавать смерти, и заботиться о поддержаніи инквизиціи, какъ лучшаго средства для достиженія столь желаемой цѣли.

Эту варварскую политику не должно приписывать ни порокамъ, ни темпераменту того или другаго изъ правителей, а громадному вліянію общихъ причинъ, дѣйствовавшихъ на каждаго изъ нихъ и вынуждавшихъ его поступать такъ, а не иначе. Карлъ нисколько не былъ мстительнымъ человѣкомъ; онъ былъ склоненъ отъ природы скорѣе миловать, чѣмъ наказывать; его искренность не подлежитъ сомнѣнію: онъ дѣлалъ то, что считалъ своею обязанностію, и былъ до такой степени способенъ къ дружбѣ, что тотъ, кто наиболѣе зналъ его, и любилъ его наиболѣе. Но все это не имѣло особеннаго вліянія на его общественную дѣятельность. Онъ вынужденъ былъ повиноваться стремленіямъ времени и той страны, въ которой жилъ. А каковы были эти стремленія, обнаружилось еще яснѣе послѣ его смерти, когда престолъ Испа-

ніи былъ занимаемъ болѣе сорока лѣтъ государемъ, который вступилъ на него во цвѣтѣ лѣтъ и царствованіе котораго особенно замѣчательно, какъ выраженіе и какъ послѣдствіе настроенія подвластнаго ему народа.

Филиппъ II, наслѣдовавшій Карлу V въ 1555 году, былъ дѣйствительно, по преимуществу, созданіемъ своего времени, и замѣчательнѣйшій изъ его біографовъ мѣтко называетъ его самымъ совершеннымъ типомъ національнаго характера. Его любимое правило, служащее ключемъ къ его политикѣ, было, «что лучше совсѣмъ не царствовать, чѣмъ царствовать надъ еретиками». Вооруженный верховною властью, онъ употребилъ всю свою энергію на приведеніе въ дѣйствіе этого принципа. Какъ только онъ услышалъ, что протестанты находятъ послѣдователей въ Испаніи, то онъ устремилъ всѣ силы на уничтоженіе ереси; и общее расположеніе народа такъ удивительно помогало ему въ этомъ, что онъ могъ, безъ всякаго риска, подавить мнѣнія, волновавшія всѣ другія страны Европы. Въ Испаніи, Реформація, послѣ короткой борьбы, совершенно замерла, и въ продолженіе какихъ нибудь десяти лѣтъ исчезъ и малѣйшій слѣдъ ея. Голландцы желали принять и, во многихъ случаяхъ, принимали преобразованное ученіе; по этому Филиппъ пошелъ на нихъ жестокою войною, которая длилась тридцать лѣтъ, и которую онъ не прекращалъ до своей смерти, потому что рѣшился искоренить новую вѣру. Онъ приказалъ сожигать всякаго еретика, не хотѣвшаго отказаться отъ своей вѣры. Если же еретикъ отрекался отъ своихъ убѣжденій, то ему оказывалось нѣкоторое снисхожденіе, но такъ какъ онъ былъ всетаки оскверненъ, то умереть онъ долженъ былъ во всякомъ случаѣ; поэтому, вмѣсто сожженія, его казнили отсѣченіемъ головы. О дѣйствительномъ числѣ лицъ, пострадавшихъ въ Нидерландахъ, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній; но Альба торжественно хвалился, что въ продолженіе пяти или шести лѣтъ его управленія, онъ казнилъ совершенно хладнокровно до восемнадцати

тысячъ человѣкъ, не считая еще большаго числа убитыхъ на полѣ битвы. И такъ, даже за кратковременное владычество его, можно насчитать около сорока тысячъ такихъ жертвъ,— цифра вѣроятно не особенно далекая отъ истины, такъ какъ намъ извѣстно изъ другихъ источниковъ, что въ одинъ годъ было казнено или сожжено болѣе восьми тысячъ человѣкъ. Подобныя мѣры были результатомъ инструкцій, данныхъ Филиппомъ, и составляли существенную часть его общаго плана. Главнымъ душевнымъ желаніемъ его, желаніемъ, которому онъ жертвовалъ всѣми другими соображеніями,—было искорененіе новой вѣры и возстановленіе старой. Этому чувству подчинялось даже его непомѣрное честолюбіе и необыкновенная любовь къ власти; онъ стремился къ владычеству надъ Европой, потому что желалъ возстановить авторитетъ церкви. Вся его политика, всѣ его переговоры, всѣ его войны стремились къ этой одной цѣли. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, онъ заключилъ постыдный договоръ съ папою, для того, чтобы нельзя было сказать, что онъ поднялъ оружіе противъ главы христіанскаго міра. А его послѣднее великое предпріятіе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, важнѣйшее изъ всѣхъ, состояло въ снаряженіи той знаменитой Армады, съ которою онъ надѣялся смирить Англію и уничтожить ересь Европы въ самомъ ея зародышѣ, лишивъ протестантовъ ихъ главной поддержки и единственнаго пріюта, въ которомъ они легко могли найти безопасное и честное убѣжище.

Между тѣмъ какъ Филиппъ, слѣдуя по пути своихъ предшественниковъ, расточалъ кровь и сокровища Испаніи, ради распространенія религіозныхъ мнѣній, народъ, вмѣсто того, чтобы возстать противъ такой чудовищной системы, соглашался съ нею и освящалъ ее своимъ сочувствіемъ. Дѣйствительно, народъ не только одобрялъ эту систему, но почти обожалъ человѣка, который поддерживалъ ее. Вѣроятно еще никогда не было государя, который, въ теченіе такого продолжительнаго періода и посреди столь многихъ превратностей,

постей судьбы, былъ бы такъ обожаемъ своими подданными, какъ Филиппъ II. Въ хорошихъ ли, въ дурныхъ ли обстоятельствахъ, Испанцы всегда относились къ нему съ непоколебимою преданностью. Ихъ привязанность не могли ослабить ни его неудачи, ни его отталкивающее обращенiе, ни его жестокость, ни его тягостные поборы. Не взирая ни на что, они любили его до послѣдней минуты. Нелѣпая надменность его доходила до того, что онъ не позволялъ никому, даже самымъ могущественнымъ грандамъ, обращаться къ нему съ рѣчью иначе, какъ на колѣнахъ, и въ отвѣтахъ своихъ не все договаривалъ, предоставляя имъ угадывать остальное, но исполнять его повелѣнiя какъ можно тщательнѣе. И они были всегда готовы повиноваться малѣйшимъ его желанiямъ. Одинъ современникъ Филиппа, пораженный этимъ всеобщимъ преклоненiемъ, говоритъ, что Испанцы «не только любятъ, не только почитаютъ, но рѣшительно обожаютъ его, и считаютъ его повелѣнiя до такой степени священными, что ихъ невозможно было бы нарушить, не оскорбивъ самого Бога».

Что такой человѣкъ, какъ Филиппъ II, который никогда не имѣлъ друга, котораго обыкновенное обращенiе съ людьми было въ высшей степени возмутительно—суровый господинъ, безчувственный отецъ, кровожадный и безсовѣстный правитель—что онъ былъ такъ почитаемъ народомъ, среди котораго жилъ, и передъ глазами котораго были постоянно его дѣйствiя, что все это было возможно—вотъ истинно одинъ изъ самыхъ удивительныхъ и, съ перваго взгляда, самыхъ необыкновенныхъ фактовъ въ исторiи. Король соединяетъ въ себѣ всѣ свойства, возбуждающiя въ высшей степени ужасъ и отвращенiе, а между тѣмъ его гораздо болѣе любятъ, чѣмъ боятся; ему поклоняется весьма великiй народъ, въ теченiе весьма долгаго перiода времени. Это до такой степени замѣчательно, что заслуживаетъ серiознаго съ нашей стороны вниманiя; и для разрѣшенiя этой задачи, необходимо будетъ изслѣдовать причины того духа преданности престолу, которымъ

въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, отличались Испанцы болѣе чѣмъ какой либо изъ европейскихъ народовъ.

Одною изъ главныхъ причинъ было, безъ сомнѣнія, огромное вліяніе духовенства, потому что правила, внушаемыя этимъ могущественнымъ сословіемъ, имѣли естественное стремленіе заставить народъ почитать своихъ государей болѣе, чѣмъ онъ почиталъ бы ихъ безъ этого. Что существуетъ дѣйствительная практическая связь между слѣпою преданностью и суевѣріемъ,—это видно изъ того историческаго факта, что два эти чувства почти всегда и процвѣтали, и падали вмѣстѣ. Но этого именно слѣдовало ожидать и по самой теоріи, видя что оба эти чувства составляютъ продуктъ той привычки къ слѣпому уваженію, которая дѣлаетъ людей послушными въ дѣйствіяхъ и легковѣрными въ вѣрованіяхъ. Слѣдовательно, и опытъ, и здравый смыслъ заставляютъ насъ видѣть въ этомъ такой общій законъ ума, который можетъ, конечно, по временамъ встрѣчать помѣхи въ своемъ дѣйствіи, но въ большей части случаевъ, остается въ полной силѣ. Кажется въ одномъ только случаѣ нарушается этотъ принципъ, а именно, когда деспотическое правительство такъ мало понимаетъ свои собственныя выгоды, что обижаетъ духовенство и отчуждается отъ него. Всякій разъ, какъ это случится, возникаетъ борьба между вѣрностью престолу и суевѣріемъ; первая поддерживается политическими дѣятелями, второе—духовными. Подобная борьба происходила въ Шотландіи. Но мы вообще не много найдемъ такихъ примѣровъ въ исторіи, и конечно ничего подобнаго не случалось въ Испаніи, гдѣ напротивъ того, соединилось много обстоятельствъ, которыя скрѣпили союзъ между короною и церковью, и пріучили народъ смотрѣть на ту и на другую почти съ равнымъ уваженіемъ.

Самымъ важнымъ изъ этихъ обстоятельствъ было великое вторженіе Арабовъ, которое, загнавъ христіанъ въ одинъ уголъ Испаніи, поставило ихъ въ такое крайнее положеніе, что

только строжайшая дисциплина и безпрекословное повиновеніе своимъ предводителямъ, давали имъ возможность бороться съ врагами. Вѣрность монархамъ была для нихъ не только полезна, но и необходима: будь они разъединены, то при встрѣчѣ съ такимъ страшнымъ превосходствомъ силъ, имъ никакъ не удалось бы отстоять свое національное существованіе. Началась продолжительная война, которая имѣя и политическій, и религіозный характеръ, вызвала тѣсный союзъ между политическою и религіозною партіями, такъ какъ и короли и духовенство имѣли одинаковый интересъ въ изгнаніи магометанъ изъ Испаніи. Въ продолженіе почти восьми столѣтій, этотъ союзъ между церковью и государствомъ по необходимости поддерживался Испанцами, которыхъ вынуждали къ тому особенности ихъ положенія; а когда и миновала необходимость, то естественнымъ образомъ оказалось, что образовавшаяся подъ вліяніемъ ея ассоціація идей пережила первоначальную опасность, и что въ умѣ народа сохранилось впечатлѣніе, которое едвали возможно было изгладить.

Доказательства силы этого впечатлѣнія и порожденной имъ безпримѣрной преданности престолу, намъ бросаются въ глаза на каждомъ шагу. Ни въ какой другой странѣ нѣтъ такъ много старыхъ балладъ, какъ въ Испаніи, и нигдѣ онѣ не связаны такъ тѣсно съ національною исторіею; а между тѣмъ замѣчено, что главную характеристику этихъ балладъ составляетъ стремленіе внушить народу послушаніе и преданность монархамъ и что изъ этого источника, болѣе даже чѣмъ изъ военныхъ подвиговъ, заимствуютъ онѣ свои любимые примѣры доблести. Въ литературѣ, первымъ великимъ проявленіемъ испанскаго ума была поэма *Цидъ*, написанная въ концѣ XII столѣтія, въ которой мы находимъ новое доказательство необыкновенной преданности престолу, утвердившейся въ испанскомъ народѣ, въ силу различныхъ обстоятельствъ. То же стремленіе проявляется и въ церковныхъ соборахъ; ибо за весьма немно-

гими исключеніями, ни одна церковь не поддерживала еще такъ ревностно правъ королей. Въ гражданскомъ законодательствѣ мы видимъ дѣйствіе того же принципа; писатели съ большимъ авторитетомъ утверждаютъ, что ни въ одной системѣ законовъ вѣрность королю не поставлена такъ высоко, какъ въ испанскихъ кодексахъ. Драматическіе писатели въ Испаніи не хотѣли даже на сценѣ представлять мятежныя дѣйствія, чтобы не показаться сочувствующими тому, что въ глазахъ всякаго порядочнаго Испанца, было однимъ изъ самыхъ гнусныхъ преступленій. Все, къ чему только прикасался король, было какъ бы освящено этимъ прикосновеніемъ. Никто не могъ сѣсть на лошадь, на которой король ѣздилъ верхомъ; никто не могъ жениться на оставленной имъ любовницѣ. Лошадь и любовница были одинаково неприкосновенны для всѣхъ простыхъ людей, и было бы нечестивымъ поступкомъ со стороны всякаго подданнаго прикасаться къ тому, что было почтено королемъ. Эти правила не ограничивались однимъ царствующимъ государемъ. Напротивъ, они переживали его, и дѣйствуя съ какою-то посмертною силою, воспрещали каждой женщинѣ, взятой имъ въ жены, выходить замужъ, даже послѣ его смерти. Она была избрана королемъ — подобный выборъ ставилъ ее выше остальныхъ смертныхъ и ей оставалось только удалиться въ монастырь и проводить свою жизнь въ оплакиваніи невозвратимой для нея потери. Эти правила были утверждены скорѣе обычаемъ, чѣмъ закономъ. Они поддерживались народною волею и были результатомъ чрезмѣрной преданности престолу испанскаго народа. Этою преданностью часто хвастаютъ испанскіе писатели и имѣютъ на то полное право, ибо ничто не могло сравниться съ нею, ничто не могло повидимому поколебать ее. Она одинаково примѣнялась и къ дурнымъ и къ хорошимъ королямъ. Она была въ полной силѣ посреди славы Испаніи, въ шестнадцатомъ столѣтіи, проявлялась и во время упадка націи, въ семнадцатомъ, и пережила ударъ междоусобныхъ

войнъ, въ началѣ восемнадцатаго. Дѣйствительно, чувство это такъ укоренилось въ преданіяхъ страны, что сдѣлалось не только страстью націи, но почти догматомъ ея вѣры. Кларендонъ, въ своей исторіи великаго англійскаго возстанія, которому подобнаго, какъ онъ хорошо зналъ, никогда не могло случиться въ Испаніи, дѣлаетъ, относительно этого предмета, справедливое и весьма мѣткое замѣчаніе. Онъ говоритъ, что Испанцы смотрятъ на недостатокъ уваженія къ королямъ, какъ на «чудовищное преступленіе»; ибо «слѣпое уваженіе къ своимъ государямъ составляетъ жизненную часть ихъ религіи».

И такъ, вотъ два главные элемента, составляющіе испанскій характеръ. Преданность престолу и суевѣріе—благоговѣніе къ королямъ и благоговѣніе къ духовенству—вотъ главные принципы, имѣвшіе вліяніе на испанскій умъ и управлявшіе ходомъ испанской исторіи. Особенныя, безпримѣрныя обстоятельства, въ силу которыхъ принципы эти возникли, были только что указаны нами; мы видѣли ихъ происхожденіе—теперь постараемся вывести ихъ послѣдствія. Подобное изслѣдованіе результатовъ особенно важно не только потому, что нигдѣ въ Европѣ эти чувства не были такъ сильны, такъ постоянны, и такъ неподдѣльны, но и потому, что Испанія, будучи расположена на самой крайней оконечности Европы и отдѣлена отъ ней Пиренеями,—какъ по физическимъ, такъ и по нравственнымъ причинамъ, мало приходила въ столкновенія съ другими націями. Тамъ дѣла шли своимъ естественнымъ порядкомъ, не нарушаемымъ чужеземными вліяніями, и поэтому тамъ легче всего можно замѣтить чистыя, естественныя послѣдствія суевѣрія и преданности престолу—двухъ самыхъ могущественныхъ и самыхъ безкорыстныхъ чувствъ, какія наполняли когда либо человѣческое сердце, и изъ совокупнаго вліянія которыхъ мы ясно можемъ вывести главнѣйшія событія въ исторіи Испаніи.

Результаты этого сочетанія были, въ продолженіе довольно

долгаго періода, видимо благодѣтельны, и конечно блестящи. Церковь и корона, дѣйствуя заодно и воодушевляемыя притомъ сердечнымъ сочувствіемъ народа, всею душею предались своему дѣлу и выказали такое рвеніе, которому трудно было не увѣнчаться успѣхомъ. Постепенно подвигаясь впередъ съ сѣвера Испаніи, христіане силою пролагали себѣ путь, шагъ за шагомъ, и не переставали наступать, пока не достигли южной оконечности, совершенно покоривъ магометанъ и подчинивъ всю страну одному управленію и одной религіи. Этотъ великій результатъ былъ достигнутъ въ концѣ XV столѣтія, и испанское имя озарилось необычайнымъ блескомъ. Испанія, долгое время занятая своими религіозными войнами, мало, до тѣхъ поръ, обращала на себя вниманіе иностранныхъ державъ, да и сама не много имѣла времени заниматься ими. Теперь же она образовала одну сплошную нераздѣльную монархію, и сразу заняла видное положеніе въ отношеніи къ европейскимъ дѣламъ. Въ теченіе послѣдующихъ ста лѣтъ, могущество ея возрастало съ быстротою, неслыханною со времени Римской Имперіи. Еще въ 1478 году, Испанія была разбита на независимыя и часто враждебныя другъ другу государства; Гранадою владѣли магометане; на престолѣ Кастиліи былъ одинъ государь, на престолѣ Арагона—другой. А къ 1590 году, мало того, что эти разрозненныя части сплотились въ одно королевство, но сдѣланы были еще и внѣшнія пріобрѣтенія, и притомъ такъ быстро, что угрожала даже опасность независимости Европы. Исторія Испаніи, за это время, есть исторія непрерывнаго ряда успѣховъ. Эта страна, еще недавно терзаемая междоусобными войнами, и разъединенная враждебными вѣрованіями, успѣла въ теченіе трехъ поколѣній прибавить къ своей территоріи всю Португалію, Наварру и Руссильонъ. Путемъ дипломатіи и силою оружія, она пріобрѣла Артуà, Франшъ-Контѐ и Нидерланды, а также Миланъ, Неаполь, Сицилію, Сардинію, Балеарскіе и Канарскіе острова. Одинъ изъ ея ко-

ролей былъ Германскимъ Императоромъ, а сынъ его, женясь на королевѣ Англійской пріобрѣлъ вліяніе на государственный совѣтъ этой страны. Турецкое могущество, въ то время одно изъ самыхъ грозныхъ въ свѣтѣ, было сокрушено и разбито ею на всѣхъ пунктахъ. Передъ ней смирилась и французская монархія. Французскія арміи постоянно претерпѣвали отъ нея пораженія; Парижъ былъ, одно время, въ крайней опасности, а одинъ изъ французскихъ королей, разбитый на полѣ сраженія, былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Мадридъ. Внѣ Европы, подвиги Испаніи были не менѣе поразительны. Въ Америкѣ, Испанцы сдѣлались обладателями территорій, которыя, простираясь на шестьдесятъ градусовъ широты, заключали въ себѣ оба тропика. Кромѣ Мексики, Центральной Америки, Венецуэлы, Новой Гранады, Перу и Чили, они завоевали Кубу, Санъ Доминго, Ямайку и другіе острова. Въ Африкѣ, они пріобрѣли Цейту, Мелилью, Оранъ, Буджію и Тунисъ, и навели страхъ на весь варварійскій берегъ. Въ Азіи, они имѣли поселенія по обѣ стороны Декана, владѣли частью Малакки и утвердились на Молукскихъ островахъ. Наконецъ, завоеваніемъ дивнаго архипелага Филиппинскихъ острововъ, они связали самыя отдаленныя пріобрѣтенія свои, и обезпечили сообщеніе между всѣми частями этой громадной имперіи, опоясывавшей весь земной шаръ.

Въ то же время, возбудился въ испанскомъ народѣ такой сильный воинственный духъ, какого еще не проявляла ни одна новѣйшая нація. Вся мыслящая часть населенія посвящала себя, если не служенію церкви, то военному дѣлу. Часто даже соединялись оба рода занятій, и говорятъ, что обыкновеніе духовныхъ ходить на войну сохранялось въ Испаніи еще долгое время послѣ того, какъ оно было оставлено въ другихъ странахъ Европы. Но во всякомъ случаѣ, общее стремленіе очевидно. Одинъ перечень выигранныхъ сраженій и успѣшныхъ осадъ въ шестнадцатомъ, а частью еще и въ пятнадцатомъ столѣтіяхъ, уже могъ бы служить доказатель-

ствомъ превосходства, въ этомъ отношеніи, Испанцевъ надъ ихъ современниками, и свидѣтельствовать о томъ, какъ много дарованій было потрачено ими на усовершенствованіе дѣла разрушенія. Другое доказательство, если только нужно другое, могло бы быть выведено изъ того страннаго факта, что со времени древней Греціи, ни одна страна не производила такъ много замѣчательныхъ литераторовъ, бывшихъ въ то же время и воинами. Кальдеронъ, Сервантесъ и Лопе де Вега рисковали своею жизнью, сражаясь за отечество. Многіе другіе знаменитые писатели посвятили себя также военному дѣлу; между ними достойны вниманія: Argote de Molina, Acuna, Bernal Diaz del Castillo, Boscan, Carrillo, Cetina, Ercilla, Espinel, Francisco de Figueroa, Garcilasso de la Vega, Guillen de Castro, Hita, Hurtado de Mendoza, Marmol Carvajal, Perez de Guzman, Pulgar, Rebolledo Roxas, Virues, —всѣ они свидѣтельствуютъ, такимъ образомъ, о томъ духѣ, которымъ была проникнута вся Испанія.

И такъ, вотъ сочетаніе, на которое и теперь еще многіе читатели будутъ смотрѣть довольно благосклонно, и которое, въ свое время, приводило въ восторгъ и даже въ ужасъ Европу. Передъ нами великій народъ, пылающій воинственнымъ, патріотическимъ и религіознымъ рвеніемъ, народъ, горячность котораго скорѣе возбуждалась, чѣмъ умѣрялась его почтительною покорностію своему духовенству и рыцарскою преданностію своимъ королямъ. Энергія Испаніи, будучи, такимъ образомъ, въ одно и тоже время и возбуждаема, и подавляема, стала въ одинаковой мѣрѣ сдержанна и порывиста; этому рѣдкому соединенію двухъ противоположныхъ свойствъ, мы и должны приписать великія дѣла, только что разсказанныя нами. Но слабая сторона такого рода прогресса заключается въ томъ, что онъ слишкомъ много зависитъ отъ отдѣльныхъ личностей и потому не можетъ быть прочнымъ. Подобное движеніе можетъ продолжаться только пока имъ руководятъ способные люди. Когда же даровитые вожди смѣ-

няются бездарными, то вся система немедленно рушится до основанія, единственно потому, что люди привыкли прилагать къ каждому предпріятію необходимое усердіе, но не привыкли прилагать къ нему то умѣнье, которое руководитъ усердіемъ. Страна, находящаяся въ такомъ состояніи и управляемая, при этомъ, наслѣдственными государями, можетъ быть близка къ своему паденію, такъ какъ, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, должны по временамъ являться и неспособные правители. Какъ только это случается, — все начинаетъ ухудшаться, потому что народъ, привыкшій къ безразличной преданности, пойдетъ, куда бы его ни повели, и будетъ такъ же слушаться безразсудныхъ совѣтниковъ, какъ прежде слушался разумныхъ. Послѣ этого, намъ не трудно понять существенное различіе между цивилизаціею Испаніи и цивилизаціею Англіи. Мы, Англичане, народъ разборчивый недовольный и придирчивый; мы постоянно жалуемся на нашихъ правителей, не довѣряемъ ихъ планамъ, съ враждебнымъ настроеніемъ обсуждаемъ ихъ мѣры, оставляемъ весьма мало власти, какъ церкви такъ и коронѣ; мы управляемъ своими дѣлами по своему, и готовы, при малѣйшемъ къ тому поводѣ, отрѣшиться отъ той условной преданности престолу—преданности на словахъ, которая никогда, собственно, не касалась нашихъ сердецъ, и составляетъ только привычку внѣшности, а не страсть укоренившуюся въ душѣ. Преданность престолу Англичанъ не такова̀, чтобы она могла заставить ихъ пожертвовать свободою въ угожденіе своему государю; она никогда ни на минуту не заглушаетъ въ нихъ глубокаго сознанія собственныхъ интересовъ. Въ слѣдствіе этого, нашъ прогрессъ никогда не прерывается, будутъ ли хороши или дурны наши короли. При томъ ли, при другомъ ли условіи, великое движеніе идетъ своимъ порядкомъ. Были у насъ и слабоумные и злонамѣренные короли. Но даже люди, какъ Генрихъ III и Карлъ II, были не въ состояніи повредить намъ. Точно также, въ теченіе восемнадцатаго и многихъ

лѣтъ девятнадцатаго столѣтія, когда мы весьма замѣтно шли впередъ, наши правители были люди далеко не способные. Анна и первые два Георга отличались невѣжествомъ; они были плохо воспитаны, и отъ природы слабохарактерны и въ тоже время упрямы. Царствованіе обоихъ ихъ вмѣстѣ продолжалось почти шестьдесятъ лѣтъ; а послѣ нихъ мы были, въ теченіе другаго шестидесятилѣтія, управляемы государемъ, способности котораго были долго ослаблены болѣзнью, но о которомъ мы можемъ по совѣсти сказать, что вообще въ своей политикѣ, онъ дѣлалъ наименѣе зла, когда былъ наиболѣе неспособенъ. Здѣсь не мѣсто излагать чудовищные принципы, которые защищалъ Георгъ III; потомство отдастъ имъ ту справедливость, отъ которой обыкновенно воздерживаются современные писатели; но то достовѣрно, что ни его ограниченный умъ, ни его деспотическій нравъ, ни его жалкое суевѣріе, ни неимовѣрная низость того гнуснаго сластолюбца, который наслѣдовалъ ему,—не могли остановить ходъ англійской цивилизаціи, ни удержать приливъ благосостоянія Англіи. Мы шли своимъ путемъ, не радуясь ни чему этому и ни о чемъ не заботясь. Насъ не могло сбить съ него безразсудство нашихъ правителей: мы хорошо знали, что сами держимъ въ рукахъ свою судьбу и что Англійскій народъ носитъ въ самомъ себѣ тотъ запасъ средствъ и то богатство соображенія, которые одни могутъ сдѣлать людей великими, счастливыми и мудрыми.

Въ Испаніи, напротивъ, какъ только правительство ослабло народъ сталъ падать. Въ теченіе того цвѣтущаго періода времени, который мы только что изобразили, престолъ Испаніи былъ постоянно занимаемъ самыми способными и умными государями. Фердинандъ и Изабелла, Карлъ V и Филиппъ II представляютъ собою такой рядъ правителей, какого не бывало еще ни въ одной странѣ, въ такой же промежутокъ времени. Ими совершены были великія дѣла, и ихъ заботами Испанія видимо процвѣтала. Но то,

что послѣдовало, когда ихъ не стало на престолѣ, показываетъ, какъ все это было искусственно, и какъ гнила, до самой сердцевины, та система управленія, которая не можетъ дѣйствовать безъ поддержки, и которая, опираясь только на слѣпое раболѣпіе народа, зависитъ, въ своемъ успѣхѣ, не отъ способности самой націи, а отъ искусства тѣхъ, кому ввѣрены ея интересы.

Филиппъ II, послѣдній изъ великихъ королей Испаніи, умеръ въ 1598 году, и послѣ его смерти все стало приходить въ упадокъ съ изумительною быстротою. Съ 1598 по 1700 годъ, на престолѣ смѣнились Филиппъ III, Филиппъ IV и Карлъ II. Между ними и ихъ предшественниками была самая разительная противоположность. Филиппъ III и Филиппъ IV были лѣнивы, невѣжественны, нерѣшительны, и проводили жизнь въ низкихъ и грязныхъ удовольствіяхъ. Карлъ II, послѣдній изъ той Австрійской династіи, которая нѣкогда такъ отличалась, обладалъ почти всѣми недостатками, какіе могутъ сдѣлать человѣка смѣшнымъ и достойнымъ презрѣнія. Его умъ и его наружность были таковы, что въ любомъ народѣ, менѣе преданномъ своимъ королямъ, онъ сдѣлался бы всеобщимъ посмѣшищемъ. Хотя онъ умеръ еще во цвѣтѣ лѣтъ, но уже казался старымъ изжившимся развратникомъ. Въ тридцать пять лѣтъ онъ совершенно лишился волосъ на головѣ и бровяхъ, былъ разбитъ параличомъ, страдалъ падучею болѣзнью и былъ замѣчательно немощенъ. Все, въ его наружности, было въ высшей степени отвратительно—онъ имѣлъ видъ слюняваго идіота. У него былъ огромный ротъ и нижняя челюсть такъ страшно выдавалась впередъ, что зубы его не могли встрѣчаться, и онъ не былъ въ состояніи пережевывать пищу. Невѣжество его могло бы показаться невѣроятнымъ, если бы не подтверждалось неопровержимыми доказательствами. Онъ не зналъ названій большихъ городовъ, ни даже провинцій, въ своихъ владѣніяхъ; и во время войны съ Франціею, слышали, какъ онъ

выражалъ сожалѣніе объ Англіи по случаю утраты будтобы ею нѣкоторыхъ городовъ, между тѣмъ какъ, въ дѣйствительности, города эти принадлежали къ его же собственной территоріи. Наконецъ онъ погрязъ въ самое грубое суевѣріе; ему казалось что его постоянно искушаетъ діаволъ; и онъ позволялъ отчитывать себя, какъ одержимаго злыми духами, и не иначе уходилъ спать, какъ въ сопровожденіи своего духовника и двухъ монаховъ, которые должны были всю ночь лежать возлѣ него.

Теперь-то люди могли бы ясно увидѣть, на какомъ зыбкомъ основаніи было построено величіе Испаніи. При способныхъ государяхъ, страна благоденствовала, при слабыхъ—падала. Почти все, сдѣланное великими государями шестнадцатаго столѣтія, было разрушено ничтожными государями семнадцатаго. Паденіе Испаніи было такъ быстро, что не болѣе какъ черезъ три царствованія послѣ смерти Филиппа II, самая могущественная монархія въ свѣтѣ была доведена до крайней степени униженія, была безнаказанно оскорбляема другими народами, не разъ доходила до банкротства, лишилась самыхъ лучшихъ изъ своихъ владѣній, подверглась публичному позору, стала любимою темою у школьниковъ и моралистовъ, декламирующихъ о шаткости дѣлъ человѣческихъ; наконецъ, испытала жестокое униженіе—видѣть, что территорія ея разбита на части и подѣлена, по договору, въ которомъ сама она не принимала никакого участія, и на рѣшенія котораго она даже не въ состояніи была негодовать. Вотъ когда, дѣйствительно, испила она до дна чашу своего стыда. Слава покинула ее—она была убита, унижена. Очень могъ бы Испанецъ того времени, сравнивъ настоящее съ прошедшимъ, пожалѣть о своемъ отечествѣ, этомъ избранномъ мѣстопребываніи рыцарства и романа, храбрости и вѣрности. Повелительница міра, царица океана, гроза народовъ погибла; погибло ея могущество, погибло безвозвратно. Къ ней можно было бы примѣнить то горькое сѣтованіе, которое величайшій изъ сы-

новъ человѣческихъ влагаетъ, въ менѣе важномъ случаѣ, въ уста умирающаго государственнаго мужа. Дѣйствительно, очень могъ опечаленный патріотъ плакать безутѣшно надъ судьбою своей земли, своего государства, страны гдѣ живутъ всѣ милые ему, своей дорогой любезной родины, которую онъ такъ долго любилъ за ея всемірную славу и которая теперь была роздана по рукамъ, какъ какое нибудь арендное имѣніе или ферма.

Скучно и безполезно было бы разсказывать потери и неудачи Испаніи въ продолженіе XVII столѣтія. Непосредственная причина ихъ заключалась безспорно въ дурномъ управленіи и неспособности правителей; но настоящею и самою главною причиною, отъ которой зависѣлъ весь ходъ и характеръ событій, было существованіе того духа раболѣпія и угодничества, который заставлялъ испанскій народъ подчиняться тому, что̀ во всякой другой странѣ было бы отвергнуто, и пріучивъ его слишкомъ полагаться на отдѣльныхъ лицъ, поставилъ страну въ то безвыходное положеніе, при которомъ нѣсколько неспособныхъ правителей должны были непремѣнно разрушить зданіе, воздвигнутое способными.

Усиленіе вліянія испанскаго духовенства было первымъ и самымъ очевиднымъ послѣдствіемъ упадка энергіи испанскаго правительства. Такъ какъ раболѣпіе и суевѣріе были главными составными частями національнаго характера, а между тѣмъ и то, и другое было плодомъ привычки къ слѣпому уваженію, то и слѣдовало ожидать, что если только не уменьшится это уваженіе, одна составная часть всегда будетъ увеличиваться на счетъ другой. Вотъ почему, какъ только испанское правительство, въ продолженіе XVII столѣтія, вслѣдствіе своего крайняго безсилія, утратило, несомнѣнно, часть той привязанности народа, которою оно прежде располагало,—въ права его, естественнымъ образомъ, вступила церковь и занявъ открывшееся мѣсто, пріобрѣла то, что растратила корона. Кромѣ того, слабость исполнительной власти поощряла

притязанія духовенства, которое осмѣливалось дѣлать такіе захваты, какихъ испанскіе государи шестнадцатаго столѣтія, при всемъ ихъ суевѣріи, не допустили бы ни на одну минуту. Этимъ объясняется тотъ весьма поразительный фактъ, что въ то время, какъ въ другихъ важнѣйшихъ государствахъ, за исключеніемъ одной Шотландіи, власть церкви уменьшалась въ XVII столѣтіи, въ Испаніи она увеличивалась. Послѣдствія этого вполнѣ достойны вниманія не только людей, занимающихся философіею исторіи, но и всякаго, кто заботится о благосостояніи своей страны, или кто принимаетъ дѣятельное участіе въ управленіи общественными дѣлами.

Въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ послѣ смерти Филиппа II, на престолѣ Испаніи находился Филиппъ III, государь въ такой же мѣрѣ отличавшійся своею слабостью, въ какой предшественники его отличались дарованіями. Въ теченіе слишкомъ ста лѣтъ, Испанцы привыкли исключительно руководствоваться волею своихъ королей, которые съ неутомимымъ трудолюбіемъ лично завѣдывали самыми важными дѣлами, а во всемъ остальномъ имѣли строжайшій надзоръ за своими министрами. Но Филиппъ III, нерадивый до безсмысленности, былъ неспособенъ къ подобному труду, и вручилъ бразды правленія герцогу Лермѣ, который пользовался неограниченною властью въ теченіе двадцати лѣтъ. У народа, до такой степени преданнаго своимъ королямъ, какъ Испанцы, этотъ необыкновенный порядокъ вещей не могъ не ослабить вліянія исполнительной власти, такъ какъ, въ ихъ глазахъ, непосредственное и неизбѣжное вмѣшательство во все государя было существенно необходимо для управленія дѣлами и для благосостоянія націи. Лерма, зная это чувство, и сознавая, что его положеніе было весьма ненадежно, естественно желалъ подкрѣпить себя еще одною поддержкою, чтобы не исключительно зависѣть отъ милости короля. По этому онъ вступилъ въ тѣсный союзъ съ духовенствомъ, и отъ начала до конца

своего продолжительнаго управленія, дѣлалъ все, что могъ, для усиленія авторитета этого сословія. Такимъ образомъ, вліяніе, утраченное короною, перешло къ духовенству, совѣты котораго пріобрѣли большее значеніе, чѣмъ имѣли даже при суевѣрныхъ государяхъ XVI столѣтія. Въ этой сдѣлкѣ, интересы народа были, конечно, забыты: благосостояніе его не входило въ общій планъ. Напротивъ, духовенство, признательное къ правительству за такое вниманіе къ его заслугамъ, и за такое религіозное настроеніе, употребило все свое вліяніе въ его пользу; и такимъ образомъ, ярмо двойнаго деспотизма сдавило крѣпче чѣмъ когда либо шею того несчастнаго народа, которому приходилось теперь пожинать горькіе плоды своего продолжительнаго и постыднаго раболѣпія.

Усиленіе вліянія испанской церкви, въ теченіе семнадцатаго столѣтія, можетъ быть доказано всякаго рода свидѣтельствами. Монастыри и церкви размножались съ такою ужасающею быстротою, и богатство ихъ доходило до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что даже Кортесы, при всемъ ихъ ничтожествѣ и смиреніи, рѣшились на публичное предостереженіе. Въ 1626 году, только пять лѣтъ спустя послѣ смерти Филиппа III, они просили о принятіи какихъ либо мѣръ къ предупрежденію, какъ говорили они, постоянныхъ захватовъ со стороны духовенства. Въ этомъ замѣчательномъ документѣ, Кортесы, собравшіеся въ Мадридѣ, объявили, что не проходитъ дня, чтобы міряне не лишались какой либо части своей собственности, для обогащенія духовенства; и зло это, говорили они, дошло до такихъ размѣровъ, что въ Испаніи оказывается слишкомъ девять тысячъ монастырей, не считая женскихъ. Это замѣчательное показаніе не было, мнѣ кажется, никогда оспариваемо и достовѣрность его подтверждается многими другими обстоятельствами. Давила, жившій въ царствованіе Филиппа III, утверждаетъ, что въ 1623 году, одни Доминиканскій и Францисканскій ордена уже заключали въ себѣ до тридцати двухъ тысячъ человѣкъ. Въ такой же пропорціи умножалось и

остальное духовенство. Передъ смертью Филиппа III, число священниковъ, служившихъ въ каѳедральномъ соборѣ Севильи, увеличилось до ста; а въ Севильской епархіи было четырнадцать тысячъ капеллановъ; въ Калаоррской же восемнадцать тысячъ. Казалось не было никакой надежды выйти изъ этого ужаснаго положенія. Чѣмъ богаче становилась церковь, тѣмъ больше было соблазна для мірянъ поступать въ духовное сословіе; такъ что не было повидимому предѣловъ пренебреженію свѣтскими интересами. Въ самомъ дѣлѣ, движеніе это, не смотря на его порывистость, отличалось совершенною правильностью, и было подготовлено цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ обстоятельствъ. Съ пятаго столѣтія, все, какъ мы уже видѣли, неизмѣнно клонилось въ эту сторону, обезпечивая духовенству такое владычество, котораго не потерпѣлъ бы никакой другой народъ. При такомъ подготовленіи умовъ, народъ смотрѣлъ въ безмолвіи на то, чему считалось нечестивымъ противиться; ибо, какъ замѣчаетъ одинъ испанскій историкъ, каждое предположеніе считалось еретическимъ, если только оно стремилось уменьшить размѣры или даже остановить дальнѣйшее развитіе того громаднаго богатства, которымъ обладала испанская церковь.

До какой степени все это было естественно, видно еще изъ одного довольно интереснаго факта. Въ Европѣ вообще, семнадцатое столѣтіе отличалось возникновеніемъ свѣтской литературы, въ которой не обращалось вниманія на духовныя теоріи; самые вліятельные писатели, такіе какъ Бэконъ и Декартъ, были міряне, скорѣе враждебно, чѣмъ дружелюбно относившіеся къ іерархіи и проводившіе въ сочиненіяхъ своихъ чисто свѣтскія воззрѣнія. Но въ Испаніи не случилось никакой перемѣны въ этомъ родѣ. Въ этой странѣ, церковь сохранила свою власть надъ всѣми умами, какъ высшаго такъ и низшаго полета. Такъ сильно было давленіе общественнаго мнѣнія, что писатели всякаго разряда считали за честь принадлежать къ духовному сословію, интересы котораго они за-

щищали съ ревностью достойною Темныхъ Вѣковъ. Сервантесъ, за три года до своей смерти, сдѣлался францисканскимъ монахомъ. Лопе де Вэга былъ священникомъ и имѣлъ должность въ инквизицiи; въ 1623 году онъ участвовалъ въ ауто-да-фе, въ которомъ, среди обширнаго стеченiя народа, за воротами Алкала̀ въ Мадридѣ, былъ сожженъ одинъ еретикъ. Морето, одинъ изъ трехъ величайшихъ драматическихъ писателей Испанiи, облекся въ монашескую рясу на послѣднiе двѣнадцать лѣтъ своей жизни. Монталванъ, комедiи котораго до сихъ поръ не забыты, былъ священникомъ и служилъ при инквизицiи. Таррега, Мира де Мэскуа и Тирсо де Молина всѣ съ успѣхомъ писали для сцены и принадлежали въ тоже время къ духовному сословiю. Солисъ, знаменитый историкъ Мексики, былъ также духовнымъ. Сандоваль, котораго Филиппъ III сдѣлалъ историографомъ, и который считается лучшимъ авторитетомъ въ исторiи царствованiя Карла V, былъ сперва бенедиктинскимъ монахомъ, потомъ сдѣлался епископомъ Туйскимъ, и наконецъ получилъ Пампелунскую епархiю. Давила, бiографъ Филиппа III, былъ священникомъ. Марiана былъ iезуитомъ, Миньяна, продолжавшiй его исторiю, былъ настоятелемъ одного монастыря въ Валенцiи. Мартинъ Карильо былъ юрисконсультомъ и историкомъ, но не довольствуясь этими двумя профессiями, вступилъ также въ духовное званiе и сдѣлался каноникомъ Сарагоссы. Антонiо, самый ученый изъ библiографовъ Испанiи, былъ каноникомъ Севильи. Грацiанъ, прозаическiя сочиненiя котораго были въ большомъ ходу и который считался прежде великимъ писателемъ, былъ iезуитъ. Между поэтами проявлялось то же самое стремленiе. Паравицино былъ въ продолженiе шестнадцати лѣтъ популярнымъ проповѣдникомъ при дворахъ Филиппа III и Филиппа IV. Замора былъ монахомъ. Аргенсола былъ каноникомъ Сарагоссы. Гонгора былъ священникомъ, а Рiойя занималъ важную должность въ инквизицiи. Кальдеронъ былъ капелланомъ Филиппа IV,

и унизилъ свой блистательный талантъ до такихъ проявленій фанатизма, что его называли даже поэтомъ инквизиціи. Любовь его къ церкви превращалась въ страсть, и онъ не стѣснялся ни чѣмъ, что только могло подвинуть ея интересы. Въ Испаніи подобныя чувства были естественны, но другимъ народамъ они кажутся въ высшей степени странными, и одинъ замѣчательный критикъ объявилъ, что невозможно читать сочиненія Кальдерона безъ негодованія. Если это такъ, то негодованіе это слѣдовало бы распространить почти на всѣхъ Испанцевъ, современниковъ Кальдерона, отъ мала до велика. Едвали нашелся бы въ тѣ времена хоть одинъ Испанецъ, не проникнутый тѣми же чувствами. Даже Вильявиціоза, авторъ одной изъ самыхъ лучшихъ комическихъ поэмъ, какія произвела Испанія, не только самъ служилъ въ инквизиціи, но даже настаивалъ, въ своемъ завѣщаніи, чтобы всѣ члены его семейства и его потомки, также вступали, если можно, въ это благородное учрежденіе, принимая въ немъ всякія мѣста, безъ разбора, ибо, говоритъ онъ, всѣ должности въ инквизиціи достойны уваженія. При подобномъ состояніи общества, все, что сколько нибудь отзывалось свѣтскимъ или научнымъ духомъ, было конечно немыслимо. Каждый вѣрилъ, никто не изслѣдовалъ. Въ высшихъ классахъ, всѣ были заняты или войною, или теологіею, а большая часть и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Тѣ, которые дѣлали изъ литературы ремесло, приноравливались, какъ часто бываетъ съ людьми ремесла, къ господствующимъ предубѣжденіямъ. Ко всему, что касалось духовенства, они относились не только съ уваженіемъ, но даже съ какимъ-то робкимъ, благоговѣйнымъ чувствомъ. Умѣнье и трудолюбіе, достойныя гораздо лучшаго примѣненія, тратились на похвалы всякаго рода нелѣпостямъ, изобрѣтеннымъ суевѣріемъ. Чѣмъ болѣе жестокъ и неумѣстенъ былъ какой нибудь обычай, тѣмъ большее число лицъ писали въ его защиту, хотя никто не смѣлъ и подумать напасть на него. Число сочиненій на испанскомъ языкѣ, въ которыхъ доказывается необходи-

мость религіозныхъ гоненій, несмѣтно; и все это писалось въ странѣ, гдѣ ни одинъ человѣкъ изъ тысячи не сомнѣвался въ томъ, что слѣдуетъ жечь еретиковъ. Что же касается чудесъ, которыя составляютъ другое важное орудіе въ рукахъ теологовъ, то въ семнадцатомъ столѣтіи, они случались безпрестанно, и не менѣе часто объ нихъ писали. Всякій литераторъ старался сказать что нибудь объ этомъ важномъ предметѣ. Такъ какъ канонизованные были тоже въ большомъ уваженіи, то жизнеописанія ихъ появлялись въ изобиліи, и отличались равнодушіемъ къ истинѣ, обыкновенно характеризующимъ этотъ родъ сочиненій. Этими и подобными имъ предметами преимущественно занимался испанскій умъ. Мужскіе и женскіе монастыри, религіозные ордена и каѳедральные соборы также обращали на себя всеобщее вниманіе, и писались цѣлыя книги для того, чтобы сохранить малѣйшія подробности о нихъ. Дѣйствительно, часто случалось, что одинъ монастырь или одинъ каѳедральный соборъ имѣлъ нѣсколько исторіографовъ и всѣ они хлопотали на перерывъ другъ передъ другомъ, чтобы какъ можно болѣе почтить церковь и поддержать охраняемые ею интересы.

Вотъ какой перевѣсъ имѣло духовное сословіе и какое уваженіе къ интересамъ церкви оказываемо было въ Испаніи въ теченіе семнадцатаго столѣтія. Испанцы дѣлали все, что могли, для усиленія вліянія духовенства въ тотъ самый вѣкъ, когда другіе народы ревностно старались ослабить его. Эта несчастная особенность вытекала, безъ сомнѣнія, изъ предшествовавшихъ событій, но она была ближайшею причиною упадка Испаніи. Какъ бы то ни было въ прежнія времена, но достовѣрно извѣстно, что въ новѣйшее время, благоденствіе народовъ зависитъ отъ такихъ принциповъ, которымъ духовенство, какъ отдѣльная корпорація, оказываетъ постоянное противодѣйствіе. При Филиппѣ III, сословіе это чрезвычайно усилилось, и въ это же царствованіе, оно ознаменовало новую эпоху своего могущества, достигнувъ, при

условіяхъ ужасающихъ своимъ варварствомъ, изгнанія всего маврскаго народа. Это было само по себѣ дѣло до такой степени жестокое, и до такой степени ужасное по своимъ послѣдствіямъ, что нѣкоторые писатели одному этому событію приписали послѣдовавшее паденіе Испаніи, забывая, что другія причины, гораздо болѣе могущественныя, также дѣйствовали, и что это изумительное злодѣяніе только и могло быть совершено въ такой странѣ, которая, издавна привыкнувъ смотрѣть на ересь, какъ на самое ненавистное изъ преступленій, готова была, во что бы то ни стало, очистить и избавить себя отъ людей, одно присутствіе которыхъ считалось оскорбленіемъ христіанской вѣры.

Послѣ покоренія, въ концѣ пятнадцатаго столѣтія, послѣдняго магометанскаго царства въ Испаніи, главною заботою Испанцевъ стало обращеніе побѣжденныхъ въ христіанство. Они думали, что тутъ дѣло идетъ о будущемъ благосостояніи цѣлаго народа и потому, найдя, что увѣщанія духовенства не имѣютъ никакого дѣйствія, прибѣгли къ другимъ мѣрамъ и стали преслѣдовать людей, на которыхъ не были въ силахъ подѣйствовать убѣжденіемъ. Однихъ подвергали пыткѣ, другихъ сожигали, на остальныхъ дѣйствовали угрозами, и такимъ образомъ достигли наконецъ цѣли. Утверждаютъ, что съ 1526 года не оставалось въ Испаніи ни одного магометанина, не обращеннаго въ христіанство. Огромное число ихъ были крещены силою, а разъ они были крещены, ихъ считали уже принадлежащими къ церкви и подчиненными ея дисциплинѣ. За дисциплиною этою наблюдала инквизиція, которая въ продолженіе остальной части XVI столѣтія, поступала съ этими новыми христіанами, или, какъ ихъ теперь называли, морисками, самымъ варварскимъ образомъ. Дѣйствительность вынужденнаго обращенія ихъ подлежала сомнѣнію, и потому задачею церкви стало удостовѣряться въ ихъ искренности. Гражданская власть оказывала ей свое содѣйствіе: въ числѣ другихъ узаконеній, из-

данъ былъ, въ 1566 году, Филиппомъ II эдиктъ, повелѣвающій морискамъ отказаться отъ всего, что сколько нибудь могло напоминать имъ объ ихъ прежней религіи. Имъ было предписано, подъ страхомъ строжайшихъ наказаній, учиться по испански, и выдать всѣ свои арабскія книги. Имъ не позволялось ни читать, ни писать, ни даже говорить дома на своемъ родномъ языкѣ. Ихъ празднества и самыя игры были строго запрещены. Они не смѣли предаваться ни какимъ увеселеніямъ, существовавшимъ у ихъ отцовъ; имъ запрещено было также носить ту одежду, къ которой они привыкли. Ихъ женщины должны были ходить безъ покрывалъ; и какъ омовеніе было однимъ изъ нехристіанскихъ обрядовъ, то приказано было уничтожить всѣ общественныя бани и даже ванны въ частныхъ домахъ.

Этими и другими подобными мѣрами, этотъ несчастный народъ былъ наконецъ выведенъ изъ терпѣнія, и въ 1568 году рѣшился на отчаянный шагъ—помѣряться силами со всею испанскою монархіею. Результатъ едвали могъ подлежать сомнѣнію, но мориски, доведенные до бѣшенства постоянными страданіями, и полагавшіе все въ этой борьбѣ, продлили ее до 1571 года, когда возмущеніе было окончательно подавлено. Эта безуспѣшная борьба страшно обезсилила ихъ и уменьшила ихъ числительность, такъ что въ продолженіе остальныхъ двадцати семи лѣтъ царствованія Филиппа II, сравнительно мало слышно о нихъ. Не смотря на случавшіяся, по временамъ, вспышки, старая вражда затихла и, съ теченіемъ времени, вѣроятно вовсе исчезла бы. Во всякомъ случаѣ, Испанцы не имѣли болѣе предлога къ насилію, такъ какъ было бы нелѣпо предполагать, чтобы мориски, всячески ослабленные, униженные, убитые духомъ и разсѣянные по всему королевству, были въ силахъ, если бы и желали, сдѣлать что либо противъ исполнительной власти.

Но послѣ смерти Филиппа II, началось движеніе, которое я только что описалъ, и которое, въ противоположность то-

му, что было у другихъ народовъ, доставило испанскому духовенству, въ семнадцатомъ столѣтіи, болѣе власти, чѣмъ оно имѣло въ шестнадцатомъ. Послѣдствія этого обнаружились немедленно. Духовенство, не считая мѣры, принятыя Филиппомъ противъ морисковъ, рѣшительными, даже при жизни его помышляло уже о новомъ царствованіи, въ которомъ эти сомнительные христіане были бы или истреблены, или изгнаны изъ Испаніи. До тѣхъ поръ, пока онъ былъ на престолѣ, благоразуміе правительства сдерживало въ нѣкоторой степени рвеніе церкви; и король, слѣдуя совѣтамъ своихъ самыхъ способныхъ министровъ, не соглашался на мѣры, о которыхъ его настоятельно просили, и къ которымъ онъ и самъ имѣлъ склонность. Но при его преемникѣ, духовенство, какъ мы уже видѣли, пріобрѣло новую силу, и скоро почувствовало себя довольно могущественнымъ, чтобы начать другой, и уже окончательный, крестовый походъ противъ жалкихъ остатковъ маврскаго народа.

Архіепископъ Валенціи первый началъ дѣйствовать. Въ 1602 году этотъ замѣчательный прелатъ представилъ Филиппу III записку, направленную противъ морисковъ; найдя, что его взгляды дружно поддерживаются духовенствомъ и не непріятны коронѣ, онъ повторилъ ударъ, пустивъ въ ходъ другую записку по тому же предмету. Говоря тономъ человѣка, имѣющаго авторитетъ, и будучи, по своему сану и положенію, естественнымъ представителемъ испанской церкви, архіепископъ увѣрилъ короля, что всѣ бѣдствія, постигшія монархію, были причинены присутствіемъ въ ней этихъ невѣрныхъ, которыхъ теперь необходимо искоренить, подобно тому какъ Давидъ сдѣлалъ съ Филистимлянами, и Саулъ съ Амалекитянами. Онъ объявилъ, что Армада, высланная Филиппомъ II, въ 1588 году, противъ Англіи погибла отъ того, что Богъ не хотѣлъ даровать успѣха даже этому благочестивому предпріятію, пока люди, участвовавшіе въ немъ, оставляли въ покоѣ еретиковъ у себя дома. По той же будто бы причинѣ

неудалась и послѣдняя экспедицiя въ Алжиръ; такъ какъ Богу было, очевидно, угодно, чтобы ничто не имѣло успѣха, пока въ Испанiи находятся еще отступники. По этому Архiепископъ заклиналъ короля изгнать всѣхъ морисковъ, исключая такихъ, которыхъ можно было приговорить къ работамъ на галерахъ, или обратитъ въ рабовъ и заставить работать въ рудникахъ Америки. Это, прибавилъ онъ, сдѣлаетъ царствованiе Филиппа славнымъ въ глазахъ всего потомства, и поставитъ его превыше всѣхъ его предшественниковъ, которые очевидно пренебрегали, въ этомъ дѣлѣ, своими прямыми обязанностями.

Эти увѣщанiя, кромѣ того, что были согласны съ извѣстными взглядами испанской церкви, нашли горячую поддержку и въ личномъ влiянiи архiепископа Толедскаго, примаса Испанiи. Въ одномъ только отношенiи онъ не соглашался со взглядами, проводимыми архiепископомъ Валенцiи. Послѣднiй полагалъ, что на дѣтей моложе семи лѣтъ не должно распространяться это общее изгнанiе, такъ какъ они могли, безъ всякой опасности для вѣры, быть разлучены съ родителями и оставлены въ Испанiи. Противъ этого сильно возсталъ архiепископъ Толедскiй. Онъ сказалъ, что не желаетъ подвергать чистую христiанскую кровь опасности смѣшенiя съ кровiю невѣрныхъ, и объявилъ, что онъ скорѣе согласился бы сразу предать мечу всѣхъ ихъ, какъ мущинъ, такъ и женщинъ и дѣтей, чѣмъ оставить хоть одного изъ нихъ на соблазнъ для всей страны.

Истребить всѣхъ морисковъ, вмѣсто того чтобы изгнать ихъ, было желанiемъ могущественной партiи въ церкви, которая думала, что такое примѣрное наказанiе произведетъ благое дѣйствiе, поразивъ ужасомъ еретиковъ во всѣхъ другихъ странахъ. Бледа знаменитый доминиканецъ, одинъ изъ влiятельнѣйшихъ людей своего времени, желалъ чтобы это было выполнено и выполнено строго. Онъ сказалъ, что для примѣра, слѣдуетъ перерѣзать всѣхъ морисковъ въ Испанiи, такъ какъ невозмо-

жно узнать, кто изъ нихъ христіанинъ въ душѣ; и что слѣдуетъ предоставить это дѣло Богу, который знаетъ своихъ вѣрныхъ слугъ и вознаградитъ въ будущей жизни тѣхъ изъ пострадавшихъ, которые были истинными католиками.

Становилось очевидно, что судьба несчастныхъ остатковъ нѣкогда славнаго народа была отнынѣ рѣшена. Религіозность Филиппа III не позволяла ему спорить съ церковью, а его министръ Лерма, не желая рисковать своимъ вліяніемъ, избѣгалъ и тѣни оппозиціи. Въ 1609 году, онъ объявилъ королю, что изгнаніе морисковъ сдѣлалось необходимымъ. «Рѣшеніе, великое», отвѣчалъ Филиппъ, «да будетъ оно исполнено». И оно было исполнено съ страшнымъ варварствомъ. Около милліона самыхъ трудолюбивыхъ жителей Испаніи были травимы, какъ дикіе звѣри, потому только, что искренность ихъ религіозныхъ убѣжденій казалась сомнительною. Многіе были убиты, когда приблизились къ берегу; другихъ били и грабили, а большинство, въ самомъ бѣдственномъ положеніи, отправилось въ Африку. Во время переѣзда, экипажи многихъ судовъ возставали на нихъ, убивали мущинъ, насиловали женщинъ и бросали въ море дѣтей. Тѣ, которые избѣгли этой участи, высадились на варварійскій берегъ, гдѣ на нихъ напали бедуины, и многіе изъ нихъ были убиты. Другіе пробрались въ пустыню и погибли съ голода. О числѣ дѣйствительно погибшихъ, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній; но говорятъ, на основаніи весьма достовѣрныхъ источниковъ, что въ одной изъ экспедицій, въ которой до 140,000 человѣкъ было отправлено въ Африку, болѣе 100,000 погибли самою ужасною смертью, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ своего изгнанія изъ Испаніи.

Теперь, впервые, церковь дѣйствительно торжествовала. Впервые не было видно ни одного еретика на всемъ пространствѣ отъ Пиренеевъ до Гибралтарскаго пролива. Всѣ были правовѣрны—всѣ были вѣрны королю. Всѣ жители этой обширной страны слушались церкви и боялись короля. Полага-

ли, что слѣдствіемъ этой счастливой идеи будетъ благосостояніе и величіе Испаніи; что имя Филиппа сдѣлается безсмертно и что потомство не надивится этому геройскому подвигу, съ помощью котораго послѣдніе остатки невѣрнаго племени были изгнаны изъ Испаніи. Тѣ, которые хоть сколько нибудь участвовали въ этомъ славномъ дѣяніи ожидали себѣ въ награду самыхъ избранныхъ благъ. Сами они и ихъ семейства думали стать подъ непосредственное покровительство небесъ. Полагали, что земля будетъ приносить имъ больше плодовъ и деревья будутъ рукоплескать имъ. Вмѣсто терновника, возрастутъ смоковницы, вмѣсто шиповника—мирты. Теперь начнется, будто бы, новая эра, и Испанія, очищенная отъ ереси, будетъ наслаждаться довольствомъ, и люди, живя въ безопасности, будутъ спать подъ сѣнью своихъ собственныхъ виноградниковъ, мирно воздѣлывать свои сады, и вкушать плоды посаженныхъ ими деревьевъ.

Вотъ, что сулила церковь и чему вѣрилъ народъ. Наше дѣло разсмотрѣть, до какой степени ожиданія эти сбылись, и каковы были послѣдствія образа дѣйствія, внушеннаго церковью и встрѣченнаго привѣтствіемъ народа и жаркимъ одобреніемъ величайшихъ изъ геніевъ, какихъ произвела Испанія.

Послѣдствія такого образа дѣйствія, для матеріальнаго благосостоянія Испаніи, могутъ быть изображены въ немногихъ словахъ. Почти каждая мѣстность въ ней лишилась цѣлой массы трудолюбивыхъ земледѣльцевъ и искусныхъ ремесленниковъ. Лучшія изъ извѣстныхъ тогда системъ хозяйства примѣнялись морисками, которые обработывали и орошали почву съ неутомимымъ стараніемъ. Разведеніе риса, хлопка и сахарнаго тростника, производство шелка и бумаги находились почти исключительно въ ихъ рукахъ. Съ изгнаніемъ ихъ, все это вдругъ разстроилось, и большею частью разстроилось навсегда, потому что испанскіе христіане считали подобныя занятія ниже своего достоинства. По ихъ мнѣнію, война и религія представляли единственныя два поприща на

которыхъ стоило подвизаться. Сражаться за короля, или вступить въ духовное званіе считалось дѣломъ достойнымъ уваженія, все же остальное было ничтожно и грязно. Поэтому, когда мориски были изгнаны изъ Испаніи, некому было занять ихъ мѣсто; ремесла и мануфактурное производство или упали, или совершенно исчезли, и обширныя пространства пахотной земли оставались необработанными. Нѣкоторыя изъ самыхъ богатыхъ мѣстностей Валенціи и Гранады были такъ запущены, что недоставало продовольствія даже для того скуднаго населенія, какое тамъ оставалось. Цѣлые округи вдругъ опустѣли, и до самаго нашего времени остались незаселенными. Эти пустыни дали убѣжище контрабандистамъ и разбойникамъ, которые смѣнили прежнихъ трудолюбивыхъ жителей; говорятъ даже, что время изгнанія морисковъ должно считать началомъ существованія тѣхъ правильно организованныхъ разбойничьихъ шаекъ, которыя сдѣлались съ тѣхъ поръ бичемъ Испаніи и которыхъ ни одно изъ послѣдующихъ правительствъ не было въ состояніи совершенно уничтожить.

Къ этимъ бѣдственнымъ послѣдствіямъ присоединились другія, инаго и, если можно, еще болѣе серіознаго свойства. Побѣда, одержанная духовенствомъ, увеличила какъ ея могущество, такъ и ея значеніе въ общественномъ мнѣніи. Въ продолженіе остальныхъ годовъ семнадцатаго столѣтія, нетолько интересы духовенства ставились выше интересовъ мірянъ, но о послѣднихъ никто даже и не думалъ. Самые великіе люди, почти всѣ безъ исключенія, вступали въ духовное сословіе и всякія свѣтскія соображенія, всякіе виды свѣтской политики были въ пренебреженіи и ни во что не ставились. Никто ничего не изслѣдовалъ, никто ни въ чемъ не сомнѣвался, никто не осмѣливался спросить, все ли это такъ, какъ быть должно. Умы людей, обезсиленные, падали ницъ. Въ то время, какъ всѣ другія страны двигались впередъ, одна Испанія обращалась вспять. Всѣ другія страны дѣлали какія

нибудь приращенія къ знанію, созидали какія нибудь новыя искусства, или расширяли предѣлы какой нибудь науки, Испанія же, погруженная въ какое-то оцѣпенѣніе, какъ бы мертвая, околдованная, обвороженная проклятымъ суевѣріемъ, поглощавшимъ всѣ ея силы,—представляла Европѣ единственный примѣръ постояннаго упадка. Для нея не оставалось болѣе никакой надежды, и подъ конецъ XVII столѣтія, весь вопросъ былъ только въ томъ, чьей рукой будетъ нанесенъ ударъ, который раздробитъ эту нѣкогда могущественную Имперію, осѣнявшую собою весь міръ, и въ самомъ даже разрушеніи своемъ поражавшею размѣрами своихъ обломковъ.

Указать различные моменты въ постепенномъ упадкѣ Испаніи, почти невозможно, такъ какъ даже сами Испанцы, подъ вліяніемъ слишкомъ поздно овладѣвшаго ими стыда, не рѣшались писать о томъ, что составило бы только исторію ихъ униженія; такъ что не сохранилось подробныхъ сказаній о злополучныхъ царствованіяхъ Филиппа IV и Карла II, обнимающихъ почти восьмидесятилѣтній періодъ времени. Нѣкоторые факты, однакожъ, я имѣлъ возможность собрать, и они весьма знаменательны. Въ началѣ XVII столѣтія, народонаселеніе Мадрида доходило до 400,000 человѣкъ; въ началѣ же XVIII оно не составляло и 200,000. Севилья, одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ Испаніи, имѣла въ шестнадцатомъ столѣтіи болѣе шестнадцати тысячь ткацкихъ станковъ, дававшихъ занятіе ста тридцати тысячамъ человѣкъ. Въ царствованіе Филиппа V, это число станковъ сократилось до трехсотъ; а въ отчетѣ, представленномъ Кортесами Филиппу IV, въ 1662 году, говорится, что городъ заключаетъ въ себѣ только четвертую часть прежняго населенія, и что даже оливковыя рощи и виноградники, разводимые въ его окрестностяхъ, и составлявшіе значительную часть его богатства, находятся теперь почти въ совершенномъ пренебреженіи. Толедо, въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія, имѣлъ болѣе пятидесяти шерстяныхъ мануфак-

туръ; а въ 1665 году, ихъ было уже только тринадцать,— почти вся торговля прекратилась съ уходомъ морисковъ, которые перевели ее въ Тунисъ. По той же самой причинѣ, производство шелка, которымъ славился Толедо, совершенно прекратилось, и почти сорокъ тысячъ человѣкъ, находившихся въ зависимости отъ этаго производства, лишились всякихъ средствъ къ существованію. Другія отрасли промышленности подверглись той же участи. Въ шестнадцатомъ столѣтіи и въ началѣ семнадцатаго, Испанія славилась производствомъ перчатокъ, которыхъ выдѣлывалось огромное количество; ихъ вывозили въ разныя страны; особенно цѣнились онѣ въ Англіи и Франціи, и достигали даже Индіи. Но Мартинецъ де-Мата, писавшій въ 1655 году, увѣряетъ насъ, что въ его время этотъ источникъ богатства изсякъ; производство перчатокъ совершенно прекратилось, хотя прежде, добавляетъ онъ, оно существовало въ каждомъ городѣ Испаніи. Въ нѣкогда цвѣтущей провинціи Кастиліи все приходило въ разрушеніе, даже Сеговія лишилась своихъ мануфактуръ, и сохранила только память о своемъ прежнемъ богатствѣ. Такъ же быстро падалъ и Бургосъ; торговля этого славнаго города погибла, и пустыя улицы и покинутые дома представляли такую картину запустѣнія, что одинъ современникъ, пораженный этимъ разрушеніемъ, торжественно объявилъ, что Бургосъ лишился всего, кромѣ своего имени. Въ другихъ округахъ, результаты были столь же пагубны. Прекрасныя южныя провинціи, щедро одаренныя природою, были въ прежнее время такъ богаты, что въ плохіе годы, сборомъ съ нихъ однихъ достаточно пополнялась государственная казна; теперь же онѣ такъ быстро обѣднѣли, что въ 1640 году, оказалось почти невозможнымъ обложить ихъ такою податью, которая была бы производительна. Въ теченіе послѣдней половины XVII столѣтія, дѣла стали еще хуже, и нищета и бѣдствіе народа превосходили всякое описаніе. Въ деревняхъ близъ Мадрида,

жители буквально голодали; и тѣ изъ фермеровъ, у которыхъ были запасы пищи не хотѣли продавать ее, какъ бы ни нуждались въ деньгахъ, потому что боялись, чтобы ихъ собственнымъ семействамъ не пришлось умереть съ голода. Вслѣдствіе этаго, столицѣ угрожала опасность голодной смерти; и какъ обыкновенныя угрозы не имѣли никакого дѣйствія, то въ 1664 году признано было необходимымъ, чтобы Президентъ Кастиліи, съ вооруженною силою, и въ сопровожденіи палача, объѣзжалъ окрестныя деревни и принуждалъ жителей привозить припасы на рынки Мадрида. По всей Испаніи преобладало такое же лишеніе. Эта нѣкогда богатая и цвѣтущая страна была наводнена толпами монаховъ и другаго духовенства, ненасытная жадность которыхъ поглощала и тѣ скудные достатки, какіе еще можно было найти въ ней. Вотъ отчего правительство было почти безъ гроша и ни откуда не получало помощи. Сборщики податей, обязанные пополнить этотъ недостатокъ, прибѣгали къ самымъ отчаяннымъ средствамъ. Они не только захватывали весь домашній скарбъ, но и снимали кровли съ домовъ, и продавали эти матеріалы, за какую бы то ни было цѣну. Жители принуждены были бѣжать; поля оставались необработанными, массы людей умирали отъ нужды и всякихъ бѣдствій; цѣлыя деревни опустѣли, и во многихъ городахъ, подъ конецъ XVII столѣтія, болѣе двухъ третей домовъ пришли въ совершенное разрушеніе.

Посреди этихъ бѣдствій Испанія упала духомъ и потеряла всякую энергію. Во всемъ стало проявляться отсутствіе силы и жизни. Испанскія войска были разбиты при Рокруа въ 1643 году, и сраженію этому нѣкоторые историки приписываютъ уничтоженіе военной славы Испаніи. Но въ сущности, пораженіе это было только однимъ изъ многихъ признаковъ ея ослабленія. Въ 1656 году предположено было снарядить небольшой флотъ; но прибрежное рыболовство было въ такомъ упадкѣ, что оказалось невозможнымъ найти доста-

точное число матросовъ даже для немногихъ кораблей. Составленныя, въ прежнее время, морскія карты были теперь или потеряны, или оставляемы безъ употребленія, и невѣжество испанскихъ лоцмановъ было такъ велико, что никто не хотѣлъ довѣряться имъ. Что же касается военной части, то въ одномъ разсказѣ объ Испаніи въ концѣ XVII столѣтія, утверждаютъ, что большая часть войскъ покинули свои знамена, а немногія, оставшіяся вѣрными, были одѣты въ лохмотья, не получали жалованья, и умирали съ голода. Въ другомъ разсказѣ, эта нѣкогда могущественная монархія представляется крайне беззащитною: пограничные города безъ гарнизона; укрѣпленія запущены и полуразрушены; магазины безъ провіанта; арсеналы пусты, мастерскія безъ употребленія и даже искусство кораблестроенія совершенно утрачено.

Въ то время какъ вся страна вообще томилась, такимъ образомъ, какъ бы пораженная какимъ нибудь смертельнымъ недугомъ, въ столицѣ, на глазахъ короля, происходили самыя ужасныя сцены. Жители Мадрида голодали, а произвольныя мѣры, принятыя для снабженія ихъ пищею, могли только принести временное облегченіе. Многія лица падали отъ изнеможенія на улицахъ и тутъ же умирали; иныхъ видѣли умирающими на большихъ дорогахъ, но никто не имѣлъ чѣмъ накормить ихъ. Наконецъ народъ пришелъ въ отчаяніе и сбросилъ всякую узду. Въ 1680 году, въ Мадридѣ не только рабочіе но и огромное число торговцевъ, соединялись въ шайки, вламывались въ частныя дома, и среди бѣлаго дня грабили и убивали жителей. Въ теченіе остальныхъ двадцати лѣтъ XVII столѣтія, столица Испаніи была въ состояніи не возмущенія, а анархіи. Общество было распущено, и повидимому разлагалось на составныя части. По искреннему выраженію одного современника, свобода, и стѣсненіе, были одинаково неизвѣстны. Обыкновенныя отправленія исполнительной власти были прерваны. Полиція Мадрида, не получая заслуженнаго жалованья, разошлась и предалась грабежу. Казалось, не было

никакихъ средствъ исправить всѣ эти бѣдствія. Казначейство было пусто, и пополнить его не было возможности. Бѣдность двора доходила до того, что не было денегъ на уплату жалованья домашней прислугѣ короля и на ежедневныя хозяйственныя издержки. Въ 1693 году, прекращена была выдача всякихъ пожизненныхъ пенсій, и всѣмъ чиновникамъ и министрамъ короны уменьшено было жалованье на одну треть. Ничто однако не могло остановить зла. Голодъ и бѣдность продолжали увеличиваться. Въ 1699 году, Стэнгопъ, тогдашній Англійскій посланникъ въ Мадридѣ, пишетъ, что не проходило ни одного дня, чтобы не случилось убійства въ дракѣ изъ за хлѣба; что его собственный секретарь видѣлъ пять женщинъ, задушенныхъ толпою передъ пекарнею, и что къ довершенію всѣхъ несчастій, недавно нагрянули еще въ столицу слишкомъ двадцать тысячъ нищихъ изъ деревень.

Если бы подобный порядокъ вещей сохранился еще на одно поколѣніе, то произошла бы самая дикая анархія, и окончательно распался бы весь общественный строй. Одно, что оставалось для Испаніи, чтобъ спастись отъ возвращенія къ первобытному варварству, это подпасть, и подпасть какъ можно скорѣе, подъ чужеземное владычество. Подобная перемѣна была необходима, но можно было опасаться, что она осуществится въ формѣ, особенно ненавистной для народа. Въ концѣ XVII столѣтія, Цейта была осаждаема магометанами; а какъ испанское правительство не имѣло ни войскъ, ни караблей, то сильно боялись за судьбу этой важной крѣпости; между тѣмъ не было никакого сомнѣнія, что въ случаѣ ея паденія, Испанія будетъ вновь наводнена невѣрными, которымъ, по крайней мѣрѣ въ то время, не трудно было бы справиться съ народомъ, ослабленнымъ страданіями, полу-голоднымъ и почти окончательно изнеможеннымъ.

Къ счастью, въ 1700 году, когда дѣла были въ самомъ худшемъ положеніи, Карлъ II, этотъ король-идіотъ, умеръ,

и Испанія попала въ руки къ Филиппу V, внуку Людовика XIV. Эта замѣна Австрійской династіи Бурбонскою принесла съ собою много другихъ перемѣнъ. Филиппъ, царствовавшій отъ 1700 до 1746 года, былъ Французъ не только по рожденію и воспитанію, но и по чувствамъ и привычкамъ. При самомъ отправленіи его въ Испанію, Людовикъ наказывалъ ему не забывать, что онъ уроженецъ Франціи, престолъ которой можетъ ему со временемъ достаться. Такимъ образомъ, сдѣлавшись королемъ, онъ не обращалъ вниманія на Испанцевъ, пренебрегалъ ихъ совѣтами, и отдалъ всю, какую имѣлъ, власть въ руки своихъ соотечественниковъ. Дѣлами Испаніи управляли теперь подданные Людовика XIV, посланникъ котораго въ Мадридѣ часто исполнялъ обязанности перваго министра. Эта нѣкогда могущественнѣйшая монархія въ свѣтѣ сдѣлалась теперь чуть ли не провинціею Франціи; всѣ важныя дѣла рѣшались въ Парижѣ, откуда самъ Филиппъ получалъ инструкціи.

И дѣйствительно, Испанія, сокрушенная и уничтоженная, не въ силахъ была произвести дарованіе, въ какомъ бы то ни было родѣ; и если приходилось управлять страною, то необходимо было призывать иностранцевъ. Даже въ 1682 году, то есть за восемнадцать лѣтъ до вступленія на престолъ Филиппа V, нельзя было найти ни одного природнаго Испанца, хорошо знакомаго съ военнымъ искусствомъ, такъ что Карлъ II былъ принужденъ ввѣрить оборону испанскихъ Нидерландовъ Де Гранѣ, австрійскому посланнику въ Мадридѣ. По этому, когда возгорѣлась война за наслѣдство престола, въ 1702 году, даже сами Испанцы пожелали, чтобы ихъ войска были предводительствуемы иностранцемъ. Въ 1704 году, удивительное представлялъ собою зрѣлище герцогъ Бервикъ, Англичанинъ, ведущій испанскихъ солдатъ противъ непріятеля и, на дѣлѣ, генералисимусъ испанской арміи. Король Испаніи, недовольный его дѣйствіями, рѣшился отозвать его; но вмѣсто того, чтобы замѣнить его природнымъ

Испанцемъ, обратился въ Людовику XIV, прося другаго генерала; и важный постъ главнокомандующаго арміи былъ порученъ маршалу Тессэ, Французу. Нѣсколько времени спустя, Бервика опять пригласили въ Мадридъ, и повелѣли встать во главѣ испанскихъ войскъ, для защиты Эстремадуры и Кастиліи. Онъ дѣйствовалъ съ полнымъ успѣхомъ; въ сраженіи при Альмансѣ, въ 1707 году, онъ разбилъ противниковъ, совершенно уничтожилъ партію претендента Карла, и упрочилъ престолъ за Филиппомъ. Но какъ война все еще продолжалась, то Филиппъ, въ 1710 году, потребовалъ изъ Парижа другаго генерала, и просилъ именно Герцога Вандома. Этотъ талантливый генералъ, съ прибытіемъ своимъ въ Испанію, внесъ новую силу въ совѣты Испанцевъ, и совершенно разбилъ союзниковъ; такъ что война, утвердившая независимость Испаніи, была обязана своимъ успѣхомъ способностямъ иностранцевъ, и тому факту, что и планъ, и самое веденіе кампаніи было дѣломъ не туземныхъ, а французскихъ и англійскихъ генераловъ.

Точно также, финансы, въ концѣ семнадцатаго столѣтія, были въ такомъ плачевномъ состояніи, что Портокарреро, бывшій, при вступленіи на престолъ Филиппа V, номинальнымъ министромъ Испаніи, выразилъ желаніе, чтобы управленіе ими было поручено какому-либо лицу, присланному изъ Парижа, которое могло бы исправить ихъ. Онъ чувствовалъ, что никто въ Испаніи не въ силахъ совладать съ этою задачею — и не онъ одинъ такъ думалъ. Въ 1701 году, Лувилль писалъ къ Торси, что если не прибудетъ немедленно изъ Франціи какой нибудь финансовый человѣкъ, то скоро не останется никакихъ финансовъ и не будетъ чѣмъ и управлять. Выборъ палъ на Орри, который пріѣхалъ въ Мадридъ лѣтомъ 1701 года. Онъ нашелъ все въ самомъ жалкомъ состояніи; и неспособность Испанцевъ была такъ очевидна, что онъ скоро былъ принужденъ принять на себя управленіе не только финансами, но и дѣлами военными. Для

вида, сдѣланъ былъ военнымъ министромъ Каналецъ; но ничего не понимая въ дѣлахъ, онъ исполнялъ только самыя мелочныя обязанности своей должности, настоящія тягости которой несъ самъ Орри.

Это владычество Французовъ продолжалось все время до втораго брака Филиппа V, въ 1714 году, и до смерти Людовика XIV, въ 1715; оба эти событія ослабили это вліяніе, и одно время почти совершенно уничтожили его. Однакожъ, власть, утраченная Французами, перешла не къ Испанцамъ, а къ другимъ чужеземцамъ. Между 1714 и 1726 годами, двумя самыми могущественными и самыми замѣтными личностями въ Испаніи были: Алберони, Италіанецъ, и Рипперда, Голландецъ. Рипперда былъ уволенъ въ 1726 году, и послѣ его паденія, дѣлами Испаніи управлялъ нѣмецъ Конигсегъ, бывшій собственно австрійскимъ посломъ въ Мадридѣ. Даже Грималъдо, бывшій министромъ до Рипперды и послѣ его увольненія, принадлежалъ къ французской школѣ и воспитывался подъ руководствомъ Орри. Все это не было дѣломъ случая; нельзя также этого приписывать и капризу двора. Въ Испаніи, національный духъ до такой степени вымеръ, что только иностранцы, или люди напитанные иностранными идеями, могли справиться съ обязанностями управленія. Къ приведеннымъ уже мною свидѣтельствамъ объ этомъ предметѣ я прибавлю еще два другихъ. Ноаль, весьма справедливый судья, и человѣкъ далеко не предубѣжденный противъ Испанцевъ, выразительно сказалъ, въ 1710 году, что при всей ихъ преданности престолу, они неспособны были къ управленію, такъ какъ, они не имѣли понятія ни о войнѣ, ни о политикѣ. Въ 1711 году, Боннакъ говоритъ, что принято было за правило не ставить во главѣ управленія ни одного Испанца, потому что всѣ, кого призывали до того времени, оказывались или несчастливыми, или недобросовѣстными.

Управленіе Испаніею, отнятое изъ рукъ Испанцевъ, стало

теперь обнаруживать нѣкоторые признаки силы. Перемѣна была незначительная, но она была направлена въ надлежащую сторону, хотя, какъ мы сейчасъ увидимъ, и не могла возродить Испанію, вслѣдствіе неблагопріятнаго дѣйствія общихъ причинъ. Всетаки намѣреніе было доброе. Въ первый разъ сдѣланы были попытки защитить права мірянъ и уменьшить власть духовенства. Лишь только Французы утвердили свое владычество, какъ они уже стали намекать, что благоразумно было бы, для удовлетворенія потребностей государства, принудить духовенство уступить часть тѣхъ богатствъ, которыя оно накопило въ своихъ церквяхъ. Людовикъ XIV даже настаивалъ, чтобы важная должность президента Кастиліи не была замѣщаема лицомъ духовнымъ, потому, говорилъ онъ, что въ Испаніи священники и монахи и безъ того уже слишкомъ много имѣютъ власти. Орри, имѣвшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ огромное вліяніе на дѣла, направлялъ ихъ въ ту же сторону. Онъ старался уменьшить тѣ льготы, которыми пользовалось духовенство, въ отношеніи податей и въ отношеніи изъятія отъ свѣтской юрисдикціи. Онъ возставалъ противъ привилегіи святилищъ, стараясь лишить церкви права укрывать преступниковъ. Онъ даже нападалъ на инквизицію, и такъ сильно подѣйствовалъ на умъ короля, что Филиппъ однажды рѣшился уничтожить это страшное судилище и упразднить самую должность великаго инквизитора. Намѣреніе это, однако, было оставлено—и совершенно основательно; ибо не подлежитъ сомнѣнію, что если бы оно осуществилось, то произошла бы революція, въ которой Филиппъ вѣроятно лишился бы короны. Въ этомъ случаѣ, возбудилась бы реакція, послѣ которой церковь стала бы сильнѣе, чѣмъ когда либо. Многое однако было сдѣлано для Испаніи на перекоръ Испанцамъ. Въ 1707 году, духовенство было принуждено уступить государству небольшую часть своихъ огромныхъ богатствъ; налогъ этотъ былъ прикрытъ названіемъ займа. Десять лѣтъ спустя, въ упра-

вленіе Алберони, эта маска была сброшена, и правительство не только требовало того, что теперь стало уже называться «духовною податью», но даже подвергало тюремному заключенію или изгнанію тѣхъ священниковъ, которые отказывались платить эту подать и стояли за привилегіи своего сословія. Это былъ слишкомъ дерзкій шагъ для Испаніи, и на него не отважился бы въ то время ни одинъ изъ Испанцевъ. Но Алберони, какъ иностранецъ, не довольно былъ знакомъ съ преданіями страны; онъ впрочемъ явно пренебрегъ ими и въ другомъ достопамятномъ случаѣ. Мадридское правительство, дѣйствуя въ совершенномъ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ, всегда выказывало нерасположеніе вступать въ какіе либо переговоры съ невѣрными, подъ которыми подразумѣвался всякій народъ, расходившійся въ религіозныхъ убѣжденіяхъ съ Испанцами. Иногда такіе переговоры бывали неизбѣжны, но къ нимъ приступали со страхомъ и трепетомъ, чтобы чистая испанская вѣра не осквернилась слишкомъ близкимъ соприкосновеніемъ съ невѣрными. Даже въ 1698 году, когда было очевидно, что монархія находится при послѣднемъ изнеможеніи, и ничто не можетъ спасти ее отъ рукъ хищника, предразсудокъ былъ такъ силенъ, что Испанцы отказались принять помощь отъ Голландцевъ, по той причинѣ, что они еретики. Въ то время Голландія была въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ Англіи, въ интересахъ которой было оградить независимость Испаніи отъ злоумышленій Франціи. Какъ ни была очевидна польза отъ подобнаго союза, но испанскіе теологи, когда спросили ихъ совѣта, объявили, что союза этого нельзя допустить, такъ какъ это дало бы возможность Голландцамъ распространять свои религіозныя мнѣнія; что въ этихъ видахъ, лучше подчиниться католику—врагу, чѣмъ принять помощь отъ друга—протестанта.

Но какъ бы ни была велика вражда Испанцевъ къ протестантамъ, ненависть ихъ къ магометанамъ была еще сильнѣе. Они никогда не могли забыть, какъ нѣкогда послѣ-

дователи этой вѣры завоевали почти всю Испанію, и въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, владѣли лучшею частью ея. Воспоминаніе это еще болѣе усиливало ихъ религіозную вражду, и заставляло ихъ быть первыми сторонниками всякой войны, которая велась противъ магометанъ, какъ Турокъ, такъ и Арабовъ. Но Алберони, какъ иностранецъ, не проникался этими соображеніями и, къ изумленію всей Испаніи, изъ однихъ политическихъ видовъ, пренебрегъ принципами церкви и нетолько заключилъ союзъ съ магометанами, но и снабдилъ ихъ оружіемъ и деньгами. Правда, что въ этихъ и другихъ подобныхъ мѣрахъ, Алберони шелъ прямо противъ воли народа, и что ему пришлось раскаяться въ своей смѣлости; но правда и то, что его политика составляла часть того великаго свѣтскаго и анти-теологическаго движенія, которое, въ продолженіе XVIII столѣтія, чувствовалось по всей Европѣ. Дѣйствіе этого движенія замѣчалось на правительствѣ Испаніи, но не на ея народѣ. Это произошло отъ того, что управленіе было, въ продолженіе многихъ лѣтъ, въ рукахъ иностранцевъ, или людей проникнутыхъ иностраннымъ духомъ. Вотъ почему мы находимъ, что въ теченіе большей части XVIII столѣтія, политическіе дѣятели въ Испаніи составляли классъ болѣе разобщенный съ остальною націею и, если могу такъ выразиться, болѣе живущій средствами своего собственнаго ума, чѣмъ въ какой либо другой странѣ, въ тотъ же періодъ времени. Что въ этомъ проглядывало нездоровое состояніе общества, и что никакое политическое улучшеніе не можетъ послужить къ дѣйствительному благу, если его не пожелалъ народъ прежде, чѣмъ оно было введено, — съ этимъ согласится всякій, кто вполнѣ усвоилъ себѣ уроки, преподанные исторіею. Къ чему это привело дѣйствительно въ Испаніи, мы увидимъ вскорѣ. Но мнѣ не мѣшаетъ предварительно привести дальнѣйшія доказательства того, до какой степени въ Испаніи вліяніе духовенства запугало умъ націи; пресѣкая всякое изслѣдованіе,

и стѣсняя всякое проявленіе свободы мысли, оно довело наконецъ страну до такого состоянія, что способности людей, заглохнувъ отъ бездѣйствія, не были уже въ силахъ выполнять то, чего требовали отъ нихъ; такъ что во всѣхъ сферахъ, въ политической ли жизни, въ умозрительной ли философіи, или даже въ механическихъ промыслахъ, необходимо было вызывать иностранцевъ для того дѣла, которымъ уже не были въ состояніи заниматься туземцы.

Невѣжество, въ которое погрязли Испанцы въ силу неблагопріятныхъ обстоятельствъ, и ихъ бездѣйствіе, физическое и умственное, могли бы казаться невѣроятными, если бы этотъ фактъ не подтверждался самыми разнообразными свидѣтельствами. Грамонъ, лично ознакомившійся съ состояніемъ Испаніи въ продолженіе послѣдней половины XVII столѣтія, говоритъ, что въ ней высшіе классы не только не имѣли понятія о наукѣ или литературѣ, но даже почти ничего не знали о самыхъ обыкновенныхъ событіяхъ, происходившихъ внѣ ихъ отечества. Низшіе классы, прибавляетъ онъ, также лѣнивы; они предоставляютъ все иностранцамъ—жатву ихъ пшеницы, кошеніе ихъ сѣна, постройку ихъ домовъ. Другой наблюдатель, видѣвшій мадридское общество въ 1679 году, увѣряетъ насъ, что даже люди самыхъ высшихъ классовъ никогда не считали необходимымъ учить чему либо своихъ сыновей; и что тѣ, которые предназначались къ военной службѣ, не могли учиться математикѣ, если бы даже и хотѣли, потому что для этого не было ни школъ, ни учителей. Книги, за исключеніемъ божественныхъ, считались совершенно безполезными; никто не заглядывалъ въ нихъ, никто ихъ не собиралъ; и до XVIII столѣтія, въ Мадридѣ не было ни одной публичной библіотеки. Въ другихъ городахъ, преимущественно посвященныхъ цѣлямъ воспитанія, господствовало подобное же невѣжество. Саламанка была мѣстопребываніемъ самаго стараго и самаго знаменитаго университета въ Испаніи, и потому, если нигдѣ болѣе, то по крайней мѣрѣ

въ ней, мы могли бы искать поощренія науки. Но, Де Торресъ, который самъ былъ Испанецъ, и воспитывался въ Саламанкѣ въ началѣ XVIII столѣтія, говоритъ, что пробывъ уже пять лѣтъ въ этомъ университетѣ, онъ только въ первый разъ услыхалъ о существованіи математическихъ наукъ. Еще въ 1771 году, тотъ же самый университетъ публично отказалъ въ позволеніи преподавать открытія Ньютона, и выставлялъ, какъ причину своего отказа, что система Ньютона не въ такой мѣрѣ согласуется съ религіею откровенія, какъ система Аристотеля. По всей Испаніи слѣдовали тому же плану. Повсюду пренебрегали знаніемъ, и пресѣкали изслѣдованіе. Фейхоо, который, не смотря на свое суевѣріе и извѣстное раболѣпство ума, неизбѣжное во всякомъ Испанцѣ того времени, старался просвѣтить своихъ соотечественниковъ на счетъ предметовъ науки, передаетъ намъ, какъ свое твердое убѣжденіе, что тотъ, кто усвоилъ бы себѣ все, чему учили въ то время, подъ именемъ философіи, оказался бы въ награду за свой трудъ, еще большимъ невѣждою, чѣмъ былъ до того. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что Фейхоо былъ правъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ Испаніи, чѣмъ болѣе человѣка учили, тѣмъ менѣе онъ зналъ; ибо его учили, что пытливость—грѣхъ, что разумъ слѣдуетъ подавлять, и что легковѣріе и покорность—главныя качества въ человѣкѣ. Герцогъ Сенъ Симонъ, бывшій, въ 1721 и 1722 годахъ, французскимъ посломъ въ Мадридѣ, выводитъ такое заключеніе изъ своихъ наблюденій, что въ Испаніи, наука—преступленіе, а невѣжество — добродѣтель. Пятьдесятъ лѣтъ спустя, другой наблюдатель, пораженный общимъ состояніемъ ума испанской націи, выражаетъ свой взглядъ въ сужденіи почти столь же меткомъ, какъ и строгомъ. Стараясь пріискать уподобленіе, которое могло бы живѣе передать впечатлѣніе всеобщаго мрака, онъ рѣзко замѣчаетъ что обыкновенное образованіе англійскаго джентльмена, въ Испаніи, сдѣлало бы изъ него ученаго.

Кому извѣстно, каково было обыкновенное воспитаніе англій-

скаго джентльмена лѣтъ восемдесятъ тому назадъ, тотъ оцѣнитъ силу этого сравненія, и пойметъ, въ какомъ мракѣ должна была находиться страна, къ которой можно было примѣнить подобную насмѣшку. Ожидать, чтобы при такомъ порядкѣ вещей Испанцы сдѣлали какое либо изъ тѣхъ открытій, которыми ускоряется прогрессъ націй, было бы совершенно напрасно; потому что они не хотѣли даже принимать открытій, сдѣланныхъ для нихъ другими народами, и брошенныхъ въ общую сокровищницу. Такому вѣрному и правовѣрному народу не было никакого дѣла до новыхъ идей, которыя, какъ нововведенія въ старыхъ мнѣніяхъ, были полны опасности. Испанцы желали идти по пути своихъ предковъ, желали, чтобы не вдругъ поколебалась ихъ вѣра въ прошедшее. Въ неорганическомъ мірѣ, они отвергли, постыднымъ образомъ, дивныя открытія Ньютона; а въ органическомъ, — отрицали обращеніе крови, слишкомъ черезъ полтораста лѣтъ послѣ того, какъ оно было доказано Гарвеемъ. Всѣ эти вещи были новы для нихъ и они сочли за лучшее обождать немного, и не принимать ихъ слишкомъ поспѣшно. По той же самой причинѣ, когда, въ 1760 году, нѣкоторые смѣльчаки, изъ среды правительства, предложили очистить улицы Мадрида, — смѣлое предложеніе это возбудило всеобщее негодованіе. Не только простонародье, но и люди, которыхъ называли образованными, громко порицали эту мѣру. Правительство спросило мнѣніе сословія врачей, какъ хранителей общественнаго здоровья. Они нисколько не затруднились отвѣтить, что безъ всякаго сомнѣнія, грязь должна оставаться. Вывезти ее было бы дѣломъ новымъ, а во всякомъ новомъ дѣлѣ невозможно было предвидѣть исхода. Если отцы ихъ жили въ грязи, то почему бы и имъ не дѣлать того же? Отцы ихъ были люди мудрые, и вѣроятно не безъ основанія такъ поступали. Самое даже зловоніе, на которое нѣкоторые жаловались, было по всей вѣроятности здорово. Такъ какъ воздухъ тонокъ и пронзителенъ, то очень можетъ быть, что дурныя испаренія, отяг-

чая атмосферу, лишаютъ ее нѣкоторыхъ вредныхъ свойствъ. Поэтому, мадридскіе доктора были того мнѣнія, что лучше оставить дѣло такъ, какъ оно было при ихъ предкахъ, и что не слѣдуетъ дѣлать никакихъ попытокъ къ очисткѣ столицы, посредствомъ удаленія изъ нея повсюду валявшихся нечистотъ.

До тѣхъ поръ, пока преобладали подобные взгляды на сохраненіе здоровья, трудно предположить, чтобы леченіе болѣзней шло особенно успѣшно. Кровопусканія и слабительныя были единственныя средства, какія предписывали испанскіе врачи. Невѣденіе ихъ о самыхъ обыкновенныхъ отправленіяхъ человѣческаго организма было просто изумительно, и можетъ быть объяснено развѣ только предположеніемъ, что въ медицинѣ, какъ и въ другихъ отрасляхъ знанія, Испанцы восемнадцатаго столѣтія смыслили не болѣе, чѣмъ ихъ предки, жившіе въ шестнадцатомъ. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, они повидимому знали еще менѣе. Ихъ образъ леченія болѣзней былъ такъ рѣзокъ, что слѣдовать ему довольно долгое время, значило идти на вѣрную смерть. Ихъ же король Филиппъ V не рѣшался отдаться въ руки своихъ врачей, а предпочиталъ доктора Ирландца. Хотя ирландскіе медики не пользуются особою извѣстностью, но всякій изъ нихъ былъ лучше испанскаго врача. Искусства, имѣющія связь съ медициною и хирургіею, были въ не менѣе отсталомъ состояніи. Хирургическіе инструменты выдѣлывались грубо, а медикаменты приготовлялись неудовлетворительно. Такъ какъ о фармаціи не имѣли понятія въ Испаніи, то аптеки въ большихъ городахъ ея снабжались всѣмъ изъ-за границы, въ малыхъ же городахъ и въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ столицы, лекарства были такого свойства, что лучшее, чего можно было ожидать отъ нихъ, это, чтобы они хоть не дѣлали вреда. Въ половинѣ XVIII столѣтія въ Испаніи не было ни одного практика по части химіи. Дѣйствительно, самъ Кампоманесъ увѣряетъ, что даже въ 1776 году, въ цѣлой странѣ, еще нельзя было найти че-

ловѣка, который сумѣлъ бы приготовить самое простое лекарство, напримѣръ, магнезію, глауберову соль, или обыкновенные препараты ртути и сурьмы. Впрочемъ, этотъ замѣчательный государственный человѣкъ прибавляетъ, что имѣется въ виду учредить въ скоромъ времени химическую лабораторію въ Мадридѣ; что хотя въ этомъ учрежденіи, какъ безпримѣрномъ, будутъ по всей вѣроятности видѣть зловѣщее нововведеніе, онъ всетаки, съ своей стороны, твердо убѣжденъ, что съ помощью этой лабораторіи, разсѣется современемъ повсемѣстное невѣжество его соотечественниковъ.

Все, что было полезно въ практикѣ, или что служило цѣлямъ знанія, приходилось пріобрѣтать изъ-за границы. Энсенада, извѣстный министръ Фердинанда VI, былъ пораженъ невѣжествомъ и апатіею испанской націи, и пытался, но тщетно, исправить это зло. Когда онъ стоялъ во главѣ управленія, въ половинѣ XVIII столѣтія, онъ публично говорилъ о томъ, что въ Испаніи нѣтъ каѳедръ государственнаго права, ни физики, ни анатоміи, ни ботаники. Онъ говорилъ еще, что нѣтъ хорошихъ картъ Испаніи, и что никто не умѣетъ составить ихъ. Всѣ карты, какія были въ Испаніи, привозились изъ Франціи или изъ Голландіи. Карты эти, говорилъ онъ, весьма невѣрны, но Испанцамъ, которые сами и такихъ составить не сумѣютъ, ничего болѣе не остается, какъ положиться на нихъ. Такой порядокъ вещей онъ называлъ постыднымъ, горько жалуясь на то, что если бы не Французы и не Голландцы, то ни одинъ Испанецъ не зналъ бы ни положенія своего роднаго города, ни разстоянія одного мѣста отъ другаго.

Единственнымъ средствомъ противъ всего этого казалась посторонняя помощь; а какъ Испаніею стала теперь управлять чужеземная династія, то слѣдовательно помощь эта и пришла. Серви учредилъ общества врачей въ Мадридѣ и Севильѣ; Виржили основалъ школу хирургіи въ Кадиксѣ; а Боульсъ старался ввести между Испанцами изученіе минералогіи. По-

всюду искали профессоровъ, и обратились къ Линнею, чтобы онъ прислалъ кого нибудь изъ Швеціи, кто бы могъ дать кое-какое понятіе о ботаникѣ студентамъ физіологіи. Много другихъ подобныхъ мѣръ было принято правительствомъ, неутомимая дѣятельность котораго заслужила бы съ нашей стороны самыя жаркія похвалы, еслибъ мы не знали, до какой степени невозможно для какого бы то ни было правительства просвѣтить тотъ или другой народъ, и какое существенное условіе составляетъ при этомъ то, чтобы желаніе улучшеній было прежде всего заявлено самимъ народомъ. Никакой прогрессъ не дѣйствителенъ, если только онъ не самопроизволенъ. Для того, чтобы движеніе было дѣйствительно, необходимо, чтобы оно проистекало изнутри, а не извнѣ; оно должно исходить изъ общихъ причинъ, дѣйствующихъ на цѣлую страну, а не изъ одной только воли немногихъ могущественныхъ личностей. Въ продолженіе XVIII столѣтія, Испанцамъ щедро расточались всѣ средства къ улучшеніямъ, но они не хотѣли улучшеній. Они были довольны сами собою; они были убѣждены въ справедливости своихъ мнѣній; они гордились понятіями перешедшими къ нимъ по наслѣдству и не желали ни расширять, ни суживать ихъ. Будучи неспособны къ сомнѣнію, они не имѣли охоты и къ изслѣдованію. Новыя, прекрасныя истины, передаваемыя самымъ яснымъ и самымъ увлекательнымъ языкомъ, не могли произвести никакого дѣйствія на людей, умы которыхъ до такой степени загрубѣли и опошлились въ рабствѣ. Неблагопріятное стеченіе обстоятельствъ, дѣйствовавшее непрерывно, начиная съ пятаго столѣтія, впередъ опредѣлило то направленіе, которое долженъ былъ исключительно принять характеръ испанской націи, и никакіе государственные люди, никакіе короли, ни законодатели, ничего не могли сдѣлать противъ этого. Семнадцатое столѣтіе было, однако, крайнимъ предѣломъ всего. Въ этомъ вѣкѣ испанская нація погрузилась въ сонъ, отъ котораго, какъ нація вообще, она съ тѣхъ поръ уже

никогда не пробуждалась. То былъ не сонъ отдохновенія, а сонъ смерти, сонъ, во время котораго, способности, вмѣсто того чтобы отдыхать, находились въ какомъ-то онѣмѣніи, и холодное всеобщее оцѣпенѣніе смѣнило ту славную, хотя и одностороннюю, дѣятельность, вслѣдствіе которой имя Испаніи сдѣлалось страхомъ вселенной, и она пользовалась уваженіемъ даже злѣйшихъ враговъ своихъ.

Даже изящныя искусства, въ которыхъ нѣкогда отличались Испанцы, не избѣгли общаго перерожденія, и, по признанію самихъ испанскихъ писателей, въ началѣ XVIII столѣтія, пришли въ совершенный упадокъ. Искусства, ведущія къ охраненію безопасности націи, были въ томъ же положеніи, какъ и искусства, удовлетворяющія ея потребность наслажденія. Никто въ Испаніи не умѣлъ построить корабля; никто не умѣлъ оснастить его, когда онъ былъ построенъ. Послѣдствіемъ этого было то, что въ концѣ семнадцатаго столѣтія, и тѣ немногія суда, какими обладала еще Испанія, были такъ гнилы, что по словамъ одного историка, едва могли выдержать огонь своихъ собственныхъ пушекъ. Въ 1752 году, правительство, рѣшившись возстановить флотъ, нашлось вынужденнымъ послать въ Англію за корабельными мастерами; туда же ему пришлось обратиться и за людьми, умѣвшими дѣлать канаты и парусину, такъ какъ туземцы недовольно были искусны для такой трудной работы. Этимъ путемъ, министры короны, — люди, оказывающіеся въ высшей степени замѣчательными по своимъ способностямъ и энергіи, если принять во вниманіе то затруднительное положеніе, въ которое ставила ихъ неспособность народа, — старались снарядить такой флотъ, какого не видали въ Испаніи уже болѣе ста лѣтъ. Они приняли также и многія другія мѣры для приведенія въ удовлетворительное состояніе обороны страны, хотя имъ приходилось во всемъ полагаться на помощь иностранцевъ. И военно-сухопутная, и морская части были въ такомъ крайнемъ разстройствѣ, что приходилось

все вновь заводить. Обученіе пѣхоты было преобразовано Ирландцемъ О'Рельи, которому былъ ввѣренъ надзоръ надъ военными школами Испаніи. Въ Кадиксѣ была учреждена обширная морская академія, но начальникомъ ея былъ полковникъ Годэнъ (Godin), офицеръ французской службы. Артиллерія, пришедшая, какъ и все другое, почти въ совершенную негодность, была улучшена Французомъ Марицомъ (Maritz); такую же услугу оказалъ арсеналамъ Итальянецъ Газола.

Рудники, составляющіе одинъ изъ важнѣйшихъ естественныхъ источниковъ богатства Испаніи, также пострадали отъ невѣжества и апатіи, въ которыя была повергнута вся страна, силою самыхъ обстоятельствъ. Они были или совершенно заброшены, или, если и разработывались, то разработывались другими націями. Знаменитыя кобальтовыя копи, находящіяся въ долинѣ Джистау, въ Аррагонѣ, были совершенно въ рукахъ Нѣмцевъ, которые, въ теченіе первой половины XVIII столѣтія, извлекали изъ нихъ огромные барыши. Точно также, серебрянные рудники Гвадалканала, богатѣйшіе въ Испаніи, разработывались не туземцами, а иностранцами. Хотя рудники эти были открыты въ XVI столѣтіи, но о нихъ, какъ и о другихъ важныхъ предметахъ, было забыто въ XVII; а вновь открыли ихъ, въ 1728 году, англійскіе искатели приключеній; самое предпріятіе, орудія, капиталъ, даже рудокопы, все было англійское. Другой еще болѣе знаменитый рудникъ былъ Алмаденскій въ Ла Манчѣ, который производилъ ртуть прекраснѣйшаго качества и въ большомъ изобиліи. Этотъ металлъ, кромѣ того, что онъ вообще необходимъ для многихъ самыхъ обыкновенныхъ производствъ, имѣлъ особенную цѣнность для Испаніи, такъ какъ безъ него, золото и серебро новаго свѣта не могли бы быть выдѣляемы изъ своихъ рудъ. Изъ Алмадена, гдѣ сама природа представляетъ всякія удобства для добыванія ртути, и гдѣ замѣчательно много киновари, изъ которой она извлекается, металлъ

этотъ получался сперва въ огромномъ количествѣ; но одно время, оно начало было уменьшаться, между тѣмъ какъ спросъ на ртуть, особенно въ чужихъ краяхъ, все увеличивался. При этихъ обстоятельствахъ, испанское правительство, боясь чтобы такой важный источникъ богатства не изсякъ совершенно, рѣшило произвести изслѣдованіе о томъ, какимъ способомъ разработывались эти копи. Но какъ ни одинъ Испанецъ не имѣлъ познаній, необходимыхъ для такого изслѣдованія, то совѣтники короны принуждены были прибѣгнуть къ помощи иностранцевъ. Въ 1752 году, ирландскій естествоиспытатель, по имени Боульсъ, былъ командированъ въ Алмаденъ, для приведенія въ извѣстность причинъ такой неудачной разработки этого рудника. Онъ нашелъ, что рудокопы пріобрѣли привычку углублять свои шахты перпендикулярно, вмѣсто того, чтобы слѣдовать направленію жилы. Такимъ нелѣпымъ процессомъ совершенно достаточно объяснялась вся неудача; и Боульсъ донесъ правительству, что если будутъ вести шахты наклонно, то безъ сомнѣнія рудникъ снова сдѣлается производительнымъ. Правительство одобрило эту мысль, и приказано было привести ее въ исполненіе. Но испанскіе рудокопы слишкомъ крѣпко держались своихъ старыхъ привычекъ. Они рыли свои шахты тѣмъ же способомъ, какимъ дѣлали это ихъ отцы; а что дѣлали отцы, то должно быть правильно. Результатомъ этого было то, что рудникъ былъ отнятъ у нихъ; но какъ въ Испаніи не было иныхъ работниковъ, то пришлось послать за ними въ Германію. Съ прибытіемъ нѣмецкихъ рудокоповъ, дѣла быстро поправились. Завѣдываемый и разработываемый Нѣмцами, рудникъ получилъ другой видъ; и не смотря на всѣ неудобства, съ которыми всегда приходится бороться новымъ пришельцамъ, прямымъ послѣдствіемъ такой перемѣны было то, что количество добываемой ртути удвоилось, и соотвѣтственно тому уменьшилась стоимость ея для потребителей.

Подобное невѣжество, обхватывающее цѣлую націю и рас-

пространяющееся на всѣ стороны ея жизни, является чѣмъ-то непостижимымъ, если принять въ соображеніе тѣ громадныя преимущества, которыми пользовались Испанцы въ прежнее время. Оно особенно поражаетъ, если противопоставить ему способность правительства, которое слишкомъ восемдесятъ лѣтъ постоянно трудилось надъ улучшеніемъ быта страны. Въ началѣ XVIII столѣтія, Рипперда, въ надеждѣ оживить испанскую промышленность, устроилъ огромную шерстяную мануфактуру въ Сеговіи, которая была нѣкогда дѣятельнымъ и цвѣтущимъ городомъ. Но самые простые пріемы производства были уже забыты, и Рипперда долженъ былъ привезти рабочихъ изъ Голландіи, для обученія Испанцевъ выдѣлкѣ шерсти, — производству, которымъ въ свое лучшее время, они особенно славились. Въ 1757 году, Уолль, бывшій тогда министромъ, устроилъ, въ еще большемъ размѣрѣ, подобную же мануфактуру въ Гвадалахарѣ, въ Новой Кастиліи. Вскорѣ, однако, что-то испортилось въ машинахъ, и какъ Испанцы не имѣли понятія, да и не заботились объ этого рода вещахъ, то пришлось посылать въ Англію за мастеромъ, для требовавшихся починокъ. Наконецъ совѣтники Карла III, отчаявшись въ возможности возбудить дѣятельность народа обыкновенными средствами, придумали болѣе обширный планъ, и пригласили тысячи иностранныхъ ремесленниковъ поселиться въ Испаніи, въ надеждѣ, что ихъ примѣръ и ихъ внезапный наплывъ придастъ силы этой изнеможенной націи. Но все было тщетно. Духъ страны упалъ, и ничто не могло поднять его. Въ числѣ другихъ попытокъ, которыя дѣлались въ то время, основаніе національнаго банка было любимою идеею политиковъ; они многаго ожидали отъ этого учрежденія, которое должно было поднять кредитъ, и выдавать ссуды лицамъ, занимающимся торговыми оборотами. Но хотя проектъ этотъ и осуществился, цѣль его всетаки не была достигнута. Когда народъ не предпріимчивъ, то никакое усиліе прави-

тельства не можетъ передѣлать его. Въ такой странѣ, какъ Испанія, обширный банкъ представлялъ собою экзотическое растеніе, могущее жить только искусственною жизнью, а не произрастать естественно. Дѣйствительно, и по идеѣ, и по исполненію, это было учрежденіе иностранное, такъ какъ первый предложилъ его Голландецъ Рипперда, а окончательно устроилъ Французъ Кабаррюсъ.

Во всемъ преобладалъ одинъ и тотъ же законъ. Въ дипломатіи, самыми способными людьми оказывались не Испанцы, а чужеземцы; и въ продолженіе XVIII столѣтія, часто можно было видѣть довольно странное зрѣлище — представителей Испаніи изъ Французовъ, Итальянцевъ и Ирландцевъ. Ничего не было туземнаго; ничто не дѣлалось самою Испаніею. Филиппъ V, царствовавшій съ 1700 по 1746 годъ, и имѣвшій громадную власть, постоянно придерживался идей своей родины, и былъ Французомъ до конца. Въ теченіе тридцати лѣтъ послѣ его смерти, тремя наиболѣе замѣтными личностями въ испанской политикѣ были: Уолль, родившійся во Франціи, отъ родителей Ирландцевъ; Гримальди, родомъ изъ Генуи; и Эскилаче (Esquilache), уроженецъ Сициліи. Эскилаче управлялъ финансами въ продолженіе многихъ лѣтъ; онъ пользовался такимъ довѣріемъ Карла III, какое рѣдко оказывалось какому либо министру, и былъ уволенъ только въ 1776 году, вслѣдствіе неудовольствія, возбужденнаго въ народѣ реформами, введенными этимъ смѣлымъ иностранцемъ. Уолль, человѣкъ еще болѣе замѣчательный, былъ отправленъ, за неимѣніемъ порядочнаго дипломата между Испанцами, посланникомъ въ Лондонъ, въ 1747 году; пріобрѣтя большое вліяніе въ дѣлахъ государства, онъ былъ поставленъ во главѣ управленія въ 1754 году, и занималъ это высокое положеніе до 1763 года. Когда этотъ знаменитый Ирландецъ вышелъ въ отставку, то его замѣнилъ Генуэзецъ Гримальди, который управлялъ Испаніею съ 1763 до 1777 года, и былъ совершенно преданъ

видамъ французской политики. Его главнымъ покровителемъ былъ Шуазёль, который внушилъ ему свои идеи, и совѣтами котораго онъ во всемъ руководился. Дѣйствительно, Шуазёль, бывшій тогда первымъ министромъ во Франціи, обыкновенно хвалился, хотя и не безъ нѣкотораго преувеличенія, но въ то же время и не безъ значительной доли истины, что его вліяніе въ Мадридѣ было даже сильнѣе чѣмъ въ Версали.

Какъ бы то ни было, но достовѣрно извѣстно, что черезъ четыре года по вступленіи въ должность Гримальди, вліяніе Франціи выказалось замѣчательнымъ образомъ. Шуазёль, ненавидѣвшій іезуитовъ и только-что изгнавшій ихъ изъ Франціи, старался также изгнать ихъ и изъ Испаніи. Исполненіе этого плана было довѣрено Арандѣ, который, хотя былъ родомъ Испанецъ, но обязанъ былъ своимъ умственнымъ воспитаніемъ Франціи, и проникнулся въ парижскомъ обществѣ сильнѣйшею ненавистью ко всякаго рода духовной власти. Планъ, тайно задуманный, былъ искусно приведенъ въ исполненіе. Въ 1767 году, испанское правительство, не выслушавъ ничего, что могли сказать въ свое оправданіе іезуиты, и даже ни о чемъ не предувѣдомивъ ихъ, внезапно отдало повелѣніе объ ихъ изгнаніи; и съ такимъ ожесточеніемъ были они изгнаны изъ страны, въ которой родились и долго пользовались любовью, что не только были конфискованы ихъ богатства, и сами они оставлены лишь при весьма скудномъ содержаніи, но даже приказано было отнять и это, въ случаѣ если они обнародуютъ что либо въ свое оправданіе; въ то же время было также объявлено, что всякій, кто осмѣлится писать о нихъ, если онъ испанскій подданный, будетъ приговоренъ къ смерти, какъ виновный въ государственной измѣнѣ.

Подобная смѣлость со стороны правительства заставила дрожать и самую инквизицію. Это нѣкогда всемогущее судилище, теперь стращаемое и подозрѣваемое гражданскими

властями, стало осторожнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ и мягче въ своемъ обращеніи съ еретиками. Вмѣсто того, чтобы истреблять невѣрныхъ сотнями и тысячами, оно до того должно было стѣсняться, что съ 1746 по 1759 годъ, могло сжечь только десять человѣкъ, а съ 1759 по 1788 только четырехъ. Необыкновенное уменьшеніе числа жертвъ ея, въ послѣдній періодъ, произошло частью отъ сильнаго вліянія Аранды, друга энциклопедистовъ и другихъ французскихъ скептиковъ. Этотъ замѣчательный человѣкъ былъ президентомъ Кастиліи до 1773 года, и отдалъ приказъ, воспрещавшій инквизиціи вмѣшиваться въ гражданскіе суды. Онъ задумалъ также совершенно уничтожить ее, но ему не удалось исполнить это, лишь вслѣдствіе преждевременнаго разглашенія его плана друзьями его въ Парижѣ, которымъ онъ повѣрилъ свою тайну. Онъ однако на столько успѣлъ въ своихъ видахъ, что послѣ 1781 года, не было въ Испаніи ни одного случая сожженія еретика; инквизиція была слишкомъ запугана дѣйствіями правительства, чтобы рѣшиться на что либо, могущее подвергнуть опасности самое существованіе этого святаго учрежденія.

Въ 1777 году, Гримальди, одинъ изъ главныхъ сторонниковъ той анти-духовной политики, которая введена была въ Испаніи Франціею, вышелъ изъ министерства; но его смѣнилъ Флорида Бланка, его креатура, человѣкъ, которому онъ передалъ, вмѣстѣ съ властью, и свою политику. Поэтому, дѣла политическія продолжали подвигаться впередъ въ томъ же направленіи. При новомъ министрѣ, какъ и при его непосредственныхъ предшественникахъ, проявлялась рѣшимость ограничить власть духовенства и оградить права мірянъ. Во всѣхъ случаяхъ, духовные интересы ставились ниже свѣтскихъ. Этому можно привести много примѣровъ, но одинъ изъ нихъ слишкомъ важенъ, чтобы не упомянуть о немъ. Мы видѣли, что въ началѣ XVIII столѣтія, Альберони, стоя во главѣ управленія, провинился въ томъ, что

въ Испанiи считалось страшнымъ преступленiемъ—заключилъ союзъ съ магометанами; и это было, безспорно, одною изъ главныхъ причинъ его паденiя, такъ какъ большинство держалось того мнѣнiя, что никакiя свѣтскiя соображенiя не могутъ оправдать союза, или даже мира, между христiанскимъ народомъ и народомъ, состоящимъ изъ невѣрныхъ. Но испанское правительство, которое, вслѣдствiе упомянутыхъ мною причинъ, далеко опередило самую Испанiю,—постепенно становилось смѣлѣе, и проявляло все бо́льшую и бо́льшую склонность навязывать странѣ такiе взгляды, которые, взятые сами по себѣ, были конечно чрезвычайно свѣтлы, но которыхъ народный духъ не въ состоянiи былъ усвоить. Результатомъ этого было то, что въ 1782 году, Флорида Бланка заключилъ договоръ съ Турцiею, который положилъ конецъ войнѣ изъ-за религiозныхъ мнѣнiй къ великому, говорятъ, удивленiю другихъ европейскихъ державъ, которыя съ трудомъ могли повѣрить, чтобы Испанцы прекратили, такимъ образомъ, свои безпрерывно возобновлявшiяся попытки истребить невѣрныхъ. Прежде однако, чѣмъ Европа успѣла опомниться отъ своего изумленiя, произошли другiя событiя, въ этомъ же родѣ, не менѣе поразительныя. Въ 1784 году, Испанiя подписала миръ съ Триполи; а въ 1785—съ Алжиромъ. И едва эти мирные договоры были ратификованы, какъ былъ заключенъ въ 1786 году, также договоръ съ Тунисомъ. Такимъ образомъ испанскiй народъ, къ немалому своему удивленiю, очутился въ дружественныхъ отношенiяхъ къ народамъ, которыхъ, въ теченiе слишкомъ десяти столѣтiй, его учили ненавидѣть, и съ которыми воевать, и воевать, если можно, до истребленiя, было, по мнѣнiю испанской церкви, первою обязанностью христiанскаго правительства.

Оставляя на время въ сторонѣ отдаленныя умственныя послѣдствiя этихъ событiй, нельзя не признат несомнѣннымъ, что непосредственные, матерiальные результаты ихъ были

весьма благодѣтельны, хотя, какъ мы скоро увидимъ, они не имѣли прочности, потому что ихъ перевѣшивало неблагопріятное дѣйствіе болѣе могущественныхъ и болѣе общихъ причинъ. Тѣмъ не менѣе должно согласиться, что прямыя послѣдствія были чрезвычайно выгодны; и тѣмъ, которые ограничиваются лишь поверхностнымъ взглядомъ на дѣла человѣческія, легко могло бы показаться, что выгоды эти должны быть прочны. Со всего протяженія береговой линіи отъ Феца и Морокко до крайнихъ предѣловъ турецкой имперіи, уже не могли болѣе появляться многочисленные пираты, которые, до того времени, носились по морямъ, захватывали испанскія суда и увозили въ рабство испанскихъ подданныхъ. Въ прежнее время, ежегодно тратились огромныя суммы денегъ на выкупъ этихъ несчастныхъ плѣнниковъ; теперь же всѣ эти бѣдствія прекратились. Въ то же время, сообщенъ былъ значительный толчекъ торговлѣ Испаніи; для нея открылся новый путь, и корабли Испаніи могли безопасно появляться въ богатыхъ странахъ Леванта. Вслѣдствіе этого, богатство ея возрастало, чему еще болѣе содѣйствовало другое обстоятельство, вытекавшее изъ тѣхъ же событій. Самыя плодородныя мѣстности Испаніи лежатъ вдоль береговъ, омываемыхъ Средиземнымъ моремъ; и эти-то мѣстности были, нѣсколько столѣтій, добычею магометанскихъ корсаровъ, которые, своими внезапными высадками, держали жителей въ такомъ постоянномъ страхѣ, что они стали постепенно отодвигаться во внутренность страны, не рѣшаясь воздѣлывать самую плодородную почву своей родины. Заключенные же вновь трактаты, сразу устранили всѣ эти опасности; народъ возвратился въ свои прежнія жилища; земля стала снова приносить свои плоды; явилась вновь правильная промышленность, возникли деревни; учредились даже мануфактуры; и казалось, было положено основаніе такому благосостоянію, какого не знали еще со времени изгнанія магометанъ изъ Гранады.

И такъ, я представилъ читателю обзоръ самыхъ важныхъ мѣръ, какія были приняты тѣми способными и мощными политиками, которые управляли Испаніею въ продолженіе большей части XVIII столѣтія. Разсматривая, какимъ образомъ произведены были эти реформы, мы не должны забывать о личномъ характерѣ Карла III, занимавшаго престолъ Испаніи съ 1759 по 1788 годъ. Это былъ человѣкъ съ замѣчательною энергіею; хотя онъ и родился въ Испаніи, но не много имѣлъ общаго съ нею. Прежде чѣмъ сдѣлаться королемъ, онъ провелъ долгое время внѣ своей родины и пристрастился къ обычаямъ и особенно къ мнѣніямъ, совершенно несходнымъ съ тѣми, которыя были свойственны Испанцамъ. Сравнительно съ своими подданными, онъ былъ конечно человѣкъ просвѣщенный. Они всѣмъ сердцемъ были привязаны къ самому совершенному и, слѣдовательно, самому худшему виду духовной власти, какой когда либо существовалъ въ Европѣ. Онъ же считалъ своею обязанностью ограничить эту именно власть. Въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, онъ превзошелъ Фердинанда VI и Филиппа V, хотя, подъ вліяніемъ французскихъ идей, они также стремились къ тому, что считалось опаснымъ дѣломъ. Духовенство, негодуя на подобный образъ дѣйствій, роптало и даже прибѣгало къ угрозамъ. Оно объявляло, что Карлъ грабитъ церковь, отнимаетъ у нея права, оскорбляетъ ея служителей, и такимъ образомъ безвозвратно губитъ Испанію. Но король, имѣвшій твердый и отчасти упрямый характеръ, оставался вѣренъ своей политикѣ; такъ какъ и онъ, и его министры были люди несомнѣнно способные, то, не смотря на встрѣченную ими оппозицію, имъ удалось привести въ исполненіе большую часть своихъ плановъ. Каковы бы ни были ихъ заблужденія и ихъ близорукость, но нельзя не удивляться честности, мужеству и безкорыстію, проявлявшимся въ ихъ стараніи измѣнить судьбу той суевѣрной и полуварварской страны, которою они управляли. Мы не должны

однако упускать изъ виду, что въ этомъ, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, возставая противъ золъ, къ которымъ народъ былъ рѣшительно привязанъ, они только усиливали эту привязанность. Стараться измѣнить мнѣнія посредствомъ законовъ—болѣе чѣмъ безполезно. Такія мѣры не только не достигаютъ цѣли, но даже вызываютъ реакцію, послѣ которой тѣ же мнѣнія оказываются болѣе чѣмъ когда либо сильными. Сперва измѣните мнѣніе, а потомъ измѣняйте законъ. Какъ только вы убѣдите людей, что суевѣріе вредно, вы можете съ успѣхомъ принимать дѣятельныя мѣры противъ тѣхъ классовъ, которые потворствуютъ суевѣрію и имъ живутъ. Но какъ бы ни было вредно какое либо право, или существованіе какой либо обширной корпораціи, не слѣдуетъ употреблять противъ него силу, пока успѣхи знаній не подкопаютъ его въ самомъ корнѣ и не ослабятъ его значенія въ умахъ народа. Противъ этого всегда грѣшили самые пылкіе преобразователи, которые, въ своемъ рвеніи скорѣе достигнуть цѣли, давали политическому движенію опередить умственное, и этимъ извращеніемъ естественнаго порядка приготовляли бѣдствія или самимъ себѣ, или своимъ потомкамъ. Они прикаснутся къ алтарю—и изъ него вылетаетъ огонь, чтобы пожрать ихъ. Наступаетъ новый періодъ суевѣрія и деспотизма, новая мрачная эпоха въ лѣтописяхъ рода человѣческаго. И это происходитъ единственно отъ того, что люди не выждутъ своего времени, а силятся ускорить ходъ дѣлъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, во Франціи и Германіи, сами же друзья свободы усилили тираннію, сами же враги суевѣрія сдѣлали, что суевѣріе сохранилось гораздо долѣе. Въ этихъ странахъ и до сихъ поръ думаютъ, что правительство можетъ пересоздать общество; и поэтому, какъ только люди съ либеральными убѣжденіями достигаютъ въ нихъ власти, они слишкомъ широко пользуются ею, думая, что такимъ образомъ они скорѣе придутъ къ той цѣли, къ которой стремятся. Въ Англіи это же обольщеніе, хотя и ме-

нѣе вообще, но все таки слишкомъ еще сильно преобладаетъ; у насъ однако политики находятся подъ контролемъ общественнаго мнѣнія, мы избѣгаемъ тѣхъ золъ, которыя постигаютъ другія страны, потому что мы не допускаемъ, чтобы правительство издавало законы, неодобряемые народомъ. Въ Испаніи же люди такъ привыкли къ рабству, и шеи ихъ такъ долго гнулись подъ ярмомъ, что хотя правительство и противодѣйствовало, въ XVIII столѣтіи, ихъ самымъ дорогимъ предразсудкамъ, они рѣдко осмѣливались сопротивляться, а законныхъ средствъ заставить выслушать себя у нихъ не было. Но тѣмъ не менѣе живо они чувствовали все это. Матеріалы для реакціи накоплялись въ тишинѣ, и не прошло столѣтія, какъ стала ясно видна и самая реакція. Пока жилъ Карлъ III, она не выказывалась, частью вслѣдствіе страха, внушеннаго его дѣятельнымъ и энергическимъ управленіемъ, а частью и вслѣдствіе того, что многія произведенныя имъ реформы были слишкомъ благодѣтельны и озаряли его царствованіе такимъ свѣтомъ, который могли видѣть всѣ классы общества. Освободивъ, посредствомъ своей политики, Испанію отъ безпрестанныхъ нападеній пиратовъ, онъ кромѣ того, успѣлъ заключить для нея такой почетный миръ, какого не подписывало ни одно испанское правительство, въ теченіе двухъ столѣтій, и этимъ напомнилъ народу самые свѣтлые и самые славные дни царствованія Филиппа II. Когда Карлъ вступилъ на престолъ, Испанія была едва третьестепенною державою, при смерти же его, она имѣла полное право называться первостепеннымъ государствомъ, такъ какъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, она договаривалась на равныхъ правахъ съ Франціею, Англіею и Австріею, и принимала важное участіе въ совѣтахъ Европы. Этому много содѣйствовалъ личный характеръ Карла; его столько же уважали за его честность, сколько боялись за его силу; какъ человѣкъ, онъ пользовался уже прекрасною репутаціею, а какъ государь, онъ не имѣлъ себѣ равнаго между современ-

ными монархами, за исключеніемъ развѣ Фридриха прусскаго; впрочемъ, обширныя способности послѣдняго, омрачались низкимъ хищничествомъ и постояннымъ желаніемъ превзойти своихъ сосѣдей; въ Карлѣ III, напротивъ, не было ничего подобнаго; онъ заботливо усиливалъ оборону Испаніи, и поставивъ ея сухопутныя и морскія силы на военную ногу, сдѣлалъ ее болѣе грозною, чѣмъ она была когда либо, съ шестнадцатаго столѣтія. Прежде ее могъ обидѣть любой мелкій владѣтель, которому вздумалось бы потѣшиться надъ ея слабостью; теперь же, страна эта имѣла средства для сопротивленія, а въ случаѣ нужды, и для атаки. Въ то время какъ армія была значительно усовершенствована въ отношеніи качества войскъ, ихъ дисциплины и надзора за ихъ благосостояніемъ, флотъ почти удвоился въ числительности, и болѣе чѣмъ удвоился въ силѣ. И это было сдѣлано безъ обремененія народа новыми тягостями. Дѣйствительно, средства народа до такой степени развились, что въ царствованіе Карла III, большая сумма податей выплачивалась легче, чѣмъ сравнительно малая сумма, взимавшаяся при его предшественникахъ. Неслыханная, до тѣхъ поръ, правильность введена была какъ въ раскладку, такъ и въ самое взиманіе податей. Законы о неотчуждаемыхъ имѣніяхъ (mortmain) стали менѣе строги, и были также приняты мѣры къ уменьшенію строгости законовъ о наслѣдствѣ. Промышленность страны избавилась отъ многихъ стѣсненій, долгое время тяготѣвшихъ надъ нею, и начала свободной торговли на столько привились, что въ 1765 году, старые законы о торговлѣ хлѣбомъ были отмѣнены, дозволенъ вывозъ его, а также перевозка изъ одной части Испаніи въ другую, безъ тѣхъ нелѣпыхъ предосторожностей, которыя сочли нужнымъ придумать предшествовавшія правительства

Въ это же царствованіе, стали впервые руководствоваться, въ отношеніи американскихъ колоній, правилами здравой и либеральной политики. Образъ дѣйствія испанскаго прави-

тельства, въ этомъ случаѣ, представляетъ выгодную противоположность съ системою, которой слѣдовалъ, въ отношеніи нашихъ обширныхъ колоній, недальновидный и неспособный человѣкъ, царствовавшій тогда въ Англіи. Въ то время какъ заносчивость Георга III подготовляла возстаніе въ англійскихъ колоніяхъ, Карлъ III дѣятельно принималъ примирительныя мѣры въ отношеніи колоній Испаніи. Въ этомъ стремленіи, и желая предоставить полную свободу развитію благосостоянія этихъ колоній, онъ дѣлалъ все, что только возможно было, при тогдашнемъ состояніи знанія и при средствахъ того времени. Въ 1764 году, онъ установилъ — что́ считалось тогда великимъ дѣломъ—ежемѣсячное правильное сообщеніе съ Америкою, для того, чтобы легче было ввести предположенныя имъ реформы въ колоніяхъ и чтобы скорѣе могли быть удовлетворяемы ихъ претензіи. Прямо на слѣдующій годъ, свобода торговли была дарована Вестъ-Индскимъ островамъ, и огромное количество ихъ товаровъ теперь впервые получило свободное обращеніе, полезное какъ для ихъ самихъ, такъ и для ихъ сосѣдей. Вообще, въ колоніяхъ были введены значительныя улучшенія, устранены многія стѣсненія, обуздана тираннія властей и облегчены тягости народа. Наконецъ, въ 1778 году, начала свободной торговли, послѣ удачныхъ опытовъ на американскихъ островахъ, были перенесены и на материкъ Америки; порты Перу и Новой Испаніи были открыты, и этимъ сообщенъ необыкновенно сильный толчекъ развитію благосостоянія тѣхъ дивныхъ колоній, которыя самою природою предназначались къ богатству, но которыя безумное вмѣшательство человѣка сдѣлало бѣдными.

Все это такъ быстро отражалось на метрополіи, что едва успѣла рушиться старая система монополіи, какъ торговля Испаніи начала расширяться все болѣе и болѣе, пока вывозъ и ввозъ не достигли такихъ размѣровъ, какихъ и сами виновники реформы едва ли могли ожидать; говорили, что вывозъ

иностранныхъ произведеній утроился, а туземныхъ упятерился, ввозъ же изъ Америки увеличился въ девять разъ.

Многіе изъ налоговъ, тяжело ложившихся на низшіе классы, были отмѣнены, и такъ какъ промышленные классы были освобождены отъ своихъ главныхъ тягостей, то надѣялись, что ихъ положеніе быстро улучшится. А чтобы еще болѣе облагодѣтельствовать ихъ, введены были такія реформы въ примѣненіи законовъ, что имъ можно было получать удовлетвореніе, въ публичныхъ судахъ, по жалобамъ на лицъ, стоявшихъ выше ихъ. До того времени, бѣдный человѣкъ не имѣлъ ни малѣйшей возможности восторжествовать надъ богатымъ; въ царствованіе же Карла III, правительство ввело различныя правила, въ силу которыхъ, работники и ремесленники могли получать удовлетвореніе отъ своихъ хозяевъ, въ случаѣ неуплаты ими не условленнаго жалованья, или несоблюденія заключенныхъ договоровъ.

Не только рабочіе классы, но даже литераторы и ученые были поощряемы и покровительствуемы. Одинъ видъ опасности, которому они долго подвергались, былъ въ значительной степени устраненъ мѣрами, принятыми Карломъ къ ограниченію власти инквизиціи. Кромѣ того, король былъ всегда готовъ вознаграждать ихъ заслуги; онъ былъ человѣкъ съ просвѣщеннымъ вкусомъ, и любилъ, чтобы его считали покровителемъ учености. Вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, онъ издалъ указъ, изъемлющій отъ военной службы всѣхъ типографщиковъ и всѣхъ лицъ имѣющихъ непосредственное отношеніе къ книгопечатанію, каковы словолитчики, и т. п. Онъ также, насколько могъ, старался вдохнуть новую жизнь въ старые университеты, и дѣлалъ все, что было возможно, для возстановленія ихъ дисциплины и ихъ славы. Онъ основывалъ школы, усиливалъ средства коллегій, вознаграждалъ профессоровъ, давалъ пенсіи. Въ этого рода вещахъ, щедрость его казалась безконечною, и этимъ однимъ уже достаточно объясняется то глубокое

уваженіе, съ какимъ относятся испанскіе литераторы къ памяти этого государя. Они имѣютъ полное право пожалѣть, что вмѣсто того, чтобы жить теперь, они не жили въ его царствованіе. Въ его время, предполагалось, что интересы ученыхъ тождественны съ интересами знанія; а эти послѣдніе цѣнились такъ высоко, что въ 1771 году, установилось какъ твердый принципъ въ правительственной дѣятельности, что изъ всѣхъ отраслей государственнаго управленія, забота о воспитаніи есть самая важная.

Но это еще не все. Можно сказать, безъ преувеличенія, что внѣшній видъ Испаніи подвергся бо́льшимъ измѣненіямъ въ одно царствованіе Карла III, чѣмъ во всѣ полтораста лѣтъ, со времени окончательнаго изгнанія магометанъ. При вступленіи его на престолъ, въ 1759 году, оказалось, что мудрая и миролюбивая политика его предшественника, Фердинанда VI, дала возможность этому государю не только заплатить многіе изъ долговъ короны, но даже скопить и оставить послѣ себя значительную казну. Этимъ воспользовался Карлъ, чтобы начать тѣ роскошныя публичныя сооруженія, которыя, болѣе чѣмъ какая либо другая сторона его администраціи, должны были поражать чувства и доставлять популярность его царствованію. А когда, скорѣе вслѣдствіе увеличенія богатства, чѣмъ съ помощью новыхъ налоговъ, еще бо́льшія средства достались въ его распоряженіе, онъ употребилъ значительную часть ихъ на довершеніе своихъ плановъ. Онъ такъ украсилъ Мадридъ, что спустя сорокъ лѣтъ послѣ его смерти, говорили, что городъ этотъ всѣмъ своимъ тогдашнимъ великолѣпіемъ обязанъ ему. Публичныя зданія, публичные сады, прекрасныя гулянья въ окрестностяхъ столицы, ея величественныя ворота, ея общественныя учрежденія, и самыя дороги, соединяющія ее съ окрестными мѣстностями—все это было дѣломъ Карла III, и составляетъ самые видные памятники его генія и изящнаго вкуса.

Въ другихъ частяхъ страны, были проведены дороги и прорыты каналы, съ цѣлію расширить торговлю, открытіемъ сообщеній черезъ мѣстности, бывшія прежде непроходимыми. При вступленіи на престолъ Карла III, вся Сіерра Морена была занята лишь дикими звѣрями и бандитами, находившими тамъ убѣжище. Ни одинъ мирный путешественникъ не отважился бы поѣхать въ подобное мѣсто; и торговля не могла, такимъ образомъ, направляться по мѣстности, которую сама природа предназначила быть одною изъ главнѣйшихъ большихъ дорогъ Испаніи, такъ какъ она расположена между бассейнами Гвадіаны и Гвадалквивира, на прямомъ направленіи между портами Средиземнаго моря и Атлантическаго океана. Дѣятельное правительство Карла III рѣшилось исправить это зло, но такъ какъ испанскій народъ не имѣлъ достаточно энергіи, чтобы сдѣлать все, что требовалось для этого, то, въ 1767 году, шесть тысячъ Голландцевъ и Фламандцевъ были приглашены поселиться въ Сіеррѣ Моренѣ. По ихъ прибытіи, ихъ надѣлили землею, весь округъ былъ прорѣзанъ дорогами, построены деревни, и то, что было прежде непроходимою пустынею, теперь вдругъ превратилось въ веселую, плодородную мѣстность.

По всей почти Испаніи дороги были исправлены, для чего еще въ 1760 году, былъ отложенъ особый фондъ. Начаты были многія работы, при чемъ введены такія улучшенія и такой строгій надзоръ за тѣмъ, чтобы завѣдывающія ими должностныя лица не пользовались незаконными доходами, что въ самое короткое время стоимость сооруженія общественныхъ дорогъ уменьшилась на половину, сравнительно съ тѣмъ, во что онѣ обыкновенно обходились. Изъ предпріятій удачно приведенныхъ къ окончанію, самыми важными были: дорога впервые проложенная между Малагою и Антекерою и другая между Акиласомъ и Лоркою. Такимъ образомъ, доставлены были средства сообщенія между Средиземнымъ моремъ и внутренними частями Андалузіи и Мур-

ціи. Въ то время какъ устраивались эти сообщенія на югѣ и юго-востокѣ Испаніи, другія были открываемы на сѣверѣ и сѣверо-западѣ. Въ 1769 году, была начата дорога между Бильбао и Осмою, и вскорѣ послѣ того, была окончена дорога между Галиціею и Асторгою. Эти и подобныя имъ работы были такъ искусно выполнены, что испанскія большія дороги, считавшіяся прежде худшими въ Европѣ, теперь уже были въ числѣ лучшихъ. Одинъ свѣдущій, въ этомъ дѣлѣ, судья, и притомъ человѣкъ далеко не слишкомъ пристрастный къ Испаніи, высказываетъ мнѣніе, что при смерти Карла, въ Испаніи дороги были лучше, чѣмъ въ какой либо другой странѣ.

Во внутренности страны, рѣки были сдѣланы судоходными и, для соединенія ихъ другъ съ другомъ, прорыты каналы. Эбро, протекая чрезъ самый центръ Аррагона и часть Старой Кастиліи, можетъ служить для цѣлей торговли вверхъ до Логроньо, а оттуда внизъ до Туделы. Но между Туделою и Сарагоссою, судоходству препятствуетъ слишкомъ большая быстрота теченія и скалы въ руслѣ рѣки. Слѣдовательно, Наварра лишена своего естественнаго сообщенія съ Средиземнымъ моремъ. Въ предпріимчивое царствованіе Карла V, была сдѣлана попытка исправить это зло, но планъ этотъ неудался, былъ отложенъ въ сторону и забытъ до тѣхъ поръ, пока не возобновилъ его, спустя слишкомъ двѣсти лѣтъ, Карлъ III. Подъ его покровительствомъ, былъ проектированъ большой Аррагонскій каналъ, съ великолѣпною мыслью—соединить Средиземное море съ Атлантическимъ океаномъ. Это, однакожъ, былъ одинъ изъ многихъ случаевъ, въ которыхъ правительство Испаніи оказывалось слишкомъ впереди самой страны, и пришлось покинуть планъ, выполненіе котораго было ей не по силамъ. Но и то, что успѣли сдѣлать, имѣло уже громадную цѣнность. Каналъ былъ уже доведенъ до Сарагоссы, и воды Эбро стали полезны не только для перевозки, но и для орошенія почвы. Теперь, даже западная оконеч-

ность Аррагона, имѣла средства вести безопасно выгодную торговлю. Старая земля, сдѣлавшись болѣе производительною, поднялась въ цѣнѣ, и стали воздѣлываться новыя пространства. Это принесло пользу и другимъ частямъ Испаніи. Кастилія, напримѣръ, въ голодные годы всегда зависѣла въ своемъ продовольствіи отъ Аррагона, между тѣмъ какъ эта провинція, при прежней системѣ земледѣлія, могла производить только то, что было нужно для ея собственнаго потребленія. При помощи же этого канала, къ которому, около того же времени, прибавился и Таусткій, почва Аррагона сдѣлалась производительнѣе, чѣмъ была когда либо прежде, и богатыя равнины Эбро давали такія обильныя жатвы, что въ состояніи были снабжать пшеницею и другимъ зерномъ какъ Кастильцевъ, такъ и Аррагонцевъ.

Правительство Карла III устроило также между Ампостою и Алфакесомъ каналъ, который оросилъ южную оконечность Каталоніи и далъ возможность воздѣлывать цѣлый округъ, остававшійся прежде невоздѣланнымъ, вслѣдствіе постояннаго недостатка дождей. Другимъ, еще болѣе великимъ предпріятіемъ того же царствованія была попытка, отчасти только удавшаяся, установить водяное сообщеніе между столицею и Атлантическимъ океаномъ, посредствомъ проведенія канала отъ Мадрида до Толедо, откуда товары шли бы по Таго въ Лисабонъ, и открылся бы, такимъ образомъ, путь для всей западной торговли. Но какъ это, такъ и многія другія великія предположенія были разрушены, въ самомъ зародышѣ, смертью Карла III, съ которою все изчезло. Когда его не стало, страна впала вновь въ свое прежнее бездѣйствіе, и было ясно видно, что всѣ эти великія дѣла были не національныя, а политическія; другими словами, что они были плодомъ дѣятельности отдѣльныхъ личностей, самыя ревностныя усилія которыхъ всегда оканчиваются ничѣмъ, если имъ противодѣйствуетъ вліяніе тѣхъ общихъ причинъ, которыя

незамѣтны, но которымъ даже самые сильные изъ насъ, поневолѣ оказываютъ безусловное повиновеніе.

Всетаки, одно время, было сдѣлано многое, и Карлъ, разсуждая согласно съ обыкновенными правилами политиковъ, легко могъ питать надежду, что все совершенное имъ навсегда измѣнитъ судьбу Испаніи, потому что, за эти и другія работы, которыя имъ были не только проектированы, но и выполнены, онъ заплатилъ, не прибѣгнувъ, какъ дѣлаютъ часто, къ налогамъ, обременяющимъ народъ и стѣсняющимъ его промышленность. При немъ находились постоянно, подавая ему совѣты, такіе люди, которые дѣйствительно имѣли въ виду общественное благо и никогда не сдѣлали бы такой пагубной ошибки. Подъ его управленіемъ, богатство страны значительно увеличилось и удобства низшихъ классовъ не только не уменьшились, но даже умножились. Налоги раскладывались справедливѣе, чѣмъ бывало прежде. Подати, которыхъ въ XVII столѣтіи, не могли исторгнуть у народа всѣ усилія исполнительной власти, теперь уплачивались исправно, и вслѣдствіе развитія средствъ народа, стали болѣе производительны и менѣе тягостны. Въ управленіи финансами проявлялась экономія, первый примѣръ которой былъ поданъ въ предшествовавшее царствованіе, когда осторожная и мирная политика Фердинанда VI положила основаніе многимъ изъ только-что разсказанныхъ нами улучшеній. Фердинандъ завѣщалъ Карлу III сокровища, которыя онъ ни у кого не отнималъ, а составилъ бережливостью. Между введенными имъ реформами, о которыхъ я не упомянулъ, въ избѣжаніе излишнихъ подробностей, есть одна весьма важная и прекрасно характеризующая его политику. До его царствованія, изъ Испаніи ежегодно вывозилась огромная сумма денегъ, вслѣдствіе присвоеннаго Папою права представлять къ нѣкоторымъ богатымъ бенефиціямъ, и получать часть ихъ доходовъ въ свою пользу, вѣроятно въ вознагражденіе за предпринятое имъ безпокойство. Отъ этой обязанности Папа былъ освобожденъ Фердинандомъ VI, который

обезпечилъ за испанскою короною право жаловать подобныя бенефиціи, и тѣмъ сберегъ для страны огромныя суммы денегъ, на которыя римскій дворъ привыкъ весело пировать. Это была именно такая мѣра, которую съ радостью долженъ былъ привѣтствовать Карлъ III, какъ согласующуюся съ его собственными взглядами, и поэтому мы находимъ, что въ его царствованіе она не только оставалась въ силѣ, но была еще болѣе распространена. Замѣтивъ, что не смотря на всѣ его старанія, приверженность Испанцевъ къ этого рода вещамъ была такъ сильна, что заставляла ихъ дѣлать приношенія тому, кого они считали главою Церкви, король рѣшился установить контроль даже надъ этими добровольными приношеніями. Для достиженія этой цѣли, предлагаемы были различныя ухищренія, и наконецъ остановились на одномъ, которое казалось самымъ дѣйствительнымъ. Изданъ былъ королевскій указъ, повелѣвавшій, чтобы никто не посылалъ денегъ въ Римъ, а если кому нибудь понадобится произвести тамъ какія либо уплаты, то чтобы деньги эти посылались не обыкновеннымъ путемъ, а чрезъ пословъ, министровъ, или другихъ агентовъ испанской короны.

Если мы теперь возвратимся къ разсказаннымъ мною дѣяніямъ, и взглянемъ на нихъ, какъ на нѣчто цѣлое, простирающееся со вступленія на престолъ Филиппа V, до смерти Карла III, т. е. на періодъ времени почти въ девяносто лѣтъ, то мы будемъ поражены проявляющимся въ нихъ единствомъ, правильностью ихъ хода и ихъ видимымъ успѣхомъ. Смотря на нихъ съ одной политической точки зрѣнія, можно усомниться, видали ли когда въ какой либо странѣ, до или послѣ этого, прогрессъ столь же обширный и непрерывный. Въ продолженіе трехъ поколѣній, не было остановки со стороны правительства; ни одной реакціи, ни одного признака колебанія. Улучшеніе за улучшеніемъ, реформа за реформою, слѣдовали быстро, непрерывно. Могущество церкви, которое всегда было вопіющимъ зломъ въ Испаніи, и къ которому,

до того времени, не смѣлъ прикоснуться никто изъ самыхъ отважныхъ политиковъ, теперь было всячески ограничено, благодаря усиліямъ цѣлаго ряда государственныхъ людей, отъ Орри до Флорида Бланка, дѣло которыхъ было потомъ въ теченіе почти тридцати лѣтъ усердно продолжаемо Карломъ III, способнѣйшимъ изъ государей, какіе когда либо царствовали въ Испаніи, со смерти Филиппа II. Навели страхъ даже на инквизицію, которая стала теперь снисходительнѣе къ своимъ жертвамъ. Сожиганіе еретиковъ было прекращено. Пытки не употреблялись болѣе. Преслѣдованія за ересь не были дозволяемы. Вмѣсто того, чтобы наказывать людей за воображаемыя преступленія, стали проявлять заботливость объ ихъ дѣйствительныхъ интересахъ, стали облегчать ихъ тягости, увеличивать ихъ удобства и ограничивать тираннію поставленныхъ надъ ними лицъ. Дѣлались попытки къ обузданію алчности духовенства и къ предупрежденію самовольныхъ посягательствъ его на достояніе народа. Въ этихъ видахъ, пересмотрѣны были законы о неотчуждаемыхъ имѣніяхъ (mortmain), и приняты различныя мѣры, которыя должны были служить препятствіемъ для лицъ, желавшихъ расточать свою собственность, посредствомъ завѣщанія ея на духовныя потребности. Въ этомъ, какъ и въ другихъ предметахъ, истинные интересы общества предпочитались воображаемымъ. Поставить міряиъ выше духовныхъ, ослабить исключительное вниманіе, обращавшееся, до того времени, на вопросы, о которыхъ ничего положительно неизвѣстно, и которые невозможно рѣшить; достигнуть всего этого и замѣнить подобныя безплодныя умозрѣнія любовью къ наукѣ, или литературѣ, сдѣлалось теперь цѣлью испанскаго правительства, въ первый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ правительство въ Испаніи. Слѣдуя этому плану, оно изгнало іезуитовъ, отмѣнило право святилища укрывать преслѣдуемыхъ закономъ, и научило всю іерархію, отъ епископа до послѣдняго монаха, бояться закона, обуздывать свои страсти, и умѣрять ту на-

глость, которую она выказывала въ обращеніи со всѣми сословіями, кромѣ своего. И во всякой странѣ, такія мѣры были бы великимъ подвигомъ, въ странѣ же, какъ Испанія, онѣ составляли чудо. Я сдѣлалъ лишь краткій обзоръ этихъ нововведеній, но и этого достаточно, чтобы видѣть, до какой степени правительство трудилось надъ тѣмъ, чтобы уменьшить суевѣріе, обуздать изувѣрство, возбудить къ дѣятельности умъ, оживить промышленность и вывести народъ изъ состоянія мертвеннаго усыпленія. Я пропустилъ нѣсколько довольно любопытныхъ мѣръ, направлявшихся въ ту же сторону, потому что здѣсь, какъ и вездѣ, я стараюсь ограничиваться лишь тѣми рѣзко выдающимися чертами, въ которыхъ болѣе явственно обозначается общее движеніе. Кто станетъ подробно изучать исторію Испаніи, за этотъ періодъ времени, тотъ найдетъ новыя доказательства умѣнья и энергіи людей, стоявшихъ во главѣ ея управленія и посвятившихъ свои лучшія силы дѣлу возрожденія управляемой ими страны. Но, для такихъ спеціальныхъ изслѣдованій, нужны и спеціальные люди; я же буду совершенно доволенъ, если мнѣ удалось вѣрно схватить общее очертаніе, общій ходъ событій. Для моей цѣли совершенно достаточно, если я доказалъ главное предложеніе и убѣдилъ читателя въ томъ, что государственные люди Испаніи совершенно ясно различали то зло, отъ котораго стонала ихъ страна, и что они усердно старались исправить его и воскресить судьбы державы, которая не только была нѣкогда первенствующею въ Европѣ, но и управляла самою роскошною и обширною территоріею, какая когда либо соединялась подъ однимъ скипетромъ, со времени паденія Римской Имперіи.

Тѣ, которые убѣждены, что правительство можетъ цивилизовать націю, и что законодатели суть виновники соціальнаго прогресса, естественно подумаютъ, что Испанія извлекла прочную пользу изъ тѣхъ либеральныхъ началъ, которыя теперь впервые были проведены въ дѣйствительность. На дѣлѣ од-

нако выходитъ, что подобная политика, какъ бы она ни казалась разумною, не принесла никакой пользы, просто потому, что она шла противъ цѣлаго ряда предшествовавшихъ обстоятельствъ. Она противорѣчила всему складу національнаго ума и была введена въ общество, которое еще не созрѣло для нея. Никакая реформа не можетъ принести дѣйствительной пользы, если она не есть продуктъ общественнаго мнѣнія и если въ ней инициатива не принадлежитъ самому народу. Въ Испаніи, въ теченіе XVIII столѣтія, иностранное вліяніе и запутанности внѣшней политики, ставили просвѣщенныхъ правителей надъ непросвѣщенною страною. Вслѣдствіе этого, совершались, одно время, великія дѣла. Устранено много золъ, удовлетворены многія жалобы, введены многія важныя улучшенія, и проявился такой духъ терпимости, какого еще не видали, до тѣхъ поръ, въ этой суевѣрной странѣ, порабощенной духовенствомъ. Но умъ Испаніи оставался нетронутымъ. Въ то время какъ по наружности, по внѣшнимъ признакамъ, дѣла шли лучше, сущность ихъ оставалась неизмѣнною. Подъ этою поверхностью, далеко внѣ вліянія всякихъ политическихъ средствъ, дѣйствовали важныя общія причины; дѣйствуя непрерывно въ продолженіе многихъ столѣтій, онѣ, рано или поздно, навѣрно заставили бы политиковъ обратиться вспять и торжественно вступить на тотъ путь, который соотвѣтствовалъ бы преданіямъ страны и согласовался съ обстоятельствами, подъ вліяніемъ которыхъ преданія эти сложились.

Наконецъ наступила реакція. Въ 1788 году, умеръ Карлъ III, и ему наслѣдовалъ Карлъ IV, государь, воспитанный чисто въ испанскомъ духѣ — набожный, правовѣрный, невѣжественный. Теперь-то стало ясно, до какой степени все было непрочно и какъ мало можно было полагаться на реформы, не вызванныя самимъ народомъ, а навязанныя ему политическими классами. Карлъ IV, хотя слабый и ничтожный государь, былъ до такой степени поддерживаемъ, въ

своихъ общихъ видахъ, сочувствіемъ испанскаго народа, что, менѣе чѣмъ въ пять лѣтъ, ему удалось совершенно ниспровергнуть либеральную политику, надъ созиданіемъ которой трудились три поколѣнія государственныхъ людей. Менѣе чѣмъ въ пять лѣтъ, все измѣнилось. Власть церкви была возстановлена; все, что хоть сколько нибудь приближалось къ свободному изслѣдованію, было запрещено; старыя начала произвола, о которыхъ не слыхали съ семнадцатаго столѣтія, теперь вновь возымѣли силу; священники снова пріобрѣли большое значеніе; литераторы были запуганы, и литература упала духомъ; а между тѣмъ инквизиція, внезапно воскресшая, проявила такую энергію, отъ которой трепетали ея враги, и доказала, что всѣ попытки, направлявшіяся къ ослабленію ея, не могли лишить ее силы, ни обуздать ея древній духъ.

Министры Карла III и виновники тѣхъ великихъ реформъ, которыя ознаменовали его царствованіе, были отставлены, чтобы очистить мѣсто для другихъ совѣтниковъ, болѣе подходящихъ къ новому порядку вещей. Карлъ IV слишкомъ любилъ церковь, чтобы сносить присутствіе просвѣщенныхъ людей. Аранда и Флорида Бланка были удалены отъ должностей и оба отправлены въ заточеніе. Ховельяносъ былъ удаленъ отъ двора, а Кабаррюсъ заключенъ въ тюрьму. Теперь предстояло такое дѣло, къ которому эти знаменитые люди не приложили бы рукъ своихъ. Политика, которой неуклонно слѣдовали въ продолженіе почти девяноста лѣтъ, должна была вскорѣ быть покинута для того, чтобы воскресить и, если можно, возстановить въ прежней силѣ старое владычество семнадцатаго столѣтія, владычество невѣжества, тираніи, суевѣрія.

Еще разъ Испанія покрылась мракомъ; еще разъ легла ночная тѣнь на эту несчастную землю. Самые худшіе виды угнетенія, говоритъ одинъ замѣчательный писатель, казалось обрушились на страну съ новою, зловѣщею тяжестью. Въ тоже самое время, и какъ естественное послѣдствіе общаго

плана, явилось запрещеніе всякаго изслѣдованія, которое способно возбудить дѣятельность ума. Дѣйствительно, посланъ былъ во всѣ университеты приказъ, воспрещающій изученіе нравственной философіи; при чемъ министръ, отдавшій приказъ, очень справедливо замѣтилъ, что король не нуждается въ философахъ. Однако, нечего было бояться, чтобы Испанія, изучая этотъ предметъ, не произвела чего либо особенно опаснаго. Нація, не дерзавшая, и,—что еще хуже,—не желавшая сопротивляться, во всемъ уступала, предоставляя королю дѣлать, что́ ему угодно. Въ теченіе весьма немногихъ лѣтъ, онъ парализировалъ дѣйствіе самыхъ драгоцѣнныхъ реформъ, введенныхъ его предшественниками. Удаливъ умныхъ совѣтниковъ своего отца и раздавъ высшія мѣста такимъ же ограниченнымъ и неспособнымъ людямъ, какъ и онъ самъ, онъ довелъ страну до совершеннаго банкротства, и по замѣчанію одного испанскаго историка, истощилъ всѣ средства государства.

Таково было состояніе Испаніи въ концѣ XVIII столѣтія. За этимъ быстро послѣдовало нашествіе Французовъ, и эта несчастная страна испытала всевозможные виды бѣдствія и униженія. Тутъ однако слѣдуетъ замѣтить нѣкоторое различіе. Бѣдствія могутъ быть причиняемы другими, униженіе же народа можетъ произойти только отъ собственныхъ его дѣйствій. Иноземный грабитель можетъ нанести вредъ, но не можетъ причинить стыда. Между народами, такъ же, какъ и между отдѣльными лицами, не можетъ быть безчестія для того, кто вѣренъ самому себѣ. Испанія, въ теченіе нынѣшняго столѣтія, была ограблена и угнетена, но позоръ падаетъ на грабителей, а не на ограбленныхъ. Ее наводнило грубое, своевольное солдатство, ея поля были опустошены, города разграблены, села сожжены. Но безчестіе, въ этомъ случаѣ, падаетъ скорѣе на злодѣя, чѣмъ на жертву. Даже съ матеріальной точки зрѣнія, подобныя потери навѣрно могутъ быть вознаграждены, если только народъ, подвергшійся имъ, укрѣ-

пился въ тѣхъ привычкахъ самоуправленія, и въ томъ чувствѣ самоупованія, которыя составляютъ причину и источникъ всякаго истиннаго величія. Съ ихъ помощью, всякій вредъ можетъ быть исправленъ и всякое зло уврачевано. Безъ нихъ же, и самый слабый ударъ можетъ быть пагубенъ. Въ Испаніи ничего подобнаго не знаютъ, и ничто подобное не можетъ повидимому привиться. Въ этой странѣ, люди такъ давно привыкли къ слѣпому раболѣпію предъ короной и духовенствомъ, что подобострастіе и суевѣріе заступили мѣсто тѣхъ благородныхъ побужденій, которымъ всякая свобода обязана своимъ существованіемъ, и въ отсутствіи которыхъ, никогда не можетъ быть осуществлена идея независимости. Дѣйствительно, не разъ въ теченіе XIX столѣтія, проявлялся такой духъ, отъ котораго можно было ожидать чего-то лучшаго. Въ 1812, въ 1820 и въ 1836 годахъ, нѣсколько пылкихъ и восторженныхъ преобразователей пытались обезпечить испанскому народу свободу, доставивъ Испаніи свободную конституцію. Они имѣли минутный успѣхъ—вотъ и все. Они могли дать ей формы конституціоннаго правительства, но не могли дать тѣхъ преданій и тѣхъ привычекъ, подъ вліяніемъ которыхъ вырабатываются эти формы. Они подражали голосу свободы; они скопировали ея учрежденія, они переняли самые пріемы ея. И что же? При первомъ ударѣ судьбы, ихъ идолъ распался на части. Ихъ конституціи рушились, ихъ собранія были распущены, ихъ постановленія отмѣнены. Послѣ каждаго такого разстройства, правительство усиливалось, начала деспотизма упрочивались, и испанскимъ либераламъ приходилось оплакивать тотъ день, въ который они тщетно пытались доставить свободу своей несчастной, злополучной странѣ.

А что еще замѣчательнѣе въ этихъ неудачахъ, это то, что Испанцы обладали, съ весьма давняго времени, муниципальными привилегіями и льготами, подобными тѣмъ, которыя мы имѣли въ Англіи и которымъ часто приписываютъ наше

величіе. Но подобныя учрежденія, хотя и сохраняютъ свободу, но никогда не могутъ создать ее. Испанія имѣла наружный видъ свободы, но не имѣла ея духа; по этому, наружный видъ, какъ бы много онъ ни обѣщалъ, вскорѣ изглаживался. Въ Англіи духъ предшествовалъ формѣ, и по этому форма упрочилась. Такъ, хотя Испанцы и могли похвастать свободными учрежденіями цѣлымъ столѣтіемъ раньше насъ, они все таки не могли сохранить ихъ, единственно потому, что у нихъ были учрежденія и болѣе ничего. Мы не имѣли народнаго представительства до 1264 года, Кастилія же имѣла его въ 1169 году, а Аррагонъ — въ 1133. Точно также, древнѣйшая хартія была пожалована англійскому городу въ XII столѣтіи, въ Испаніи же мы находимъ хартію, данную Леону въ 1020 году; и въ теченіе одиннадцатаго столѣтія, привилегіи и льготы городовъ были тамъ на столько обезпечены, на сколько это можно было сдѣлать путемъ закона.

Но дѣло въ томъ, что въ Испаніи эти учрежденія, вмѣсто того чтобы вытекать изъ потребностей народа, были порождены однимъ ударомъ политики его правителей. Они скорѣе были навязаны гражданамъ, чѣмъ даны по ихъ желанію; ибо въ продолженіе войны съ магометанами, христіанскіе короли Испаніи, по мѣрѣ движенія своего къ югу, естественно озабочивались тѣмъ, чтобы заставить своихъ подданныхъ селиться въ пограничныхъ городахъ, гдѣ они могли бы встрѣчать и отражать непріятеля. Съ этою цѣлью, жаловались хартіи городамъ, и разныя привилегіи ихъ жителямъ. По мѣрѣ того, какъ магометане были постепенно оттѣсняемы въ направленіи отъ Астуріи къ Гранадѣ, границы отодвигались, и льготы были распространяемы на вновь завоеванные пункты, такъ чтобы мѣсто опасности было также и мѣстомъ вознагражденія. Но въ то же время, тѣ общія причины, на которыя я указалъ, предопредѣляли народъ къ привычкамъ слѣпой преданности и суевѣрія, которыя раз-

вивались до размѣровъ пагубныхъ для духа свободы. При этомъ условіи всякія учрежденія были безполезны. Они не пускали корней, а подобно тому, какъ созидались по одному политическому разсчету, разрушались по другому. Къ концу XIV столѣтія, Испанцы такъ прочно утвердились на вновь занятыхъ ими территоріяхъ, что имъ почти нечего было опасаться вторичнаго изгнанія изъ этихъ мѣстностей; между тѣмъ, съ другой стороны, имъ не представлялось также непосредственной возможности продолжать свои завоеванія и вытѣснить магометанъ изъ укрѣпленныхъ пунктовъ Гранады. Слѣдовательно, обстоятельства, вызвавшія муниципальныя привилегіи, миновали; а какъ скоро это сдѣлалось очевиднымъ, привилегіи начали исчезать. Такъ какъ онѣ не согласовались съ привычками народа, то и слѣдовало ожидать, что онѣ рушатся при первомъ удобномъ случаѣ. Въ концѣ XIV столѣтія, онѣ уже замѣтно теряли свою силу; къ концу же пятнадцатаго, онѣ почти не существовали, а въ началѣ шестнадцатаго, были окончательно уничтожены.

Такимъ-то образомъ, общія причины всегда наконецъ торжествуютъ надъ всѣми препятствіями. Въ общемъ выводѣ, за продолжительные періоды времени, онѣ оказываются непреодолимыми. Дѣйствіе ихъ часто умѣряется, а иногда, на короткое время, и останавливается политиками, которые имѣютъ всегда наготовѣ свои эмпирическія близорукія средства. Если же средства эти противны духу времени, то онѣ могутъ имѣть успѣхъ развѣ только на одно мгновеніе; а когда это мгновеніе пройдетъ, то начинается реакція, и приходится отвѣчать за употребленное насиліе. Доказательство этого можно найти въ лѣтописяхъ каждой цивилизованной страны— стоитъ только сличить исторію законодательства съ исторіею мнѣній. Одно прекрасное доказательство представила намъ судьба испанскихъ городовъ, въ судьбѣ же испанской церкви мы найдемъ другое. Въ продолженіе слишкомъ восьмидесяти лѣтъ по смерти Карла II, правители Испаніи старались осла-

бить духовную власть, и результатомъ всѣхъ этихъ усилій было, что даже такой ничтожный и неспособный король, какъ Карлъ IV, сумѣлъ чрезвычайно легко и быстро разрушить все, что они построили. Это произошло оттого, что когда, въ продолженіе восемнадцатаго столѣтія, духовенство подвергалось нападеніямъ со стороны закона, общественное мнѣніе благопріятствовало ему. Мнѣнія народа неизмѣнно зависятъ отъ обширныхъ общихъ причинъ, имѣющихъ вліяніе на цѣлую страну; законы же его слишкомъ часто бываютъ дѣломъ немногихъ могущественныхъ личностей, находящихся въ разладѣ съ народной волей. Когда законодатели умираютъ, или лишаются своихъ мѣстъ, то всегда есть вѣроятность, что ихъ преемники будутъ держаться противоположныхъ мнѣній, и разрушатъ ихъ планы. Но среди всѣхъ волненій и колебаній политической жизни, общія причины сохраняютъ свою силу, хотя онѣ и ускользаютъ часто изъ вида, и остаются незамѣтными, пока политики, склонясь въ ихъ сторону, не выдвинутъ ихъ наружу, и явно не признаютъ ихъ значенія какимъ нибудь публичнымъ актомъ.

Это именно и сдѣлалъ Карлъ IV въ Испаніи. Когда онъ принималъ мѣры въ пользу церкви и противъ свободнаго изслѣдованія, то этимъ онъ только торжественно признавалъ силу тѣхъ національныхъ привычекъ, которыми предшественники его пренебрегали. Вліяніе, которое всегда имѣла іерархія страны на общественное мнѣніе, вошло даже въ пословицу; но оно еще сильнѣе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. До чего доходило это вліяніе въ XVII столѣтіи, это мы уже видѣли; въ восемнадцатомъ столѣтіи не было замѣтно никакихъ признаковъ ослабленія его; они обнаруживались только развѣ между немногими отважными людьми, которые ничего не могли сдѣлать, пока голосъ народа былъ въ такой сильной степени противъ нихъ. Лаба (Labat), путешествовавшій по Испаніи въ началѣ царствованія Филиппа V, говоритъ намъ, что когда священникъ служилъ обѣдню, знатнѣйшіе

вельможи считали за честь помогать ему облачаться, и что они становились передъ нимъ на колѣна и цѣловали его руки. Когда такъ поступала самая гордая аристократія въ Европѣ, то можно себѣ представить, каково̀ должно было быть общее чувство. Въ самомъ дѣлѣ, Лаба̀ увѣряетъ насъ, что такой Испанецъ, который не предоставилъ бы извѣстной части своей собственности въ пользу церкви, едвали считался бы правовѣрнымъ,—до такой степени уваженіе къ іерархіи вошло въ характеръ испанской націи.

Еще болѣе любопытный примѣръ представляли волненія по случаю изгнанія іезуитовъ. Эта нѣкогда полезная, но теперь безпокойная, корпорація была въ продолженіе XVIII столѣтія тѣмъ же, чѣмъ она оказывается и въ девятнадцатомъ—отъявленнымъ врагомъ прогресса и терпимости. Правители Испаніи, замѣтивъ, что іезуиты противодѣйствуютъ всѣмъ ихъ планамъ реформъ, рѣшились избавиться отъ этого препятствія, встрѣчавшагося имъ на каждомъ шагу. Не задолго до этого, во Франціи, съ іезуитами обошлись, какъ съ общественною язвою и сразу удалили ихъ, безъ малѣйшаго затрудненія. Совѣтники Карла III не видѣли причины, почему бы не принять такой полезной мѣры и въ ихъ странѣ, и, въ 1767 году, слѣдуя примѣру, показанному Франціею въ 1764, уничтожили эту главную опору церкви. Сдѣлавъ это, правительство полагало, что оно сдѣлало рѣшительный шагъ къ ослабленію духовной власти, въ особенности, когда мѣра эта встрѣтила полное одобреніе короля. Годъ спустя послѣ этого, Карлъ III, по своему обыкновенію, вышелъ на балконъ дворца въ день празднества Св. Карла, съ готовностью исполнить всякую просьбу, съ какою обратился бы къ нему народъ—обыкновенно въ этомъ случаѣ просили объ увольненіи какого нибудь министра, или объ отмѣнѣ какого нибудь налога. Но въ этотъ разъ, граждане Мадрида, вмѣсто того, чтобы заниматься такими мірскими дѣлами, нашли, что еще болѣе дорогіе интересы подвергаются опасности, и,

къ удивленію и ужасу двора, въ одинъ голосъ просили о дозволеніи іезуитамъ возвратиться и носить свою обыкновенную одежду, дабы Испанія могла быть осчастливлена лицезрѣніемъ этихъ святыхъ людей.

Можно ли что сдѣлать съ такимъ народомъ? Какую пользу принесутъ законы, если потокъ общественнаго мнѣнія стремится противъ ихъ? Въ виду такихъ препятствій, правительство Карла III, не смотря на свои добрыя намѣренія, было безсильно. Оно было даже хуже чѣмъ безсильно—оно было вредно; потому что, возбуждая народное сочувствіе въ пользу духовенства, оно только усиливало то, что старалось ослабить. Этимъ жестокимъ, преслѣдующимъ іезуитамъ, запятнаннымъ всякаго рода преступленіемъ, испанская нація продолжала оказывать уваженіе, которое, вмѣсто того, чтобы уменьшиться, увеличилось. Со всѣхъ сторонъ стекались къ нимъ богатства, приносимыя въ даръ и отказываемыя по завѣщаніямъ. Люди готовы были сами пойти по міру и пустить по міру свои семейства, только бы увеличить всеобщее приношеніе. Это дошло наконецъ до замѣчательныхъ размѣровъ: Флорида Бланка, министръ короны, утверждалъ въ 1788 году, что въ послѣдніе 50 лѣтъ доходы церкви такъ быстро возрасли, что по нѣкоторымъ статьямъ почти удвоились.

Даже инквизиція, самое варварское учрежденіе, какое придумывалъ когда либо умъ человѣка, была отстаиваема общественнымъ мнѣніемъ противъ нападеній короны. Испанское правительство хотѣло ниспровергнуть ее, и дѣлало все, что могло, для ея ослабленія, но испанскій народъ любилъ ее по-старому, и дорожилъ ею, какъ лучшею защитою своею противъ вторженій ереси. Доказательство этого представилось въ 1778 году, когда, по случаю сожженія одного еретика, приговореннаго Инквизиціею, нѣсколько лицъ изъ высшей аристократіи участвовали въ этой церемоніи, въ качествѣ прислужниковъ, считая за счастье, что имъ представился случай публично заявить о своей покорности Церкви.

Все это не выходило изъ естественнаго порядка вещей. Все это было результатомъ длиннаго ряда причинъ, дѣйствіе которыхъ я старался прослѣдить за всѣ тринадцать столѣтій, начиная съ того времени, какъ вспыхнула Аріанская война. Эти причины насильно сдѣлали Испанцевъ суевѣрными, и стараться измѣнить ихъ натуру путемъ законодательныхъ мѣръ, значило напрасно терять время. Единственное средство противъ суевѣрія заключается въ знаніи. Ничто другое не можетъ стереть это зараженное мѣсто съ человѣческаго ума. Безъ этого, прокаженный останется неочищеннымъ, а рабъ — неосвобожденнымъ. Именно знанію законовъ и отношеній вещей обязана своимъ существованіемъ европейская цивилизація; но этого-то всегда и недоставало въ Испаніи. А до тѣхъ поръ, пока этотъ недостатокъ не будетъ пополненъ, пока наука, съ ея смѣлымъ и пытливымъ духомъ, не упрочитъ своего права на изслѣдованіе всѣхъ предметовъ, по своему собственному усмотрѣнію, и своему собственному методу, мы можемъ быть увѣрены, что въ Испаніи, никакая литература, никакіе университеты, никакіе законодатели, никакія преобразованія, не въ силахъ будутъ вывести народъ изъ того безпомощнаго состоянія мрака, въ которое они погружены самымъ ходомъ событій.

Что никакое политическое улучшеніе, какъ бы благовидно и привлекательно оно ни казалось, не можетъ принести прочной пользы, если ему не предшествуетъ измѣненіе общественнаго мнѣнія, и что всякому измѣненію общественнаго мнѣнія предшествуютъ перемѣны въ знаніи, — вотъ положенія, которыя подтверждаются всею исторіею вообще, и которыя особенно ясно вытекаютъ изъ исторіи Испаніи. Испанцы имѣли все, кромѣ знанія. Они обладали несмѣтными богатствами и плодородными и хорошо населенными территоріями во всѣхъ частяхъ земнаго шара. Ихъ собственная страна, омываемая Атлантическимъ океаномъ и Средиземнымъ моремъ и обладающая прекрасными гаванями, занимаетъ замѣчательно выгод-

ное мѣсто, въ отношеніи торговли между Европою и Америкою; она можетъ держать въ своихъ рукахъ торговлю обоихъ полушарій. Испанцы имѣли, въ весьма раннее время, обширныя муниципальныя привилегіи, имѣли независимые парламенты, имѣли право сами выбирать должностныхъ лицъ, и сами управлять своими городами. У нихъ были богатые и цвѣтущіе города, множество мануфактуръ, и искусныхъ ремесленниковъ, отборныя произведенія которыхъ имѣли обезпеченный сбытъ на всѣхъ рынкахъ въ свѣтѣ. Они занимались изящными искусствами съ замѣчательнымъ успѣхомъ; ихъ превосходныя картины и ихъ величественныя церкви справедливо ставятся въ ряду самыхъ дивныхъ произведеній человѣческихъ рукъ. Они говорятъ прекраснымъ, звучнымъ и гибкимъ языкомъ, и литература ихъ не уступаетъ въ достоинствѣ языку. Ихъ земля доставляетъ всякаго рода сокровища. Она изобилуетъ виномъ и оливковымъ масломъ, и производитъ самые отборные плоды, почти съ тропическою роскошью. Она содержитъ въ себѣ самые цѣнные минералы, въ безконечномъ разнообразіи, неслыханномъ въ другихъ частяхъ Европы. Нигдѣ не находимъ мы такихъ рѣдкихъ и цѣнныхъ мраморовъ, такъ легко добываемыхъ, и такъ близко расположенныхъ отъ приморскихъ пунктовъ, гдѣ ихъ можно безопасно нагружать на суда и отправлять въ мѣста спроса. Что касается металловъ, то едва ли найдется хоть одинъ, которымъ бы не обладала Испанія въ огромномъ количествѣ. Всѣмъ извѣстны ея серебряные и ртутные рудники. Она изобилуетъ мѣдью и имѣетъ громадные запасы свинца. Желѣзо и каменный уголь, два самыя полезныя изъ всѣхъ произведеній неорганическаго міра, также чрезвычайно изобилуютъ въ этой благодатной странѣ. Желѣзо находится, говорятъ, во всѣхъ частяхъ Испаніи, и притомъ лучшаго качества; угольныя же копи Астуріи— неистощимы. Короче, природа была такъ расточительно щедра къ Испаніи, что замѣчали,—и едва ли тутъ есть пре-

увеличеніе,—что испанскій народъ имѣетъ въ предѣлахъ своей территоріи, почти всѣ естественныя произведенія, какія могутъ удовлетворять потребности или любопытству человѣка.

Все это блестящіе дары; теперь обязанность историка разсказать, какое изъ нихъ сдѣлано было употребленіе. Конечно, обладающій ими народъ никогда не имѣлъ недостатка въ природныхъ дарованіяхъ. На его долю выпало достаточное число великихъ государственныхъ людей, великихъ государей, великихъ судей, и великихъ законодателей. Много было у него способныхъ и энергическихъ правителей; и исторія его украшена частымъ появленіемъ самоотверженныхъ и безкорыстныхъ патріотовъ, жертвовавшихъ всѣмъ для блага своей страны. Храбрость этого народа никогда не подлежала сомнѣнію; что же касается высшихъ сословій его, то строгія правила чести испанскаго дворянства вошли даже въ пословицу по всему свѣту. Вообще, всѣ лучшіе наблюдатели говорятъ объ этомъ народѣ, что онъ благороденъ, великодушенъ, правдивъ, въ высшей степени неподкупенъ, пылокъ и полонъ рвенія въ дружбѣ, любезенъ во всѣхъ сношеніяхъ частной жизни, откровененъ, благотворителенъ и человѣченъ. Искренность Испанцевъ въ дѣлѣ религіи не подлежитъ сомнѣнію; они, кромѣ того, замѣчательно воздержанны и умѣренны. Но всѣ эти важныя качества ни къ чему не послужили имъ, и ни къ чему не послужатъ, пока они будутъ оставаться въ невѣжествѣ. Чѣмъ все это кончится, и попадетъ ли когда нибудь эта несчастная страна на истинный путь,—этого никто не можетъ сказать. А если этого не случится, то никакое улучшеніе не проникнетъ въ нее глубже поверхности. Остается только одно—ослабить суевѣріе народа; а это возможно только при такомъ ходѣ естественныхъ наукъ, при которомъ онѣ, освоивая людей съ понятіями порядка и правильности, постепенно подрывали бы старинныя представленія о неустройствѣ, о чудесномъ и чудесахъ и, такимъ

образомъ, пріучали бы умъ объяснять всѣ превратности въ ходѣ дѣлъ естественными соображеніями, а не исключительно сверхъестественными, какъ дѣлалось до сихъ поръ.

Къ этому именно все и направлялось, въ самыхъ передовыхъ странахъ Европы, въ теченіе почти трехъ столѣтій. Но въ Испаніи, къ несчастію, воспитаніе всегда оставалось, и до сихъ поръ остается, въ рукахъ духовенства, которое постоянно противодѣйствуетъ тѣмъ успѣхамъ знанія, которые, какъ ему хорошо извѣстно, будутъ пагубны для его власти. Такъ какъ народъ остается въ невѣжествѣ, и причины, удерживающія его въ этомъ состояніи, продолжаютъ дѣйствовать,— то нѣтъ никакой пользы для страны въ томъ, что въ ней появляются, отъ времени до времени, либеральные правители, и принимаются либеральныя мѣры. Испанскіе преобразователи, за весьма немногими исключеніями, всѣ ревностно нападали на церковь, власть которой, какъ они ясно видѣли, слѣдовало ослабить. Но одного не замѣчали они, это того, что такое ослабленіе не можетъ принести никакой дѣйствительной пользы, если оно не оказывается результатомъ общественнаго мнѣнія, понуждающаго политиковъ дѣйствовать такъ, а не иначе. Въ Испаніи, принимали на себя инціативу политики, а народъ оставался назади. По этому-то въ Испаніи, сдѣланное въ одинъ періодъ, непремѣнно уничтожалось въ другой. Когда были въ силѣ либералы, они уничтожили Инквизицію; но Фердинандъ VII безъ малѣйшаго труда возстановилъ ее, потому что, хотя ее и уничтожили испанскіе законодатели, но существованіе ея продолжало согласоваться съ привычками и преданіями испанскаго народа. Затѣмъ произошли новыя перемѣны, и это ненавистное судилище было опять уничтожено, въ 1820 г. Но хотя форма его исчезла, духъ его продолжаетъ жить. Имя, составъ и наружныя формы инквизиціи не существуютъ болѣе, но тотъ духъ, который породилъ инквизицію, еще коренится въ народѣ, и при малѣйшемъ поводѣ, воспрянетъ и возстановитъ это учрежденіе,

которое есть скорѣе послѣдствіе, чѣмъ причина нетерпимости и изувѣрства испанской націи.

Такимъ точно образомъ, и другія, болѣе систематическія нападенія на церковь, въ теченіе нынѣшняго столѣтія, сначала удавались, но современемъ непремѣнно оказывались напрасными. При Іосифѣ, въ 1809 году, были уничтожены монашескіе ордена, и собственность ихъ конфискована. Но немного выиграла этимъ Испанія. Народъ былъ на ихъ сторонѣ; и какъ скоро буря прошла, они были возстановлены. Въ 1836 году, было другое политическое движеніе; во главѣ управленія стояли либералы, и Мендизабалъ (Mendizabal) секуляризировалъ всю собственность церкви и лишилъ духовенство почти всего громаднаго, неправдою нажитаго богатства. Онъ не зналъ, какъ безразсудно нападать на учрежденіе, если нельзя сперва ослабить его вліяніе. Онъ слишкомъ много придавалъ значенія закону, и слишкомъ мало общественному мнѣнію. Это ясно доказалъ результатъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, и началась реакція. Въ 1845 году, былъ изданъ такъ называемый законъ о возстановленіи правъ собственности, которымъ сдѣланъ былъ первый шагъ къ надѣленію вновь духовенства имуществомъ. Въ 1851 году, положеніе его было еще болѣе улучшено знаменитымъ Конкордатомъ, которымъ торжественно было предоставлено ему право, какъ пріобрѣтенія, такъ и владѣнія. Всему этому отъ души радовался народъ. Такъ велико было однако безумство либеральной партіи, что спустя не болѣе четырехъ лѣтъ, когда партія эта пріобрѣла мгновенный перевѣсъ, она насильственно уничтожила эти распоряженія и отмѣнила уступки, сдѣланныя церкви и, къ несчастію для Испаніи, одобренныя общественнымъ мнѣніемъ. Послѣдствія этого легко можно было предвидѣть. Въ Аррагонѣ и въ другихъ частяхъ Испаніи, народъ взялся за оружіе; вспыхнуло возстаніе Карлистовъ, и по всей странѣ раздался крикъ, что религія въ

опасности. Невозможно благодѣтельствовать подобному народу. Преобразователи были конечно низпровергнуты, и осенью 1856 года ихъ партія была разбита. Затѣмъ началась политическая реакція и шла такъ быстро, что весною 1857 года, политика, которой слѣдовали въ два предшествовавшихъ года, была совершенно измѣнена. Тѣ, которые напрасно думали, что они могутъ возродить свою страну путемъ закона, увидѣли всѣ свои надежды обманутыми. Составилось министерство, мѣры котораго болѣе согласовались съ духомъ націи. Въ маѣ 1857 года, собрались Кортесы. Представители народа одобрили распоряженія исполнительнаго правительства, и ихъ соединенною властью, худшія изъ опредѣленій Конкордата 1851 года были вполнѣ подтверждены; продажа собственности церкви воспрещена, и всѣ ограниченія власти епископовъ сразу устранены.

Теперь читатель будетъ въ состояніи понять истинныя свойства испанской цивилизаціи. Онъ увидитъ, ка̀къ, подъ громко звучащими именами вѣрности и религіи, таилось смертельное зло, которое всегда прикрывалось этими именами, но которое обязанность историка вывести на свѣтъ и изобличить. Слѣпое чувство благоговѣнія, подъ видомъ недостойнаго, постыднаго раболѣпства — вотъ главный, существенный недостатокъ испанскаго народа. Это единственный національный недостатокъ Испанцевъ, но его было довольно, чтобы погубить націю. Отъ этого самаго зла жестоко страдали всѣ націи, а многія и до сихъ поръ еще страдаютъ. Но нигдѣ, въ Европѣ, принципъ этотъ не преобладалъ такъ долго, какъ въ Испаніи; поэтому, нигдѣ послѣдствія его не были такъ очевидны и такъ пагубны. Идея свободы исчезла, если только можно сказать, что она дѣйствительно существовала тамъ когда либо, въ истинномъ значеніи этого слова. Тамъ бывали и будутъ, безъ сомнѣнія, проблески ея, но это были скорѣе проявленія неурядицы, чѣмъ свободы. Въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ, всегда существуетъ стремленіе повиноваться

даже несправедливымъ законамъ, но повинуясь имъ, настаивать въ то же время на ихъ отмѣнѣ. Это происходитъ отъ преобладающаго въ насъ сознанія, что лучше устранять злоупотребленія, чѣмъ открыто противиться имъ. Перенося ту или другую тягость, мы въ то же время нападаемъ на причину, изъ которой проистекаетъ эта тягость. Чтобы нація усвоила себѣ такое воззрѣніе, для этого она должна находиться на извѣстной степени умственнаго развитія, которая была недосягаема въ темныя времена европейской исторіи. Вотъ почему мы находимъ, что хотя въ средніе вѣка, часто происходили смятенія, но общія возстанія были рѣдки. Кромѣ того, возмущенія бываютъ вообще неправы, коренныя же реформы всегда справедливы. Возмущеніе слишкомъ часто оказывается безумнымъ, страстнымъ порывомъ невѣжественныхъ личностей, которыя не могутъ снести прямую обиду, и никогда не останавливаются, чтобы изслѣдовать отдаленныя общія причины ея.

Но въ Испаніи никогда не было революціи, въ собственномъ смыслѣ, не было даже ни одного обширнаго народнаго возстанія. Народъ въ ней, хотя часто не повинуется законамъ, но никогда не бываетъ свободенъ. Между Испанцами, какъ видно, сохраняется еще тотъ особенный оттѣнокъ варварства, въ силу котораго люди предпочитаютъ отдѣльные случаи неповиновенія, систематическому стремленію къ свободѣ. Есть въ общей природѣ нашей извѣстныя чувства, которыхъ даже раболѣпная покорность не можетъ искоренить, и которыя, отъ времени до времени, побуждаютъ насъ противиться несправедливости. Подобные инстинкты составляютъ, по счастію, неотъемлемую принадлежность человѣчества; отъ нихъ мы не можемъ отрѣшиться, если бы даже и хотѣли; они слишкомъ часто бываютъ единственными средствами противъ крайностей тиранніи. Вотъ эти только чувства и сохраняются въ Испанцахъ. По этому, они противятся тому или другому злоупотребленію не какъ Испанцы, а какъ люди во-

обще. Но даже и сопротивляясь, они не перестаютъ благоговѣть. Возставая противъ какого нибудь обременительнаго налога, они въ то же время склоняются передъ системой, въ которой налогъ этотъ является однимъ изъ наименьшихъ золъ. Они не спустятъ безпокойному, надоѣдливому монаху, осмѣютъ иногда невѣжливаго и надменнаго священника, но въ то же время находятся въ такомъ ослѣпленіи, что способны пожертвовать жизнью для защиты той жестокой іерархіи, которая накликала на нихъ страшныя бѣдствія, но къ которой они все таки льнутъ, какъ будто бы она составляла для нихъ предметъ самой нѣжной привязанности.

Въ связи съ этимъ складомъ ума, и составляя собственно одну изъ принадлежностей его, является благоговѣніе передъ стариною, чрезмѣрная привязанность къ старымъ мнѣніямъ, старымъ вѣрованіямъ и старымъ привычкамъ, напоминающая намъ процвѣтавшія нѣкогда тропическія цивилизаціи. Подобные предразсудки были когда-то всеобщи даже въ Европѣ; но съ XVI столѣтія, они начали исчезать, и теперь, говоря сравнительно, не существуютъ нигдѣ, кромѣ Испаніи, гдѣ они всегда имѣли убѣжище. Въ этой странѣ, они сохраняютъ свою естественную силу и производятъ свое естественное дѣйствіе. Поддерживая мнѣніе, будто всѣ истины, которыя особенно необходимо знать, уже извѣстны,—они подавляютъ тѣ стремленія и заглушаютъ ту великодушную увѣренность въ будущемъ, безъ которыхъ не можетъ быть совершено ничто истинно великое. Народъ, смотрящій слишкомъ пристально на прошедшее, никогда не приметъ дѣятельнаго участія въ движеніи впередъ; онъ даже съ трудомъ повѣритъ, что такое движеніе возможно. Для такого народа древность — синонимъ мудрости, и всякое улучшеніе представляется опаснымъ нововведеніемъ. Въ такомъ состояніи находилась, въ теченіе многихъ столѣтій, Европа; въ такомъ состояніи находится еще и теперь Испанія. Вотъ почему Испанцы замѣчательны какою-то неповоротливостью,

какимъ-то недостаткомъ подвижности, какою-то безнадежностью, который, въ нашъ дѣятельный и предпріимчивый вѣкъ, совершенно уединяютъ ихъ отъ остальнаго цивилизованнаго міра. Въ томъ убѣжденіи, что немногое можетъ быть сдѣлано, они и не торопятся ничего дѣлать. Увѣренные, что наслѣдованное ими знаніе гораздо обширнѣе того, какое они могутъ пріобрѣсти, они хотятъ сохранить свое умственное достояніе во всей цѣлости и неприкосновенности, какъ будто бы малѣйшее измѣненіе въ немъ могло уменьшить его цѣнность. Довольные тѣмъ, что имъ уже дано, они не приняли участія въ томъ обширномъ европейскомъ движеніи, которое впервые ясно обозначилось въ XVI столѣтіи и съ тѣхъ поръ постоянно шло впередъ, подрывая старыя мнѣнія, уничтожая старыя заблужденія, вездѣ все преобразовывая и улучшая, распространяясь даже на такія страны, какъ Турція, но не касаясь Испаніи. Въ то самое время, какъ человѣческій умъ дѣлаетъ чудовищные неслыханные шаги; какъ открытія по всѣмъ отраслямъ знанія внезапно стекаются къ намъ, слѣдуя одно за другимъ съ такою одуряющею быстротою, что и самый зоркій взглядъ, ослѣпленный ихъ блескомъ, не въ силахъ обнять всей ихъ цѣлости; какъ другія открытія, еще болѣе важныя и еще болѣе выходящія изъ ряда обыкновенныхъ, очевидно приближаются и уже начинаютъ виднѣться въ отдаленіи, съ котораго они теперь смутно дѣйствуютъ на передовыхъ мыслителей, стоящихъ ближе всего къ нимъ, наполняя ихъ душу какимъ-то безотчетнымъ, безпокойнымъ и почти болѣзненнымъ чувствомъ, неизмѣннымъ предвѣстникомъ предстоящаго торжества; въ то самое время, какъ дерзко разрывается завѣса, и природа, насилуемая на каждомъ шагу, вынуждена выдать свои тайны и раскрыть свое строеніе, свой внутренній бытъ, свои законы, передъ неукротимою энергіею человѣка; какъ вся Европа наполнена громкою молвою объ умственныхъ подвигахъ, которымъ даже деспотическія правительства притворяются сочувствующими, какъ, среди этого

повсемѣстнаго шума и всеобщаго возбужденiя, умы людей, бросаемые то въ ту, то въ другую сторону, находятся въ постоянномъ колебанiи, волненiи,—въ то самое время Испанiя продолжаетъ спать, безмятежная, беззаботная, безстрастная не получая никакихъ впечатлѣнiй отъ остальнаго мiра и сама не сообщая ему никакихъ впечатлѣнiй. Тамъ, на самой дальней оконечности материка лежитъ она, эта оцѣпенѣлая масса, единственная, въ настоящее время, представительница среднихъ вѣковъ. А что̀ самый худшiй признакъ, это то, что она довольна своимъ состоянiемъ. Будучи самою отсталою страною въ Европѣ, она считаетъ себя самою передовою. Она гордится всѣмъ тѣмъ, чего ей слѣдовало бы стыдиться. Она гордится древностью своихъ мнѣнiй, гордится своею мнимою правовѣрностью, гордится своимъ упорнымъ изувѣрствомъ, гордится своимъ неизмѣримымъ, дѣтскимъ легковѣрiемъ, гордится своею нелюбовью ко всякимъ улучшенiямъ въ вѣрованiяхъ или обычаяхъ, гордится своею ненавистью къ еретикамъ и тою неослабною бдительностью, съ какою она противодѣйствовала ихъ старанiямъ прiобрѣсть прочное, законное положенiе на ея почвѣ.

Все это, стекаясь одно къ одному, образуетъ въ совокупности то грустное сочетанiе, которому мы придаемъ собирательное имя Испанiи. Исторiя одного этого слова есть исторiя почти всѣхъ превратностей, какимъ подвержена человѣческая порода. Въ ней соединяются всѣ крайности силы и безсилiя, безграничнаго богатства и жалкой бѣдности. Это исторiя смѣшенiя различныхъ расъ, различныхъ нарѣчiй, различной крови. Въ ней встрѣчаются почти всѣ политическiя комбинацiи, какiя только можетъ придумать умъ человѣка: законы безконечно разнообразные и многочисленные; конституцiи всякаго рода, отъ самой стѣснительной до самой либеральной. Демократiя, монархiя, управленiе посредствомъ духовенства, управленiе посредствомъ городскихъ общинъ, управленiе посредствомъ аристократiи, управленiе посред-

ствомъ представительныхъ собраній, управленіе посредствомъ туземцевъ, управленіе посредствомъ иностранцевъ, —все въ ней было испытано, испытано безуспѣшно. Щедро употребляемы были въ дѣло всѣ матеріальныя средства: вводились изъ чужихъ краевъ искусства, изобрѣтенія, машины, устраивались мануфактуры, открывались сообщенія, проводились дороги, прорывались каналы, разработывались рудники, устраивались гавани. Однимъ словомъ, всякія бывали перемѣны, кромѣ перемѣнъ въ общественномъ мнѣніи; все измѣнялось, но не измѣнялось знаніе. И въ результатѣ оказывается, что не смотря на всѣ усилія цѣлаго ряда правительствъ, не смотря на вліяніе чужеземныхъ обычаевъ, и не смотря на физическія улучшенія, которыя только едва касаются поверхности общества, но не въ силахъ проникнуть далѣе, — нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ національнаго прогресса: духовенство скорѣе усиливается, чѣмъ ослабѣваетъ; малѣйшее нападеніе на іерархію подымаетъ народъ; ни распущенность духовенства, ни недостатки правителей Испаніи въ нынѣшнемъ столѣтіи, ничто не въ состояніи ослабить того суевѣрія, ни того раболѣпства, которыя, подъ совокупнымъ давленіемъ многихъ столѣтій, врѣзались въ умы и въѣлись въ сердца испанской націи.

ГЛАВА II.

Состояніе Шотландіи до конца XIV столѣтія.

Въ предыдущемъ обзорѣ возвышенія и паденія Испаніи, я старался указать на послѣдовательные переходы въ исторіи этой страны, въ результатѣ которыхъ оказалось, что эта нѣкогда одна изъ величайшихъ націй въ свѣтѣ была сокрушена и низринута съ своего высокаго положенія. Когда мы оглядываемся назадъ на всѣ эти событія, то представляется зрѣлище истинно поразительное. Страна, богатая всѣми естественными произведеніями, обитаемая храбрымъ, вѣрнымъ и религіознымъ народомъ, огражденная, при томъ, своимъ географическимъ положеніемъ отъ всѣхъ случайностей европейскихъ революцій, вдругъ возвысилась, дѣйствіемъ указанныхъ мною общихъ причинъ, до неслыханнаго величія, и потомъ, безъ всякаго новаго стеченія обстоятельствъ, единственно въ силу тѣхъ же самыхъ причинъ, пала съ такою же быстротою. Но эти превратности, какъ бы странны и поразительны онѣ ни казались, были совершенно въ порядкѣ вещей. Онѣ являлись необходимымъ послѣдствіемъ того состоянія общества, въ которомъ духъ покровительства достигъ высшей степени, и въ которомъ все дѣлалось для народа, и ничего не дѣлалъ самъ народъ. При такихъ условіяхъ, возможенъ конечно великій политическій прогрессъ, но не прогрессъ истинно національный. Могутъ дѣлаться приращенія къ террито-

ріи, можетъ увеличиваться слава и возрастать могущество страны; могутъ дѣлаться улучшенія въ администраціи, въ управленіи финансами, въ организаціи войскъ, въ военномъ искусствѣ, въ пріемахъ дипломатіи и въ разныхъ другихъ вещахъ, въ которыхъ одна нація можетъ перехитрить и пристыдить другую. Но эти успѣхи не только не бываютъ благодѣтельны для народа, но, напротивъ, приносятъ ему вредъ, въ двухъ различныхъ отношеніяхъ. Во первыхъ, увеличивая славу господствующихъ классовъ, они поощряютъ то слѣпое раболѣпіе, которое люди слишкомъ склонны чувствовать безразлично ко всѣмъ, кто поставленъ выше ихъ, и которое вездѣ, гдѣ оно ни проявлялось, оказывалось пагубнымъ для высшихъ гражданскихъ доблестей, а слѣдовательно и для прочнаго величія націи. А во вторыхъ, они лишаютъ, такимъ образомъ, страну возможности и охоты исправлять ошибки людей, стоящихъ во главѣ управленія. Вотъ почему въ Испаніи, какъ и во всѣхъ странахъ, поставленныхъ въ такія же условія, въ тотъ именно моментъ, когда все особенно процвѣтало на поверхности, наибольшая гниль снѣдала корни. Среди самыхъ блестящихъ политическихъ успѣховъ, нація быстро клонилась къ упадку и уже почти наставалъ тотъ кризисъ, когда все зданіе должно было рушиться, оставивъ по себѣ лишь памятный урокъ о томъ, какія необходимо оказываются послѣдствія, когда народъ, предавшись до страсти суевѣрію и раболѣпству, отказывается отъ свойственныхъ ему отправленій, слагаетъ лежащую на немъ отвѣтственность, измѣняетъ самому высокому своему призванію, и низводитъ себя до значенія слѣпаго орудія для честолюбцевъ.

Вотъ какой великій урокъ даетъ намъ исторія Испаніи. Изъ исторіи Шотландіи мы можемъ почерпнуть другой, хотя не такой же, но въ томъ же родѣ. Въ Шотландіи, прогресъ народа былъ весьма медленъ, но вообще весьма надеженъ. Страна эта чрезвычайно безплодна, исполнительная власть была въ ней, за рѣдкими исключеніями, всегда слаба, и на-

родъ никогда не былъ связанъ тѣмъ чувствомъ слѣпой преданности престолу, которое обстоятельства привили Испанцамъ. Конечно менѣе всего можно упрекнуть Шотландцевъ въ суевѣрной приверженности къ ихъ правителямъ. Мы, Англичане, не всегда питали особенную нѣжность къ личностямъ нашихъ государей, и бывали иногда къ нимъ, какъ иные находятъ, уже слишкомъ строги. Этимъ насъ часто попрекали болѣе вѣрноподданные народы материка, а въ Испаніи, въ особенности, поведеніе наше возбуждало величайшее отвращеніе. Но если мы сравнимъ нашу исторію съ исторіею нашихъ сѣверныхъ сосѣдей, то мы должны назвать себя кроткимъ и покорнымъ народомъ. Въ Шотландіи было болѣе возстаній, чѣмъ въ какой либо другой странѣ, и возстанія эти были весьма кровопролитны и весьма многочисленны. Шотландцы съ большею частію своихъ королей воевали, а многихъ даже лишили жизни. Довольно разсказать ихъ поступки съ одною только династіею. Они умертвили Іакова I и Іакова III, возставали противъ Іакова II и Іакова VII, схватили и подвергли заключенію Іакова V; Марію заперли въ замокъ и потомъ свергли съ престола; преемника ея Іакова VI подвергали заключенію, водили его плѣнникомъ по государству и разъ даже покушались на его жизнь. Противъ Карла I они выказали особенное ожесточеніе и первые остановили его въ его безумныхъ стремленіяхъ. За три года до того, какъ Англичане дерзнули возстать противъ этого деспотическаго государя, Шотландцы смѣло взялись за оружіе и пошли на него войною. Трудно было бы достаточно оцѣнить услугу, оказанную ими дѣлу свободы, еслибъ не одна странная особенность въ этомъ предпріятіи,— что овладѣвъ впослѣдствіи личностью Карла, они продали его Англичанамъ за большую сумму денегъ, въ которой, по бѣдности своей, крайне нуждались. Ничего подобнаго еще не бывало въ исторіи; а хотя Шотландцы могли выставить тотъ благовидный предлогъ, что это было единственною вы-

годою, какую они извлекли или могли когда либо извлечь изъ существованія у нихъ наслѣдственнаго государя, но тѣмъ не менѣе событіе остается единственнымъ въ своемъ родѣ; оно было безпримѣрно и никогда не находило подражателей, а что оно могло случиться, это составляетъ рѣзкій признакъ, по которому можно судить о состояніи общественнаго мнѣнія и о чувствахъ той страны, въ которой оно было допущено.

Не смотря однако на совершенную противоположность между Шотландіею и Испаніею относительно преданности престолу, между этими странами—довольно странно сказать—существуетъ самое поразительное сходство относительно суевѣрія. Оба народа предоставляли своему духовенству огромную власть и оба подчиняли свои дѣйствія, такъ же какъ и совѣсть, его авторитету. Естественное послѣдствіе этого, нетерпимость, всегда была, и до сихъ поръ остается вопіющимъ зломъ въ обѣихъ этихъ странахъ; въ дѣлахъ религіи выказывается обыкновенно изувѣрство, постыдное конечно для Испаніи, но еще болѣе постыдное для Шотландіи. Послѣдняя произвела много истинно замѣчательныхъ философовъ, которые охотно научили бы народъ чему нибудь лучшему; но имъ не удавалось искоренить въ умахъ націи этотъ серіозный недостатокъ, оскврнявшій ихъ и стремившійся нейтрализировать въ нихъ многія другія удивительныя свойства.

Вотъ въ чемъ заключается очевидная несообразность и дѣйствительная трудность исторіи Шотландіи; знаніе не производило въ ней тѣхъ результатовъ, которыя слѣдовали за нимъ въ другихъ странахъ; смѣлая пытливая литература попала въ грубо-суевѣрную страну и не могла ослабить ея суевѣрія; народъ постоянно противился своимъ королямъ и столь же постоянно уступалъ своему духовенству, — либеральный въ политикѣ онъ небылъ либераленъ въ религіи; и естественнымъ послѣдствіемъ всего этого было, что люди, проявлявшіе почти неслыханную смѣтливость и смѣлость въ области внѣшнихъ, видимыхъ фактовъ, въ сферѣ практической жизни, —

оказывались, въ жизни духовной, въ предметахъ теоріи, робкими агнцами, дрожащими передъ своими пастырями, и соглашались со всякою слышанною ими нелѣпостью, лишь бы она исходила отъ ихъ духовенства. Что такія противоположности могли совмѣщаться въ одной націи,—кажется, съ перваго взгляда, страннымъ противорѣчіемъ; и дѣйствительно, явленіе это достойно тщательнаго, съ нашей стороны, изученія. Указать на причины такой аномаліи, и прослѣдить результаты, къ которымъ аномалія эта привела, будетъ задачею остальной части настоящаго тома; и хотя изслѣдованіе это будетъ нѣсколько длинно, но я надѣюсь, что оно не покажется скучнымъ для того, кто убѣжденъ въ важности подобнаго изслѣдованія и кто знаетъ, до какой степени пренебрегли этимъ предметомъ даже люди, съ особенною полнотою писавшіе объ исторіи шотландской націи.

Въ Шотландіи, какъ и вездѣ, на ходъ событій имѣла вліяніе физическая географія страны; подъ этимъ я разумѣю не только особенности непосредственно проявляющіяся въ ней самой, но и ея отношеніе къ смѣжнымъ странамъ. Она лежитъ недалеко отъ Ирландіи, примыкаетъ къ Англіи, и вслѣдствіе смежности своей съ Оркнейскими и Шетландскими островами, была въ высшей степени подвержена нападеніямъ со стороны той великой націи пиратовъ, которая въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій населяла Скандинавскій полуостровъ. Сама по себѣ, Шотландія есть страна гористая и безплодная; природа перегородила ее такими препятствіями, что долго невозможно было установить правильныя сообщенія между ея различными частями; и въ самомъ дѣлѣ, въ горной Шотландіи (Highlands), это было сдѣлано не ранѣе половины XVIII столѣтія. Наконецъ, огромную важность имѣло, какъ мы скоро увидимъ, и то обстоятельство, что самая плодородная мѣстность Шотландіи находится на югѣ ея и потому была постоянно опустошаема пограничными жителями Англіи. Все это задерживало накопленіе богатства;

возрастанію городовъ препятствовали тѣ серіозныя опасности, которымъ они постоянно подвергались; не было возможности развить въ нихъ тотъ муниципальный духъ, который могъ бы существовать, если бы округи, болѣе благопріятствуемые природою, были расположены, вмѣсто юга, на сѣверѣ Шотландіи. Если бы было на оборотъ, т. е. гористыя мѣстности находились на югѣ, а низменныя на сѣверѣ, то едвали можно сомнѣваться, что послѣ прекращенія, въ XIII столѣтіи, великихъ Скандинавскихъ нашествій, самыя плодородныя части Шотландіи, будучи сравнительно безопасны, сдѣлались бы средоточіемъ городовъ, которые дѣятельный духъ народа довелъ бы до цвѣтущаго состоянія, а процвѣтаніе это внесло бы новый элементъ въ дѣла Шотландіи и измѣнило бы ходъ шотландской исторіи. Этому однако не суждено было случиться; и какъ намъ приходится имѣть дѣло съ тѣмъ порядкомъ вещей, какой оказался въ дѣйствительности, то я постараюсь теперь прослѣдить дѣйствіе физическихъ особенностей Шотландіи, о которыхъ я только что говорилъ, и сопоставивъ ихъ результаты, укажу, по возможности, какое они имѣли вообще значеніе и какимъ путемъ они вліяли на національный характеръ.

Самый ранній фактъ, какой мы знаемъ въ исторіи Шотландіи, это вторженіе Римлянъ подъ предводительствомъ Агриколы, въ концѣ I столѣтія. Но ни его завоеванія, ни завоеванія его преемниковъ, не произвели никакого прочнаго дѣйствія. Страна никогда не была дѣйствительно покорена; она только была занята войсками, и занятіе это, не смотря на сооруженія многочисленныхъ укрѣпленій, стѣнъ и валовъ, нисколько не сокрушило духъ жителей. Даже Северъ, предпринявшій, въ 209 году, послѣднюю и самую важную экспедицію противъ Шотландіи, повидимому не проникнулъ за Морейскій заливъ; и какъ только онъ удалился, туземцы были опять при оружіи, и опять независимы. Послѣ этого, ничего не было предпринимаемо въ такихъ размѣрахъ, что-

бы можно было ожидать какого либо успѣха. Въ самомъ дѣлѣ, Римляне не только не были способны предпринять что либо подобное, но и сами начинали вырождаться; и въ лучшiе ихъ дни, ихъ доблести были доблести варваровъ, а теперь даже и этихъ свойствъ они почти лишились. Съ самаго начала, складъ ихъ жизни былъ такъ одностороненъ и несовершененъ, что увеличенiе богатства, которое совершенствуетъ цивилизацiю дѣйствительно цивилизованныхъ странъ, было для Римлянъ неисправимымъ зломъ; роскошь только развращала ихъ, вмѣсто того чтобы очищать ихъ нравы. Въ наше время, сравнивая различные народы Европы, мы находимъ, что богатѣйшiй изъ нихъ есть въ то же время и самый могущественный, самый человѣчный и самый счастливый. Мы живемъ въ томъ передовомъ состоянiи общества, въ которомъ богатство есть и причина и дѣйствiе прогресса, между тѣмъ какъ бѣдность есть обильный источникъ слабости, бѣдствiя и преступленiя; Римляне же, переставъ быть бѣдными, стали порочными. Основанiе ихъ величiя было такъ шатко, что тѣ именно результаты, которыхъ они достигли своимъ могуществомъ, были пагубны для этого же могущества. Ихъ владычество дало имъ богатство, а ихъ богатство низпровергло ихъ владычество. Ихъ нацiональный характеръ, не смотря на его кажущуюся силу, былъ, въ сущности, такъ бѣденъ содержанiемъ, что рушился, не выдержавъ своего собственнаго развитiя. Онъ росъ и мельчалъ въ то же время. Вотъ почему въ III и IV столѣтiяхъ, ихъ власть надъ человѣчествомъ видимо ослабѣвала. Разъ ихъ авторитетъ пошатнулся, другiе народы конечно выдвинулись впередъ; такъ что нашествiя тѣхъ невѣдомыхъ племенъ, которыя нахлынули съ сѣвера и появленiю которыхъ часто приписываютъ окончательную катастрофу, были скорѣе всего поводомъ, но ни въ какомъ случаѣ не причиною паденiя Римской Имперiи. Все давно уже клонилось къ этому великому и спасительному событiю. Бичи и притѣснители вселен-

ной, которыхъ ложное и невѣжественное сочувствіе облекло въ благородныя качества, никогда не принадлежавшія имъ, должны были теперь подумать о самихъ себѣ; и когда, отступая на всѣхъ пунктахъ, они въ половинѣ V столѣтія, очистили отъ своихъ войскъ всю Британію, то это было съ ихъ стороны не болѣе какъ движеніе, сдѣлавшееся неизбѣжнымъ въ силу цѣлаго ряда обстоятельствъ, продолжавшихся въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній.

Съ этого-то момента мы и начинаемъ различать дѣйствіе тѣхъ физическихъ и географическихъ особенностей, которыя, какъ я упомянулъ, имѣли вліяніе на судьбы Шотландіи. Въ то время какъ Римляне постепенно теряли почву, близость Ирландіи вызывала безпрестанныя нападенія, направлявшіяся со стороны этого плодороднаго острова, богатая почва и важныя естественныя преимущества котораго, породили слишкомъ многочисленное и по тому самому безпокойное населеніе. Излишекъ населенія, который въ цивилизованныя времена ищетъ исхода въ эмиграціи, въ варварскія времена, обращается къ нашествіямъ. Такимъ образомъ, Ирландцы, или Скотты, какъ ихъ называли, утвердились силою оружія на западѣ Шотландіи и пришли въ столкновеніе съ Пиктами, занимавшими восточную часть. Произошла смертельная борьба, которая продолжалась четыре столѣтія послѣ удаленія Римлянъ и повергла страну въ величайшее разстройство. Наконецъ, въ половинѣ IX столѣтія, царь Скоттовъ Кеннетъ Макъ-Альпинъ одержалъ верхъ и принудилъ Пиктовъ къ совершенной покорности. Страна была теперь соединена подъ однимъ управленіемъ; и завоеватели, мало по малу поглощая завоеванныхъ, дали свое имя цѣлой странѣ, которая, въ X столѣтіи, получила наименованіе Шотландіи.

Но королевству этому не суждено было успокоиться; ибо въ то же время возникли разныя обстоятельства,—о которыхъ здѣсь было бы неумѣстно распространяться,— выработавшія изъ жителей Норвегіи величайшую морскую націю въ Европѣ.

То употребленіе, какое сдѣлала эта нація пиратовъ изъ своей силы, составляетъ другое, весьма важное, звено въ исторіи Шотландіи, и служитъ притомъ доказательствомъ громаднаго значенія, которое слѣдуетъ приписывать, въ ранній періодъ развитія общества, чисто географическимъ условіямъ. Ближайшую землю къ срединѣ длиннаго берега Норвегіи составляютъ Шетландскіе острова, съ которыхъ легко переплыть и на Оркнейскіе. Сѣверные пираты, естественно, захватили эти небольшіе, но для нихъ самые полезные острова и, такъ же естественно, сдѣлали ихъ промежуточными станціями, съ которыхъ имъ было удобно грабить берега Шотландіи. Получая постоянныя подкрѣпленія изъ Норвегіи, они, въ IX и X столѣтіяхъ, двинулись съ Оркнейскихъ острововъ, основали постоянныя поселенія въ самой Шотландіи и заняли не только Кэтнессъ но и большую часть Сетерланда. Другой отрядъ ихъ завладѣлъ западными островами, и такъ какъ островъ Скай отдѣляется отъ суши только весьма узкимъ проливомъ, то эти пираты легко перешли черезъ него и утвердились въ западномъ Россѣ. Изъ своихъ новыхъ осѣдлостей они вели непрерывную разрушительную войну со всѣми округами, куда только могли проникать, и держа большую часть Шотландіи въ постоянной тревогѣ, въ теченіе почти трехъ столѣтій, дѣлали для нея невозможнымъ всякое соціальное улучшеніе. Дѣйствительно, эта несчастная страна никогда не избавлялась отъ опасности со стороны Норвежцевъ, до послѣдняго неудачнаго нападенія ихъ, въ 1263 году, когда Гако отплылъ изъ Норвегіи съ огромною флотиліею, которую еще усилилъ подкрѣпленіями съ Оркнейскихъ и съ Гебридскихъ острововъ. Шотландія могла оказать лишь слабое сопротивленіе. Гако, съ своими союзниками, поплылъ вдоль западнаго берега до Мулла Кентайрскаго, опустошилъ страну огнемъ и мечемъ, овладѣлъ Арраномъ и Бьютомъ, вступилъ въ Клайдскій заливъ, внезапно напалъ на Лохъ Ломондъ, истребилъ всякаго рода

собственность на его берегахъ и на его островахъ, разграбилъ все графство Стерлингъ, и грозилъ высадкою со всѣми своими силами въ Эйрширъ. Къ счастью, суровость погоды разстроила эту великую экспедицію и разсѣяла или истребила весь флотъ. Послѣ того, измѣнившіяся обстоятельства Норвегіи не дали уже болѣе возобновиться этой попыткѣ; а какъ скоро миновала для Шотландіи опасность съ этой стороны, можно было надѣяться, что она станетъ теперь наслаждаться миромъ и будетъ имѣть время для развитія тѣхъ естественныхъ средствъ, которыми она обладала, въ особенности въ южныхъ округахъ, находящихся въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Этому однако не суждено было случиться, ибо едва прекратились нападенія со стороны Норвегіи, какъ начались они со стороны Англіи. Въ началѣ XIII столѣтія, черты разграниченія между Норманнами и Саксами, въ нашей странѣ, стали до такой степени сглаживаться, что во многихъ случаяхъ невозможно было различать ихъ. Въ половинѣ же этого столѣтія, обѣ расы слились въ одинъ могущественный народъ, и такъ какъ этотъ народъ имѣлъ сравнительно слабаго сосѣда, то очевидно сильнѣйшая нація должна была попытаться притѣснить слабѣйшую. Въ невѣжественное и варварское время, успѣхи на войнѣ предпочитаются всякому другому роду славы; и Англичане, жаждя завоеваній, обратили свои взоры на Шотландію, въ полной увѣренности, что овладѣютъ ею при первомъ удобномъ случаѣ. Ихъ соблазняла уже самая близость этой страны, а предполагаемая беззащитность ея дѣлала невозможнымъ устоять противъ соблазна. Въ 1290 году, Эдуардъ I рѣшился воспользоваться смятеніемъ, въ которое повергнута была Шотландія спорами о наслѣдствѣ престола. Нѣтъ нужды разсказывать, какія за этимъ послѣдовали интриги; достаточно сказать, что въ 1296 году, мечъ былъ обнаженъ и Эдуардъ вторгнулся въ страну, которую давно желалъ завоевать. Но онъ не сообразилъ, сколько мил-

ліоновъ денегъ и сколько сотень тысячъ жизней придется потратить, прежде чѣмъ кончится эта война. Началась борьба, неслыханная по своей жестокости и продолжительности. Въ теченіе этого грустнаго періода, Шотландцы, не смотря на свое геройское сопротивленіе, не смотря на тѣ побѣды, которыя имъ случалось по временамъ одерживать, должны были испытать всякое зло, какое были въ состояніи причинить имъ ихъ гордые и дерзкіе сосѣди. Любимою мечтою Англичанъ было подчинить себѣ Шотландцевъ, и если что и могло еще болѣе обезславить такое низкое предпріятіе такъ это его постыдная неудача. Тѣмъ не менѣе, понесенныя потери были громадны и усиливались еще тѣмъ важнымъ фактомъ, что именно самая плодородная часть Шотландіи подверглась опустошеніямъ со стороны Англичанъ. Это, какъ мы сейчасъ увидимъ, имѣло довольно любопытное дѣйствіе на національный характеръ, и потому, не входя въ излишнія подробности, я сдѣлаю краткій перечень ближайшихъ послѣдствій этой долгой и кровавой борьбы.

Въ 1296 году, Англичане вступили въ Бервикъ, богатѣйшій городъ Шотландіи, и не только истребили всю собственность, но умертвили почти всѣхъ жителей. Потомъ они двинулись на Абердинъ и Эльджинъ и до такой степени опустошили страну, что Шотландцамъ, бѣжавшимъ въ горы и лишеннымъ всего, что имѣли, оставалось только одно—изъ своихъ родныхъ твердынь вести войну подобную той, какую вели, двѣнадцатью столѣтіями ранѣе, ихъ дикіе предки противъ Римлянъ. Въ 1298 году, Англичане опять ворвались, сожгли Пертъ и С. Андрюсъ и опустошили всю территорію къ югу и западу. Въ 1310 году, они напали на Шотландію съ восточной стороны и, захвативъ всѣ, какіе оставались тамъ, продовольственные запасы, произвели такой страшный голодъ, что народъ былъ вынужденъ питаться лошадьми и разною падалью. По всей южной Шотландіи, на востокѣ и на западѣ, жители были приведены въ ужасное

положеніе,—большая часть ихъ, была безъ крова, безъ пищи. Въ 1314 году, доведенные до отчаянія, они соединили на минуту свои силы, и въ сраженіи при Баннокбёрнѣ, блестящимъ образомъ разбили своихъ притѣснителей. Но ихъ непреклонный врагъ былъ постоянно на готовѣ и тѣснилъ ихъ такъ сильно, что въ 1322 году Брюсъ, чтобы воспрепятствовать вторженію Англичанъ, былъ вынужденъ опустошить всѣ округа къ югу отъ Фортскаго залива; народъ же по прежнему спасся въ горы. Вотъ почему, на этотъ разъ, Эдуардъ II достигъ Эдинбурга, ничего не разграбивъ; въ странѣ, обращенной въ пустыню, грабить было нечего, но на обратномъ пути, онъ сдѣлалъ все, что могъ; встрѣтивъ монастыри, единственныя мѣста, гдѣ оставались признаки жизни, онъ напалъ на нихъ, ограбилъ монастыри Мельрозскій и Голирудскій, сжегъ аббатство Драйбургское и умертвилъ тѣхъ монаховъ, которые по старости или болѣзни, не въ состояніи были убѣжать. Въ 1336 году, преемникъ его Эдуардъ III снарядилъ многочисленную армію, опустошилъ низменную и значительную часть горной Шотландіи и истребилъ все, что попадалось ему по пути, до самаго Инвернесса. Въ 1346 году, Англичане опустошили округи Твиддэль, Мерсъ, Эттрикъ, Аннандэль и Голловэй. Въ 1353 году, было еще болѣе варварское вторженіе, во время котораго Эдуардъ жегъ всякую церковь, всякую деревню и всякій городъ, какіе только встрѣчались ему. И едва оправилась нѣсколько Шотландія отъ этихъ страшныхъ потерь, какъ надъ несчастною страною разразилась новая буря. Въ 1385 году, Ричардъ II, прошелъ по южнымъ графствамъ до Абердина, распространяя повсюду опустошеніе, и сжегъ до тла города Эдинбургъ, Дёнфермлинъ (Dunfermline) Пертъ и Дёнди.

Эти бѣдствія прерывали повсюду занятія земледѣліемъ, которое во многихъ мѣстахъ прекратилось на нѣсколько поколѣній. Земледѣльцы или бѣжали, или были умерщвлены; и такъ какъ некому было воздѣлывать землю, то нѣко-

торыя изъ красивѣйшихъ мѣстностей Шотландіи обратились въ пустыни, поросшія терновникомъ и густыми кустарниками. Въ промежутки между нашествіями, немногіе изъ жителей, ободрившись, спускались съ горъ и строили жалкія лачуги на мѣстѣ прежнихъ своихъ жилищъ. Но и тутъ они бывали преслѣдуемы до самыхъ своихъ дверей волками, ищущими пищи и взбѣсившимися отъ голода; если же и избавлялись отъ голодныхъ лютыхъ звѣрей, то всетаки имъ и семействамъ ихъ угрожала опасность еще болѣе ужасная. Въ эти страшные дни, когда всюду кругомъ свирѣпствовалъ голодъ, отчаяніе испортило сердца людей и влекло ихъ къ новаго рода преступленію. Въ странѣ нашлись каннибалы, и мы знаемъ изъ одного современнаго источника, что одинъ человѣкъ и его жена, попавшіеся наконецъ въ руки правосудія, существовали въ продолженіе долгаго времени тѣмъ, что ловили въ западни живыхъ людей, пожирали ихъ мясо, и пили ихъ кровь.

Такъ прошло XIV столѣтіе. Въ пятнадцатомъ, опустошительныя нападенія Англичанъ стали сравнительно рѣже; и хотя границы были все еще театромъ постоянныхъ враждебныхъ дѣйствій, но послѣ 1400 года, не было примѣра, чтобы который либо изъ нашихъ королей вторгался въ Шотландію. Когда положенъ былъ конецъ этимъ разбойничьимъ экспедиціямъ, превратившимъ страну въ пустыню, Шотландія перевела духъ и начала возстановлять свои силы. Но хотя матеріальныя потери и пополнялись постепенно, хотя снова обработывались поля и отстроивались города, были однако другія послѣдствія, которыя труднѣе было исправить и отъ которыхъ долго страдалъ народъ, а именно: непомѣрное могущество дворянъ и отсутствіе муниципальнаго духа. Сила дворянъ и слабость горожанъ составляютъ главнѣйшія особенности Шотландіи, въ теченіе XV и XVI столѣтій, и непосредственною причиною ихъ были, какъ я сейчасъ покажу, опустошенія, произведенныя англійскими войсками. Мы уви-

димъ, кромѣ того, что такое стеченіе обстоятельствъ увеличивало значеніе духовенства, ослабляло вліяніе мыслящихъ классовъ и давало суевѣрію большій перевѣсъ, чѣмъ оно имѣло бы при другихъ условіяхъ. Такимъ образомъ, въ Шотландіи, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, все тѣсно связывается одно съ другимъ; нѣтъ ничего случайнаго, а всѣмъ управляютъ общія причины, которыя, по своей обширности и отдаленности, часто ускользаютъ отъ вниманія, но разъ признанныя, оказываются носящими отпечатокъ простоты и однообразія, составляющихъ неизмѣнную характеристику высшихъ истинъ, до какихъ доходилъ умъ человѣка.

Первое условіе, благопріятствовавшее возвышенію дворянъ, заключалось въ физическомъ образованіи страны. Горы, болота, озера и топи, только съ помощью новѣйшаго искусства, и то недавно, сдѣлавшіяся доступными, давали великимъ шотландскимъ вождямъ такія убѣжища, въ которыхъ они могли безнаказанно противиться власти короны. При томъ, бѣдность почвы дѣлала затруднительнымъ продовольствіе армій, и уже по этой одной причинѣ, королевскія войска были часто не въ состояніи преслѣдовать противозаконныя дѣйствія непокорныхъ бароновъ. Въ продолженіе XIV столѣтія, Шотландія была постоянно опустошаема Англичанами, а въ промежутки между ихъ нашествіями, было бы совершенно безнадежнымъ предпріятіемъ со стороны какого нибудь короля пытаться укротить такихъ могущественныхъ подданныхъ; ему пришлось бы двигаться по округамъ, до такой степени опустошеннымъ непріятелемъ, что они не производили уже и самыхъ простыхъ жизненныхъ припасовъ. Кромѣ того, война съ Англичанами ослабляла авторитетъ короны, какъ вообще, такъ и относительно дворянъ. Ея родовыя земли, лежавшія на югѣ, были безпрестанно опустошаемы пограничными жителями Англіи, и къ половинѣ XIV столѣтія значительно уменьшились въ своей цѣнности. Въ 1346 году, Давидъ II попалъ въ руки Англичанъ, и въ продолженіи его одинадца-

тилѣтняго плѣна, дворяне дѣлали что хотѣли, и усвоили себѣ, какъ говоритъ одинъ историкъ, титулъ и манеры государей. Чѣмъ болѣе длилась война съ Англiею, тѣмъ сильнѣе чувствовались эти послѣдствiя; такъ что къ концу XIV столѣтiя, нѣкоторыя изъ знатнѣйшихъ шотландскихъ фамилiй такъ высоко поставили себя, что очевидно можно было ожидать одного изъ двухъ: или смертельной борьбы между ними и короною, или что исполнительному правительству придется отказаться отъ самыхъ существенныхъ изъ своихъ отправленiй, и оставить страну въ добычу этимъ своекорыстнымъ, свирѣпымъ вождямъ.

При этомъ кризисѣ, естественными союзниками трона могли бы быть горожане и жители мѣстечекъ, такъ какъ въ большей части европейскихъ странъ они были ревностными и рѣшительными противниками дворянъ, которые, по привычкѣ къ своеволiю, не только вмѣшивались въ ихъ торговлю и мануфактурную промышленность, но даже касались ихъ личной свободы. Но и въ этомъ отношенiи, продолжительная война съ Англiею была благопрiятна для шотландской аристократiи. Завоеватели опустошали южныя части Шотландiи, единственныя сколько нибудь плодородныя мѣстности, и потому города не могли процвѣтать въ мѣстахъ, предназначенныхъ для нихъ самою природою. Не было большихъ городовъ, не было и убѣжища для горожанъ и не могло быть муниципальнаго духа; а оттого что не было этого духа, корона была лишена того великаго средства, которое дало возможность англiйскимъ королямъ обуздывать могущество дворянъ и наказывать самоуправство, которое долго препятствовало прогрессу общества.

Въ теченiе среднихъ вѣковъ, шотландскiе города были до такой степени лишены всякаго значенiя, что о нихъ сохранилось очень мало свѣденiй; современные писатели сосредоточивали все свое вниманiе на дѣятельности дворянъ и духовенства. Относительно же народа, находившаго убѣжище въ

тѣхъ жалкихъ городахъ, какіе тогда существовали,—и самыя лучшія свидѣтельства весьма неполны; извѣстно однако, что во время продолжительныхъ англійскихъ войнъ, жители обыкновенно бѣжали съ приближеніемъ непріятеля, и жалкія лачуги, въ которыхъ они жили, сожигались до основанія. Отъ этого, народонаселеніе пріобрѣтало подвижной, бродячій характеръ, который не давалъ образоваться привычкѣ къ постоянной промышленности, и такимъ образомъ не существовало одной изъ причинъ, побуждающихъ людей соединяться въ общества. Это въ особенности замѣчалось въ южной, низменной Шотландіи; на сѣверѣ же существовало другое, не менѣе страшное зло. Съ одной стороны, дикіе горцы, жившіе исключительно грабежемъ; съ другой, нерѣдко присоединялись къ нимъ морскіе разбойники съ западныхъ острововъ. Все, что хотя сколько нибудь намекало на богатство,—въ высшей степени возбуждало ихъ алчность; если они знали, что человѣкъ имѣетъ собственность, ими непремѣнно овладѣвало непреодолимое желаніе украсть ее; а послѣ воровства, величайшимъ наслажденіемъ для нихъ было все истреблять. Абердинъ и Инвернессъ были особенно подвержены ихъ нападеніямъ; и Инвернессъ, въ опрдолженіе XV столѣтія, два раза былъ истребленъ огнемъ; ему приходилось, кромѣ того, уплачивать, въ разныя времена, тяжелые выкупы, чтобы спастись отъ подобной же участи.

Въ виду такихъ опасностей, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Шотландіи мирная промышленность была невозможна ни въ одной изъ частей этой страны. Нигдѣ нельзя было построить города, которому не угрожала бы опасность немедленнаго разрушенія. Вотъ почему въ теченіе многихъ столѣтій, тамъ не было никакихъ мануфактуръ; едва ли существовала даже какая нибудь промышленность; и торговля почти ограничивалась мѣною. Нѣкоторыя изъ самыхъ простыхъ искусствъ тамъ не были извѣстны. Шотландцы не умѣли даже приготовлять того оружія, которымъ сражались. Это ис-

кусство, у такого воинственнаго народа, могло бы приносить большiя выгоды; но Шотландцы были такъ невѣжественны, что въ началѣ XV столѣтiя, большая часть ихъ аммуницiи приготовлялась за границею, равно какъ и ихъ копья, луки и стрѣлы; наконечники же копiй и стрѣлъ исключительно вывозились изъ Фландрiи. Фламандскiе ремесленники доставляли Шотландцамъ даже обыкновенныя земледѣльческiя принадлежности, напримѣръ повозки и тачки, которыя, около 1475 года, привозились изъ Нидерландовъ. Что же касается искусствъ, служащихъ признакомъ нѣкоторой степени утонченности, то ихъ какъ въ то время, такъ и долго спустя, еще совершенно не знали. До XVII столѣтiя, въ Шотландiи вовсе не приготовляли стекла, и не выдѣлывали мыла. Даже высшiе классы гражданъ считали бы нелѣпостью имѣть окна въ своихъ бѣдныхъ жилищахъ; а какъ они держали одинаково грязно и свои дома и свое тѣло, то спросъ на мыло былъ слишкомъ ничтоженъ, чтобы заставить кого либо заняться приготовленiемъ этого вещества. Другiя вѣтви промышленности находились также въ отсталомъ состоянiи. Искусство дубленiя кожъ впервые было введено въ Шотландiи въ 1620 году; и утверждаютъ, основываясь повидимому на достовѣрномъ свидѣтельствѣ, что до половины XVIII вѣка, тамъ вовсе не приготовляли бумаги.

Среди такого всеобщаго застоя, самые цвѣтущiе города были, какъ легко можно представить себѣ, весьма слабо населены. И дѣйствительно, людямъ такъ мало было дѣла, что если бы они собрались въ большомъ числѣ, имъ пришлось бы голодать. Глезго есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Шотландiи — утверждаютъ, что онъ основанъ около VI столѣтiя. Во всякомъ случаѣ, въ XII столѣтiи, это былъ, по понятiямъ того времени, богатый цвѣтущiй городъ, пользовавшiйся правомъ имѣть и рынокъ и ярмарку. Онъ имѣлъ также муниципальныя учрежденiя и былъ управляемъ свои-

ми собственными городскими головами и старшинами (provosts and baillies). Но даже и этотъ прославленный городъ не велъ никакой торговли, до самаго XV столѣтія, когда жители его начали солить и вывозить лососину. Это была единственная отрасль промышленности, съ какою былъ знакомъ Глезго. Поэтому, намъ не слѣдуетъ удивляться, слыша, что до половины XV столѣтія, все населеніе его не превышало полторы тысячи человѣкъ, все богатство которыхъ заключалось въ небольшомъ количествѣ скота и въ нѣсколькихъ акрахъ дурно обработанной земли. Другіе города, хотя и носившіе знаменитыя названія, были въ такомъ же отсталомъ состояніи еще до болѣе недавняго времени. Дёнфермлинъ связанъ со многими историческими воспоминаніями; онъ былъ любимою резиденціею шотландскихъ королей, и въ немъ собиралось много шотландскихъ парламентовъ. Подобныя событія даютъ, какъ обыкновенно считается, извѣстное право на отличіе; но иллюзія исчезаетъ, когда мы по подробнѣе изслѣдуемъ состояніе того мѣста, гдѣ они совершились. Не смотря на всю пышность, окружавшую государей и законодателей, Дёмфермлинъ, который въ концѣ XIV столѣтія былъ еще бѣдною деревнею, составленною изъ деревянныхъ хижинъ, такъ мало подвинулся впередъ, въ началѣ семнадцатаго столѣтія, что все его населеніе, включая и бѣдныя предмѣстья, не превышало тысячи человѣкъ. Для шотландскаго города и это было много. Около того же времени, Гринокъ, какъ увѣряютъ насъ, былъ деревнею, состоящею изъ одного ряда домиковъ, обитаемыхъ бѣдными рыбаками. Кильмарнокъ, составляющій въ настоящее время важное средоточіе промышленности и богатства, въ 1668 году, заключалъ въ себѣ отъ пяти до шести сотъ жителей. Даже самый Пэсли, въ 1700 году, имѣлъ населеніе, которое, по самому широкому исчисленію, не доходило до трехъ тысячъ.

Абердинъ, столица сѣвера, считался однимъ изъ влія-

тельнѣйшихъ шотландскихъ городовъ, и возбуждалъ, въ теченіе среднихъ вѣковъ, не мало зависти своимъ могуществомъ и своимъ значеніемъ. Но слова эти, какъ и всякія другія, справедливы лишь относильно, и должны быть понимаемы различно, въ различныя эпохи. Мы конечно не будемъ особенно поражены величіемъ этого города, когда узнаемъ изъ вычисленій, основанныхъ на таблицахъ смертности, что еще въ 1572 году онъ могъ похвалиться только населеніемъ около 2,900 душъ Такой фактъ разсѣетъ многія мечтанія касательно старинныхъ шотландскихъ городовъ, особенно если принять въ соображеніе, что онъ относится къ такой эпохѣ, когда средневѣковая анархія уже исчезла и Аберденъ уже нѣкоторое время пользовался разными улучшеніями. Этотъ городъ — если только можно назвать городомъ такое жалкое скопище людей—былъ тѣмъ не менѣе однимъ изъ самыхъ населенныхъ мѣстъ Шотландіи. Съ XIII и до конца XVI столѣтія, нигдѣ болѣе не было собрано въ одномъ мѣстѣ столько Шотландцевъ, кромѣ Перта, Эдинбурга и, пожалуй, Сентъ-Андрюса. Объ этомъ послѣднемъ городѣ я не могъ найти никакихъ точныхъ свѣдецій, но о Пертѣ и Эдинбургѣ сохранились кое какія особенности. Пертъ былъ долгое время столицею Шотландіи и, даже лишившись этого первенства, всетаки слылъ вторымъ городомъ въ государствѣ. Богатство его считалось чѣмъ-то удивительнымъ, и всякій порядочный Шотландецъ гордился имъ, какъ однимъ изъ главныхъ украшеній страны. Но, по вычисленію, недавно сдѣланному однимъ изъ людей, пользующимся значительнымъ авторитетомъ въ этого рода вопросахъ, все населеніе этого города въ 1585 году, не доходило до 9,000 душъ. Это конечно удивитъ многихъ изъ читателей, а между тѣмъ, судя по тогдашнему состоянію общества, слѣдуетъ собственно дивиться не тому, что въ Пертѣ было такъ мало жителей, а тому, что ихъ было и столько. Ибо самый Эдинбургъ, не смотря на пребываніе въ немъ должностныхъ лицъ и много-

численной свиты, всегда соединяющееся съ присутствіемъ двора, имѣлъ, въ концѣ XVI столѣтія, не болѣе 1,600 жителей. О томъ въ какомъ состояніи были эти жители, оставилъ намъ кое какія свѣденія одинъ изъ современныхъ наблюдателей. Фруассаръ, посѣтившій Шотландію и записывавшій все какъ видѣнное, такъ и слышанное имъ, изображаетъ въ самомъ плачевномъ видѣ тогдашнее положеніе дѣлъ. Дома Эдинбурга были просто лачуги, покрытыя соломой и хворостомъ, и строились такъ непрочно, что когда который либо изъ нихъ разрушался, то на отстройку его требовалось не болѣе трехъ дней. Что же касается ихъ обитателей, то Фруассаръ, человѣкъ далеко не склонный къ преувеличеніямъ, увѣряетъ насъ, что Французы, пока не увидали ихъ, не могли представить себѣ такихъ лишеній, и только тогда поняли, что такое настоящая бѣдность.

Съ того времени произошли, конечно, значительныя улучшенія, но они шли медленно и даже, въ концѣ XVI столѣтія, тамъ почти не знали еще искуссной работы, и честная промышленность находилась во всеобщемъ пренебреженіи. По этому неудивительно, что горожане, люди бѣдные, жалкіе и невѣжественные, часто покупали покровительство какого нибудь могущественнаго дворянина цѣною той слабой даже независимости, какую они могли еще сохранить. Немногіе изъ шотландскихъ городовъ осмѣливались избирать своихъ главныхъ должностныхъ лицъ изъ среды собственныхъ гражданъ; обыкновенно бывало такъ, что они выбирали въ головы или старшины сосѣдняго пера. Даже часто случалось, что такія должности дѣлались наслѣдственными, и на нихъ смотрѣли какъ на законную принадлежность той или другой аристократической фамиліи. Передъ главою такой фамиліи все преклонялось. Авторитетъ его былъ такъ несомнѣненъ, что обида, причиненная даже кому либо изъ его свиты считалась какъ бы нанесенною ему самому. Представители города, посылавшіеся въ парламентъ, были въ совер-

шенной зависимости отъ аристократа, управлявшаго городомъ. Почти до новѣйшихъ временъ, въ Шотландiи не было настоящаго народнаго представительства. Такъ называемые народные представители должны были подавать голоса, какъ имъ было приказано; они были, на самомъ дѣлѣ, уполномоченными аристократiи, и такъ какъ у нихъ не было своей собственной палаты, то они засѣдали и обсуждали дѣла среди своихъ могущественныхъ повелителей, которые открыто стращали ихъ.

При такихъ обстоятельствахъ, напрасно корона стала бы ожидать помощи отъ корпорацiи людей, которые сами не имѣли никакого влiянiя и жалкiя привилегiи которыхъ держались только тѣмъ, что ихъ терпѣли. Но былъ другой классъ чрезвычайно могущественный, къ которому и обратились шотландскiе короли,—это именно духовенство. Обѣ стороны имѣли одинаковый интересъ въ ослабленiи дворянства и это повело къ союзу между церковью и короною противъ аристократiи. Въ теченiе долгаго перiода, и даже до послѣдней половины XVI столѣтiя, короли почти постоянно покровительствовали духовенству и всевозможными средствами увеличивали его привилегiи. Реформацiя разстроила этотъ союзъ и вызвала новыя комбинацiи, о которыхъ я сейчасъ буду говорить. Но пока союзъ существовалъ, онъ приносилъ большую пользу духовенству, сообщая притязанiямъ его законную санкцiю и дѣлая изъ него, въ глазахъ общества, какъ бы опору порядка и законнаго правительства. Послѣдствiя однако ясно доказали, что дворянство было болѣе чѣмъ въ состоянiи совладать съ враждебнымъ ему союзомъ. Въ виду непомѣрнаго могущества этого сословiя, удивительно только одно, какъ могло духовенство такъ долго выдерживать эту борьбу,—оно было собственно ниспровергнуто только въ 1560 году. Что борьба будетъ такъ упорна и протянется столько времени,—вотъ чего, съ перваго взгляда, никто не могъ бы себѣ представить. Причину этого я сейчасъ попытаюсь объяснить. Я

надѣюсь доказать, что въ Шотландіи существовалъ цѣлый рядъ общихъ причинъ, обезпечившихъ духовному сословію громадное вліяніе и давшихъ ему возможность не только бороться съ самою могущественною аристократіею въ Европѣ, но даже, послѣ того какъ оно было повидимому окончательно побѣждено, возстать съ новою, большею чѣмъ когда либо бодростью, и силою пріобрѣсти наконецъ, въ качествѣ протестантскихъ проповѣдниковъ, авторитетъ нисколько не уступавшій тому, какимъ оно пользовалось, въ качествѣ католическихъ священниковъ.

Изъ всѣхъ протестантскихъ странъ, конечно въ Шотландіи обстоятельства всего долѣе и въ высшей степени благопріятствовали интересамъ суевѣрія. Какимъ образомъ интересы эти поддерживались въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, это я разскажу послѣ; теперь же я намѣренъ изслѣдовать причины ихъ ранняго преуспѣянія и показать, что они не только имѣли связь съ Реформаціею, но даже сообщили этому великому событію нѣкоторыя особенности, въ высшей степени замѣчательныя и прямо противоположныя тому, что произошло въ Англіи.

Если читатель усвоилъ себѣ все, что мною было уже доказано въ другомъ мѣстѣ, то онъ припомнитъ, что двумя главными источниками суевѣрія бываютъ невѣжество и опасность; что невѣжество лишаетъ людей возможности узнать естественныя причины явленій, а опасность заставляетъ ихъ обращаться къ причинамъ сверхъестественнымъ, или—выражая тоже предложеніе другими словами — чувство раболѣпія, одно изъ проявленій котораго составляетъ суевѣріе, есть продуктъ удивленія и страха; и очевидно, что удивленіе находится въ связи съ невѣжествомъ, а страхъ — съ опасностью. Вотъ почему все, что въ какой либо странѣ увеличиваетъ общій итогъ случаевъ, возбуждающихъ удивленіе или рождающихъ опасность, ведетъ прямо и къ увеличенію суевѣрія, а слѣдовательно и къ усиленію власти духовенства.

Прилагая эти основныя начала къ Шотландіи, мы будемъ въ состояніи объяснить многіе факты въ исторіи этой страны. Начнемъ съ того, что въ ней явленія природы представляютъ разительную противоположность съ природою Англіи, и что они въ гораздо большей степени способны поселить въ невѣжественномъ народѣ жестокое, упорное суевѣріе. Бури и туманы, мрачное небо, разсѣкаемое частыми молніями, удары грома, со всѣхъ сторонъ отражающіеся въ безконечныхъ раскатахъ по горамъ, опасные ураганы, жестокіе шквалы, пробѣгающіе по безчисленнымъ озерамъ, которыми испещрена вся страна, стремительные горные потоки, преграждающіе дорогу путешественнику, — все это удивительно не похоже на тѣ болѣе безвредныя и менѣе рѣзкія явленія, среди которыхъ англійскій народъ развивалъ свое благосостояніе и воздвигалъ свои величественные города. Даже вѣрованіе въ волшебство, мрачнѣйшее изъ суевѣрій, осквернявшихъ когда либо человѣческій умъ, не осталось безъ вліянія этихъ особенностей. Справедливо было замѣчено, что по старинному англійскому повѣрью, колдунья была жалкая, дряхлая старуха, скорѣе раба, чѣмъ повелительница злыхъ духовъ, съ которыми она имѣла общеніе, между тѣмъ какъ въ Шотландіи ее возводили въ достоинство мощной волшебницы, управляющей злыми духами и заставляющей ихъ исполнять ея волю; по этому она распространяла въ народѣ болѣе глубокій и постоянный страхъ.

Подобное же дѣйствіе имѣли и тѣ безпрерывныя войны, которымъ подвергалась Шотландія, и въ особенности опустошенія, произведенныя въ ней Англичанами въ XIV столѣтіи. Какая бы религія ни была господствующею, вліяніе служителей ея, всегда неминуемо усиливается во время долгой и опасной войны, превратности которой смущаютъ умы людей и заставляютъ ихъ, когда естественныя средства не помогаютъ, призывать на помощь сверхъестественныя. Въ подобныхъ случаяхъ, значеніе духовенства возрастаетъ, церкви

болѣе чѣмъ когда либо наполняются народомъ, и священникъ выступаетъ впередъ, какъ толкователь воли Божіей: принимая тонъ авторитета, онъ или утѣшаетъ народъ въ понесенныхъ потеряхъ правотою защищаемаго имъ дѣла, или объясняетъ ему, что потери эти отъ Бога посланы въ наказаніе за грѣхи и въ предостереженіе, что онъ не довольно тщательно исполнялъ свои религіозныя обязанности, другими словами, что онъ пренебрегалъ тѣми обрядами и церемоніями, въ соблюденіи которыхъ самъ священникъ имѣлъ личный интересъ.

Неудивительно по этому, что въ XIV столѣтіи, когда бѣдствія Шотландіи достигли высшей степени, духовенство ея болѣе чѣмъ когда либо процвѣтало; по мѣрѣ того, какъ вся страна бѣднѣла, духовное сословіе становилось богаче, сравнительно съ остальною частью націи. Даже въ XV и въ первой половинѣ XVI столѣтія, когда промышленность начинала нѣсколько подвигаться впередъ, при всемъ улучшеніи состоянія міряпъ, имущество всѣхъ сословій, взятое вмѣстѣ, какъ увѣряютъ насъ, едва могло равняться богатству духовенства. Если іерархія предавалась такому грабительству и имѣла такой успѣхъ въ періодъ сравнительной безопасности, то трудно представить себѣ въ слишкомъ преувеличенномъ видѣ, какія громадныя жатвы она должна была собирать въ то раннее время, когда опасность была болѣе близка, когда никто почти не умиралъ, не завѣщавъ чего либо церкви; всѣ старались заявить о своемъ уваженіи къ тѣмъ, которые знали болѣе, чѣмъ ихъ собратія, и молитвы которыхъ могли отвратить зло въ настоящемъ и обезпечить блаженство въ будущемъ.

Другимъ послѣдствіемъ этихъ нескончаемыхъ войнъ было то, что бо́льшая чѣмъ когда либо пропорція населенія стала обращаться къ духовной профессіи, такъ какъ въ ней одной представлялась какая нибудь возможность спасенія; монастыри, въ особенности, наполнялись людьми, надѣявшимися, хотя

часто тщетно, укрыться въ нихъ отъ огня и меча, которымъ подвергалась Шотландiя. Когда въ XV столѣтiи, страна начала оправляться отъ этихъ опустошенiй, то въ отсутствiи мануфактуръ и торговли, лучшiй путь къ богатству открывало духовное званiе. Слѣдовательно люди мирные искали въ немъ безопасности, а честолюбцы—вѣрнѣйшаго средства къ достиженiю отличiй.

И такъ, отсутствiе большихъ городовъ и свойственной имъ отрасли промышленности сдѣлало духовное сословiе болѣе многочисленнымъ, чѣмъ оно было бы, при другихъ обстоятельствахъ; и всего замѣчательнѣе то, что не только возрастала числительность духовенства, но увеличилось также и расположенiе народа повиноваться ему. Земледѣльческiй классъ, отъ природы и по самымъ условiямъ своей ежедневной жизни, болѣе суевѣренъ чѣмъ промышленный, потому что явленiя, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, болѣе таинственны, т. е. труднѣе обобщаются и предусматриваются. Вотъ почему вообще жители земледѣльческихъ округовъ относятся съ большимъ уваженiемъ къ ученiю своего духовенства, чѣмъ жители округовъ, занимающихся мануфактурною промышленностаю. По этому-то возрастанiе городовъ было главною причиною ослабленiя власти духовенства; и тотъ фактъ, что до XVIII столѣтiя, въ Шотландiи не было ничего, что заслуживало бы имя города, есть одно изъ многихъ обстоятельствъ, которыми объясняется преобладанiе въ ней суевѣрiя и чрезмѣрное влiянiе шотландскаго духовенства.

Къ этому мы должны прибавить еще одно довольно важное соображенiе. Частью физическое устройство страны, частью слабость короны, а частью и необходимость для жителей быть постоянно вооруженными, для отраженiя нападенiй извнѣ, — способствовали развитiю свойственныхъ первобытному состоянiю общества грабительскихъ наклонностей, а слѣдовательно и упрочивали царство невѣжества. Учились немногому, не знали ничего. До XV столѣтiя, въ Шотландiи

не было даже ни одного университета, — первый основанъ былъ въ С. Андрюсѣ, въ 1412 году. Дворяне, въ промежутки времени, когда не бывало войны съ непріятелемъ, занимались тѣмъ, что дрались между собою и захватывали другъ у друга стада. Такъ велико было ихъ невѣжество, что даже въ концѣ XIV столѣтія не случалось, говорятъ, примѣра, чтобы шотландскій баронъ былъ въ состояніи подписать свое имя. А какъ ничего похожаго на среднее сословіе въ то время еще не образовалось, то изъ этого мы можемъ составить себѣ понятіе о той суммѣ знаній, какою долженъ былъ обладать весь народъ. Всѣ умы должны были быть погружены въ такой мракъ, который въ настоящее время мы съ трудомъ представляемъ себѣ. Такъ какъ не занимались ни ремеслами, ни искусствами, требующими умѣнья или снаровки, то не было ничего, что бы развивало умы людей. Они поэтому оставались въ состояніи такой безсмысленности и грубости, что одинъ остроумный наблюдатель, посѣтившій Шотландію въ 1360 году, сравниваетъ ихъ съ дикими, — такъ сильно поразило его ихъ варварство и ихъ необщительность. Другой писатель, въ началѣ XV столѣтія, говоритъ о нихъ то же самое, ставя ихъ на ряду съ животными, которыхъ они пасли; онъ объявляетъ, что въ Шотландіи больше дикихъ людей, чѣмъ стадъ.

При такомъ сочетаніи событій и такомъ соединеніи невѣжества съ опасностію, духовенство въ XV столѣтіи, пріобрѣло въ Шотландіи больше вліянія, чѣмъ въ какой либо другой странѣ Европы, за исключеніемъ одной Испаніи. А какъ почти съ такою же быстротою возрастало и могущество дворянства, то естественно, что корона совершенно затмѣваемая сильными баронами, прибѣгла къ помощи церкви. Въ теченіе XV, а частью и XVII, столѣтій, союзъ этотъ тщательно поддерживался, и политическая исторія Шотландіи представляетъ исторію борьбы королей и духовенства противъ громаднаго авторитета дворянъ. Борьба эта, продол-

жавшаяся около ста шестидесяти лѣтъ, окончилась въ 1560 году торжествомъ аристократіи и ниспроверженіемъ церкви. Но въ силу обстоятельствъ, только что разсказанныхъ мною, суевѣріе такъ глубоко запало въ характеръ шотландскаго народа, что духовное сословіе быстро оправилось и подъ новымъ именемъ протестантовъ стало не менѣе грозно, чѣмъ было подъ прежнимъ именемъ католиковъ. Спустя сорокъ три года послѣ водворенія Реформаціи въ Шотландіи, Іаковъ VI, вступивъ на престолъ Англіи имѣлъ возможность соединить силы южной Шотландіи противъ непокорныхъ бароновъ сѣверной. Съ этой минуты, шотландская аристократія стала падать, а съ удаленіемъ силы, уравновѣшивавшей вліяніе духовенства, послѣднее сдѣлалось такъ могущественно, что въ теченіе XVII и XVIII столѣтій, было самымъ сильнымъ препятствіемъ прогрессу Шотландіи, и даже до сихъ поръ оно пользуется такимъ преобладаніемъ, которое совершенно непостижимо для того, кто не изучалъ тщательно длинный рядъ предшествовавшихъ обстоятельствъ. Прослѣдить до малѣйшей подробности весь ходъ событій, приведшихъ къ этому грустному результату, было бы несогласно съ планомъ настоящаго введенія, единственная цѣль котораго установить обширныя общія начала.

Но для того, чтобы читатель яснѣе представлялъ себѣ весь вопросъ, мнѣ необходимо будетъ сдѣлать краткій очеркъ отношенія дворянства къ духовенству, въ теченіе XV и XVI столѣтій, и указать въ немъ, какимъ образомъ изъ относительнаго положенія этихъ сословій и ихъ непримиримой ненависти другъ къ другу возникла Реформація. Этимъ путемъ мы узнаемъ, что великое протестантское движеніе, имѣвшее въ другихъ странахъ характеръ демократическій, въ Шотландіи было чисто аристократическое, мы увидимъ также, что въ Шотландіи Реформація, не будучи дѣломъ народа, никогда не имѣла того дѣйствія, какого можно было ожидать отъ нея и какое она произвела въ Англіи. И въ самомъ дѣлѣ,

болѣе чѣмъ очевидно, что между тѣмъ какъ въ Англіи протестантизмъ уменьшилъ суевѣріе ослабилъ духовенство, усилилъ вѣротерпимость, однимъ словомъ доставилъ торжество свѣтскимъ интересамъ надъ духовными,—въ Шотландіи онъ привелъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ; что въ этой странѣ церковь, измѣнивъ форму, но не измѣнивъ духа, не только осталась вѣрна своимъ стариннымъ притязаніямъ, но къ несчастью сохранила и свое прежнее могущество; и что, хотя могущество это теперь и исчезаетъ, но Шотландскіе проповѣдники всетаки выказываютъ вездѣ, гдѣ это только возможно, надменный властолюбивый духъ, свидѣтельствующій о томъ, сколько скрывается еще дѣйствительной слабости въ народѣ, у котораго такія нелѣпыя притязанія не замолкаютъ сразу, повинуясь голосу общаго громкаго осмѣянія.

ГЛАВА III.

Состояніе Шотландіи въ XV и XVI столѣтіяхъ.

Въ началѣ XV столѣтія, существованіе союза между короною и церковью и рѣшимость этого союза ниспровергнуть дворянство, стали очевидны. Признаки этого можно ясно прослѣдить въ политикѣ Албани, который былъ правителемъ королевства съ 1406 по 1419 годъ и поставилъ себѣ главною задачею—покровительствовать духовенству и поддерживать его вліяніе. Онъ же, первый изъ всѣхъ правителей, осмѣлился нанести рѣшительный ударъ аристократіи. Дональдъ, который былъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ шотландскихъ вождей и, по владѣнію западными островами, даже пользовался почти совершенною независимостью,—захватилъ графство Россъ, которое, если бы онъ былъ въ силахъ удержать его за собою, давало бы ему возможность открыто противиться коронѣ. Албани, поддерживаемый церковью, вступилъ въ его владѣнія, въ 1411 году, и заставилъ Дональда отказаться отъ захваченнаго графства, лично подчиниться коронѣ и дать заложниковъ въ своемъ будущемъ образѣ дѣйствій. Такая энергическая выходка со стороны исполнительной власти была дѣломъ въ высшей степени непривычнымъ въ Шотландіи; съ этого начался цѣлый рядъ нападеній на дворянство, которыя окончились тѣмъ, что корона пріобрѣла въ свою собственность не только Россъ, но и западныя острова. По-

литикѣ, введенной Албани, слѣдовалъ съ еще большею энергіею Іаковъ I. Въ 1424 году, этотъ храбрый и дѣятельный Государь выхлопоталъ парламентское постановленіе, обязывавшее многихъ изъ дворянъ предъявить свои хартіи, для приведенія въ извѣстность, какія изъ ихъ земель принадлежали прежде коронѣ. А чтобы снискать любовь духовенства, онъ снабдилъ, въ 1625 году, епископа С. Андрюсскаго полномочіемъ возвращать церкви все, что было отчуждено изъ ея владѣній, и въ то же время повелѣлъ, чтобы суды оказывали съ своей стороны содѣйствіе къ приведенію въ исполненіе этого распоряженія. Это случилось въ іюнѣ, и что мѣра эта была въ связи съ извѣстнымъ общимъ планомъ, видно изъ того, что предшествовавшею весною король внезапно арестовалъ, въ парламентѣ, собравшемся въ Пертѣ, слишкомъ двадцать человѣкъ знатнѣйшихъ дворянъ, изъ которыхъ четырехъ казнилъ, а у многихъ конфисковалъ имѣнія. Два года спустя, потребовавъ, съ такимъ же вѣроломствомъ, къ себѣ въ Инвернессъ вождей горной Шотландіи, онъ наложилъ и на нихъ руку,—троихъ казнилъ, а слишкомъ сорокъ человѣкъ подвергъ заключенію въ различныхъ мѣстахъ государства.

Съ помощію подобныхъ мѣръ и поддерживая церковь съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ нападалъ на дворянъ,—король думалъ извратить порядокъ вещей, издавна установившійся, и обезпечить верховное господство трона надъ аристократіею. Но онъ не разсчиталъ, что такое дѣло ему не по силамъ. Подобно почти всѣмъ политикамъ, онъ слишкомъ преувеличивалъ значеніе политическихъ средствъ. Законодатель и судья могутъ только на время парализировать зло, но не окончательно излечить отъ него. Общіе недуги зависятъ отъ общихъ причинъ, а эти послѣднія недосягаемы для искусства политиковъ. Они могутъ дѣйствовать на симптомы болѣзни, самая же болѣзнь не поддается ихъ усиліямъ и слишкомъ часто даже сильнѣе разыгрывается отъ ихъ лече-

нія. Въ Шотландіи, могущество дворянъ было жестокою язвою, снѣдавшею жизненныя силы націи; но оно подготовлялось за долго; это было разстройство хроническое; оно вошло въ нравы и могло быть устранено только временемъ, но не насильственными средствами. Напротивъ того, въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, какъ только политики станутъ стремиться къ великому благу, они неизмѣнно причиняютъ великое зло. Избытокъ давленія съ одной стороны, вызываетъ сопротивленіе, съ другой, и равновѣсіе механизма нарушается. Столкновеніе враждебныхъ интересовъ угрожаетъ опасностію всему строю жизни. Возжигаются новыя вражды, старыя разыгрываются съ большимъ ожесточеніемъ, и весьма естественныя несогласія и разногласія усиливаются единственно потому, что люди, призванные управлять человѣчествомъ, никакъ не хотятъ понять, что управляя обширною страною, они имѣютъ дѣло съ организмомъ до такой степени тонкимъ сложнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, темнымъ, что какое бы они не сдѣлали въ немъ измѣненіе, оно легко можетъ оказаться несвойственнымъ. Въ то время какъ они употребляютъ въ высшей степени рискованныя средства, чтобы защитить или подкрѣпить ту или другую изъ частей этого организма, онъ обладаетъ несомнѣнною способностью самъ исправлять свои поврежденія; и чтобы привести эту способность въ дѣйствіе, необходимы только время и свобода, которыхъ слишкомъ часто лишаетъ ее вмѣшательство могущественныхъ личностей.

Такъ было въ Шотландіи, въ XV столѣтіи. Попытки Іакова I не удались, потому что это были частныя мѣры, направленныя противъ общихъ золъ. Идеи и понятія, порожденныя длиннымъ рядомъ событій и глубоко укоренившіяся во всѣхъ умахъ, доставили аристократіи громадное значеніе; и если бы всѣ до одного дворяне въ Шотландіи были умерщвлены, всѣ замки ихъ срыты до основанія и всѣ имѣнія конфискованы, то всетаки пришло бы, безъ сомнѣнія, такое время, когда преемники ихъ сдѣлались бы болѣе чѣмъ когда

либо вліятельны, потому что привязанность къ нимъ ихъ вассаловъ и ихъ слугъ еще болѣе усилилась бы, вслѣдствіе постигшей ихъ несправедливости. Всякая страсть возбуждаетъ противоположное ей чувство. Сегоднешняя жестокость завтра вызываетъ симпатію. Негодованіе, возбуждаемое несправедливостью, способствуетъ, болѣе чѣмъ что либо другое, къ изглаженію всякихъ неровностей въ жизни и къ поддержанію равновѣсія въ дѣлахъ. Это отвращеніе къ тиранніи, возбуждая, до крайней глубины, самыя теплыя чувства человѣческаго сердца, дѣлаетъ именно невозможнымъ, чтобы тираннія когда либо окончательно восторжествовала. Вотъ истинно благородная сторона нашей природы, вотъ то свойство наше, которое, будучи запечатлѣно божественною красотою, обличаетъ свое неземное происхожденіе и, предохраняя насъ отъ самыхъ отдаленныхъ случайностей, служитъ вѣрнѣйшимъ ручательствомъ, что насиліе никогда окончательно не восторжествуетъ, что, рано или поздно, деспотизмъ будетъ всегда ниспровергнутъ и что великіе неизмѣнные интересы рода человѣческаго никогда не пострадаютъ отъ преступныхъ замысловъ людей неправедныхъ.

Съ Іаковомъ I случилось такъ, что реакція наступила ранѣе, чѣмъ можно было ожидать ее; она началать еще при его жизни и потому была столько же возмездіемъ, сколько и реакціею. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ продолжалъ онъ безнаказанно угнетать дворянъ; но въ 1436 году они возстали противъ него и онъ поплатился жизнію за то обращеніе, которому подвергалъ многихъ изъ нихъ. Теперь могущество ихъ возрасло съ такою же быстротою, съ какою, до того, оно падало. На югѣ Шотландіи были всесильны Дугласы и одинъ графъ изъ этой фамиліи имѣлъ такіе же доходы, какъ сама корона. Чтобы показать, что значеніе его равносильно его доходамъ, онъ явился на сватьбу Іакова II со свитою изъ пяти тысячъ человѣкъ. И все это были его собственные люди, народъ вооруженный и рѣ-

шительный, обязанный повиноваться малѣйшему приказанію его. И нельзя сказать, чтобы шотландскій дворянинъ долженъ былъ прибѣгать къ какимъ либо принужденіямъ, для достиженія такого послушанія. Подчиненность эта была добровольная; она была совершенно въ правахъ шотландскаго народа. Въ то время, и долго спустя, считалось столько же безчестнымъ, сколько и опаснымъ дѣломъ не принадлежать къ какому нибудь обширному клану; и тѣ, которымъ непосчастливилось пристать къ какой либо изъ первѣйшихъ фамилій, имѣли обыкновеніе принимать имя какого нибудь начальника и снискивать его покровительство, посвящая себя его службѣ.

Чѣмъ былъ графъ Дугласъ на югѣ Шотландіи, тѣмъ же были графы Крофордъ и Россъ на сѣверѣ. И самъ по себѣ каждый изъ нихъ былъ уже страшенъ, а когда они дѣйствовали заодно, то казалось ничто не могло противиться имъ. По этому, когда въ половинѣ XV столѣтія, они дѣйствительно соединились, образовавъ тѣсный союзъ противъ ихъ общихъ враговъ, то трудно было сказать, гдѣ былъ предѣлъ ихъ могуществу и оставалось ли какое нибудь другое средство для правительства, какъ посѣять между ними раздоръ.

Но въ то же время, расположеніе дворянства употребить открытую силу противъ правительства, было еще болѣе увеличено новыми насиліями. Правительство, вмѣсто того, чтобы видѣть для себя предостереженіе въ участи, постигшей Іакова I, подражало его безцеремоннымъ дѣйствіямъ и слѣдовалъ той самой политикѣ, которая привела его къ погибели. Такъ какъ Дугласы были самые могущественные изъ всѣхъ знатныхъ фамилій, то рѣшено было казнить смертью старшихъ изъ этого рода; а какъ ихъ нельзя было взять открытою силою, то пришлось умертвить ихъ обманомъ. Въ 1440 году, графъ Дугласъ, пятнадцатилѣтній мальчикъ, и братъ его, еще моложе, дружески приглашены были въ гости къ королю во

Эдинбургъ. Лишь только они пріѣхали туда, какъ ихъ схватили, по приказанію канцлера, подвергли ихъ будто бы суду и признавъ виновными, поволокли на дворъ эдинбургскаго замка, гдѣ бѣднымъ мальчикамъ отрубили головы.

Зная чувство пылкой привязанности Шотландцевъ къ ихъ вождямъ, трудно преувеличить послѣдствія этого варварскаго убійства, для усиленія того класса, который этимъ путемъ надѣялись запугать. Но это ужасное преступленіе было совершено собственно правительствомъ, такъ какъ оно случилось во время несовершеннолѣтія короля. Слѣдующее же за тѣмъ убійство было уже дѣломъ самого короля.

Въ 1452 году, графъ Дугласъ приглашенъ былъ Іаковомъ II, съ соблюденіемъ всѣхъ формъ вѣжливости, прибыть ко двору, собравшемуся тогда въ Стерлингѣ. Графъ колебался, но Іаковъ преодолѣлъ его нерѣшимость пославъ ему охранную грамоту съ королевскою подписью и за большою печатью. Такъ какъ въ этомъ дѣлѣ замѣшана была честь короля, то всѣ опасенія Дугласа разсѣялись. Онъ поспѣшилъ въ Стерлингъ, гдѣ и былъ принятъ со всевозможнымъ отличіемъ. Но вечеромъ того же дня, послѣ ужина, король разразился противъ него упреками и внезапно выхвативъ свой кинжалъ, вонзилъ его въ грудь Дугласа. За тѣмъ Грей ударилъ его бердышемъ, и онъ упалъ мертвый на землю въ присутствіи своего короля, заманившаго его ко двору, чтобы безнаказанно умертвить его.

Свирѣпость шотландскаго характера, естественное послѣдствіе невѣжества и бѣдности этой націи, была безъ сомнѣнія одною изъ причинъ, и весьма важною, совершенія подобныхъ преступленій, и совершенія ихъ не въ тайнѣ, а средь бѣла дня и притомъ самыми высшими лицами въ государствѣ. Нельзя однако отрицать, что другою причиною было вліяніе духовенства; въ интересахъ этого сословія было унизить дворянъ, и оно нисколько не стѣснялось въ выборѣ средствъ. Чѣмъ больше отклонялась корона отъ аристо-

кратіи, тѣмъ тѣснѣе примыкала она къ церкви. Въ 1443 году, изданъ былъ статутъ, имѣвшій цѣлью обезпечить церковную собственность отъ нападеній со стороны дворянства. И хотя въ тогдашнемъ состояніи общества легче было издавать законы, чѣмъ исполнять ихъ, но всетаки подобная мѣра указывала на общее направленіе политики правительства и свидѣтельствовала о существованіи союза между нимъ и церковью. И дѣйствительно, на счетъ этого никто не могъ заблуждаться. Въ теченіе около 20 лѣтъ, признаннымъ и довѣреннымъ совѣтникомъ короны былъ Кеннеди, епископъ С. Андрюсскій, который сохранялъ свою власть до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1466 году, во время несовершеннолѣтія Іакова III. Онъ былъ злѣйшимъ врагомъ дворянъ; онъ питалъ къ нимъ непримиримую ненависть, тѣмъ болѣе жестокую, что они и ему лично наносили обиды: графъ Крофордъ разграбилъ его земли, а графъ Дугласъ пытался схватить его самаго и грозилъ заковать его въ желѣза. Это легко могло ожесточить и самаго кроткаго; а какъ Іаковъ II въ то время, когда онъ убилъ Дугласа, находился болѣе всего подъ вліяніемъ Кеннеди, то очень можетъ быть, что епископъ былъ нечуждъ этого гнуснаго дѣла. Во всякомъ случаѣ, онъ нисколько не неодобрялъ его и когда, вслѣдствіе этого убійства, Дугласы и ихъ друзья открыто возстали, Кеннеди подалъ королю ловкій и хитрый совѣтъ, чрезвычайно характеризующій коварство его сословія. Взявъ въ руки связку стрѣлъ, онъ показалъ Іакову, что когда онѣ вмѣстѣ, ихъ переломить невозможно, раздѣленныя же, онѣ легко ломаются. Изъ этого онъ сдѣлалъ такой выводъ, что аристократія можетъ быть ниспровергнута, если разъединить ея членовъ и за тѣмъ уничтожить ихъ одного за другимъ.

Въ этомъ случаѣ онъ былъ совершенно правъ, на сколько дѣло шло объ интересахъ его сословія; но съ точки зрѣнія интересовъ всей націи, очевидно, что могущество дворянства-не смотря на частое злоупотребленіе его, было вообще бла,

годѣтельно, такъ какъ оно служило единственнымъ оплотомъ противъ деспотизма. Зло, дѣйствительно причиняемое имъ, было конечно громадно, но за то сословіе это устраняло другія зла, которыя были бы еще страшнѣе. Порождая анархію въ настоящемъ, оно обезпечивало свободу въ будущемъ. Такъ какъ средняго класса еще не существовало, то въ государствѣ было только три сословія: правительство, духовенство и дворянство. Два первыя соединились противъ третьяго и если бы побѣда осталась за ними, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что Шотландія подпала бы подъ самое ужасное иго, какое только можетъ постигнуть какую либо страну. Ею управляли бы деспотическій монархъ и неограниченная церковь; держа сторону другъ друга, они тиранствовали бы надъ народомъ, который, хотя и былъ грубъ и невѣжественъ, но всетаки любилъ извѣстнаго рода свободу, дикую варварскую; обладать ею было для него благомъ, а между тѣмъ, при такомъ сочетаніи властей, онъ навѣрно лишился бы ея.

Но, по счастью, могущество дворянства слишкомъ глубоко укоренилось въ понятіяхъ народа, чтобы допустить подобную катастрофу. Напрасно Іаковъ III старался унизить дворянъ и возвысить ихъ соперниковъ — духовенство. Ничто не могло поколебать ихъ значеніе; въ 1482 году, видя рѣшимость короля, они соединились, и такъ велико было ихъ вліяніе на окружающихъ, что они безъ труда овладѣли особой короля и заключили его въ эдинбургскій замокъ.

По освобожденіи его, начались новыя ссоры, и въ 1488 году, знатнѣйшіе изъ дворянъ собрали войска, сразились съ нимъ въ открытомъ полѣ и разбивъ его, лишили его жизни. Ему наслѣдовалъ Іаковъ IV, при которомъ дѣла пошли совершенно тѣмъ же порядкомъ, т. е. на одной сторонѣ было дворянство, на другой — корона и церковь. Король съ радостью дѣлалъ все, что только могло поддержать духовенство. Въ 1493 году, онъ провелъ постановленіе, обезпечивавшее

привиллегіи епископовъ С. Андрюсскаго и Глезгоскаго, двухъ важнѣйшихъ епископовъ въ Шотландіи. Въ 1503 году, онъ выхлопоталъ отмѣну всѣхъ пожалованій и дареній, невыгодныхъ для церкви, были ли они опредѣлены парламентомъ, или Тайнымъ Совѣтомъ. А въ 1508 году, онъ рѣшился, по совѣту Эльфинстона, епископа Абердинскаго, на мѣру еще болѣе смѣлую. Этотъ умный и честолюбивый прелатъ заставилъ Іакова предъявить противъ дворянъ нѣкоторыя отжившія уже права, въ силу которыхъ король могъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, завладѣвать ихъ имѣніями, и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы имѣли земли отъ короны, получать почти весь съ нихъ доходъ во время несовершеннолѣтія владѣльца.

Предъявить такія права было нетрудно, но привести ихъ въ дѣйствіе было невозможно. Дѣйствительно, дворянство въ это время скорѣе усиливалось, чѣмъ ослабѣвало; послѣ смерти Іакова IV (1513 г.), во время несовершеннолѣтія Іакова V, оно сдѣлалось такъ могущественно, что правитель Албани, съ отчаянія, два раза слагалъ съ себя управленіе, и наконецъ совершенно отказался отъ него. Онъ окончательно оставилъ Шотландію въ 1524 году, и съ нимъ исчезло повидимому всякое значеніе исполнительнаго правительства. Дугласы вскорѣ овладѣли особою короля, принудили Битона, архіепископа С. Андрюсскаго сложить съ себя званіе канцлера. Все управленіе перешло теперь въ ихъ руки; всѣ мѣста были заняты ими или ихъ приверженцами. Свѣтскіе интересы преобладали, а духовенство было совершенно отброшено въ тѣнь. Однако въ 1528 году, случилось одно событіе, не только возвратившее духовному сословію его прежнее положеніе, но даже поставившее его на такую высоту, которая, какъ оказалось впослѣдствіи, была пагубна для самого же духовенства. Архіепископъ Битонъ, выведенный изъ терпѣнія распоряженіями въ высшей степени неблагопріятными для церкви, составилъ заговоръ, съ помощью котораго Іакову

удалось убѣжать отъ Дугласовъ и укрыться въ стерлингскомъ замкѣ. Эта внезапная реакція была, если не настоящею, господствующею, то безъ сомнѣнія ближайшею причиною введенія протестантизма въ Шотландіи. Теперь бразды правленія перешли въ руки церкви, и поэтому самые влiятельные изъ дворянъ были преслѣдуемы, а нѣкоторые даже удалены изъ государства. Но хотя они лишились политическаго вліянія, общественное значеніе ихъ сохранилось. У нихъ отняли почести и богатство; они стали изгнанниками, измѣнниками, нищими, но всетаки настоящее основаніе ихъ значенія потрясено не было, потому что значеніе это было результатомъ цѣлаго ряда обстоятельствъ и опиралось на привязанности народа. Вотъ почему дворяне, даже изгнанные и обвиняемые въ государственной измѣнѣ, — всетаки были въ состояніи вести трудную, по временамъ успѣшную, борьбу съ своими врагами. Жажда мщенія, возбуждая ихъ къ напряженной дѣятельности, привела къ войнѣ на жизнь или смерть между шотландскою аристократіею и шотландскою церковью. Этотъ замѣчательный споръ былъ въ нѣкоторой степени продолженіемъ того, который начался еще въ первыхъ годахъ XV столѣтія. Но онъ отличался гораздо большимъ ожесточеніемъ; война продолжалась непрерывно въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ и окончилась лишь торжествомъ дворянъ, которые въ 1560 году совершенно ниспровергли церковь и уничтожили почти однимъ ударомъ всю шотландскую іерархію.

Событія этой борьбы и тѣ превратности, которымъ подвергались, въ продолженіе ея, обѣ стороны, разсказаны, хотя впрочемъ нѣсколько сбивчиво, въ обыкновенныхъ нашихъ исторіяхъ; мнѣ же достаточно будетъ указать на нѣкоторыя, наиболѣе выдающіяся, стороны, и не входя въ излишнія подробности, постараться пролить свѣтъ на общій ходъ этого движенія. Такимъ образомъ, намъ станетъ ясно единство всего плана и мы увидимъ, что разрушеніе католической церкви было естественнымъ разложеніемъ ея и что

послѣдній актъ этой блистательной драмы далеко не заключалъ въ себѣ натянутой, неправильной развязки, а напротивъ, вполнѣ соотвѣтствовалъ всему предшествовавшему развитію плана.

Когда Іаковъ убѣжалъ, въ 1528 году, изъ заключенія, ему было шестнадцать лѣтъ, и политика его,—на сколько можно сказать, что онъ дѣйствовалъ своимъ умомъ, —опредѣлялась собственно духовенствомъ, которому онъ былъ обязанъ своимъ освобожденіемъ и въ которомъ онъ видѣлъ естественныхъ покровителей своихъ. Главнѣйшимъ совѣтникомъ его былъ епископъ С. Андрюсскій, и важный постъ канцлера, который при Дугласахъ былъ занятъ лицомъ свѣтскимъ, теперь былъ порученъ архіепископу Глесгоскому. Эти два прелата были всемогущи. Въ то же время, аббатъ Голирудскій былъ сдѣланъ казначеемъ, а епископъ Дёнкельдскій–хранителемъ королевской печати. Всѣмъ дворянамъ изъ дома Дугласовъ, даже лицамъ состоявшимъ при нихъ, воспрещено было, подъ страхомъ обвиненія въ государственной измѣнѣ, подходить ближе какъ на двадцать миль къ мѣсту нахожденія двора. Снаряжена была и послана экспедиція противъ графа Кетнессъ (Caithness), который претерпѣлъ пораженіе и былъ убитъ. Не за долго до этого, графъ Ангусъ былъ высланъ изъ Шотландіи и имѣнія его конфискованы; Дугласы были признаны виновными въ государственной измѣнѣ; кромѣ того, по распоряженію правительства, были схвачены и подвергнуты заключенію графъ Ботвель, Гомъ, Максвелль, два Керра и Бароны Buccleuch, Джонстонъ и Польвартъ.

Все это были довольно сильныя мѣры, свидѣтельствовавшія о возстановленіи могущества церкви. Но готовились еще и другія, не менѣе рѣшительныя. Въ 1531 году, король лишилъ графа Крофордъ большей части его имѣній, а графа Аргайль заключилъ въ тюрьму. Даже тѣ дворяне, которые были готовы держать его сторону, находились теперь

въ опалѣ. Онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы оказывать имъ холодность, и въ то же время замѣщать высшія должности ихъ соперниками, духовными лицами. Наконецъ, въ 1532 году, онъ задумалъ нанести смертельный ударъ дворянскому сословію, лишивъ дворянъ значительной доли судебной власти, которою они пользовались въ своихъ владѣніяхъ и которой они были въ довольно сильной мѣрѣ обязаны своимъ могуществомъ. По настоянію архіепископа Глесгоскаго, онъ учредилъ такъ называемую Коллегію Юстиціи, гдѣ должны были рѣшаться дѣла, разсматривавшіяся до того времени баронами въ ихъ замкахъ. Постановлено было, чтобы новый трибуналъ состоялъ изъ пятнадцати судей, въ числѣ которыхъ восемъ должно было быть духовныхъ; а еще яснѣе видны намѣренія короля изъ того, что предсѣдательствовать въ этомъ судѣ должно было непремѣнно лицо духовное.

Этимъ уже все довершалось, и распоряженіе это, вмѣстѣ съ предшествовавшими ему мѣрами, довело дворянъ почти до иступленія. Ненависть ихъ къ духовенству перешла за всякую границу; въ своей жаждѣ мщенія, они не только бросились въ объятія Англіи и поддерживали тайныя сношенія съ Генрихомъ VIII, но многіе изъ нихъ зашли еще далѣе и стали обнаруживать рѣшительную склонность къ принципамъ Реформаціи. Въ такой же точно мѣрѣ, въ какой возрастало ожесточеніе дворянъ противъ духовенства, усиливалось и желаніе ихъ преобразовать церковь.

Любовь къ новизнѣ, подстрекаемая корыстными побужденіями, дошла до того, что въ какіе нибудь нѣсколько лѣтъ огромное большинство дворянъ приняло крайнія протестантскія убѣжденія; они почти не заботились о томъ, въ какую они впали ересь, до тѣхъ поръ, пока съ помощью нее имѣли возможность наносить вредъ духовенству, отъ котораго только-что претерпѣли жесточайшія обиды и съ которымъ они

и отцы ихъ были въ постоянномъ спорѣ въ теченiе почти полутораста лѣтъ.

Въ то же самое время, Iаковъ V примкнулъ теснѣе чѣмъ когда либо къ iерархiи. Въ 1534 году, онъ угодилъ церкви, лично присутствовавъ при судѣ надъ нѣкоторыми еретиками, которые были призваны предъ епископовъ и сожжены. Въ слѣдующемъ году, ему предложили, и онъ охотно принялъ, титулъ защитника Вѣры, перенесенный на него съ Генриха VIII,—послѣдняго считали потерявшимъ право на такое отличiе, по своему безбожiю. Какъ бы то нибыло, но Iаковъ вполнѣ заслуживалъ такого названiя. Онъ былъ твердою опорою церкви и его Тайный Совѣтъ былъ составленъ главнѣйшимъ образомъ изъ духовныхъ, такъ какъ онъ считалъ опаснымъ давать свѣтскимъ лицамъ слишкомъ большое участiе въ управленiи. А въ 1538 году, онъ еще болѣе выказалъ направленiе своей политики, вступивъ во второй бракъ съ Марiею де Гюизъ, и ставъ такимъ образомъ въ близкiя отношенiя съ самымъ могущественнымъ католическимъ домомъ въ Европѣ; фамилiя эта, столько же честолюбивая, какъ и сильная, поставила себѣ явною задачею поддерживать католическую вѣру и защищать ее отъ грубыхъ и безцеремонныхъ нападенiй, которыя теперь направлялись противъ нея въ большей части Европы.

Церковь привѣтствовала это событiе, какъ залогъ добрыхъ намѣренiй короля. Такимъ оно и оказалось на самомъ дѣлѣ. Давидъ Битонъ, который устроилъ этотъ бракъ, сдѣлался главнымъ совѣтникомъ Iакова на все остальное время его царствованiя. Онъ былъ возведенъ, въ 1539 году, въ званiе архiепископа С. Андрюсскаго и по его внушенiю воздвигнуто было болѣе чѣмъ когда либо жаркое гоненiе на протестантовъ. Многiе изъ нихъ убѣжали въ Англiю, гдѣ они увеличили собою число тѣхъ изгнанниковъ, которые только выжидали удобнаго времени, чтобы смертельно отомстить своимъ врагамъ. Они и ихъ приверженцы въ Шотландiи при-

соединились къ недовольнымъ дворянамъ, особенно къ Дугласамъ, которые далеко превосходя могуществомъ остальную шотландскую аристократію, были при томъ связаны съ большею частью знатныхъ родовъ или старинными дружескими отношеніями, или еще болѣе тѣсными узами общаго интереса въ ограниченіи могущества церкви.

Въ этотъ критическій моментъ, всѣ взоры были устремлены на Дугласовъ, которые, найдя пріютъ при дворѣ Генриха VIII, теперь обдумывали свои планы. Хотя они еще не смѣли возвратиться въ Шотландію, но ихъ шпіоны и агенты доносили имъ обо всемъ, что дѣлалось въ ней, и поддерживали ихъ связи съ отечествомъ. Феодальные договоры, обязательства личнаго подчиненія и другія сдѣлки, отъ которыхъ, хотя они и не были законны, считалось нечестнымъ отказываться,—оставались въ полной силѣ и давали возможность Дугласамъ спокойно положиться на многихъ изъ могущественнѣйшихъ дворянъ; при томъ, самимъ же этимъ дворянамъ уже надоѣло преобладаніе духовенства и они съ радостью привѣтствовали надежду на какую либо перемѣну, отъ которой можно было ожидать ослабленія его власти.

При такомъ сочетаніи партій, въ странѣ, гдѣ вслѣдствіе отсутствія средняго класса, народъ ничего не значилъ и только шелъ всюду, куда бы ни повели его,—ясно, что успѣхъ или неуспѣхъ Реформаціи зависѣлъ чисто отъ успѣха или неуспѣха дворянъ. Они жаждали мести, и весь вопросъ былъ только въ томъ, будутъ ли они въ силахъ утолить эту жажду. Противъ нихъ была корона и церковь; за нихъ—феодальныя преданія, духъ кланнаго быта, слѣпое повиновеніе ихъ безчисленныхъ приверженцевъ и,—что не менѣе было важно—та любовь къ извѣстнымъ именамъ и семейнымъ связямъ, которая и теперь еще замѣчательно развита въ шотландскомъ народѣ, а въ XVI столѣтіи, имѣла непомѣрное вліяніе.

Но вотъ наступила минута дѣйствовать. Въ 1540 году, правительство, во всемъ подчиняясь духовенству, издало по-

вые законы противъ протестантовъ, интересы которыхъ были въ то время тождественны съ интересами дворянъ. Въ силу этихъ статутовъ, ни одно лицо, даже только подозрѣваемое въ ереси, не могло, на будущее время, занять никакой должности; и всѣмъ католикамъ воспрещалось давать пріютъ у себя или оказывать благосклонность людямъ, исповѣдовавшимъ новыя религіозныя убѣжденія. Духовенство, въ упоеніи отъ такой побѣды и томимое желаніемъ скорѣе уничтожить своихъ давнишнихъ соперниковъ, теперь прибѣгло къ еще большимъ крайностямъ. Такъ непреклонна была его злоба, что въ томъ же самомъ году, оно представило Іакову списокъ, содержавшій слишкомъ триста именъ членовъ шотландской аристократіи, которыхъ оно формально обвиняло въ ереси и, на этомъ основаніи, признавало заслуживающими смертной казни, и предлагало коронѣ конфисковать ихъ имѣнія.

Эти заносчивые и мстительные люди, не знали, какую бурю они вызывали этимъ и что буря эта должна была вскорѣ разразиться надъ ихъ же головами и привести въ смятеніе ихъ самихъ и ихъ церковь. Мы не имѣемъ, конечно, повода думать, чтобы болѣе благоразумный образъ дѣйствія могъ наконецъ спасти шотландскую іерархію; напротивъ, весьма вѣроятно, что судьба ея была уже рѣшена; общія причины, управлявшія всѣмъ этимъ движеніемъ, дѣйствовали такъ долго, что въ то время уже едвали была какая возможность совладать съ ними. Но если мы и признаемъ за достовѣрное, что надъ шотландскимъ духовенствомъ уже произнесенъ былъ приговоръ, то тѣмъ не менѣе достовѣрно, что заносчивость его сдѣлала его паденія болѣе тяжкимъ, возбудивъ страсти его противниковъ. Правда, что пороховой проводникъ былъ уже проложенъ къ нему; что враги его доставили горючіе матеріалы и все было готово для взрыва,—но въ послѣдній моментъ, само же духовенство поднесло фитиль къ проводнику и взорвало мину на свою же погибель.

Въ 1542 году, дворяне, видя, что духовенство и корона настойчиво стремятся погубить ихъ, отважились на самый рѣшительный шагъ, какой имъ случалось когда либо дѣлать, и начали съ того, что отказались принять, по приказанію Іакова, участіе въ войнѣ противъ Англіи. Они знали, что война, въ которую желали вовлечь ихъ, была затѣяна духовенствомъ съ двоякою цѣлью: прервать всякія сношенія съ изгнанниками и остановить вторженіе въ Шотландію еретическихъ убѣжденій. Обоимъ намѣреніямъ этимъ они рѣшились не давать осуществиться и, собравшись въ открытомъ полѣ, единогласно объявили, что они не вторгнутся въ Англію. Угрозы, увѣщанія — все было напрасно. Іаковъ, взбѣшенный, возвратился восвояси и приказалъ распустить войска. Но едва успѣлъ онъ удалиться, какъ духовенство попыталось собрать снова войска и заставить ихъ дѣйствовать противъ непріятеля. Нѣкоторые изъ перовъ, устыдившись того, что они какъ бы изъ трусости покинули короля,—по видимому готовы были выступить въ походъ. Остальные же отказались; а пока они находились въ этомъ состояніи нерѣшимости и смятенія, Англичане, захвативъ ихъ въ расплохъ, вдругъ напали на ихъ разстроенные ряды, окончательно разбили ихъ и взяли огромное число плѣнныхъ. Въ этомъ безславномъ дѣлѣ, десять тысячъ человѣкъ шотландскаго войска бѣжали передъ тремя стами людьми англійской кавалеріи. Извѣстіе объ этомъ, дошедшее до Іакова въ то время, когда онъ еще не могъ опомниться отъ непослушанія дворянъ, слишкомъ сильно поразило его гордую и впечатлительную натуру. Онъ не перенесъ этого двойнаго удара; изнурительная горячка истощила его силы и онъ впалъ въ продолжительное безчувствіе и не принимая никакихъ средствъ успокоенія, умеръ въ декабрѣ 1542 г., оставивъ престолъ малолѣтней дочери своей Маріи, въ царствованіе которой суждено было окончательно рѣшиться великому спору между аристократіею и духовенствомъ.

Вліяніе дворянства усилилось, вслѣдствіе смерти Іакова V,

а еще болѣе вслѣдствіе того, что духовенство уронило себя во всеобщемъ мнѣніи, затѣявъ войну, имѣвшую такой безславный исходъ. Дворянская партія еще болѣе была подкрѣплена присоединеніемъ къ ней изгнанниковъ, которые, лишь только дошли до нихъ добрыя вѣсти, стали готовиться оставить Англію. Въ началѣ 1543 года, Ангусъ и Дугласъ возвратились въ Шотландію, а за ними вскорѣ послѣдовали и другіе дворяне, большая часть которыхъ выдавали себя за протестантовъ, хотя, какъ ясно доказали послѣдствія, протестантизмъ былъ внушенъ имъ любовью къ грабежамъ и жаждою мщенія. Покойный король, въ завѣщаніи своемъ, назначилъ кардинала Битона опекуномъ королевы и правителемъ государства. Битонъ человѣкъ, хотя безъ всякихъ правилъ, но весьма способный, пользовался уваженіемъ, какъ глава шотландской церкви; онъ былъ Архіепископомъ С. Андрюсскимъ и Примасомъ королевства. Но дворянская партія вдругъ арестовала его, лишила званія правителя и поставила на его мѣсто графа Аррана, который выдавалъ себя, въ то время, за рьянаго протестанта, хотя впослѣдствіи и перемѣнилъ свои убѣжденія, когда представился къ тому удобный случай. Между сторонниками новаго ученія, самыми могущественными были графъ Ангусъ и Дугласы. Они высвободились теперь изъ пятнадцатилѣтняго изгнанія, съ нихъ сняли обвиненіе въ государственной измѣнѣ и возвратили имъ имѣнія и почести. Было очевидно, что не только исполнительная, но и законодательная власть перешла отъ духовенства къ аристократіи; и тѣ, кому она досталась, не особенно бережно обращались съ нею. Лордъ Максвель, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ дворянской партіи, подобно многимъ дворянамъ, въ своемъ рвеніи досадить іерархіи, принялъ принципы Реформаціи. Весною 1543 года онъ получилъ соизволеніе графа Аррана, правителя Шотландіи, на одно предложеніе, сдѣланное имъ Статейнымъ лордамъ (Lords of the Articles), обязанностью которыхъ было

излагать по пунктамъ мѣры, подлежащія обсужденію парламента. Предложеніе заключалось въ томъ, чтобы позволено было народу читать библію въ шотландскомъ или англійскомъ переводѣ. Духовенство направило всѣ свои силы противъ того, что оно справедливо считало весьма опаснымъ для себя шагомъ, такъ какъ дѣло шло объ уступкѣ одному изъ основныхъ принциповъ протестантизма. Но все было напрасно. Приливъ начался и отклонить его не было возможности. Предложеніе было принято Лордами Пунктовъ и вліяніемъ ихъ внесено въ парламентъ. Оно прошло въ немъ, получило согласіе правительства и было, среди сѣтованій духовенства, объявлено, со всевозможною формальностью, у креста на рынкѣ Эдинбурга.

Но едва удалось дворянамъ достигнуть этого перевѣса, какъ они начали ссориться между собою. Они рѣшились ограбить церковь, но не могли согласиться въ томъ, какимъ образомъ они будутъ дѣлить награбленное. Они не могли также рѣшить, какой лучшій планъ дѣйствія—одни были въ пользу немедленнаго открытаго раскола, между тѣмъ какъ другіе хотѣли подвигаться впередъ осторожно, выжидая удобнаго времени и постепенно ослабляя іерархію. Самые дѣятельные и ревностные изъ дворянъ были извѣстны подъ именемъ Англійской партіи, вслѣдствіе ихъ тѣсной связи съ Генрихомъ VIII, отъ котораго они получали денежныя пособія. Но въ 1544 году, возгорѣлась война между Англіею и Шотландіею, и духовенство, имѣя во главѣ своей архіепископа Битона, такъ удачно пробудило старинное чувство національной вражды къ Англичанамъ, что дворянство было вынуждено, на время, уступить, и стало дѣйствовать въ пользу союза съ Франціею. Казалось даже, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, будто духовенство и аристократія, забывъ свою застарѣлую вражду, готовы были соединить свои силы и дѣйствовать за одно.

Но это было не болѣе какъ мимолетное обольщеніе. Враж-

да между этими двумя сословіями была непримирима. Весною 1545 года, вліятельнѣйшіе изъ протестантскихъ дворянъ составили заговоръ съ цѣлью умертвить архіепископа Битона, котораго они болѣе чѣмъ кого либо ненавидѣли, частью потому, что онъ былъ главою церкви, а частью и потому, что это былъ самый способный и самый беззастѣнчивый изъ ихъ противниковъ. Прошелъ однако цѣлый годъ, прежде чѣмъ имъ удалось осуществить свое намѣреніе; только въ маѣ 1546 года, Лесли, одинъ молодой баронъ, въ сообществѣ съ лордомъ Гренджъ и нѣкоторыми другими, ворвался въ С. Андрюсъ и умертвилъ Примаса въ его собственномъ замкѣ.

Легко можно представить себѣ, съ какимъ ужасомъ услыхало духовенство объ этомъ отвратительномъ, варварскомъ поступкѣ. Но заговорщики, ни чѣмъ не смущаемые и полагаясь на поддержку могущественной партіи, оправдывали свой поступокъ, овладѣли С. Андрюсскимъ замкомъ и готовились защищать его до послѣдней крайности. Въ рѣшимости этой они были поддерживаемы замѣчательнѣйшимъ человѣкомъ, теперь впервые явившимся предъ лицо общества, человѣкомъ который удивительно соотвѣтствовалъ духу своего времени и которому суждено было сдѣлаться одною изъ наиболѣе замѣтныхъ личностей этой безпокойной эпохи.

Этотъ человѣкъ былъ Джонъ Ноксъ (Knox). Сказать, что онъ былъ неустрашимъ и неподкупенъ, что онъ отстаивалъ съ неослабнымъ рвеніемъ то, въ чемъ видѣлъ истину, и что онъ предавался съ неутомимою энергіею преслѣдованію того, въ чемъ полагалъ высшую изъ всѣхъ цѣлей, — значитъ отдать лишь должную справедливость многимъ благороднымъ свойствамъ, которыми онъ безспорно обладалъ. Но, съ другой стороны, онъ былъ суровъ, непреклоненъ и нерѣдко грубъ; онъ не только былъ нечувствителенъ къ человѣческому страданію, но даже могъ обращать его въ шутку и упражнять надъ нимъ свой грубый, хотя и неистощи-

мый юморъ; при томъ, онъ до такой степени любилъ повелѣвать, что не будучи въ состояніи перенести ни малѣйшаго сопротивленія, онъ попиралъ ногами все, что преграждало ему путь или хоть на минуту становилось препятствіемъ его дальнѣйшимъ стремленіямъ.

Конечно, вліяніе Нокса на успѣхъ Реформаціи было грубо преувеличено историками, которые слишкомъ склонны приписывать громадные результаты дѣятельности отдѣльныхъ личностей, упуская изъ виду тѣ важныя общія причины, безъ которыхъ дѣятельность эта не принесла бы никакого плода. Но онъ всетаки сдѣлалъ болѣе, чѣмъ кто либо другой, хотя собственно важный для Шотландіи періодъ его жизни объемлетъ 1559 годъ и послѣдующее за нимъ время, когда торжество протестантизма было уже обезпечено и когда онъ только пожиналъ плоды того, что было сдѣлано во время его продолжительнаго отсутствія изъ отечества. Самая первая попытка его была чистымъ промахомъ съ его стороны и повредила его репутаціи болѣе, чѣмъ какое либо изъ его дѣйствій. Я говорю о данномъ имъ согласіи на жестокое убійство архіепископа Битона, въ 1546 году. Онъ отправился въ С. Андрюсскій замокъ, заперся въ немъ съ убійцами и готовился раздѣлить ихъ судьбу, и, въ написанномъ имъ послѣ сочиненіи, открыто оправдывалъ все сдѣланное ими. Въ этомъ ничто не можетъ извинить его; и мы узнаемъ, не безъ чувства удовлетворенной справедливости, что въ 1547 году, по взятіи замка Французами, съ Ноксомъ было поступлено чрезвычайно строго, — его заставили работать на галерахъ, откуда онъ былъ освобожденъ только въ 1549 году.

Слѣдующіе пять лѣтъ Ноксъ провелъ въ Англіи, откуда въ 1554 году отправился въ Діеппъ. Затѣмъ онъ путешествовалъ за границею и только осенью 1555 года возвратился въ Шотландію, гдѣ былъ радушно встрѣченъ знатнѣйшими дворянами и ихъ приверженцами. Но по какой то

причинѣ, которая не была достаточно объяснена, вѣроятно вслѣдствіе нежеланія играть второстепенную роль между этими гордыми повелителями, — въ іюнѣ 1556 года, онъ снова оставилъ Шотландію и отправился въ Женеву, гдѣ ему предложили завѣдываніе одною конгрегаціею. Онъ остался за границею до 1559 года. Къ этому времени борьба, собственно была почти окончена,—до такой степени дворяне успѣли подрыть основанія церкви.

Такъ какъ все было давно подготовлено, то теперь конечно дѣло шло быстро. Въ 1554 году, вдовствующая королева наслѣдовала Аррану въ регентствѣ. То была Марія де Гюизъ, на бракъ которой съ Іаковомъ V мы указывали выше, какъ на одно изъ проявленій преобладавшей въ то время политики. Предоставленная самой себѣ, она по всей вѣроятности мало сдѣлала бы зла; но ея вліятельное и нетерпимое семейство уговаривало ее подавлять еретиковъ, а слѣдовательно, въ связи съ тѣмъ же планомъ, и смирять дворянъ. По совѣту своихъ братьевъ Герцога де Гюизъ и Кардинала де Лорренъ, она вознамѣрилась, въ 1555 году, учредить постоянную армію, чтобы замѣнить ею войска, состоявшія изъ феодальныхъ бароновъ и ихъ вассаловъ. Подобная вооруженная сила, получая содержаніе отъ короны, была бы въ полномъ ея распоряженіи; но дворяне, видя къ чему это должно было повести, заставили Марію отказаться отъ этого намѣренія на томъ основаніи, что они и вассалы ихъ въ состояніи защищать Шотландію и безъ дальнѣйшей помощи. Слѣдующею попыткою ея было упрочить интересы католической партіи, чего она достигла въ 1558 году, выдавъ свою дочь за дофина. Это усилило вліяніе Гюизовъ, которыхъ племянница, бывшая уже въ то время королевою шотландскою, должна была, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, сдѣлаться также и королевою французскою. Они понуждали сестру свою прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, обѣщая ей помощь французскихъ войскъ. Съ другой стороны, шотландское дворянство

держалось твердо и готовилось къ борьбѣ. Въ декабрѣ 1557 года, многіе изъ дворянъ заключили договоръ, которымъ обязывались стоять другъ за друга и сопротивляться тиранніи, которою угрожали имъ. Они приняли теперь названіе лордовъ конгрегаціи и посылали всюду своихъ агентовъ собирать подписи лицъ, желавшихъ преобразованія церкви. Кромѣ того, они списались съ Ноксомъ, проповѣдь котораго, отличавшаяся популярнымъ слогомъ, могла, по ихъ мнѣнію, быть полезна для возбужденія народа къ возстанію. Онъ находился въ то время въ Женевѣ и пріѣхалъ въ Шотландію только въ маѣ 1559 года, когда исходъ предстоявшаго спора едва ли подлежалъ уже какому либо сомнѣнію, — такъ успѣшно усиливали дворяне свою партію и такъ много имѣли они причинъ разсчитывать на помощь Елизаветы.

Чрезъ девять дней по прибытіи Нокса въ Шотландію, нанесенъ былъ первый ударъ духовенству. 11-го мая 1559 года, онъ говорилъ проповѣдь въ Пертѣ. Послѣ проповѣди произошло смятеніе и народъ сталъ грабить церкви и раззорять монастыри. Королева-правительница, собравъ на скорую руку войска, двинулась къ городу. Но дворянство было уже на готовѣ. Графъ Гленкернъ присоединился къ конгрегаціи, съ двумя тысячами двумя стами человѣкъ, и кончилось тѣмъ, что заключенъ былъ трактатъ, по которому обѣ стороны согласились разоружиться, подъ условіемъ, чтобы никто не былъ подвергнутъ наказанію за то, что случилось уже. Но таково было всеобщее настроеніе умовъ, что миръ былъ невозможенъ. Черезъ нѣсколько дней, война снова возгорѣлась и на этотъ разъ исходъ былъ болѣе рѣшительный. Пертъ, Стерлингъ и Линлитго уже были въ ихъ рукахъ. Королева-правительница отступала передъ ними. Она очистила Эдинбургъ, и 29 іюня протестанты торжественно вступили въ столицу.

Все это было сдѣлано въ семь недѣль съ того дня, какъ первый разъ вспыхнуло возмущеніе. Обѣ стороны теперь го-

товы были вступить въ переговоры, для выигранiя времени; королева-правительница—въ ожиданiи помощи отъ Францiи, а лорды—отъ Англiи. Но Елизавета медлила высылкою помощи, и протестанты, прождавъ нѣсколько мѣсяцевъ, пришли къ убѣжденiю, что имъ слѣдуетъ предпринять что нибудь рѣшительное, прежде чѣмъ придетъ помощь. Въ октябрѣ, знатнѣйшiе перы, имѣя во главѣ своей герцога Частельгерольтъ, графа Арранъ, графа Аргайль и графа Гленкернъ, съѣхались въ Эдинбургъ. Собрался большой митингъ, председателемъ котораго былъ назначенъ лордъ Рётвенъ, и на митингѣ этомъ королева-правительница была торжественно устранена отъ управленiя, на томъ основанiи, что она шла противъ «славы Всевышняго, противъ свободы королевства и противъ благосостоянiя дворянства».

Зимою, англiйскiй флотъ вступилъ во Фритъ и остановился на якорѣ близъ Эдинбурга. Въ январѣ 1560 года, герцогъ Норфокъ прiѣхалъ въ Бервикъ и заключилъ, именемъ Елизаветы, трактатъ, съ лордами конгрегацiи, въ силу котораго, англiйская армiя 2 апрѣля вступила въ Шотландiю. Противъ этой комбинацiи, шотландское правительство ничего не могло сдѣлать и было радо подписать, въ iюлѣ мѣсяцѣ, миръ, по условiямъ котораго, французскiя войска должны были очистить Шотландiю и вся административная власть перешла, въ сущности, въ руки протестантскихъ лордовъ.

Полный успѣхъ этой великой революцiи, и скорость, съ какою онъ былъ достигнутъ, служатъ сами по себѣ рѣшительнымъ доказательствомъ силы тѣхъ общихъ причинъ, которыя управляли всѣмъ этимъ движенiемъ. Въ теченiе слишкомъ ста пятидесяти лѣтъ, длилась смертельная борьба между дворянствомъ и духовенствомъ и борьба эта кончилась введенiемъ Реформацiи въ Шотландiи и торжествомъ аристократiи. Она достигла наконецъ своей цѣли. Iерархiя была ниспровергнута и замѣнена новыми, еще неиспытанными, людьми.

Всѣ старыя понятія объ апостольскомъ преемствѣ, о рукоположеніи и о божественномъ происхожденіи права посвященія въ духовный санъ, были вдругъ отложены въ сторону. Должности въ церкви были исполняемы еретиками, большинство которыхъ не получили даже посвященія. Наконецъ, въ довершеніе всего, лѣтомъ того же 1560 года, въ шотландскомъ парламентѣ прошли два закона, совершенно ниспровергавшіе старый порядокъ вещей. Однимъ изъ этихъ законовъ разомъ отмѣнялись всѣ статуты, когда либо изданные въ пользу церкви. Другимъ постановлялось, что всякій, кто станетъ служить мессу или будетъ присутствовать при ея служеніи, долженъ быть подверженъ: за первый разъ лишенію имѣній, за второй—ссылкѣ въ изгнаніе, а за третій—смертной казни.

Такимъ-то образомъ, учрежденіе, продержавшееся слишкомъ тысячу лѣтъ, разомъ рухнулось и распалось на части. И многаго ожидали отъ его паденія. Думали, что народъ просвѣтится, что глаза его начинаютъ раскрываться на его прежнія заблужденія и что царство суевѣрія близко къ своему концу. Но забывали объ одномъ—о чемъ и теперь слишкомъ часто забываютъ, — что въ этого рода дѣлахъ существуетъ извѣстный порядокъ, извѣстная естественная послѣдовательность, которую никогда нельзя извратить. А именно, что всякое учрежденіе, въ томъ видѣ, въ какомъ оно оказывается на самомъ дѣлѣ, какъ бы оно ни называлось и каковы бы ни были его стремленія, — составляетъ скорѣе послѣдствіе, чѣмъ причину общественнаго мнѣнія; и ни къ чему не поведутъ нападки на то или другое учрежденіе, если только нельзя будетъ сперва измѣнить это мнѣніе.

Въ Шотландіи церковь отличалась грубымъ суевѣріемъ; но изъ этого не слѣдовало, что съ ниспроверженіемъ церкви, зло это уменьшится. Кто думаетъ, что суевѣріе можетъ быть ослаблено этимъ путемъ, тотъ не знаетъ живучести этого темнаго и зловѣщаго начала. Противъ него есть только одно

средство, и это средство—знанiе. Когда люди невѣжественны, они не могутъ не быть суевѣрны; и всюду, гдѣ только существуетъ суевѣрiе, оно непремѣнно выработывается въ извѣстнаго рода систему, въ которой и гнѣздится. Изгоните его изъ одного мѣста — оно найдетъ другое. Духъ этотъ переходитъ, онъ принимаетъ новую форму, но всетаки живетъ; слѣдовательно, какъ безполезенъ образъ войны, къ которому слишкомъ склонны прибѣгать реформаторы—убивать мертвое тѣло, а щадить жизнь! Скорлупу они конечно всегда находятъ и уничтожаютъ, но подъ этою скорлупою скрывается сѣмя смертельнаго яда, жизненную силу котораго они не въ состоянiи ослабить; выброшенное изъ одного мѣста, оно начинаетъ приносить плодъ въ другомъ, и произрастаетъ съ новымъ, часто еще болѣе пагубнымъ, плодородiемъ.

Дѣло въ томъ, что каждое учрежденiе, какъ политическое, такъ и религiозное, дѣятельностiю своею въ данное время, выражаетъ характеръ этого времени и его давленiе. Учрежденiе можетъ быть очень старо, можетъ носить почтенное имя, можетъ стремиться къ самымъ возвышеннымъ цѣлямъ,—тѣмъ не менѣе всякiй, кто станетъ тщательно изучать его исторiю, найдетъ, что, на самомъ дѣлѣ, оно измѣняется съ каждымъ новымъ поколѣнiемъ, и вмѣсто того, чтобы влiять на общество, само находится подъ его влiянiемъ. Когда была произведена протестантская реформацiя, Шотландцы были крайне невѣжественны и потому, не смотря на реформацiю, они остались крайне суевѣрны. Сколько времени продолжалось это невѣжество и къ какимъ оно привело результатамъ, это мы сейчасъ увидимъ; но прежде чѣмъ приступить къ этому изслѣдованiю, не мѣшаетъ изобразить непосредственныя послѣдствiя самой Реформацiи, въ связи съ тѣмъ могущественнымъ сословiемъ, влiянiемъ котораго она была введена въ Шотландiи.

Дворянство, ниспровергнувъ церковь и отнявъ у ней значительную часть ея богатства, думало, что ему и слѣдуетъ

воспользоваться плодами своего труда. Оно убило врага и хотѣло дѣлить добычу Но это не согласовалось съ видами протестантскихъ проповѣдниковъ. По ихъ мнѣнію, было нечестивымъ дѣломъ отчуждать въ свѣтскія руки церковную собственность и употреблять ее для мірскихъ цѣлей. Они находили, что лорды конечно хорошо сдѣлали, что ограбили церковь; съ другой же стороны, они считали рѣшеннымъ дѣломъ, что награбленное должно служить къ обогащенію ихъ самихъ. Они были люди Божіи, и обязанностью господствующихъ классовъ было надѣлить ихъ тѣми благами, которыя слѣдовало отнять у стараго, католическаго духовенства.

Руководствуясь этимъ мнѣніемъ, Ноксъ и его товарищи, въ августѣ 1560 года, представили въ парламентъ прошеніе, которымъ приглашали дворянъ возвратить церкви захваченную у нея собственность и обратить ее, какъ и слѣдуетъ, на содержаніе новыхъ пастырей. На требованіе это, могущественные вожди народа не удостоили даже дать никакого отвѣта. Они были довольны настоящимъ порядкомъ вещей и потому не имѣли желанія нарушать его. Они сражались, они побѣдили, они и подѣлили добычу. Нельзя было предположить, чтобы они добровольно отдали то, что такъ трудно досталось имъ. Нельзя было также ожидать, чтобы послѣ тяжкой борьбы съ духовенствомъ, продолжавшейся сто пятьдесятъ лѣтъ, побѣдивъ наконецъ своего давнишняго врага, они отказались отъ плодовъ своей побѣды, ради нѣсколькихъ проповѣдниковъ, которыхъ они лишь недавно призвали на помощь; ради этихъ людей безъ рода, безъ извѣстности, которые собственно должны были считать для себя за честь, что ихъ допустили къ участію въ одномъ общемъ дѣлѣ съ людьми, стоящими выше ихъ, а никакъ не заключать изъ этого, что они, которые пришли на поле сраженія подъ самый конецъ, будутъ допущены къ дѣлежу добычи, на сколько нибудь равныхъ условіяхъ.

Но шотландская аристократія мало знала людей, съ которыми имѣла дѣло. Еще менѣе понимала она характеръ своего времени. Она не замѣчала, что въ тогдашнемъ состояніи общества, суевѣріе было неизбѣжно, и что по этому духовное сословіе, хотя и подавленное на минуту, непремѣнно должно было вскорѣ снова поднять голову. Дворяне ниспровергли церковь, но тѣ основныя начала на которыхъ зиждется могущество церкви, остались нетронутыми. Все, что они сдѣлали, это только измѣнили названіе и форму. Быстро образовалась новая іерархія, которая замѣнила старую въ привязанности народа. Она зашла даже еще далѣе. Протестантское духовенство, пренебрегаемое дворянствомъ и ничѣмъ не надѣленное отъ правительства, имѣло лишь жалкія средства къ существованію, и по необходимости должно было броситься въ объятія народа, такъ какъ въ немъ одномъ могло оно найти помощь и сочувствіе. Отсюда произошла болѣе тѣсная связь его съ народомъ, чѣмъ какая могла установиться при другихъ условіяхъ. Отсюда, какъ мы сейчасъ увидимъ, произошло также и то, что пресвитеріанское духовенство, глубоко оскорбляемое оказываемыми ему несправедливостями, развивало въ себѣ ту ненависть къ высшимъ классамъ и то нерасположеніе къ монархическому правленію, которыя оно выказывало при всякомъ удобномъ случаѣ. Съ своихъ каѳедръ, въ своихъ пресвитеріяхъ, въ Генеральныхъ Собраніяхъ, оно поддерживало демократическій, независимый тонъ, который по временамъ приводилъ къ благимъ результатамъ, пробуждая, въ критическія минуты, духъ свободы, но по этому самому заставлялъ высшія сословія проклинать тотъ день, когда несвоевременною и эгоистическою бережливостью они озлобили противъ себя такое могущественное и такое неумолимое сословіе.

Съ удаленіемъ французскихъ войскъ въ 1560 году, управленіе осталось въ рукахъ аристократіи, ей и предстояло рѣшить, въ какой мѣрѣ реформатское духовенство должно

было быть надѣлено имуществомъ. Первое прошеніе, представленное Ноксомъ и его собратіями, встрѣтило презрительное молчаніе. Но не такъ легко было отдѣлаться отъ пастырей. Слѣдующимъ шагомъ ихъ было представленіе въ Тайный Совѣтъ такъ называемой *Первой Книги Ученія*, въ которой они опять настаивали на своемъ требованіи. Противъ догматовъ, содержавшихся въ этой книгѣ, Совѣтъ не находилъ ни какого возраженія, но отказался утвердить ее, такъ какъ это значило бы дать санкцію принципу, что новая церковь имѣетъ право на доходы старой. Извѣстную долю этихъ доходовъ ей конечно готовы были предоставить; но какая именно должна была быть эта доля, объ этомъ и шелъ серіозный споръ, породившій сильнѣйшее недоброжелательство между спорившими сторонами. Наконецъ дворянство прервало свое молчаніе, объявивъ въ декабрѣ 1564 года, что реформатское духовенство получитъ только шестую долю собственности церкви, остальные же пять шестыхъ будутъ раздѣлены между правительствомъ и католическимъ духовенствомъ. Понять настоящій смыслъ такого рѣшенія было нетрудно, такъ какъ католики стояли тогда въ совершенной зависимости отъ правительства, а правительство, на дѣлѣ, составляли сами же дворяне, которые монополизировали въ то время въ своихъ рукахъ все политическое вліяніе.

При такомъ положеніи дѣлъ, естественно, что проповѣдники были сильно взволнованы объявленіемъ подобнаго рѣшенія. Они видѣли, до какой степени оно неблагопріятно для ихъ собственныхъ интересовъ и потому считали его неблагопріятнымъ и для интересовъ религіи. Такъ, по ихъ мнѣнію, мѣра эта была придумана самимъ діаволомъ, видамъ котораго она должна была способствовать; ибо теперь тѣмъ, которые работали въ виноградникѣ Господнемъ, приходилось переносить униженіе и нужду, ради того чтобы законное достояніе ихъ пожирали праздныя утробы. Дворяне, гово-

рили проповѣдники, будутъ отъ этого нѣкоторое время въ барышѣ. но Божья кара недалека и она непремѣнно постигнетъ ихъ. Дѣйствія ихъ сначала до конца ничто иное, какъ грабежъ. Въ истинно христіанской странѣ, достояніе церкви оставалось бы нетронутымъ. Но въ Шотландіи увы! Сатана взялъ верхъ и христіанское милосердіе охладѣло. Въ Шотландіи то имущество, которое слѣдовало бы считать священнымъ, было раздроблено и подѣлено; и дѣлежъ былъ самаго плохаго свойства, ибо, говоритъ Ноксъ, двѣ трети предоставлены діаволу, а остальная треть подѣлена между Богомъ и діаволомъ. Это все равно, какъ если бы Іосифъ, будучи правителемъ Египта, отказалъ въ хлѣбѣ своимъ братьямъ и отпустилъ ихъ домой съ пустыми мѣшками. Или, какъ утверждалъ другой проповѣдникъ. церковь уподоблялась теперь древнимъ Макавеямъ, подвергавшимся притѣсненіямъ то со стороны Ассиріанъ, то со стороны Египтянъ. Но ни увѣщанія ни угрозы не производили ни какого дѣйствія на закоснѣлые умы шотландскихъ дворянъ. Сердца ихъ, вмѣсто того, чтобы смягчиться, еще болѣе затвердѣли. Даже тѣ ограниченныя стипендіи, какія назначены были протестантскому духовенству, не всегда исправно выдавались ему, а употреблялись большею частью для другихъ цѣлей. Когда пасторы жаловались на это, то получали въ отвѣтъ насмѣшки и оскорбленія со стороны дворянъ, которые, достигнувъ своихъ собственныхъ цѣлей, думали, что могутъ обойтись и безъ своихъ прежнихъ союзниковъ. Графъ Мортонъ, который, благодаря своему уму и своимъ связямъ, сдѣлался самымъ могущественнымъ человѣкомъ въ Шотландіи, питалъ особенную злобу противъ духовенства, и двоихъ изъ проповѣдниковъ, провинившихся противъ него, казнилъ смертью съ замѣчательною жестокостью. Дворянство, глядѣвшее на него, какъ на своего предводителя, избрало его, въ 1572 году, правителемъ королевства. Имѣя теперь въ своихъ рукахъ неограниченную власть, онъ употре-

билъ ее противъ церкви. Онъ захватывалъ всѣ бенефиціи, дѣлавшіяся вакантными, и удерживалъ доходы съ нихъ въ свою пользу. Ненависть его къ проповѣдникамъ переходила за всякія границы. Онъ публично объявилъ, что до тѣхъ поръ не будетъ въ странѣ ни спокойствія, ни порядка, пока не повѣсятъ нѣсколькихъ изъ нихъ. Онъ отказывался узаконять своимъ присутствіемъ ихъ собранія; онъ хотѣлъ покончить съ ихъ привилегіями и даже съ самымъ именемъ ихъ; и съ такою рѣшимостью продолжалъ онъ принимать свои мѣры, что по мнѣнію историка шотландской церкви, одно только вмѣшательство Божества могло сохранить существующее устройство ея.

Между церковью и государствомъ былъ теперь совершенный разрывъ. Оставалось только убѣдиться, которая сторона сильнѣе. Съ каждымъ годомъ, духовенство проникалось все болѣе и болѣе демократическимъ духомъ, и послѣ смерти Нокса, въ 1572 году, оно отважилось на такой образъ дѣйствія, который и самъ Ноксъ едва ли одобрилъ бы и который въ первыя времена Реформаціи былъ бы рѣшительно невозможенъ. Въ это время проповѣдники уже обезпечили себѣ поддержку со стороны народа, а между тѣмъ обращеніе съ ними правительства и дворянства озлобило ихъ и заставило прибѣгнуть къ отчаяннымъ средствамъ. Въ то время, когда планы ихъ еще не созрѣли и когда будущее еще только смутно представлялось имъ,—явился новый человѣкъ имѣвшій всѣ необходимыя свойства, чтобы стать во главѣ ихъ, онъ сразу занялъ мѣсто, оставшееся вакантнымъ съ смертью Нокса. Этотъ человѣкъ былъ Андрю Мельвилль. По своимъ замѣчательнымъ способностямъ, по своему рѣшительному характеру и своей изворотливости, онъ удивительно годился быть вождемъ шотландской церкви въ той тяжкой борьбѣ, въ которую она вскорѣ должна была вступить.

Въ 1574 году, Мельвилль, окончивъ воспитаніе за границею, пріѣхалъ въ Шотландію. Онъ быстро собралъ вокругъ

себя замѣчательнѣйшіе умы церкви, и подъ его руководствомъ началась борьба съ гражданскою властью, продолжавшаяся, со многими колебаніями, до тѣхъ поръ пока, шесть лѣтъ спустя, она не перешла въ открытое возстаніе противъ Карла I. Разсказывать всѣ подробности этого спора было бы несогласно съ планомъ настоящаго введенія, и потому, не смотря на живѣйшій интересъ, представляемый многими изъ послѣдовавшихъ за тѣмъ событій, большую часть ихъ мы должны выпустить, но мы постараемся указать на общій ходъ ихъ и сообщить читателю факты, болѣе всего характеризующіе тотъ вѣкъ, въ который они совершились.

Едва пробылъ Мельвилль нѣсколько мѣсяцевъ въ Шотландіи, какъ онъ началъ уже свою оппозицію; сперва тайными интригами, а потомъ и открытыми враждебными дѣйствіями. При Ноксѣ, епископы признавались въ числѣ учрежденій протестантской церкви и званіе это получило свою санкцію отъ главнѣйшихъ реформаторовъ. Но такое учрежденіе не согласовалось съ тѣмъ демократическимъ духомъ, который начиналъ теперь проявляться. Различіе степеней между епископами и низшимъ духовенствомъ теперь неправилось и пасторы рѣшились положить ему конецъ. Въ 1575 году, одинъ изъ нихъ, по имени Джонъ Дюри (John Dury) былъ подговоренъ Мельвиллемъ возбудить объ этомъ вопросѣ въ Генеральномъ Собраніи, созванномъ въ Эдинбургѣ. Послѣ того какъ Дюри выразилъ свой взглядъ, Мельвилль тоже высказался противъ епископства, но не будучи еще увѣренъ въ настроеніи своихъ слушателей, онъ сперва повелъ дѣло съ нѣкоторою осторожностью. Но такая нерѣшительность едва ли была необходима, такъ какъ, благодаря разрыву между церковью и высшими классами, пасторы начинали дѣлаться злѣйшими врагами тѣхъ самыхъ правилъ послушанія и подчиненности, которыя они поддерживали бы, если бы высшіе классы были на сторонѣ духовенства. Теперь духовенство пользовалось только расположеніемъ народа; по этому оно старалось ввести

систему равенства, и было совершенно готово на смѣлыя мѣры, предположенныя Мельвиллемъ и его послѣдователями. Яснымъ доказательствомъ этого служитъ быстрота начавшагося за тѣмъ движенія. Въ 1575 году, первое нападеніе было сдѣлано на Генеральномъ Собраніи въ Эдинбургѣ. Въ апрѣлѣ 1578 года, другое Генеральное Собраніе рѣшило, что на будущее время епископы должны называться по ихъ именамъ, а не по ихъ титуламъ. Такое же собраніе объявило также, что ни одна епископская каѳедра не должна быть замѣщена, до слѣдующаго собранія. Спустя два мѣсяца, было объявлено, что распоряженіе это распространяется на вѣчныя времена, и что не должно болѣе дѣлать новыхъ епископовъ. А въ 1580 году, Церковное Собраніе въ Дёнди разрушило до основанія всю систему единодушно рѣшивъ, что должность епископа есть выдумка человѣческая, что учрежденіе это незаконно, что съ нимъ немедленно слѣдуетъ покончить и что всѣ епископы должны прямо сложить съ себя этотъ санъ или, въ противномъ случаѣ, подвергнуться отлученію отъ церкви.

Пасторы и народъ сдѣлали теперь свое дѣло и, на сколько оно касалось ихъ самихъ, сдѣлали хорошо. Но тѣ же самыя обстоятельства, которыя заставляли ихъ желать равенства, побуждали въ тоже время дворянство стремиться къ неравенству. По этому, столкновеніе было неизбѣжно, а смѣлый образъ дѣйствія церкви только ускорилъ его. Дѣйствительно, проповѣдники скорѣе напрашивались на споръ, чѣмъ избѣгали его. Они говорили въ самыхъ возмутительныхъ выраженіяхъ противъ епископства, и не за долго до упраздненія этого званія, окончили и представили въ парламентъ Вторую Книгу Ученія, въ которой грубо противорѣчили тому, что̀ утверждали въ первой. За это ихъ часто упрекаютъ въ непослѣдовательности. Но такое обвиненіе несправедливо. Они были совершенно послѣдовательны: они не болѣе какъ измѣнили свои правила, чтобы со-

хранить свои принципы. У нихъ, какъ и у всѣхъ когда либо существовавшихъ корпорацiй, духовныхъ или свѣтскихъ, преобладающимъ принципомъ было поддерживать свое влiянiе. Хорошъ или нѣтъ такой принципъ, это уже другое дѣло; но вся исторiя доказываетъ, что принципъ этотъ есть всеобщiй. Такимъ образомъ, когда вожди шотландской церкви нашли, что на очереди вопросъ о томъ, кому имѣть влiянiе, они, съ совершенною послѣдовательностью, отказались отъ своихъ прежнихъ мнѣнiй, увидѣвъ, что мнѣнiя эти несовмѣстны съ существованiемъ ихъ въ видѣ независимой корпорацiи.

Когда появилась Первая Книга Ученiя, въ 1560 году, управленiе было въ рукахъ дворянства, которое только что передъ тѣмъ сражалось за одно съ протестантскими проповѣдниками и было готово опять сразиться въ однихъ рядахъ съ ними. Когда же вышла Вторая Книга Ученiя, въ 1578 году, управленiе было по прежнему въ рукахъ дворянства, но теперь честолюбивое сословiе это, сбросивъ съ себя маску и достигнувъ задуманнаго имъ уничтоженiя старой iерархiи, поворотило назадъ и напало на новую. Измѣнились обстоятельства, а съ ними измѣнилась и сама церковь; но въ этомъ измѣненiи ея не было ничего непослѣдовательнаго. Напротивъ, было бы верхомъ непослѣдовательности, со стороны пасторовъ, если бы они сохранили свои прежнiя понятiя о повиновенiи и подчиненности; совершенно было естественно, что въ этомъ кризисѣ, они отстаивали демократическую идею равенства точно такъ же, какъ прежде защищали аристократическую идею неравенства.

Вотъ почему въ Первой Книгѣ Ученiя, они установили правильно восходящую iерархiю. Согласно съ этимъ, все духовенство вообще было обязано повиновенiемъ своимъ духовнымъ властямъ, которымъ было придано названiе суперинтендентовъ. Во второй же книгѣ, всякiй слѣдъ этого порядка изгладился и было постановлено въ самыхъ ясныхъ выраженiяхъ, что всѣ проповѣдники, какъ со-

братія по труду, пользуются одинаковою властью, что ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ власти надъ другимъ, и что добиваться такой власти или признавать превосходство однихъ надъ другими, есть затѣя человѣческая, которой нельзя допустить въ церкви, установленной на божественныхъ началахъ.

Правительство, какъ можно себѣ представить, смотрѣло на это совершенно иначе. Подобныя ученія высшіе классы считали анти-соціальными и извращающими всякій порядокъ. Они не только не давали имъ освященія, но даже рѣшились, если можно, ниспровергнуть ихъ; и чрезъ годъ послѣ того, какъ Генеральное Собраніе уничтожило епископовъ, оказалось, что по этому самому поводу, обѣ партіи должны были помѣряться силами.

Въ 1581 году, Робертъ Монгомери былъ назначенъ архіепископомъ въ Глесго. Пасторы, составлявшіе тамошній капитулъ, отказались избрать его; вслѣдствіе этого Тайный Совѣтъ объявилъ, что король, въ силу своей прерогативы, имѣетъ право дѣлать подобныя назначенія. И вотъ начались смятенія и безпорядки. Генеральное Собраніе запретило архіепископу въѣздъ въ Глесго. Но онъ не послушался такого запрещенія и положился на помощь герцога Леннокса, который выхлопоталъ для него это назначеніе и которому онъ уступилъ почти всѣ доходы архіепископства, оставивъ себѣ только небольшую стипендію. Это обыкновеніе, вошедшее въ силу въ теченіе предшествовавшихъ нѣсколькихъ лѣтъ, было однимъ изъ тѣхъ многихъ ухищреній, къ которымъ прибѣгало дворянство, чтобы грабить церковь.

Но теперь вопросъ былъ не въ этомъ; дѣло шло не о доходѣ, а о власти. Ибо духовенство очень хорошо знало, что если только оно упрочитъ свою власть, то доходы придутъ сами собою. По этому оно прибѣгло къ самымъ энергическимъ средствамъ. Въ 1582 году, было созвано Генеральное Собраніе въ С. Андрюсѣ, и Мельвилль былъ назначенъ предсѣдателемъ. Правительство, опасаясь всего худшаго, запретило

членамъ собранія, подъ страхомъ отвѣтственности, какъ за возмущеніе, касаться вопроса объ архіепископствѣ. Но представители церкви не смирялись. Они потребовали къ себѣ Монгомери, постановили приговоръ объ устраненіи его отъ исполненія духовныхъ обязанностей и объявили, что онъ подлежитъ наказанію смѣщеніемъ и отлученіемъ отъ церкви.

Приговоръ объ отлученіи отъ церкви имѣлъ въ тѣ времена такія гибельныя послѣдствія, что Монгомери былъ пораженъ ужасомъ въ виду этой опасности. Чтобы избѣгнуть такихъ послѣдствій, онъ предсталъ предъ Собраніе и далъ торжественное обѣщаніе не дѣлать болѣе никакихъ попытокъ къ полученію архіепископства. Этимъ онъ спасъ, по всей вѣроятности, свою жизнь, ибо народъ, стоя за одно съ своимъ духовенствомъ, былъ уже готовъ на злодѣяніе и рѣшился, во что бы то ни стало, поддерживать то, что онъ считалъ правами церкви, въ противоположность къ захватамъ государства.

Правительство, съ другой стороны, обнаруживало не меньшую рѣшимость. Тайный Совѣтъ потребовалъ къ отвѣту многихъ изъ пасторовъ, и Дюри, какъ одного изъ самыхъ дѣятельныхъ, выслалъ изъ Эдинбурга. Готовились и еще болѣе сильныя мѣры, какъ вдругъ все было прервано однимъ изъ тѣхъ странныхъ событій, которыя нерѣдко случались въ Шотландіи и которыя служатъ разительнымъ доказательствомъ слабости короны, несмотря на ея часто непомѣрныя притязанія.

Это было нападеніе Рётвена, въ 1582 году, сопровождавшееся десятимѣсячнымъ заключеніемъ Іакова VI. Духовенство, вѣрное руководившей имъ въ то время политикѣ, громко одобряло плѣненіе короля, выставляя его какъ дѣло угодное Богу. Дюри, который былъ лишенъ каѳедры, теперь въ тріумфѣ возвратился въ столицу; и Генеральное Собраніе, созванное въ Эдинбургѣ, приказало, чтобы всѣ пасторы, каждый передъ своею конгрегаціею, оправдывали заключеніе короля.

Въ 1583 году король освободился изъ заключенія, и борьба сдѣлалась болѣе чѣмъ когда либо смертельною, такъ какъ съ обѣихъ сторонъ были до крайности возбуждены страсти тѣми обидами, которыя каждая изъ нихъ нанесла другой. Когда Рётвеновъ заговоръ признали за государственную измѣну, чѣмъ онъ и былъ безъ всякаго сомнѣнія, то Дюри проповѣдывалъ въ его пользу и открыто защищалъ его; хотя потомъ, подъ вліяніемъ минутнаго страха, онъ и отказался отъ своего мнѣнія, но всетаки было ясно изъ другихъ обстоятельствъ, что чувства его были раздѣляемы его собратіями. Многіе изъ нихъ, будучи призваны къ отвѣту предъ короля, за свои возмутительныя рѣчи, сказали ему, чтобы онъ подумалъ о томъ, что дѣлаетъ, и напомнили ему, что еще никто изъ вѣнценосцевъ не наслаждался счастіемъ, послѣ того, какъ пастыри начинали угрожать ему. Мельвилль, имѣвшій огромное вліяніе какъ на духовенство, такъ и на народъ, въ лицо смѣялся надъ королемъ, отказывался дать ему отчетъ, въ томъ, что говорилъ съ каѳедры, и сказалъ Іакову, что онъ извращаетъ и Божескіе и человѣческіе законы. Симпсонъ уподобилъ его Каину и стращалъ его гнѣвомъ Божіимъ. Дѣйствительно, духъ которымъ проникласъ теперь церковь, былъ до такой степени неумолимъ, что ей по видимому доставляло наслажденіе проявлять его въ самыхъ отвратительныхъ формахъ. Въ 1585 году, одинъ изъ духовныхъ, по имени Джибсонъ, въ проповѣди, сказанной имъ въ Эдинбургѣ, произнесъ противъ короля Іеровоамово проклятіе, — что онъ умретъ бездѣтный и что съ нимъ прекратится родъ его. Годъ спустя послѣ этого, Іаковъ, видя, что Елизавета рѣшилась лишить жизни его мать, вспомнилъ о томъ, что считалось въ тѣ времена самымъ вѣрнымъ средствомъ, и изъявилъ желаніе, чтобы духовенство молилось за Марію. Но оно почти единодушно отказало ему въ этомъ, и не только само не стало молиться, но даже рѣшило, чтобы и

никто другой не дѣлалъ того, отъ чего оно уклонилось. Когда архіепископъ С. Андрюсскій приготовился отправлять богослуженіе въ присутствіи короля, духовенство подговорило нѣкоего Джона Коупера стать заранѣе на каѳедру, чтобы не допустить на нее прелата. Наконецъ капитанъ королевской стражи погрозилъ Коуперу, что онъ сброситъ его съ насильственно занятаго имъ мѣста, и только тогда могла начаться служба и король могъ услышать молитвы за свою родную мать, въ этотъ грустный переломъ въ ея судьбѣ, когда не было еще извѣстно, казнятъ ли ее публично, или же, какъ вообще скорѣе полагали, она будетъ втайнѣ отравлена.

Въ 1594 году, Джонъ Россъ утверждалъ съ каѳедры, что всѣ совѣтники короля измѣнники, что самъ король также измѣнникъ и что, кромѣ того, онъ бунтовщикъ и безбожникъ; что этому нечего и удивляться, зная родственныя отношенія Іакова: его мать изъ фамиліи Гюизовъ, гонительница святыхъ; что онъ самъ, хотя и избѣгаетъ открыто преслѣдовать ихъ и почтителенъ къ нимъ на словахъ, но на дѣлѣ, противорѣчитъ своимъ словамъ; и что по своему притворству, это величайшій изъ гипокритовъ Шотландіи.

Въ 1596 году, Дэвидъ Блаккъ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ протестантскихъ пасторовъ, произнесъ проповѣдь, надѣлавшую много шума. Онъ сказалъ, въ своей рѣчи, что въ Шотландіи во главѣ двора стоитъ самъ сатана. Члены Совѣта, прибавилъ онъ, обжоры, а лорды Сессіи—нехристи. Дворяне совсѣмъ переродились: это безбожники, лицемѣры, враги церкви. Что же касается англійской королевы, то она просто атеистка. О королевѣ же Шотландской, онъ сказалъ бы только одно, что народъ можетъ, если хочетъ, молиться за нее, такъ какъ это въ модѣ, но что къ этому нѣтъ никакого другаго повода, ибо никому не дождаться отъ нея ничего хорошаго.

За эту проповѣдь, Блаккъ былъ потребованъ къ отвѣту въ Тайный Совѣтъ. Но онъ отказался явиться туда, на томъ основаніи, что наблюдать затѣмъ, что говорится съ каѳедры,

дѣло не свѣтскаго, а духовнаго судилища; церкви онъ конечно послушался бы, но получивъ свое призваніе отъ Бога, онъ долженъ выполнить его до конца, и было бы съ его стороны упущеніемъ, если бы онъ дозволилъ гражданской власти судить этого рода дѣла. Король, страшно взбѣшенный, приказалъ заключить Блакка въ тюрьму; и трудно было рѣшить, что ему оставалось дѣлать, хотя было достовѣрно, что ни эта, ни какая либо другая мѣра не могла бы укротить необузданный духъ шотландской церкви.

Въ декабрѣ того же года, церковь объявила постъ, и Вэльшъ (Welsh) говорилъ въ Эдинбургѣ проповѣдь, съ цѣлью возмутить народъ противъ его правителей. Король, сказалъ нъ своимъ слушателямъ, былъ сперва одержимъ однимъ діаволомъ, а когда этого діавола изгнали, на мѣсто его явилось семеро новыхъ, еще худшихъ. По этому очевидно, что Іаковъ не въ своемъ умѣ, и будетъ совершенно законно, если отнимутъ у него изъ рукъ мечъ правосудія, точно такъ же, какъ было бы законно, со стороны дѣтей или домочадцевъ, схватить главу семейства, котораго небу угодно было бы поразить безуміемъ. Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ проповѣдникъ, справедливо было бы схватить сумашедшаго и связать его по рукамъ и по ногамъ, чтобы онъ не могъ болѣе дѣлать никакого вреда.

Ненависть духовенства къ правительству дошла до такого ожесточенія, и до того усилился въ этомъ сословіи демократическій духъ, что оно повидимому не въ силахъ было удерживать себя; и Андрю Мельвилль, на одной аудіенціи у короля, въ 1596 году, дошелъ даже до личныхъ оскорбленій и, схвативъ короля за рукавъ, назвалъ его глупымъ слугою Божіимъ. Значительная доля правды, содержавшаяся въ этомъ ругательствѣ, сдѣлала его еще болѣе язвительнымъ. Но пасторы не всегда ограничивались одними только словами. Участіе ихъ въ Рётвеновомъ заговорѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію; и по всей вѣроятности они

знали также и о послѣдней страшной опасности, какой подвергался Іаковъ, прежде чѣмъ вырвался изъ безпокойной страны, которой онъ считался правителемъ. То достовѣрно, что графъ Гоури (Gowrie), который, въ 1600 году, заманилъ въ свой замокъ короля съ намѣреніемъ умертвить его, — былъ главною опорою и надеждою пресвитеріанскаго духовенства, и что онъ близко зналъ всѣ его честолюбивые планы. Оно было до такой степени ослѣплено на счетъ его, что когда его заговоръ былъ разстроенъ и онъ самъ убитъ, многіе изъ пасторовъ распространили слухъ, будто Гоури палъ жертвою вѣроломства короля и что если и былъ на самомъ дѣлѣ какой нибудь заговоръ, то развѣ только заговоръ, съ убійственнымъ искусствомъ составленный королемъ противъ своего кроткаго и невиннаго хозяина.

Нелѣпости этой охотно вѣрили въ тотъ невѣжественный и потому самому легковѣрный вѣкъ. Что духовенство распространяло ее и что въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, оно съ злостнымъ стараніемъ трудилось надъ тѣмъ, чтобы опорочить личность своего монарха, — это не удивитъ того, кто знаетъ, какъ легко было возбудить гнѣвъ этой церкви и какъ велика была всегда готовность духовнаго сословія очернить, хотя бы самымъ нелѣпымъ злословіемъ того, кто стоитъ на его пути. Изъ собранныхъ свидѣтельствъ видно, что пресвитеріанское духовенство простирало свою ненависть къ установленнымъ властямъ до неприличныхъ, если только не преступныхъ, размѣровъ; и мы не можемъ защищать его противъ обвиненія въ томъ, что это безпокойная, безсовѣстная корпорація, жадная къ власти и до крайности нетерпимая ко всему, что только противно собственнымъ ея видамъ. Но всетаки настоящая причина такого поведенія пресвитеріанскихъ проповѣдниковъ заключалась въ духѣ ихъ времени и въ особенностяхъ ихъ положенія. Никто изъ насъ не можетъ быть увѣренъ, что если бы и насъ поставили въ точно такое же положеніе, то мы поступали бы иначе. Теперь, читая

объ ихъ поступкахъ, какими они представляются въ протоколахъ ихъ же собраній и у историковъ ихъ же церкви, мы не можемъ конечно не испытывать какого-то болѣзненнаго чувства, почти можно сказать отвращенія, при видѣ такого суевѣрія, такой ябеды, такихъ низкихъ, грязныхъ ухищреній и, при всемъ этомъ, дерзкаго, необузданнаго нахальства. Но дѣло въ томъ, что въ Шотландіи самый вѣкъ этотъ былъ дуренъ, — вотъ это дурное и вышло наружу. Времена выходили изъ обычной колеи и трудно было снова возвратить ихъ въ нее. Долгое преобладаніе анархіи, невѣжества, бѣдности, насилія и обмана, внутренняго смятенія и внѣшней опасности, привело Шотландію въ такое состояніе, которое мы съ трудомъ можемъ представить себѣ. Я приведу далѣе нѣкоторыя данныя о томъ вліяніи, какое все это имѣло на національный характеръ и о происшедшемъ оттого серіозномъ вредѣ. Въ то же время, мы должны отдать справедливость шотландскому духовенству въ томъ, что поведеніе его лучше всего объясняетъ положеніе самой страны, въ которой оно жило. Все вокругъ него было низко и грубо; привычки людей, въ ихъ ежедневной жизни, отличались насиліемъ, рѣзкостью и совершеннымъ невниманіемъ къ самымъ обыкновеннымъ приличіямъ; и вслѣдствіе этого, мѣрило человѣческихъ дѣяній было до такой степени узко, что люди правдивые и благомыслящіе не гнушались дѣлать то, что, въ нашемъ развитомъ состояніи общества, кажется невѣроятнымъ. Поэтому не будемъ слишкомъ скоры въ сужденіяхъ нашихъ, не будемъ заходить слишкомъ далеко въ обвиненіи главныхъ дѣятелей того великаго кризиса, черезъ который прошла Шотландія въ теченіе послѣдней половины XVI столѣтія. Много они дѣлали такого, что возбуждаетъ въ насъ сильнѣйшее отвращеніе. Но одно сдѣлали они, за что мы должны были бы уважать ихъ память и провозгласить ихъ благодѣтелями рода человѣческаго. Въ самую опасную минуту, они сохранили духъ національной свободы. Духовен-

ство спасло то, чему дворянство и корона угрожали опасностью. Его попеченіемъ, потухавшая искра, расгорѣлась въ пламя. Когда свѣтъ сталъ тускнѣть и уже замерцалъ на алтарѣ, готовый погаснуть, рука духовенства поправила лампаду и поддержала священный огонь. Вотъ въ чемъ его истинная слава, и оно имѣетъ полное право успокоиться на этомъ Протестантскіе проповѣдники были хранителями шотландской свободы, и они остались вѣрны своему посту. Въ опасности. они всегда были напереди. Своими проповѣдями, своею дѣятельностью какъ общественною, такъ и частною, рѣшеніями своихъ собраній, своими смѣлыми и частыми нападеніями на людей, безъ различія ихъ общественныхъ положеній, даже самою дерзостью своего обращенія съ высшими лицами, — они разшевеливали умы людей, пробуждали ихъ отъ летаргіи, развивали въ нихъ привычку къ изслѣдованію, и возбуждали тотъ пытливый, демократическій духъ, который составляетъ единственную надежную гарантію для народа противъ тираннiи поставленныхъ надъ нимъ личностей. Это было дѣломъ шотландскаго духовенства,—честь и слава людямъ, совершившимъ его. Они научили своихъ соотечественниковъ проникать пытливымъ, смѣлымъ взглядомъ въ политику своихъ правителей. Они-то указали презрительно пальцемъ на королей и дворянъ и вывели наружу всю пустоту ихъ притязаніій. Они сдѣлали смѣшными ихъ претензіи и потѣшались надъ ихъ мистеріями. Они прорвали завѣсу и изобличили всѣ скрывавшіяся за нею продѣлки. Они заклеймили презрѣніемъ сильныхъ міра сего, а людей, стоявшихъ надъ ними, низвергли съ этой высоты. Этимъ они сдѣлали такое дѣло, которое загладило бы всѣ ихъ вины, даже если бы онѣ были въ десять разъ больше, поколебавъ то пагубное и унизительное уваженіе, которое люди слишкомъ склонны бываютъ оказывать тѣмъ, кого случай, а не заслуги, поставилъ выше ихъ, — они способствовали развитію гордой, стойкой независимости, которая всегде могла пригодиться въ

нуждѣ. А нужда эта пришла скорѣе, чѣмъ могъ кто либо ожидать. Очень немного лѣтъ спустя, Іаковъ получилъ въ свое распоряженіе всѣ средства, которыми располагала Англія, и съ помощью ихъ, сталъ пытаться ниспровергнуть свободу Шотландіи. Начатое имъ постыдное предпріятіе, было продолжаемо его жестокимъ и суевѣрнымъ сыномъ. Какимъ образомъ попытки ихъ не удались; какимъ образомъ, въ предпріятіи этомъ, Карлъ I подвергъ крушенію свое счастье и вызвалъ возстаніе, приведшее на эшафотъ этого великаго преступника, который осмѣлился злоумышлять противъ народа, и, какъ всеобщій врагъ и притѣснитель, снискалъ наконецъ справедливую кару за свои грѣхи, — все это извѣстно всякому, кто читалъ нашу исторію. Извѣстно также, что въ дѣлѣ веденія этой борьбы Англичане были многимъ обязаны Шотландцамъ, которые, кромѣ этого, имѣли еще и ту заслугу что первые подняли руку на тирана. А что хотя менѣе извѣстно, но несомнѣнно справедливо, такъ это то, что обѣ націи, вмѣстѣ, имѣютъ еще одинъ долгъ, который онѣ никогда не въ силахъ будутъ выплатить; это именно долгъ благодарности по отношенію къ людямъ, распространявшимъ, въ теченіе послѣдней половины XVI столѣтія, съ каѳедры и изъ своихъ собраній, тѣ чувства, которыя народъ лелѣялъ потомъ въ своихъ сердцахъ и которыя, въ удобную минуту, снова пробудились на страхъ и наконецъ на погибель тѣхъ, кто угрожалъ его свободѣ.

ГЛАВА IV.

Состояніе Шотландіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

Едва вступивъ на англійскій престолъ, Іаковъ началъ серіозно и въ широкихъ размѣрахъ пытаться поработить шотландскую церковь, которая, какъ онъ ясно видѣлъ, была главною преградою между нимъ и деспотическою властью. Пока онъ былъ только королемъ Шотландіи, его неоднократныя посягательства были постоянно неудачны; но теперь, когда онъ обладалъ огромными средствами Англіи, побѣда казалась легкою. Еще въ 1584 году достигъ онъ временнаго торжества, принудивъ многихъ изъ духовныхъ лицъ признать епископство. Но это учрежденіе было такъ противно ихъ антиіерархическимъ и демократическимъ принципамъ, что никакая сила не могла преодолѣть ихъ отвращенія къ нему, и, совершенно запугавъ короля, они заставили его уступить и попятиться. Вслѣдствіе этого, въ 1592 г. изданъ былъ парламентскій актъ, низвергнувшій власть епископовъ и установившій пресвитеріанство,—систему, основанную на идеѣ равенства и потому соотвѣтствовавшую потребностямъ шотландской церкви.

На эту законодательную мѣру Іаковъ согласился съ величайшимъ отвращеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, его нерасположеніе къ ней было такъ сильно, что онъ рѣшился, при первомъ удобномъ случаѣ, добиться отмѣны ея, хотя бы даже

пришлось употребить для этого силу. Принятый имъ образъ дѣйствій характеризуетъ и человѣка, и вѣкъ. Въ декабрѣ 1596 г. произошелъ въ Эдинбургѣ одинъ изъ тѣхъ народныхъ мятежей, которые естественны въ грубыя времена— мятежъ, который, по усмиреніи, не оставилъ бы по себѣ ни какого воспоминанія. Но Іаковъ воспользовался имъ, чтобы нанести, какъ онъ полагалъ, рѣшительный ударъ. Онъ задумалъ просто-на-просто направить въ столицу своей державы огромныя шайки вооруженной вольницы, которая, угрозою разграбить городъ, заставила бы духовныхъ пастырей, съ ихъ паствами, согласиться на всѣ условія, какія ему вздумалось бы предписать. Этотъ великодушный замыселъ, вполнѣ достойный сердца Іакова, былъ въ точности исполненъ. Съ сѣвера король призвалъ горскихъ князей, а съ юга—пограничныхъ бароновъ, которые должны были явиться въ сопровожденіи своихъ свирѣпыхъ вассаловъ,—людей, жившихъ грабежемъ и съ наслажденіемъ обагрявшихъ руки въ крови. По именному указу Іакова, эти кровожадные разбойники явились, 1 января 1597 г., на улицахъ Эдинбурга, радуясь предстоявшему дѣлу и готовые, по первому слову своего государя, опустошить столицу и не оставить въ ней камня на камнѣ. Сопротивленіе было безполезно. Всѣ требованія короля были исполнены, и Іаковъ полагалъ, что наконецъ наступило время твердо установить власть епископовъ и, обуздавъ, съ ихъ помощью, духовенство, сломить его непокорство.

На это предпріятіе потрачено было три года. Для вящшаго успѣха его, король, поддерживаемый аристократами, опирался не только на силу, но и на хитрость, которая была употреблена тогда чуть ли не въ первый разъ. Она состояла въ подтасовкѣ Генеральныхъ Собраній огромнымъ числомъ духовныхъ лицъ, вызванныхъ изъ сѣверной Шотландіи, гдѣ, при господствѣ стариннаго кланнаго и аристократическаго духа, демократическій духъ, преобладавшій на югѣ, былъ неизвѣ-

стенъ. До тѣхъ поръ, эти сѣверные священники рѣдко посѣщали большія собранія шотландской церкви; но въ 1597 г. Іаковъ послалъ сэра Патрика Мёррея съ особымъ порученіемъ къ нимъ, требуя, чтобы они присутствовали и подавали голосъ въ его пользу. Крайне невѣжественные, незнакомые, или почти незнакомые, съ сущностью спорныхъ вопросовъ и, кромѣ того, привыкшіе къ тому состоянію общества, въ которомъ люди, не смотря на свою необузданность, оказывали самое раболѣпное повиновеніе непосредственнымъ своимъ начальникамъ,—они легко поддались и согласились дѣлать то, что̀ имъ было предложено. Съ ихъ помощью, корона и знать такъ усилили свою партію, что во многихъ случаяхъ располагали большинствомъ голосовъ, и потому постепенно стали вводить новые порядки, цѣлью которыхъ было уничтожить демократическій характеръ шотландской церкви.

Нововведенія начались въ 1597 г. Съ тѣхъ поръ, до 1600 г. рядъ Собраній узаконилъ различныя перемѣны, отмѣченныя всѣ тѣмъ аристократическимъ направленіемъ, которое, казалось, должно было все преодолѣть. Въ 1600 г. Генеральное Собраніе открылось въ Монтрозѣ, и правительство рѣшилось употребить послѣднее усиліе, чтобы принудить церковь установить епископальное устройство. Андрю Мельвилль, безспорно самый вліятельный человѣкъ между духовенствомъ и предводитель демократической партіи, былъ, по обыкновенію, избранъ членомъ Собранія; но король, произвольно вмѣшавшись, отказался дозволить ему занять мѣсто члена. Тѣмъ не менѣе, ни угрозами, ни силою, ни обѣщаніями не могъ дворъ добиться желаемаго. Онъ достигъ только того, что нѣкоторымъ священникамъ дозволено было засѣдать въ парламентѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, чтобы эти лица ежегодно слагали передъ Генеральнымъ Собраніемъ свои полномочія и отдавали ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Собраніе оставило за собою право низлагать ихъ; а для того, чтобы еще болѣе удержать ихъ въ повиновеніи, оно запре-

тило имъ называться епископами и предписало имъ довольствоваться менѣе значительнымъ титуломъ церковныхъ коммисаровъ.

Послѣ этого отпора, Іаковъ, кажется, струсилъ, потому что не дѣлалъ никакихъ дальнѣйшихъ попытокъ, хотя подъ рукою все еще старался о возстановленіи епископства. Если бы онъ упорствовалъ, упорство могло бы стоить ему короны. Его средства были ограниченны; онъ былъ чрезвычайно бѣденъ; а послѣднія событія показали, что духовенство было сильнѣе, чѣмъ онъ полагалъ Когда онъ почти не сомнѣвался въ успѣхѣ, оно заставило его испытать постыдное пораженіе, и это пораженіе было тѣмъ болѣе замѣчательно, что оно было вполнѣ дѣломъ духовнаго сословія, ибо духовенство въ то время совершенно разошлось со знатью, такъ что не могло разсчитывать ни на одного члена этого могущественнаго сословія.

При такомъ положеніи дѣлъ, когда вольности Шотландіи, охранявшіяся церковью, находились на краю гибели, умерла Елизавета, и шотландскій король сдѣлался, кромѣ того, королемъ англійскимъ. Іаковъ тотчасъ же рѣшился употребить средства своего новаго королевства, для обузданія стараго. Въ 1604 г., т. е. всего черезъ годъ по восшествіи на англійскій престолъ, онъ вознамѣрился нанести смертельный ударъ шотландской церкви, нападеніемъ на независимость ея Собраній, и собственною властью отсрочилъ абердинское Генеральное Собраніе. Въ 1605 г. онъ опять отсрочилъ его и для того, чтобы заявить свои намѣренія, отказался въ этотъ разъ назначить день, для будущей сходки. Тогда нѣкоторые изъ священнослужителей, уполномоченные пресвитеріями, рѣшились сами созвать Собраніе, на что они имѣли несомнѣнное право, такъ какъ поступокъ короля былъ очевидно незаконенъ. Въ назначенный день, они сошлись въ абердинской судебной палатѣ. Имъ было приказано разойтись. Достаточно, какъ они полагали, заявивъ самымъ фактомъ сходки свои привилегіи,

они повиновались. Но Іаковъ, оправившійся теперь на могущество Англіи, рѣшился дать имъ почувствовать перемѣну своего, а слѣдовательно и ихъ положенія. Вслѣдствіе приказаній, присланныхъ имъ изъ Лондона, четырнадцать духовныхъ лицъ были заключены въ тюрьму. Шестеро изъ нихъ, не признававшія власти Тайнаго Совѣта, были обвинены въ государственной измѣнѣ. Они были немедленно преданы суду. Судъ призналъ ихъ виновными. Смертный приговоръ былъ только отсроченъ, чтобы напередъ узнать, не благоугодно ли будетъ королю удовлетвориться какимъ-нибудь другимъ наказаніемъ, которое бы не лишало жизни этихъ несчастныхъ людей.

Ихъ жизнь, дѣйствительно, была пощажена; но они подверглись строгому заточенію, а потомъ были осуждены на вѣчное изгнаніе. Въ другихъ частяхъ королевства, приняты были подобныя же мѣры. Почти во всей Шотландіи, множество духовныхъ лицъ были или заключены въ тюрьму, или принуждены бѣжать. Терроръ и проскрипція были повсемѣстны. Паника была такова, что, по общему мнѣнію, ничто не могло воспрепятствовать прочному утвержденію деспотизма, кромѣ непосредственнаго вмѣшательства Провидѣнія въ пользу церкви и народа.

Нельзя отрицать того, что для этихъ опасеній были уважительныя причины. У народа не было друзей никого, кромѣ духовенства; а дѣльнѣйшіе люди изъ духовенства находились или въ тюрьмѣ, или въ изгнаніи. Чтобы совершенно лишить церковь вождей, Іаковъ въ 1606 г. потребовалъ въ Лондонъ Мельвилля и семерыхъ изъ его товарищей, подъ предлогомъ необходимости посовѣтоваться съ ними. Залучивши ихъ къ себѣ, онъ задержалъ ихъ въ Англіи. Имъ было запрещено возвращаться въ Шотландію; а Мельвилль, котораго правительство больше всего боялось, былъ отданъ подъ стражу. Потомъ онъ былъ посаженъ въ Тоуэръ, гдѣ просидѣлъ четыре года, и былъ выпущенъ только

подъ условіемъ жить за границей и никогда не возвращаться на родину. Семеро священнослужителей, сопровождавшіе его въ Лондонъ, были тоже посажены въ тюрьму; но такъ какъ они считались менѣе опасными, чѣмъ ихъ предводитель, то имъ, черезъ нѣсколько времени, дозволено было возвратиться домой. Племянникъ Мельвилля получилъ, однако, приказаніе не отлучаться никуда далѣе двухъ миль отъ Нью-кестля; а шестеро его товарищей были высланы на жительство въ различныя части Шотландіи.

Теперь, казалось, все уже было готово для уничтоженія тѣхъ идей равенства, единственною представительницею которыхъ, въ Шотландіи, была церковь. Въ 1610 г. открыто было Генеральное Собраніе въ Глесго, и такъ какъ члены его были назначены короною, то все, чего желало правительство, было исполнено. По ихъ рѣшенію, епископство было установлено, и власть епископовъ надъ священнослужителями была вполнѣ признана. Немного ранѣе, но въ томъ же году, учреждены были два суда Верховной Коммисіи: одинъ въ Сентъ-Андрюсѣ, а другой въ Глесго. Имъ подчинены были всѣ церковные суды. Они были облечены такою огромною властью, что могли потребовать кого угодно къ отвѣту, могли допрашивать отвѣтчика на счетъ его религіозныхъ мнѣній, могли распоряжаться отлученіемъ его отъ церкви, могли налагать на него пеню или заключать его въ тюрьму, совершенно по своему усмотрѣнію. Наконецъ, къ довершенію униженія Шотландіи, установленіе епископства до тѣхъ поръ не считалось полнымъ, пока не совершился актъ, который — не будь онъ такъ позоренъ — неизбѣжно былъ бы осмѣянъ, акъ пустой и ребяческій фарсъ. Архіепископъ Глесгоскій, епископъ Бречинскій и епископъ Голловейскій должны были проѣхать все пространство до Лондона для того только, чтобы къ нимъ прикоснулся кто-нибудь изъ англійскихъ епископовъ. Невѣроятнымъ можетъ показаться, а между тѣмъ дѣйствительно предполагалось, что въ Шотландіи нѣтъ та-

кой духовной власти, которая могла бы сдѣлать изъ шотландца прелата. Вотъ почему архіепископъ Глесгоскій и его товарищи совершили трудную, по тогдашнему времени, поѣздку въ чужеземную и отдаленную столицу, для пріобрѣтенія какой-то тайной силы, которую они, по возвращеніи домой, могли бы сообщать своей братіи. Къ прискорбію и изумленію соотечественниковъ, эти недостойные священнослужители, отступивъ отъ преданій родной земли и забывъ гордость, одушевлявшую ихъ отцовъ, согласились отречься отъ своей независимости, смириться передъ англійской церковью и подчиниться шутовскимъ обрядамъ, которые они въ душѣ должны были презирать, но которые теперь были предписаны имъ ихъ старинными и закоренѣлыми врагами.

Легко вообразить, какъ должны были дальше поступать люди, которые единственно ради своего возвышенія и для того, чтобы угодить своему государю, могли такимъ образомъ отказаться отъ дорогой независимости шотландской церкви. Кто пресмыкается передъ высшими, тотъ всегда давитъ низшихъ: Немедленно по возвращеніи въ Шотландію, они сообщили полученное въ Англіи посвященіе своимъ товарищамъ-епископамъ, которые были одного съ ними покроя, потому что всѣ они помогали Іакову въ его попыткѣ подавить вольности ихъ родной земли. Рукоположенные теперь надлежащимъ образомъ, они вполнѣ устроили свою духовную жизнь; но имъ оставалось еще упрочить благополучіе своей мірской жизни. Этого они достигли, постепенно захватывая въ свои руки всю власть и относясь съ безпощадною строгостью къ тѣмъ, кто противодѣйствовалъ имъ. Полное торжество епископовъ послѣдовало въ царствованіе Карла I, когда многіе изъ нихъ получили мѣста въ Тайномъ Совѣтѣ, гдѣ они вели себя съ такою высокомѣрною наглостью, что даже Кларендонъ, несмотря на свое извѣстное пристрастіе къ ихъ сословію, порицаетъ ихъ поведеніе. Впро-

чемъ, и при Іаковѣ они торжествовали почти во всѣхъ отношеніяхъ. Они отнимали у городовъ привилегіи и принуждали ихъ принимать начальниковъ, которыхъ сами выбирали для нихъ. Они богатѣли и открыто чванились своимъ богатствомъ, поступая тѣмъ безчестнѣе, что страна была чрезвычайно бѣдна и ближніе ихъ кругомъ умирали съ голоду. Статейные лорды, безъ разрѣшенія которыхъ нельзя было предложить никакой мѣры парламенту, до сихъ поръ избирались мірянами; но епископы произвели теперь перемѣну, въ силу которой право назначенія этихъ лордовъ перешло къ нимъ. Овладѣвши такимъ образомъ законодательною властью, они добились узаконенія новыхъ наказаній для своихъ соотечественниковъ. Многихъ изъ духовенства они отрѣшили отъ должностей, другихъ лишили бенефицій, а нѣкоторыхъ заключили въ тюрьму. Такъ какъ городъ Эдинбургъ противился нововведеннымъ обрядамъ и церемоніямъ и былъ, подобно остальной странѣ, враждебенъ епископству, то епископы накинулись и на него, смѣстили многихъ изъ его должностныхъ лицъ, арестовали нѣкоторыхъ изъ его именитыхъ гражданъ и грозили лишить его судебныхъ палатъ и чести быть мѣстопребываніемъ правительства.

Между тѣмъ, въ это самое время, когда положеніе дѣлъ казалось самымъ отчаяннымъ, готовилась великая реакція. Объясненія этой реакціи надлежитъ искать въ томъ широкомъ и плодотворномъ началѣ, на которое я часто указывалъ, но котораго наши обыкновенные историки не умѣютъ понять, а именно—что дурное правительство, дурные законы или законы дурно исполняемые, хотя и бываютъ временно чрезвычайно вредны, однако не могутъ причинить постояннаго зла; другими словами, они могутъ повредить странѣ, но никогда не могутъ погубить ее. Пока народъ здоровъ, въ немъ есть жизнь, а пока въ немъ есть жизнь, реакція будетъ. Въ подобномъ случаѣ, тираннія вызываетъ бунтъ, деспотизмъ порождаетъ свободу. Но если народъ нездоровъ, положеніе безнадежно, и нація по-

гибаетъ. Въ обоихъ случаяхъ правительство, если взять долгій періодъ времени, не оказываетъ никакого дѣйствія и никакъ не подлежитъ отвѣтственности за окончательный результатъ. Правящіе классы имѣютъ временно огромную власть, которою неизмѣнно злоупотребляютъ, если только не обуздываются страхомъ или стыдомъ. Народъ можетъ внушать имъ страхъ; общественное мнѣніе можетъ внушать имъ стыдъ. Но осуществленіе или неосуществленіе этой возможности зависитъ отъ духа народа и отъ состоянія общественнаго мнѣнія. Эти два условія сами управляются длиннымъ рядомъ предшествующихъ обстоятельствъ, восходящихъ ко времени всегда очень далекому, а иногда столь отдаленному, что наблюденіе становится невозможнымъ. Когда данныхъ достаточно,—эти предшествующія обстоятельства могутъ быть обобщаемы, и обобщеніе ихъ приводитъ насъ къ извѣстнымъ крупнымъ и могущественнымъ причинамъ, отъ которыхъ зависитъ все движеніе. Въ короткіе періоды, дѣйствіе этихъ причинъ непримѣтно, но въ періоды долгіе оно ясно выступаетъ на первый планъ, окрашиваетъ національный характеръ и управляетъ всѣми явленіями народной жизни. Въ Шотландіи, какъ я уже показалъ, общія причины заставили народъ любить духовенство, а духовенство—любить свободу. Пока эти два факта существовали вмѣстѣ, участь шотландской націи была обезпечена. Націю эту можно было обижать, оскорблять и давить; ей можно было вредить различными способами; но чѣмъ значительнѣе былъ вредъ, тѣмъ вѣрнѣе было возмездіе, потому что тѣмъ выше долженъ былъ подняться общественный духъ. Нужно было только еще немного времени и еще немного раздраженія. Мы, отдаленные жители, имѣющіе возможность разсматривать эти предметы съ высшей точки зрѣнія и видѣть, какъ событія тѣснились и густѣли, мы не можемъ не замѣтить правильности ихъ послѣдовательнаго хода. Не смотря на кажущійся безпорядокъ, тутъ все было стройно и послѣдовательно. Для насъ весь планъ ясенъ. Передъ

нами—матерія одного цвѣта и одного фасона. Ея узоръ ясн обозначенъ и, къ счастію вотканъ въ такую ткань, могучаяо связь которой не могла быть разорвана ни хитростями, ни насиліемъ коварныхъ людей.

Ни къ чему, поэтому, не послужило то, что тираннія напрягала всѣ свои силы. Ни къ чему не послужило то, что престолъ былъ занятъ деспотическимъ и безсовѣстнымъ королемъ, которому наслѣдовалъ другой еще деспотичнѣе и еще безсовѣстнѣе перваго. Ни къ чему не послужило и то, что нѣсколько пронырливыхъ и назойливыхъ епископовъ, получившихъ посвященіе въ Лондонѣ и опиравшихся на авторитетъ англійской церкви, сообща умышляли противъ вольностей родной земли. Они играли роль шпіоновъ и предателей, но играли ее напрасно. А между тѣмъ все, что правительство могло имъ дать, оно дало. На ихъ сторонѣ былъ законъ и право исполненія закона. Они были законодателями, членами Тайнаго Совѣта и судьями. У нихъ было богатство; у нихъ были громкіе титулы; у нихъ были вся пышность и всѣ атрибуты, на которые они промѣняли свою независимость, и которыми они надѣялись обморочить толпу. Но они не могли отвратить потока; они не могли даже остановить его; они не могли помѣшать ему нахлынуть и поглотить ихъ въ своемъ теченіи. Не успѣло одно поколѣніе смѣниться другимъ, какъ эти пигмеи, въ надменности своей воображавшіе себя гигантами, пошатнулись и пали. Рука времени отяжелѣла надъ ними, и они не могли устоять. Они были низвергнуты и унижены; они лишились должностей, почестей и блеска; они потеряли все, чѣмъ подобные люди наиболѣе дорожатъ. Судьба ихъ есть поучительный урокъ. Это урокъ и для правителей народовъ, и для тѣхъ, кто пишетъ исторію народовъ. Для правителей она представляетъ одно изъ множества доказательствъ того, какъ мало могутъ они сдѣлать, и какъ незначительна роль, которую они играютъ въ великой міровой драмѣ. Для историковъ этотъ урокъ долженъ

быть особенно назидателенъ, какъ убѣдительный примѣръ того, что событiя, на которыхъ они сосредоточиваютъ свое вниманiе и которыя они считаютъ чрезвычайно важными, въ сущности ничтожны и не только не могутъ занимать перваго мѣста, но даже должны быть подчинены тѣмъ крупнымъ и широкимъ началамъ, путемъ изученiя которыхъ только и можно открыть условiя, опредѣляющiя поступательное движенiе и жребiй народовъ.

Дальнѣйшiя событiя въ Шотландiи можно бѣгло разсказать. Терпѣнiе страны почти истощилось, и день возмездiя близился. Въ 1637 г. народъ началъ возставать. Лѣтомъ этого года, первый большой мятежъ вспыхнулъ въ Эдинбургѣ. Пламя быстро распространилось, и ничто не могло остановить его. Къ октябрю возстала вся нацiя, и представлено было обвиненiе противъ епископовъ, подписанное почти всѣми корпорацiями и людьми всякаго званiя. Въ ноябрѣ, Шотландцы, наперекоръ коронѣ, устроили собственную систему представительства, въ которой каждое сословiе имѣло участiе. Въ началѣ 1638 г. образовался нацiональный конвентъ, и рвенiе, съ какимъ всѣ присягнули ему, показало, что народъ рѣшился, во что бы то ни стало, отстоять свои права. Теперь уже очевидно было, что все кончено. Въ теченiе лѣта 1638 г. приготовленiя были покончены, и осенью буря разразилась. Въ ноябрѣ, Генеральное Собранiе, не виданное въ Шотландiи цѣлыхъ двадцать лѣтъ, открыло свои засѣданiя въ Глесго. Королевскiй коммисаръ маркизъ Гамильтонъ приказалъ членамъ разойтись. Они отказались и не расходились до тѣхъ поръ, пока не исполнили дѣла, котораго ожидала отъ нихъ вся нацiя. Рѣшенiемъ ихъ, демократическое учрежденiе пресвитерiй было возстановлено въ прежнемъ видѣ; обряды посвященiя были отмѣнены, епископы отрѣшены отъ должностей, и епископство уничтожено.

Такимъ образомъ, епископы пали скорѣе даже, чѣмъ возвысились. Но такъ какъ ихъ паденiе было только частнымъ

проявленіемъ демократическаго движенія, то дѣло не могло остановиться на этомъ. Едва Шотландцы прогнали епископовъ, какъ они уже начали войну съ королемъ. Въ 1639 году, они взялись за оружіе противъ Карла. Въ 1640 г. они вторгнулись въ Англію. Въ 1641 г. король, въ надеждѣ успокоить ихъ, посѣтилъ Шотландію и согласился на большую часть ихъ требованій. Но было поздно. Народъ разсвирѣпѣлъ и повсемѣстно требовалъ крови. Война снова вспыхнула. Шотландцы соединились съ Англичанами, и Карлъ былъ повсюду разбитъ. Доведенный до послѣдней крайности, онъ отдался на произволъ своихъ сѣверныхъ подданныхъ. Но его преступленія были такъ велики и такъ многочисленны, что ихъ невозможно было простить. Шотландцы, вмѣсто того чтобы помиловать его, извлекли изъ него пользу. Онъ не только попиралъ ихъ вольности, но и ввелъ ихъ въ огромныя издержки. За обиды онъ не могъ предложить соотвѣтственнаго удовлетворенія; но за издержки, понесенныя ими, можно было получить вознагражденіе. И такъ какъ изстари существуетъ юридическое правило, что тотъ, кто не можетъ платиться своею казною, долженъ платиться своей головою, то Шотландцы не видѣли причины, почему бы имъ было не извлечь пользы изъ личности государя, тѣмъ болѣе, что онъ до тѣхъ поръ причинялъ имъ только убытки да хлопоты. Поэтому, они отдали его Англичанамъ и, въ замѣнъ, получили огромную сумму денегъ, которую потребовали, какъ плату, причитавшуюся имъ за веденіе противъ него войны. Эта сдѣлка была выгодна для обѣихъ сторонъ, заключившихъ договоръ. Шотландцы, очень бѣдные, пріобрѣли то, въ чемъ наиболѣе нуждались. Англичане, народъ богатый, должны были, правда, заплатить деньги, но были вознаграждены тѣмъ, что овладѣли своимъ притѣснителемъ, противъ котораго пылали мщеніемъ, и позаботились не выпускать его изъ рукъ, пока не взыскали съ него послѣд-

ней пени за его великія и многочисленныя преступленія.

Послѣ казни Карла I, Шотландцы признали его сына преемникомъ престола. Но, прежде чѣмъ короновать новаго короля, они подвергли его такому униженію, къ какому наслѣдственные государи не очень-то привыкли. Они заставили его подписать декларацію, въ которой онъ выражалъ сожалѣніе о томъ, что случилось, и признавалъ, что его отецъ, побуждаемый дурными совѣтами, несправедливо проливалъ кровь своихъ подданныхъ. Онъ былъ вынужденъ также объявить, что происшедшія событія смирили его гордыню. Сверхъ того, онъ долженъ былъ извиниться въ собственныхъ своихъ ошибкахъ, которыя приписывалъ частью своей неопытности, а частію своему дурному воспитанію. Для того, чтобы онъ доказалъ искренность этой исповѣди, и для того, чтобы эта исповѣдь могла сдѣлаться общеизвѣстной, ему было приказано соблюдать день поста и покаянія, въ который вся нація должна была плакать и молиться за него, да избѣгнетъ онъ послѣдствій грѣховъ, совершенныхъ его домомъ.

Духъ, котораго подобныя дѣйствія служатъ только проявленіями, продолжалъ одушевлять Шотландцевъ во все остальное время XVII столѣтія. И это было къ счастію для нихъ, потому что царствованія Карла II и Іакова II были только повтореніемъ царствованій Іакова I и Карла I. Съ 1660 по 1688 годъ, Шотландія снова подверглась тиранніи, столь жестокой и столь изнурительной, что отъ нея сломилась бы энергія почти всякой другой націи. Аристократы, могущество которыхъ медленно, но постоянно ослабѣвало, не были въ состояніи противиться Англичанамъ, съ которыми они даже скорѣе готовы были соединиться для участія въ ограбленіи и угнетеніи своего отечества. Въ этотъ періодъ, самый несчастный, какой пережила Шотландія съ XIV столѣтія, правительство было чрезвычайно сильно; высшіе классы, пресмыкавшіеся передъ нимъ, думали только о соб-

ственной своей безопасности; суды были такъ продажны, что правосудіе не только отправлялось дурно, но даже и совсѣмъ не отправлялось; а парламентъ, совершенно запуганный, утвердилъ такъ называемый отмѣнительный актъ (recissory act), посредствомъ котораго разомъ были отмѣнены всѣ законы, изданные съ 1633 года, при чемъ законодательное собраніе руководилось тѣмъ соображеніемъ, что эти 28 лѣтъ составляли періодъ, память о которомъ надлежало, по возможности, изгладить.

Но хотя высшіе классы позорно измѣнили своему долгу и уничтожили законы, поддерживавшіе вольности Шотландіи, послѣдствія доказали, что самыя вольности были несокрушимы. Онѣ оказались несокрушимыми оттого, что оставался духъ, которымъ были пріобрѣтены эти вольности. Сердцевина націи были здорова; а пока она была здорова, законодатели могли уничтожать только внѣшнія проявленія свободы, но отнюдь не могли коснуться причинъ, отъ которыхъ свобода зависѣла. Свобода была низвергнута, но все еще оставалась жива, и потому несомнѣнно должно было наступить время, когда народъ, такъ горячо любившій ее, долженъ былъ возстановить свои права. Должно было наступить время, когда, по словамъ великаго пѣвца англійской свободы, народъ воспрянетъ какъ богатырь отъ сна и, потрясая своими побѣдоносными кудрями, встрепенется орломъ, который расправляетъ свои могучія крылья, насыщаетъ свои зоркіе глаза полуденными лучами, очищаетъ и изощряетъ свое зрѣніе въ небесномъ источникѣ, между тѣмъ какъ робкія птицы, любящія сумракъ, мечутся кругомъ, испуганныя его намѣреніями.

Тѣмъ не менѣе кризисъ былъ труденъ и опасенъ. Народъ, покинутый всѣми, кромѣ духовенства, подвергался безпощадному грабежу, убійству и гоненію, преслѣдовавшему его, точно дикаго звѣря, изъ конца въ конецъ королевства. Страданія, причиненныя ему тираніею епископовъ, были еще

такъ свѣжи, что онъ ненавидѣлъ епископство болѣе чѣмъ когда либо; а между тѣмъ правительство не только навязало ему это учрежденіе, но и поставило во главѣ епископовъ Шарпа, жестокаго и алчнаго человѣка, который въ 1661 г. былъ возведенъ въ санъ архіепископа С. Андрюсскаго. Онъ учредилъ судъ церковной коммисіи, которая биткомъ набила тюрьмы; когда же въ нихъ не хватило мѣста, тогда она начала ссылать жертвы въ Барбадосъ и другія нездоровыя колоніи. Народъ, рѣшившись не подчиняться предписанію правительства, касавшемуся его богослуженія, началъ собираться въ частныхъ домахъ; а когда эти собранія были объявлены незаконными, онъ сталъ уходить изъ своихъ домовъ въ поля. Но и тамъ епископы не давали ему покоя. Лодердэль, уже давно стоявшій во главѣ управленія, находился въ значительной степени подъ вліяніемъ новыхъ прелатовъ и оказывалъ имъ содѣйствіе исполнительной власти. Съ общаго ихъ согласія, принята была новая мѣра: отрядъ войскъ, подъ начальствомъ Тёрнера, пьянаго и свирѣпаго солдата, былъ спущенъ на народъ. Страдальцы, доведенные до изступленія, взялись за оружіе. Это послужило предлогомъ для производства въ 1667 г. новыхъ военныхъ экзекуцій, при чемъ нѣкоторыя изъ прекраснѣйшихъ частей западной Шотландіи были опустошены, дома сожжены, мужчины подвергнуты пыткѣ, а женщины—изнасилованію. Въ 1670 г. изданъ былъ парламентскій актъ, гласившій, что всякій, кто станетъ безъ дозволенія проповѣдовать на поляхъ, будетъ казненъ смертію. У нѣкоторыхъ юристовъ достало смѣлости защищать невинныхъ людей, которымъ грозилъ смертный приговоръ; а потому рѣшено было заставить и ихъ замолчать, и въ 1674 г. бо́льшая часть адвокатовъ были изгнаны изъ Эдинбурга. Въ 1678 г., по особенному приказанію правительства, горцы спустились съ своихъ высотъ и, поощряемые мѣстными властями, три мѣсяца безпрепятственно убивали, грабили и жгли обитателей самыхъ насе-

ленныхъ и промышленныхъ областей Шотландіи. Между жителями сѣверной и южной частей королевства искони существовала смертельная вражда, вслѣдствіе чего правительство и вызвало дикихъ сѣверянъ изъ трущобъ, чтобы они вполнѣ насытились местью. И дѣйствительно, они утолили свою ярость досыта. Цѣлыхъ три мѣсяца пользовались они необузданною свободою. Восемъ тысячъ вооруженныхъ горцевъ, призванныхъ англійскимъ правительствомъ и заранѣе освобожденныхъ отъ отвѣтственности за всѣ беззаконія, дѣлали все, что хотѣли, по городамъ и селамъ западной Шотландіи. Они не щадили ни возраста, ни пола. Они лишали людей имущества, отнимали у нихъ даже одежду и прогоняли ихъ умирать на открытомъ полѣ. Многихъ они мучили самыми ужасными истязаніями. Дѣти, оторванныя отъ матерей, дѣлались жертвами гнуснаго поруганія; а матери и дочери подвергались такой участи, въ сравненіи съ которою смерть была бы радостнымъ исходомъ.

Такимъ-то образомъ старалось англійское правительство сломить духъ и передѣлать мнѣнія шотландскаго народа. Аристократы смотрѣли на эти попытки молча и не только не противодѣйствовали имъ, но даже не осмѣливались протестовать противъ нихъ. Парламентъ былъ точно такъ же раболѣпенъ и утверждалъ все, чего требовало правительство. Народъ однако былъ твердъ. Его духовенство, вышедшее изъ среднихъ классовъ, крѣпко держалось народа, а онъ крѣпко держался своего духовенства, и оба были непоколебимы. Епископы возбуждали противъ себя ненависть, какъ союзники правительства, и основательно считались общественными врагами. Они, какъ было извѣстно, одобряли и часто даже внушали тѣ злодѣянія, которыя совершались; они были такъ довольны наказаніемъ своихъ противниковъ, что никто не удивился, когда спустя нѣсколько лѣтъ, они объявили въ адресѣ Іакову II, самому жестокому изъ всѣхъ Стюар-

товъ, что онъ любимецъ неба, и выразили надежду, что Богъ даруетъ ему сердца подданныхъ и выи враговъ.

Личность государя, котораго епископы такъ усердно превозносили, въ настоящее время достаточно разгадана. Какъ ни были ужасны прежде совершенныя преступленія, они ничего не значили въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ послѣдовало, когда онъ въ 1680 г. принялъ бразды правленія. Онъ дошелъ до такой степени бездушія, что находилъ дѣйствительное наслажденіе въ зрѣлищѣ предсмертныхъ мукъ своихъ ближнихъ. Это такая бездна злодѣйства, въ которую рѣдко впадаютъ даже самыя испорченныя натуры. Было и всегда будетъ множество людей, ни мало не заботящихся о человѣческихъ страданіяхъ и готовыхъ причинять другимъ людямъ всякія муки, для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Но для того, чтобы наслаждаться зрѣлищемъ мукъ, нужна особенная и гнусная злоба. Іаковъ, однако, былъ такъ нечувствителенъ къ стыду, что даже не старался скрывать своихъ ужасныхъ наклонностей. Всякій разъ, какъ производилась пытка, онъ непремѣнно присутствовалъ при ней, услаждая свои взоры и радуясь дьявольскою радостью. Страшно даже подумать, что такой человѣкъ былъ правителемъ милліоновъ людей. Что же сказать о шотландскихъ епископахъ, одобрявшихъ того, чьихъ дѣйствій они были ежедневными свидѣтелями? Гдѣ найти выраженія достаточно сильныя, чтобы заклеймить этихъ отступниковъ-прелатовъ, которые, послѣ многолѣтнихъ попытокъ подавить вольности своей отчизны, въ концѣ своей карьеры и почти накануне окончательнаго своего паденія, соединились между собою и воспользовались всѣмъ своимъ авторитетомъ служителей святой, мирной религіи, чтобы публично восхвалить государя, возбуждавшаго ненависть современниковъ своею злобною жестокостью, государя, возмутительныя наклонности котораго, если не приписать ихъ нездоровому мозгу, не только позорятъ терпѣвшее ихъ вре-

мя, но и безчестятъ высшія свойства человѣческой природы?

Но правящіе классы въ Шотландіи были такъ глубоко испорчены, что подобныя преступленія, кажется, почти не возбуждали негодованія. Страдальцами были непокорные подданные, а потому противъ нихъ всякія мѣры считались законными. Обычная пытка, называвшаяся пыткою посредствомъ сапога (torture of the boots), состояла въ томъ, что нога подсудимаго вставлялась въ колодку, въ которую до тѣхъ поръ вбивали клинья, пока не раздроблялись кости. Но когда Іаковъ посѣтилъ Шотландію, начали поговаривать, что это истязаніе слишкомъ слабо и что надобно придумать другія средства. Духъ, котрый онъ сообщилъ своимъ подчиненнымъ, воодушевилъ его непосредственныхъ преемниковъ, и въ 1684 г., во время его отсутствія, введено было въ употребленіе новое орудіе, подъ названіемъ thumbikins. Оно состояло изъ стальныхъ винтиковъ, расположенныхъ съ такимъ дьявольскимъ искусствомъ, что ими можно было стискивать не только большой палецъ, но и цѣлую руку. Орудіе это причиняло неслыханно жестокую боль и, сверхъ того, имѣло то преимущество, что не подвергало жизнь опасности, такъ что пытка могла быть часто повторяема надъ однимъ и тѣмъ же лицомъ.

Послѣ этого, уже нечего болѣе распространяться. Отъ одного намека на подобныя вещи на душѣ становится гадко. Когда читаешь исторію того времени, кружится голова и замираетъ сердце при мысли о тѣхъ средствахъ, которыми эти подлыя твари старались задушить общественное мнѣніе и навсегда погубить храбрый и мужественный народъ. Но ихъ усилія были по прежнему тщетны. Тѣмъ не менѣе еще многое оставалось перенести. Короткое царствованіе Іакова II ознаменовалось въ самомъ началѣ необычайно варварскимъ дѣломъ. Черезъ нѣсколько недѣль по восшествіи этого злодѣя на престолъ, всѣ дѣти въ Аннандэлѣ и Нитсдэлѣ, отъ 6 до

10-лѣтняго возраста, были схвачены солдатами, разлучены съ родителями, и угрожаемы немедленною смертью. Дальнѣйшею мѣрою было поголовное изгнаніе цѣлой массы взрослыхъ людей, отправленныхъ за море въ нездоровыя колоніи, при чемъ многимъ изъ мущинъ предварительно обрубали уши, а женщинамъ налагали клейма, кому на руку, кому на щеку. Но избѣжавшее ссылки населеніе не упало духомъ и готово было на все, что требовалось для довершенія дѣла. Въ 1688 г., какъ и въ 1642, шотландскій народъ и народъ англійскій соединились вмѣстѣ противъ общаго своего притѣснителя, который спасся внезапнымъ и позорнымъ бѣгствомъ. Онъ былъ не только деспотъ, но и трусъ, и съ его стороны уже не предстояло опасности. Епископы, правда, любили его, но они были незначительною корпораціею, и притомъ у нихъ и собственныхъ заботъ было довольно Единственными сильными друзьями его были горцы. Эти дикари съ сожалѣніемъ помышляли о минувшихъ дняхъ, когда правительство не только дозволяло, но и приказывало имъ грабить и угнетать южныхъ сосѣдей. Для этой цѣли, Карлъ II пользовался ихъ услугами, и едвали можно было сомнѣваться въ томъ, что, въ случаѣ возстановленія династіи Стюартовъ, они были бы снова употребляемы въ дѣло и снова обогащались бы грабежемъ па счетъ южанъ. Война была любимымъ ихъ препровожденіемъ времени; она была ихъ промысломъ и единственнымъ дѣломъ, которое они понимали. Кромѣ того, одно то, что Іаковъ уже не имѣлъ власти, поразительно усилило ихъ приверженность къ нему. Горцы разживались разбоемъ и промышляли анархіей. Поэтому они ненавидѣли всякое правительство, достаточно сильное для наказанія преступленія; а какъ Стюарты были теперь далеко, то это воровское племя воспылало къ нимъ такою любовью, которая могла быть вызвана только ихъ отсутствіемъ. Со стороны Вильгельма III хищники боялись преслѣдованія, изгнанный же государь не могъ причинять имъ никакого вреда

и готовъ былъ смотрѣть на всѣ ихъ буйства, какъ на естественное послѣдствіе усердія. Они, впрочемъ, не заботились о принципѣ монархическаго преемничества и не помышляли о теоріи божественнаго права. Единственное преемничество, которое интересовало ихъ, было преемничество ихъ вождей. Едиственное ихъ понятіе о правѣ выражалось исполненіемъ того, что приказывали эти вожди. Нищенски бѣдные, они, начиная бунтовать, не рисковали ничѣмъ, кромѣ жизни, которою люди, при такихъ общественныхъ условіяхъ, никогда не дорожатъ. Неудайся имъ возстаніе, они встрѣчали скорую и, по ихъ понятіямъ, честную смерть. Удайся оно, они пріобрѣтали славу и богатство. Въ томъ и другомъ случаѣ, они разсчитывали навѣрное потѣшиться. Они были увѣрены въ возможности, по крайней мѣрѣ временно, предаться грабежу и разбою и безпрепятственно совершать тѣ беззаконія, которыя считались у нихъ лучшею наградою воинской карьеры.

Поэтому, вмѣсто того, чтобы удивляться бунтамъ 1715 и 1745 гг., надо удивляться только тому, что они не вспыхнули раньше и не встрѣтили болѣе сильной поддержки. Въ 1745 г., когда внезапное появленіе мятежниковъ поразило ужасомъ Англію и когда они проникли въ самую глубь королевства, наибольшая численность ихъ, со включеніемъ южно-шотландскихъ и англійскихъ соумышленниковъ, не составляла и 6,000 человѣкъ. Среднимъ числомъ ихъ было всего 5,000, и они такъ мало заботились о дѣлѣ, за которое будто бы сражались, что въ 1715 г., когда ихъ сила была гораздо значительнѣе, чѣмъ въ 1745, они отказывались вступить въ Англію и встать противъ правительства, пока не соблазнились обѣщаніемъ добавочной платы. Такимъ же образомъ въ 1745 г., послѣ того какъ они выиграли сраженіе при Престонъ-пансѣ, единственнымъ результатомъ этой великой побѣды было, что горцы, вмѣсто того, чтобы нанести новый ударъ, дезертировали цѣлыми

толпами, съ цѣлью сохранить добычу, которую пріобрѣли и которою одною только и дорожили. Они не заботились о томъ, Стюартъ или Гановерецъ выигралъ сраженіе, и въ этотъ критическій моментъ не могли, говоритъ историкъ, устоять противъ желанія возвратиться въ свои ущелія и украсить награбленнымъ добромъ свои лачуги.

Не много найдется такихъ нелѣпостей, какъ тѣ романическія бредни, которыя представляютъ возстаніе горцевъ взрывомъ вѣрноподданнической преданности. Ничего подобнаго даже не грезилось горцамъ. На нихъ тяготѣетъ столько преступленій, что нѣтъ надобности обременять ихъ напраслиной. Они были ворами и разбойниками; но такъ уже сложилась ихъ жизнь, и они не чувствовали ея позора. Невѣжественные и свирѣпые, они однако не были на столько безумны, чтобы питать личную привязанность къ той недостойной фамиліи, которая, до воцаренія Вильгельма III, занимала шотландскій престолъ. Любовь къ людямъ, подобнымъ Карлу II и Іакову II, быть можетъ, еще извинительна, какъ одна изъ тѣхъ особенностей вкуса, о какихъ иногда случается слышать. Но любить всѣхъ ихъ потомковъ, питать привязанность, которая обнимала бы цѣлую династію, и, для удовлетворенія этой необычайной страсти, не только переносить большія тягости, но и причинять огромное зло двумъ королевствамъ,—было бы и порокомъ и безуміемъ и обличало бы въ горцахъ особаго рода, чуждое ихъ натурѣ, помѣшательство. Они возставали потому, что возстаніе соотвѣтствовало ихъ привычкамъ, и потому, что они ненавидѣли всякое правительство и всякій порядокъ. О монархѣ же они не заботились; мало того, самый институтъ монархіи отталкивалъ ихъ. Онъ былъ противенъ тому духу кланнаго устройства, которому они были преданы; они, съ самаго ранняго дѣтства, привыкли не уважать никого, кромѣ своихъ вождей, которымъ оказывали добровольное повиновеніе и которыхъ считали гораздо выше всѣхъ земныхъ властителей. Никто изъ дѣйствительныхъ

знатоковъ ихъ историі не подумаетъ, чтобы они были способны проливать свою кровь за какого бы то ни было государя; еще менѣе можно полагать, что онѝ покидали родину и предпринимали долгіе и опасные походы, съ цѣлью возстановить ту порочную и деспотическую династію, преступленія которой вопіяли къ небу и жестокости которой раздражили наконецъ даже покорныхъ и кроткихъ людей.

Дѣло просто въ томъ, что возстанія 1715 и 1745 гг. были въ нашемъ отечествѣ послѣднею борьбою варварства противъ цивилизаціи. Съ одной стороны, были война и неурядица; съ другой — миръ и благоденствіе. Вотъ интересы, за которые дѣйствительно люди сражались; о Стюартахъ же или о Гановерцахъ не заботилась ни та, ни другая сторона. Исходъ такой борьбы, въ XVIII столѣтіи, едва ли могъ быть сомнительнымъ. Въ тогдашнее время эти бунты производили сильную тревогу, какъ неожиданностью своею, такъ и страннымъ и свирѣпымъ видомъ мятежныхъ горцевъ. Но свѣдѣнія, которыми мы теперь обладаемъ, показываютъ намъ, что успѣхъ этихъ возстаній, съ самаго начала, былъ невозможенъ. Хотя правительство было крайне оплошно и, не смотря на полученныя донесенія, позволило, въ оба раза, захватить себя въ расплохъ, тѣмъ не менѣе дѣйствительной опасности не было. Англичане, не отличавшіеся особенною любовью ни къ горцамъ, ни къ Стюартамъ, отказались возстать; а потому нельзя серіозно предполагать, чтобы нѣсколько тысячъ полунагихъ разбойниковъ могли предписать англійскому народу, какому государю онъ долженъ повиноваться и подъ какимъ правительствомъ онъ долженъ жить.

Послѣ 1745 г. перерыва уже не было. Интересы цивилизаціи, т. е. интересы знанія, свободы и богатства, мало-по малу одержали верхъ и отняли у людей, подобныхъ горцамъ, всякое значеніе. Черезъ ихъ страну были проложены дороги, и путешественники съ юга начали впервые проникать въ ихъ дотолѣ недоступныя пустыни. Въ этихъ частяхъ государства

движеніе было, правда, очень медленно; за то въ низменной Шотландіи оно было гораздо быстрѣе. Торговцы и жители городовъ, выдвигаясь теперь впередъ, начали вліяніемъ своимъ нейтрализировать старинныя воинственныя и анархическія привычки. Въ исходѣ XVIII столѣтія, появилась наклонность къ торговымъ предпріятіямъ, и огромная доля энергіи Шотландцевъ устремилась въ это новое русло. Въ началѣ XVIII столѣтія, то же направленіе обнаружилось и въ литературѣ; сочиненія о торговыхъ и экономическихъ предметахъ сдѣлались обыкновеннымъ явленіемъ. Перемѣна въ нравахъ тоже была замѣтна. Около этого времени, Шотландцы начали нѣсколько утрачивать ту грубую свирѣпость, которою искони отличались. Это улучшеніе обнаружилось различными путями; однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ его проявленій была перемѣна, впервые подмѣченная въ 1710 г., когда оказалось, что мѣстные жители начали обходиться безъ оружія, которое, до тѣхъ поръ, всякій, кто только могъ достать его, имѣлъ при себѣ, какъ полезную предосторожность въ грубомъ и потому воинственномъ обществѣ.

Чтобы прослѣдить общее преуспѣяніе въ различныхъ его частностяхъ, или хоть указать его непосредственныя послѣдствія, пришлось бы написать отдѣльную книгу. Одинъ изъ его результатовъ, впрочемъ, такъ рѣзко бросается въ глаза, что о немъ нельзя умолчать, хотя онъ и не имѣетъ той важности, какую ему приписывали. Это—уничтоженіе наслѣдственныхъ юрисдикцій, которое въ сущности было только симптомомъ великаго движенія, а не причиною его, ибо само оно объясняется частью развитіемъ промышленнаго духа, частью же тѣмъ уменьшеніемъ могущества аристократіи, которое стало замѣтно еще въ началѣ XVII столѣтія. Въ теченіе многихъ вѣковъ, нѣкоторыя лица знатнаго происхожденія пользовались привилегіей судить преступленія и даже казнить преступниковъ, потому только, что до нихъ, то же самое дѣлали ихъ предки, такъ что судебная власть была въ

сущности частью ихъ наслѣдія и переходила къ нимъ подобно остальной ихъ собственности. Учрежденіе этого рода, дѣлавшее человѣка судьею не потому, что онъ былъ способенъ къ этой должности, а потому, что онъ родился при извѣстныхъ условіяхъ, было нелѣпостью, и революціонное настроеніе XVIII столѣтія не могло пощадить его. Преобразовательный духъ, которымъ отличался этотъ вѣкъ, не могъ не напасть на такой безсмысленный обычай, тѣмъ болѣе, что уничтоженіе его было облегчено какъ упадкомъ аристократовъ, пользовавшихся этою привилегіею, такъ и возвышеніемъ ихъ естественныхъ противниковъ, промышленнаго и торговаго классовъ. Упадокъ шотландской аристократіи въ XVIII столѣтіи объясняется, кромѣ тѣхъ общихъ причинъ, которыя ослабляли аристократію почти во всей Европѣ, еще двумя особенными причинами. До общихъ причинъ, одинаковыхъ какъ въ Англіи, такъ и въ большей части континентальныхъ государствъ, намъ теперь нѣтъ дѣла. Достаточно сказать, что онѣ вполнѣ зависѣли отъ того развитія знанія, которое, усиливая вліяніе образованнаго класса, подрываетъ и, въ концѣ концовъ, должно ниспровергнуть исключительно наслѣдственныя и случайныя отличія. Но тѣ причины, которыя ограничивались Шотландіею,—имѣли болѣе политическій характеръ, и хотя были чисто мѣстными, однако согласовались съ общимъ ходомъ событій; а потому онѣ и заслуживаютъ вниманія, какъ звенья огромной цѣпи, связывающей настоящее состояніе этой замѣчательной страны съ ея прошлою исторіею.

Первою причиною было соединеніе Шотландіи съ Англіею въ 1707 году, нанесшее тяжелый ударъ шотландской аристократіи. Вслѣдствіе его, законодательное собраніе меньшей страны было поглощено законодательнымъ собраніемъ большей, и наслѣдственные законодатели вдругъ утратили прежнее свое значеніе. Въ шотландскомъ парламентѣ было 145 перовъ, и всѣ они, за исключеніемъ 16 человѣкъ, лишились,

по акту соединенія, права установлять законы. Эти 16 перовъ были отправлены въ Лондонъ и заняли мѣста въ палатѣ лордовъ, гдѣ они составили ничтожную и жалкую фракцію. По всякому вопросу, какъ бы онъ ни былъ важенъ для ихъ отечества, они были легко побѣждаемы большинствомъ голосовъ; ихъ манеры, жесты и въ особенности комическое произношеніе англійскихъ словъ открыто поднимались на смѣхъ; представители старинной и могущественной аристократіи очутились, къ крайнему своему изумленію, ничего не значущими людьми, и часто должны были льстить и пресмыкаться въ пріемной у министра, чтобы выхлопотать мѣсто какому нибудь бѣдному кліенту. Друзья и родственники осаждали ихъ просьбами о должностяхъ, но большею частію это было напрасно. Въ самомъ дѣлѣ, шотландскіе перы, будучи очень бѣдны, требовали для себя болѣе, чѣмъ англійское правительство расположено было давать, и назойливостью своихъ притязаній роняли и достоинство свое, и репутацію. Они подвергались оскорбительнымъ отказамъ и такъ какъ вскорѣ сдѣлалось извѣстно, какое они дѣйствительно занимали положеніе, то отъ этого ослабѣло ихъ вліяніе на родинѣ, въ народѣ, уже подготовленномъ къ низверженію ихъ власти. Къ этому, впрочемъ, они относились довольно равнодушно, потому что будущихъ благъ ожидали не отъ Шотландіи, а отъ Англіи. Лондонъ сдѣлался средоточіемъ ихъ интригъ и надеждъ. Тѣ изъ нихъ, которые не засѣдали въ палатѣ лордовъ, стремились попасть туда, и всѣ знали, что любимою мечтою почти каждаго шотландскаго аристократа было сдѣлаться англійскимъ перомъ. Съ перемѣною поприща ихъ честолюбія, они мало по малу отдалились отъ старыхъ связей. Какъ только это обнаружилось,—основаніе ихъ власти рухнуло. Съ этой минуты исчезла дѣйствительная ихъ популярность. Очевидно стало, что патріотизмъ ихъ былъ просто эгоистическою страстью. Они перестали любить стра-

ну, которая ничего не могла имъ дать, и потому естественно, что и страна, въ свою очередь, перестала любить ихъ.

Такимъ-то образомъ расторгнута была эта великая связь. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всѣхъ подобныхъ движеніяхъ, были, разумѣется, исключенія. Нѣкоторые изъ аристократовъ оказались безкорыстными, а нѣкоторые изъ ихъ кліентовъ остались вѣрными имъ. Но, разсматривая всю южную Шотландію какъ одно цѣлое, нельзя сомнѣваться, что около половины XVIII стол. исчезли тѣ узы преданности, вслѣдствіе которыхъ, въ прежнія времена, десятки тысячъ Шотландцевъ готовы были слѣдовать за своими вождями въ какое бы то ни было предпріятіе, жертвовать жизнью по одному ихъ мановенію. Духъ этотъ, нѣкогда считавшійся пламеннымъ и благороднымъ, но, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, оказывающійся низкимъ и рабскимъ, угасъ почти вездѣ, за исключеніемъ среды дикихъ горцевъ, которые, благодаря своему невѣжеству, долгое время оставались внѣ вліянія потока событій. Что ближайшею причиною такой перемѣны было соединеніе Шотландіи съ Англіею, этого, вѣроятно, не будетъ отрицать никто изъ людей, подробно изучавшихъ исторію тогдашняго времени; а въ томъ, что перемѣна эта была благотворна, могутъ сомнѣваться только сантиментальные мечтатели, для которыхъ жизнь есть дѣло скорѣе чувства, чѣмъ разсудка, и которые, презирая дѣйствительные и осязательные интересы, ставятъ въ укоръ своему вѣку матеріальное благоденствіе и любовь къ роскоши, какъ будто эти явленія— слѣдствіе низкихъ и грязныхъ побужденій, неизвѣстныхъ болѣе возвышенному настроенію минувшихъ дней. Подобнаго рода мечтателямъ легко можетъ показаться, что дикій и невѣжественный аристократъ, окруженный толпою преданныхъ вассаловъ и живущій съ грубою простотою въ своемъ мрачномъ и плохомъ замкѣ, представляетъ прекрасную картину тѣхъ безкорыстныхъ и безразсчетливыхъ временъ, когда люди, вмѣсто того, чтобы искать знанія, богатства или удобствъ,

довольствовались скромною умеренностью своихъ отцовъ и когда, благодаря тому, что одинъ классъ оказывалъ покровительство, а другой чувствовалъ признательность,—поддерживалась общественная субординація и различныя части общества связывались воедино взаимнымъ сочувствіемъ и силою общихъ впечатлѣній, а не грубыми, какъ теперь, побужденіями пошлой выгоды.

Но люди, которымъ знаніе даетъ нѣкоторое понятіе о дѣйствительномъ ходѣ человѣческихъ дѣлъ, увидятъ, что въ Шотландіи, какъ и во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, упадокъ аристократической власти составляетъ необходимую принадлежность общаго прогресса. Поэтому надо считать счастливымъ обстоятельствомъ, что между Шотландцами, гдѣ власть эта долгое время была громадна, она ослабла въ XVIII столѣтіи, не только въ силу общихъ причинъ, дѣйствовавшихъ въ другихъ мѣстахъ, но и по двумъ менѣе важнымъ, но особеннымъ причинамъ. Первою изъ этихъ второстепенныхъ причинъ было, какъ мы уже видѣли, соединеніе съ Англіей. Другая причина была, сравнительно говоря, ничтожна, но тѣмъ не менѣе произвела рѣшительное дѣйствіе, особенно въ сѣверныхъ округахъ. Она состояла въ томъ, что нѣкоторые изъ самыхъ старинныхъ аристократовъ горной Шотландіи были замѣшаны въ бунтѣ 1745 года и что тѣ изъ нихъ, которые, по усмиреніи этого бунта, избѣжали кары закона, рады были спастись бѣгствомъ въ чужіе края, предоставивъ своимъ вассаламъ самимъ вывертываться изъ бѣды. Они сдѣлались придворными претендента, или, во всякомъ случаѣ, интриговали въ его пользу. Интриги эти были единственнымъ ихъ утѣшеніемъ, такъ какъ помѣстья ихъ на родинѣ были конфискованы. Почти сорокъ лѣтъ, многія знатныя фамиліи оставались въ изгнаніи и хотя около 1784 года начали возвращаться, но во время ихъ отсутствія образовались новыя связи и возникли новыя понятія какъ въ собственныхъ ихъ умахъ, такъ и въ умахъ

ихъ вассаловъ. Явилось новое поколѣніе и сложились новыя отношенія. Посторонніе люди, къ которымъ народъ не чувствовалъ никакой симпатіи, завладѣли помѣстьями знати, и хотя имъ и оказывалось повиновеніе, но это повиновеніе не сопровождалось уваженіемъ. Истинное почтеніе исчезло; сердечной преданности уже не было. Продолжаясь около сорока лѣтъ, это положеніе дѣлъ измѣнило весь строй понятій; прежнія привычки до того измѣнились, что вожди шотландскаго народа, получивъ обратно конфискованныя имущества, замѣтили, что была другая часть наслѣдія, которой они уже не могли снова пріобрѣсти, и что они навсегда лишились той безусловной власти, которая, во время оно, охотно предоставлялась ихъ отцамъ.

Благодаря этимъ обстоятельствамъ, ходъ дѣлъ въ Шотландіи въ XVIII столѣтіи, и особенно въ первой его половинѣ, ознаменовался болѣе быстрымъ упадкомъ вліянія высшихъ классовъ, нежели въ какой либо другой странѣ. Вотъ почему для англійскаго правительства не трудно было провести законъ, который, уничтоживъ наслѣдственныя юрисдикціи, лишилъ шотландскую аристократію, въ 1748 г., послѣдняго великаго атрибута ея власти. Законъ этотъ, соотвѣтствовавшій духу времени, произвелъ хорошее дѣйствіе; въ особенности въ горной Шотландіи, онъ былъ одною изъ непосредственныхъ причинъ того, что тамъ установилось нѣчто въ родѣ порядка благоустроеннаго государства. Но въ этомъ, какъ и во всякомъ другомъ случаѣ, дѣйствительную и главную причину надлежитъ искать въ положеніи самаго общества. За нѣсколько поколѣній передъ тѣмъ, едвали кто нибудь думалъ объ уничтоженіи этихъ зловредныхъ юрисдикцій, которыя тогда считались благотворными и уважались, какъ достояніе знатныхъ фамилій, принадлежащее имъ на основаніи естественнаго и незыблемаго права. Такое мнѣніе было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ тогдашняго положенія дѣлъ; а потому, еслибы законодательное собраніе дерзнуло въ то

время наложить руку на этотъ предметъ національнаго уваженія, народъ проникся бы сочувствіемъ къ аристократамъ, и знать усилилась бы тѣмъ самымъ, что имѣло бы цѣлью ослабить ее. Но въ 1748 году, обстоятельства были совершенно иныя. Общественное мнѣніе перемѣнилось, и эта перемѣна мнѣнія была не только причиною новаго закона, но и основаніемъ его успѣха. Такъ оно всегда бываетъ. Люди, знаніе которыхъ ограничивается почти исключительно тѣмъ, что они видятъ кругомъ себя, и которые, вслѣдствіе своего невѣжества, называются практическими людьми, могутъ, конечно, толковать какъ угодно о преобразованіяхъ, вводимыхъ правительствомъ, и объ улучшеніяхъ, ожидаемыхъ отъ законодательства. Но всякій, кто взглянетъ на дѣло съ болѣе широкой и возвышенной точки зрѣнія, не замедлитъ открыть нелѣпость подобныхъ надеждъ. Онъ убѣдится, что законодатели почти всегда мѣшаютъ обществу, а не помогаютъ ему, и что въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, когда мѣры ихъ оказывались благотворными, они бывали обязаны успѣхомъ тому, что, вопреки своему обыкновенію, они слѣпо подчинялись духу времени и становились тѣмъ, чѣмъ имъ всегда надлежало бы быть, т. е. простыми служителями народа, желаніямъ котораго обязаны они давать публичную и легальную санкцію.

Другою поразительною особенностью Шотландіи, въ теченіе этого замѣчательнаго періода, было внезапное возвышеніе торговаго и промышленнаго классовъ. Оно цѣлымъ поколѣніемъ предшествовало знаменитому статуту 1748 г. и было одною изъ причинъ его, потому что ослабило знатныя фамиліи, противъ которыхъ направленъ былъ этотъ статутъ. Движеніе это, какъ я уже замѣтилъ, началось въ концѣ XVII столѣтія и, до истеченія первыхъ двадцати лѣтъ XVIII вѣка, было уже въ полномъ ходу. Торговый и промышленный духъ распространился въ небывалыхъ прежде размѣрахъ, и такъ какъ люди стали цѣниться не по рожденію только, но и по

состоянію, то образовалось новое мѣрило отличія и на сценѣ появились новыя дѣйствующія лица. До тѣхъ поръ, уваженіе лицамъ оказывалось только по ихъ происхожденію; теперь же оно стало оказываться имъ и по ихъ богатству. Старая аристократія, встревоженная этою перемѣною, употребляла всѣ возможныя усилія, чтобы не дать хода и помѣшать этимъ молодымъ и опаснымъ соперникамъ. Чувство раздраженія съ ея стороны неудивительно. Стремленіе, которое тогда обнаруживалось, грозило гибелью ея притязаніямъ. Вмѣсто того, чтобы спрашивать: кто отецъ такого-то? начали спрашивать: много ли у него денегъ? И конечно, если уже дѣлать одинъ изъ этихъ вопросовъ, то послѣдній разумнѣе перваго. Богатство — дѣйствительная и существенная вещь, которая доставляетъ намъ удовольствія, увеличиваетъ наше благосостояніе, умножаетъ наши средства и нерѣдко облегчаетъ наши страданія. Рожденіе же—мечта и призракъ; не принося пользы ни тѣлу, ни духу, оно только надмеваетъ человѣка мнимымъ превосходствомъ и побуждаетъ его презирать того, кому природа дала первенство надъ нимъ и кто—занимается ли онъ увеличиваніемъ нашего знанія или нашихъ богатствъ—во всякомъ случаѣ, улучшаетъ положеніе общества и оказываетъ ему истинную и полезную услугу.

Этотъ антагонизмъ между аристократическимъ и промышленнымъ духомъ заключается въ самой природѣ вещей и, какъ онъ бы ни замаскировывался, по временамъ,—представляетъ собою нѣчто неизбѣжное. Вотъ почему исторія торговли имѣетъ, по отношенію къ общественному развитію, глубокое значеніе, совершенно независимое отъ практическихъ соображеній. По этому поводу я и обратилъ вниманіе читателя на то обстоятельство, которое иначе было бы чуждо цѣлямъ настоящаго введенія, и теперь очерчу, по возможности кратко, начало того великаго промышленнаго движенія, распро-

страненiю котораго надлежитъ отчасти приписать паденiе шотландской аристократiи.

Соединенiе Шотландiи съ Англiею, совершившееся въ 1707 г., произвело непосредственное и поразительное дѣйствiе на торговлю. Первымъ дѣломъ, оно открыло Шотландцамъ новую и обширную торговлю съ англiйскими колонiями въ Америкѣ. До соединенiя, нельзя было выгружать въ Шотландiи никакихъ товаровъ изъ американскихъ плантацiй, не выгрузивъ ихъ предварительно въ Англiи и не очистивъ ихъ тамъ пошлиною; даже и въ этомъ случаѣ нельзя было перевозить ихъ на шотландскихъ судахъ. Это было одно изъ многихъ нелѣпыхъ распоряженiй, которыми наши законодатели нарушали естественный порядокъ вещей и вредили интересамъ какъ своего отечества, такъ и своихъ сосѣдей. Прежде, однако, такiе законы считались чрезвычайно мудрыми, и государственные люди постоянно придумывали покровительственныя мѣры подобнаго рода, которыя, при самыхъ лучшихъ намѣренiяхъ, причиняли неисчислимый вредъ. Но если, какъ представляется вѣроятнымъ, одною изъ задачъ въ этомъ случаѣ было замедлить развитiе Шотландiи, то законодатели достигли необычайнаго успѣха въ осуществленiи того, къ чему стремились. Весь западный берегъ Шотландiи, отрѣзанный отъ прямаго сообщенiя съ американскими колонiями, былъ устраненъ отъ единственной выгодной для него заграничной торговли, потому что европейскiе порты находятся на востокѣ, и жители западной Шотландiи могли достичь ихъ не иначе, какъ послѣ долгаго объѣзда, что̀ препятствовало имъ соперничать, на равныхъ условiяхъ, съ ихъ соотечественниками, которые, отплывая съ противоположной стороны, несравненно скорѣе достигали главныхъ коммерческихъ пунктовъ. Вслѣдствiе этого Глесго и другiе западные порты почти не развивались: они имѣли сравнительно мало средствъ удовлетворять предпрiимчивому духу, возникшему между ними въ исходѣ XVII столѣтiя, и не смѣли торго-

вать съ цвѣтущими колоніями, лежавшими прямо противъ нихъ за Атлантическимъ океаномъ, но совершенно загражденными отъ нихъ ревнивыми предосторожностями англійскаго парламента.

Когда же, по акту соединенія, обѣ страны слились въ одну,—предосторожности эти были уничтожены, и Шотландія получила дозволеніе вступать въ прямыя сношенія съ Америкой и Вестъ-Индскими островами. Обстоятельство это повліяло на народную промышленность почти мгновенно: оно дало просторъ тому духу, который началъ появляться между Шотландцами въ исходѣ XVII столѣтія, и было подкрѣплено тѣми болѣе общими причинами, которыя въ большей части Европы предрасположили тогдашній вѣкъ къ усиленной промышленности. Западная Шотландія, какъ самая близкая къ Америкѣ, первая почувствовала это движеніе. Въ 1707 г. жители Гринока, безъ всякаго вмѣшательства со стороны правительства, обложили себя добровольною податью для устройства гавани. Въ этомъ предпріятіи они проявили такое рвеніе, что къ 1710 г. всѣ работы были окончены, молъ и вмѣстительная гавань были сооружены, и Гринокъ изъ ничтожнаго городишка вдругъ поднялся на степень важнаго порта въ атлантической торговлѣ. Нѣкоторое время купцы его довольствовались тѣмъ, что отправляли товары на корабляхъ, нанятыхъ у Англичанъ. Но вскорѣ они сдѣлались смѣлѣе, начали строить суда на собственный счетъ, и въ 1719 году первый гринокскій корабль отплылъ въ Америку. Съ этого времени торговля ихъ возрастала такъ быстро, что къ 1740 г. подать, которою граждане обложили себя, не только оказалась достаточною для покрытія сдѣланнаго долга, но и дала значительный остатокъ, послужившій средствомъ для удовлетворенія другихъ городскихъ потребностей. Въ то же время и вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, поднялся изъ ничтожества и Глесго. Въ 1718 г. его предпріимчивые жители спустили на Клайдѣ первый шотландскій

корабль, когда-либо переплывавшій Атлантическій океанъ, и такимъ образомъ опередили населеніе Гринока однимъ годомъ. Глесго и Гринокъ сдѣлались двумя важными коммерческими портами Шотландіи и главными центрами ея торговой дѣятельности. Предметы удобства и даже роскоши, доступные прежде лишь за огромныя деньги, начали распространяться по всему краю. Произведенія тропическихъ странъ стали получаться прямо изъ Новаго Свѣта, который, въ свою очередь, представилъ богатый обширный рынокъ для мануфактурныхъ издѣлій. Это обстоятельство дало новый толчокъ шотландской промышленности, и послѣдствія его не замедлили обнаружиться. Жители Глесго, найдя у американцевъ большой спросъ на холстъ, ввели холщевое производство въ своемъ городѣ въ 1725 г.; оттуда оно распространилось по другимъ мѣстамъ и въ короткое время дало работу цѣлымъ тысячамъ рукъ. Съ того же 1725 г. начинается возвышеніе Пэсли. Еще въ началѣ XVIII столѣтія, этотъ богатый городъ былъ уединенною деревушкою, состоявшею изъ одной только улицы. Но послѣ соединенія Шотландіи съ Англіей, бѣдные и, до того времени, праздные жители его зашевелились въ виду повсемѣстной дѣятельности. Мало по малу понятія ихъ расширились, и введеніе у нихъ въ 1725 г. обработки пряжи было первымъ ихъ шагомъ на томъ великомъ поприщѣ, на которомъ они уже не останавливались, пока не сдѣлали своего Пэсли обширнымъ промышленнымъ торжищемъ и успѣшнымъ двигателемъ всѣхъ искусствъ, питающихъ промышленность.

Движеніе это проявлялось не на одномъ только западѣ. Вообще въ Шотландіи промышленный духъ созрѣлъ до того, что началъ вытѣснять старинное теологическое направленіе, которое долго преобладало. До тѣхъ поръ, Шотландцы почти ни о чемъ не заботились, кромѣ религіозной полемики. Въ каждомъ обществѣ она была главнымъ предметомъ бесѣды, и на нее люди тратили свои силы, безъ малѣйшей пользы

для себя или для другихъ. Но около этого времени замѣчено было, что общею темою разговоровъ сдѣлалось улучшеніе мануфактуръ. Такое заявленіе со стороны весьма дѣльнаго писателя, который былъ свидѣтелемъ того, о чемъ разсказываетъ, служитъ любопытнымъ доказательствомъ перемѣны, начинавшей, хотя очень слабо, проникать въ умы Шотландцевъ. Оно показываетъ, что у шотландскаго народа, во всякомъ случаѣ, было стремленіе отвернуться отъ недоступныхъ нашему пониманію предметовъ, преніе о которыхъ только раздражаетъ спорящихъ и усиливаетъ въ нихъ нетерпимость къ теологическимъ мнѣніямъ, несогласнымъ съ ихъ собственными. Къ несчастію, тутъ, какъ я не замедлю показать, дѣйствовали другія причины, помѣшавшія этому стремленію произвести всѣ хорошіе результаты, какихъ можно было ожидать. Всетаки, даже и неполное его проявленіе было чистымъ выигрышемъ. Какъ попытка занять человѣческій умъ чисто свѣтскими помыслами, оно было ударомъ суевѣрію. Въ странѣ, подобной Шотландіи, и то уже было чрезвычайно важно. Надлежитъ еще прибавить, что хотя это движеніе было послѣдствіемъ усиленной промышленности, тѣмъ не менѣе оно, какъ часто бываетъ, подѣйствовало на свою причину и усилило ее. Уменьшая, на сколько бы то ни было, прежнее чрезмѣрное уваженіе къ теологическимъ занятіямъ, оно на столько же побуждало честолюбивыхъ и предпріимчивыхъ людей воздерживаться отъ этихъ занятій и посвящать себя житейскимъ дѣламъ, гдѣ дарованія, будучи менѣе связаны предразсудками, имѣютъ болѣе простора и пользуются большею свободою дѣйствія. Изъ этихъ людей, одни достигли перваго мѣста въ литературѣ, а другіе, избравъ иное, но равно полезное направленіе, прославились въ области промышленности. Вслѣдствіе этого, Шотландія XVIII вѣка впервые увидѣла у себя два могущественные и дѣятельные класса, цѣль которыхъ была чисто свѣтская: мыслящій классъ и классъ промышленный. До XVIII сто-

лѣтiя, ни одинъ изъ этихъ классовъ не оказывалъ независимаго влiянiя; даже нельзя было сказать, чтобы тотъ или другой изъ нихъ имѣлъ отдѣльное существованiе. Мыслящая часть страны была поглощена церковью; промышленность страны была подавлена знатью. Дѣйствiе, произведенное этою перемѣною на шотландскую литературу, будетъ описано въ послѣдней главѣ настоящаго тома. Ея дѣйствiе на промышленность было не менѣе замѣчательно и не менѣе важно для благосостоянiя народа. Но оно не имѣетъ того общаго научнаго интереса, какой связанъ съ умственнымъ движенiемъ, и потому, въ дополненiе къ сказанному выше, я ограничусь нѣсколькими фактами, поясняющими исторiю Шотландской промышленности до половины XVIII столѣтiя, когда уже не оставалось сомнѣнiя, что потокъ матерiальнаго благоденствiя принялъ надлежащее направленiе.

Въ теченiе XVII столѣтiя, единственнымъ сколько нибудь значительнымъ шотландскимъ производствомъ было производство холста, — да и оно, подобно всѣмъ другимъ отраслямъ промышленности, развивалось очень туго и подвергалось всякаго рода стѣсненiямъ. Но послѣ соединенiя Шотландiи съ Англiей, оно вдругъ быстро двинулось впередъ по двумъ причинамъ. Одною изъ этихъ причинъ, какъ я уже замѣтилъ, былъ спросъ изъ Америки, послѣдовавшiй за открытiемъ атлантической торговли. Другою причиною была отмѣна пошлины, наложенной Англiею на ввозъ шотландскаго холста. Эти два обстоятельства, случившiяся почти одновременно, произвели такое дѣйствiе на народную промышленность, что — по словамъ Дефо, которому подробности дѣла были извѣстны лучше, чѣмъ кому нибудь другому изъ его современниковъ — казалось, будто шотландскiе бѣдняки уже никогда не будутъ испытывать недостатка въ работѣ. Къ несчастiю, такого результата не было и никогда не будетъ, пока общество не подвергнется коренному преобразованiю. Но движенiе, вызвавшее такое смѣлое замѣчанiе со стороны

такого осторожнаго наблюдателя, какъ Дефо, конечно, было поразительно, и мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что между 1728 и 1738 гг. производство холста для вывоза только болѣе чѣмъ удвоилось. Позднѣе, какъ эта, такъ, другія отрасли шотландской промышленности развивались съ постоянно возраставшею быстротою. Одинъ изъ современниковъ, по видимому хорошо знакомый съ дѣломъ, говоритъ, между прочимъ, что съ 1715 по 1745 г. шотландская торговля и промышленность увеличились болѣе чѣмъ прежде въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Такое показаніе, хотя и цѣнное, какъ подтвержденіе другихъ свидѣтельствъ, слишкомъ неопредѣленно, чтобы вполнѣ на него положиться; историки же, обыкновенно занимающіеся ничтожными подробностями о дворахъ, государяхъ и государственныхъ людяхъ, ничего не сообщаютъ намъ о предметахъ дѣйствительно важныхъ, такъ что теперь почти невозможно возсоздать исторію шотландскаго народа въ эту первую эпоху его матеріальнаго благосостоянія. Я, впрочемъ, собралъ нѣсколько фактовъ, которые кажется, основаны на вѣрныхъ данныхъ и представляютъ довольно точныя хронологическія указанія. Въ 1739 г. производство холста было введено въ Кильбаркенѣ, а въ 1740 году — въ Арбротѣ. Съ 1742 г. ведутъ свое начало фабрики Кильмарнока Въ 1748 г. выдѣланы были первыя полотна въ Кёлленѣ и въ томъ же году въ Инверери. Въ 1749 г. эта важная отрасль промышленности, служащая источникомъ богатства, была заведена въ широкихъ размѣрахъ въ Абердинѣ; а около 1750 г. она начала распространяться въ Вэмиссѣ, что въ графствѣ Файфъ. Эти факты, случившіеся всего въ одиннадцать лѣтъ, въ разныхъ частяхъ страны, значительно отдаленныхъ одна отъ другой и ничѣмъ между собою не связанныхъ, указываютъ на существованіе общихъ причинъ, управлявшихъ всѣмъ движеніемъ,— хотя и тутъ, какъ всегда, все приписывается вліянію немногихъ могущественныхъ лицъ. Мы имѣемъ, однако, и дру-

гiя доказательства того, что это развитiе было существенно народнымъ дѣломъ. Даже въ Эдинбургѣ, гдѣ, до тѣхъ поръ, уважались притязанiя только дворянства и духовенства, началъ раздаваться голосъ новаго, промышленнаго класса. Въ этой бѣдной и воинственной столицѣ впервые учредилось тогда общество для поощренiя мануфактуръ, которое, по увѣренiю историка того времени, было только однимъ изъ проявленiй всеобщаго энтузiазма по этому предмету. Рядомъ съ этимъ движенiемъ, и какъ частное его выраженiе, можно замѣтить первые признаки собственно-такъ называемаго денежнаго класса. Въ 1749 г. учрежденъ былъ въ Абердинѣ первый изъ шотландскихъ провинцiальныхъ банковъ, и въ томъ же году основано было другое подобное учрежденiе въ Глесго. Эти банки были представителями востока и запада; каждый изъ нихъ выдачею ссудъ способствовалъ промышленности своего округа. Сообщенiе между восточною и западною Шотландiею все еще было трудно и дорого. Но и это неудобство должно было вскорѣ устраниться помощью предпрiятiя, одинъ проектъ котораго возбудилъ бы прежде насмѣшки. Послѣ 1707 г. возникла мысль о соединенiи востока съ западомъ посредствомъ канала, который бы связалъ Фортъ съ Клайдомъ. Планъ этотъ былъ сочтенъ несбыточнымъ и оставленъ. Но какъ только промышленный и торговый классы прiобрѣли достаточно влiянiя, они взялись за него съ той энергiей, которая характеризуетъ эти сословiя и чаще встрѣчается между ними, чѣмъ между другими классами общества. Такимъ образомъ, въ 1768 г. великое дѣло было положительно начато, и сдѣланъ былъ первый шагъ къ тому, что̀ въ матерiальномъ отношенiи, было предпрiятiемъ огромной важности, въ отношенiи же общественномъ и умственномъ имѣло еще болѣе значенiя: давая дешевый и удобный транзитъ черезъ самую населенную часть Шотландiи, оно прямо заставляло различные округи и различныя мѣстности чувствовать взаимную надоб-

ность другъ въ другѣ и, такимъ образомъ, внушая понятіе о принадлежности всѣхъ ихъ къ одной системѣ, способствовало ослабленію мѣстныхъ предразсудковъ и смягченію мѣстной вражды; вмѣстѣ съ тѣмъ, соблазняя людей выходить изъ тѣснаго круга, въ которомъ они постоянно жили, оно подготовляло ихъ къ извѣстной степени умственнаго развитія, которая бываетъ естественнымъ послѣдствіемъ ознакомленія съ разнообразными предметами, и никогда не встрѣчается въ тѣхъ странахъ, гдѣ средства сообщенія или очень ненадежны, или невыгодны.

Таково было состояніе Шотландіи около половины XVIII столѣтія, и, конечно, ни одной странѣ не представлялась лучшая будущность. Край наслаждался миромъ. Ему нечего было страшиться ни иноплеменнаго нашествія, ни внутренняго деспотизма. Искусства, увеличивающія довольство человѣка и содѣйствующія его благополучію, прилежно воздѣлывались; богатство созидалось съ безпримѣрною быстротою, и блага, идущія вслѣдъ за богатствомъ, широко распространялись; вмѣстѣ съ тѣмъ надменность знати была такъ обуздана, что промышленный людъ сталъ впервые чувствовать свою независимость, сталъ сознавать, что плоды его трудовъ—его неотъемлемое достояніе, и сталъ держаться прямо, съ достоинствомъ, въ присутствіи сословія, передъ которымъ долгое время преклонялся въ унизительномъ смиреніи.

Кромѣ того, возникла богатая литература, рѣдкой, поразительной красоты. Чтобы разсказать умственные подвиги шотландцевъ XVIII столѣтія, сколько нибудь достойнымъ образомъ, потребовалось бы отдѣльное сочиненіе; я же не могу теперь остановиться даже для бѣглаго обзора того, съ чѣмъ знакомы, по крайней мѣрѣ отчасти, всѣ образованные люди, изъ которыхъ каждому извѣстно, какъ много сдѣлано по его спеціальности. Въ послѣдней главѣ этого тома я попытаюсь, впрочемъ, дать нѣкоторое понятіе о результатахъ всего этого, взятаго вмѣстѣ; теперь же достаточно сказать, что по всѣмъ отраслямъ знанія, этотъ нѣкогда бѣд-

ный и невѣжественный народъ произвелъ самобытныхъ и плодотворныхъ мыслителей. Явленіе это тѣмъ болѣе замѣчательно, что оно находится въ совершенной противоположности съ прежнимъ состояніемъ народа. До самаго начала XVIII столѣтія, Шотландія могла похвалиться только двумя писателями, сочиненія которыхъ принесли пользу человѣчеству. То были Бюкананъ и Непиръ. Бюкананъ былъ первымъ политическимъ писателемъ, имѣвшимъ правильный взглядъ на правительство и ясно опредѣлившимъ истинное отношеніе между народомъ и его правителями. Онъ поставилъ народныя права на прочное основаніе и оправдалъ впередъ всѣ послѣдующіе перевороты. Непиръ, столь же смѣлый въ другой области знанія, успѣлъ, мощнымъ усиліемъ генія, открыть и довести до крайнихъ послѣдствій законъ прогрессіи чиселъ, который такъ простъ и въ то же время такъ могучъ, что распутываетъ самыя утомительныя и сложныя выкладки и сокращая работу мозга, предотвращаетъ огромную, несмѣтную трату времени. Эти два человѣка были, дѣйствительно, великими благодѣтелями человѣческаго рода; но они стоятъ одиноко, и еслибы всѣ другіе писатели, которыхъ Шотландія произвела до конца XVII столѣтія, никогда не рождались, или, родившись, никогда не писали, общество ничего бы не потеряло и находилось бы точно въ такомъ же положеніи, въ какомъ оно теперь находится.

Но въ началѣ XVIII столѣтія почувствовалось движеніе во всей Европѣ, и въ этомъ движеніи Шотландія приняла участіе. Духъ изслѣдованія распространялся такъ повсемѣстно и такъ неотразимо, что никакая страна не могла вполнѣ избѣжать его дѣйствія. Люди пылкіе взволновались; даже степенные люди расшевелились. Казалось, будто долгая ночь близится къ концу. Свѣтъ показался тамъ, гдѣ прежде не было ничего, кромѣ тьмы. Мнѣнія, освященныя вѣками, вдругъ подверглись критикѣ; повсюду возникли сомнѣнія и потребовались доказательства. Умъ человѣческій, становясь смѣлѣе

не хотѣлъ удовлетворяться прежними свидѣтельствами. Анализъ проникалъ до корня вещей и тщательно разсматривалъ основаніе каждаго вѣрованія. Нѣкоторое время, движеніе ограничивалось умами высшаго полета; но вскорѣ оно распространилось и въ наиболѣе развитыхъ странахъ охватило почти всѣ классы. Въ Англіи и во Франціи, послѣдствія были чрезвычайно благотворны. Можно было надѣяться, что и въ Шотландіи народный умъ мало по малу просвѣтится. Но вышло не такъ. Время текло, одно поколѣніе смѣнялось другимъ, прошло XVIII столѣтіе, наступило XIX, а народъ почти не шевелился. Средневѣковой мракъ продолжалъ тяготѣть надъ нимъ. Все кругомъ озарялось свѣтомъ, а Шотландцы, окутанные туманомъ, по прежнему плелись ощупью, угрюмо и боязливо. Другія націи стряхивали съ себя старинные предразсудки, а этотъ странный народъ держался своихъ суевѣрій съ неослабнымъ упорствомъ. Теперь, конечно, его неподатливость мало по малу уменьшается, но чрезвычайно медленно, и опасныя реакціи повторяются часто. Это обстоятельство, всегда тяготѣвшее и до сихъ поръ тяготѣющее какимъ-то проклятьемъ надъ Шотландіею, составляетъ главное затрудненіе, съ которымъ приходится бороться, ея историку. Въ другихъ мѣстахъ, когда возвышеніе мыслящаго класса сопровождалось возвышеніемъ классовъ торговаго и промышленнаго, неизмѣннымъ слѣдствіемъ бывало уменьшеніе власти духовенства, а слѣдовательно и уменьшеніе вліянія суевѣрія. Особенность Шотландіи заключается въ томъ, что здѣсь, въ продолженіе XVIII и даже до половины XIX столѣтія, промышленное и умственное развитіе ни мало не потрясало авторитета духовныхъ. Странное и безпримѣрное сочетаніе! Отечество смѣлыхъ и предпріимчивыхъ купцовъ, ловкихъ фабрикантовъ, дальновидныхъ промышленниковъ и искусныхъ ремесленниковъ, отечество такихъ безстрашныхъ мыслителей, какъ Джорджъ Бюкананъ, Дэвидъ Юмъ и Адамъ Смитъ, благоговѣетъ передъ нѣсколькими крикливыми и невѣжественными проповѣдниками,

давая имъ такую волю и оказывая такое повиновенiе, которыя позорятъ вѣкъ и несовмѣстны съ самыми обыкновенными понятiями о свободѣ. Народъ, во многихъ отношенiяхъ очень развитой и разсуждающiй здраво о политическихъ вопросахъ, обнаруживаетъ по всѣмъ вопросамъ религiознымъ ограниченность ума, грубость чувства, запальчивость нрава и наклонность къ преслѣдованiю другихъ, показывающую, что протестантизмъ, которымъ Шотландцы тщеславятся, не принесъ имъ никакой пользы, что, по отношенiю къ самымъ важнымъ предметамъ, онъ оставилъ ихъ такими же ограниченными, какими засталъ, и что онъ не былъ въ силахъ освободить ихъ отъ предразсудковъ, дѣлающихъ ихъ посмѣшищемъ Европы и обратившихъ самое названiе шотландской кирки въ шутовское прозвище и укоризненное слово между образованными людьми.

Теперь я постараюсь объяснить, ка̀къ все это произошло и какъ примирить эти видимыя несообразности. Что ихъ можно примирить и что онѣ только видимыя, а не дѣйствительныя, съ этимъ тотчасъ согласится всякiй, кто способенъ къ научному пониманiю исторiю. Какъ въ мiрѣ физическомъ, такъ и въ мiрѣ нравственномъ, нѣтъ ничего аномалическаго, ничего неестественнаго, ничего страннаго. Тутъ всюду порядокъ, симметрiя, законъ. Встрѣчаются противоположности, но нѣтъ противорѣчiй. Въ характерѣ народа несообразность невозможна. Но таково еще отсталое состоянiе ума человѣческаго, и съ такимъ невѣрнымъ и мутнымъ взглядомъ подходимъ мы къ величайшимъ задачамъ, что не только дюжинные писатели, но даже люди, отъ которыхъ можно бы ожидать лучшихъ результатовъ, находятся, въ этомъ случаѣ, въ постоянномъ замѣшательствѣ, путая самихъ себя и своихъ читателей толками о несообразности, какъ о свойствѣ изслѣдуемаго предмета, тогда какъ въ дѣйствительности это просто доказательство собственнаго ихъ невѣжества. Дѣло историка—устранить это заблужденiе, показавъ, что движенiя народовъ совершенно правильны и, по-

добно всѣмъ другимъ движеніямъ, опредѣляются единственно своимъ предыдущимъ. Кто не можетъ этого сдѣлать, тотъ не историкъ. Онъ можетъ быть лѣтописцемъ, біографомъ, дѣеписателемъ, но выше этого ему не подняться, если только онъ не проникнется духомъ науки, который возводитъ въ догматъ ученіе о неизмѣнной послѣдовательности,—другими словами, ученіе о томъ, что если извѣстныя событія совершились, то другія, соотвѣтствующія имъ, тоже произойдутъ. Твердо овладѣть этой идеей и прилагать ее ко всѣмъ случаямъ безъ исключенія—чрезвычайно трудно; но такъ долженъ поступать всякій, кто желаетъ поднять исторію изъ ея теперешняго грубаго и безпорядочнаго состоянія, и содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, къ возведенію ея на подобающее мѣсто главы и царицы всѣхъ наукъ. Даже и тогда онъ не исполнитъ своей задачи, если только у него нѣтъ обильныхъ матеріаловъ, заимствованныхъ изъ несомнѣнно достовѣрныхъ источниковъ. Но если фактовъ у него достаточно, если они весьма разнообразны, если они собраны изъ такихъ разнородныхъ источниковъ, что могутъ быть взаимно повѣряемы и сличаемы, такъ что устраняется всякое сомнѣніе въ настоящемъ ихъ значеніи, и если тотъ, кто пользуется ими, обладаетъ способностью обобщенія, безъ которой невозможно совершить ничего великаго,—въ такомъ случаѣ онъ почти навѣрное успѣетъ привести часть своихъ трудовъ къ благополучному исходу, посвятивъ, разумѣется, всѣ свои силы одному этому предпріятію, отложивъ для него всякій другой предметъ честолюбія и пожертвовавъ ему многимъ изъ того, чѣмъ дорожатъ люди. Онъ долженъ пренебречь нѣкоторыми изъ самыхъ пріятныхъ побужденій къ дѣятельности. Не для него тѣ награды, которыя, на другихъ поприщахъ, заслужила бы та же энергія; не для него сладости народнаго одобренія, не для него наслажденія власти, не для него участіе въ государственныхъ совѣтахъ, не для него видное и почетное мѣсто въ общественномъ быту. Какъ бы онъ ни сознавалъ свои

силы, онъ не можетъ участвовать въ великомъ состязаніи, не можетъ надѣяться на полученіе приза, не можетъ даже насладиться волненіями борьбы. Для него арена закрыта. Его награда заключается въ немъ самомъ, и онъ долженъ научиться не заботиться о сочувствіи своихъ ближнихъ, ни о почестяхъ, ими раздаваемыхъ. Не помышляя объ этихъ вещахъ, онъ долженъ скорѣе приготовиться къ поношенію, всегда ожидающему того, кто, открывая новые пути мысли, тревожитъ предразсудки своихъ современниковъ. Между тѣмъ какъ злоба приписываетъ ему невѣжество и даже хуже чѣмъ невѣжество, между тѣмъ какъ она перетолковываетъ его побужденія и заподозриваетъ его добросовѣстность, между тѣмъ какъ она обвиняетъ его въ отрицаніи значенія нравственныхъ правилъ и въ нападкахъ на основу всякой религіи, точно онъ какой-то общественный врагъ, поставившій себѣ задачею развратить общество и наслаждающійся картиною причиненнаго имъ зла,—между тѣмъ какъ всѣ эти нареканія раздаются вслухъ и переходятъ изъ устъ въ уста—онъ долженъ умѣть молча мѣрнымъ шагомъ идти впередъ, не уклоняясь отъ цѣли, не останавливаясь на пути и не сворачивая съ дороги, чтобы разобрать гнѣвные крики, которыхъ онъ не можетъ не слышать и которые требуютъ нечеловѣческихъ усилій для того, чтобы не явилось желанія обуздать ихъ. Вотъ какія качества и какая твердая рѣшимость необходимы тому, кто, въ самомъ важномъ изъ предметовъ изслѣдованія, находя старый путь никуда негоднымъ, старается проложить новую стезю и въ этой попыткѣ не только, быть можетъ, истощаетъ свои силы, но и навѣрное навлекаетъ на себя ненависть поборниковъ неприкосновенности стариннаго порядка. Чтобы разрѣшить великую задачу дѣлъ человѣческихъ, чтобы открыть сокровенныя условія, опредѣляющія развитіе и судьбу народовъ, и найти въ событіяхъ минувшаго ключъ къ таинствамъ будущаго,—надобно по меньшей мѣрѣ соединить въ одну науку

всѣ законы нравственнаго и физическаго міра. Кто сдѣлаетъ это, тотъ перестроитъ за-ново все зданіе нашихъ знаній, иначе расположитъ его различныя части и согласитъ его кажущіяся несообразности. Быть можетъ, умъ человѣческій еще не готовъ къ такому громадному предпріятію. Во всякомъ случаѣ, тотъ, кто примется за подобное дѣло, встрѣтитъ мало сочувствія и немного найдетъ помощниковъ. Мало того, какъ бы онъ ни трудился, пройдутъ утро и полдень его жизни, наступитъ закатъ его дней, и самъ онъ сойдетъ со сцены, а то, что онъ тщетно надѣялся совершить, останется неоконченнымъ. Онъ можетъ заложить фундаментъ, но воздвигать зданіе будутъ уже его преемники. Ихъ руки довершатъ начатое; они стяжаютъ славу; ихъ имена будутъ памятны, когда его имя позабудется. Очевидно, что подобное дѣло требуетъ не только многихъ умовъ, но и преемственной опытности многихъ поколѣній. Нѣкогда, сознаюсь, я думалъ иначе. Нѣкогда, впервые окинувъ взоромъ все поле знанія и вообразивъ, что я различаю, хотя и смутно, его отдѣльныя части и взаимное ихъ соотношеніе, я былъ до того увлеченъ поразительною красотою зрѣлища, что разсудокъ измѣнилъ мнѣ, и я счелъ себя способнымъ не только обнять цѣлое, но и овладѣть подробностями. Я плохо зналъ тогда, какъ, расширяясь, отступаетъ горизонтъ и какъ тщетно стараемся мы схватить летучіе образы, которые ускользаютъ и уносятся отъ насъ въ отдаленіе. Теперь я хорошо понимаю, что совершу только малую часть того, что прежде надѣялся сдѣлать. Въ этихъ прежнихъ упованіяхъ было много мечтательнаго, быть можетъ, много безумнаго. Въ нихъ былъ пожалуй и тотъ нравственный недостатокъ, что они отзывались заносчивостью, свойственною силѣ, не желающей признать своей слабости. Но даже и теперь, когда они разбиты и уничтожены, я не могу раскаяваться, что лелѣялъ ихъ; напротивъ, я бы охотно предался имъ снова, если бы могъ. Такія надежды — принадлежность того весе-

лаго и пылкаго возраста, когда только и бываемъ мы дѣйствительно счастливы, когда чувство дѣятельнѣе разсудка, когда опытъ еще не закалилъ нашей натуры, когда привязанности наши еще не ослаблены и не разрушены до основанiя, когда незнакомые съ горечью разочарованiя, мы не безпокоимся о трудностяхъ, не замѣчаемъ препятствiй, не страдаемъ, а наслаждаемся честолюбiемъ, и когда у насъ, благодаря быстрому обращенiю крови въ жилахъ, пульсъ бьется часто, а сердце трепещетъ въ чаянiи будущаго. Славные это дни, но они уходятъ отъ насъ, и ничто не можетъ замѣнить ихъ. Мнѣ они теперь кажутся скорѣе грезами разстроеннаго воображенiя, нежели трезвою дѣйствительностью, которая была да миновала. Тяжело это признанiе, но я обязанъ сдѣлать его читателю: мнѣ не хотѣлось бы оставить его при той мысли, что я въ этомъ или въ будущихъ томахъ моей Исторiи сдержу свое слово и исполню все, что обѣщано мною. Кое-что я надѣюсь совершить, что заинтересуетъ современныхъ мыслителей и на чемъ, быть можетъ, потомство будетъ въ состоянiи строить. Но это будетъ только отрывкомъ моего первоначальнаго плана. Въ двухъ предшествующихъ главахъ я уже пытался и въ слѣдующихъ двухъ еще попытаюсь рѣшить любопытную задачу въ исторiи Шотландiи, тѣсно связанную съ другими, еще болѣе важными задачами; но хотя рѣшенiе, надѣюсь, будетъ полное, доказательства рѣшенiя будутъ навѣрное недостаточными. Къ сожалѣнiю, я долженъ прибавить, что такое несовершенство отнынѣ неизбѣжная принадлежность моего плана. Оно неизбѣжно потому, что я отчаяваюсь пополнить тѣ пробѣлы въ моемъ знанiи, которые все болѣе и болѣе ощущаю по мѣрѣ того, какъ расширяются мои взгляды. Оно неизбѣжно еще и потому, что, по внимательномъ соображенiи моихъ силъ, вѣроятной продолжительности моей жизни и предѣловъ, до которыхъ безопасно можетъ быть доведено прилежанiе, я пришелъ къ заключенiю, что это введенiе, задуманное мною какъ проч-

ная основа, на которой впослѣдствіи можно было бы воздвигнуть исторію Англіи, должно быть значительно сокращено и слѣдовательно лишено своей силы; въ противномъ же случаѣ, я едвали успѣлъ бы разсказать съ подобающею полнотою и обстоятельностью, дѣянія той великой и блестящей націи, съ которой я лучше всего знакомъ и которой я съ гордостью считаю себя членомъ. Съ свободнымъ, благороднымъ и великодушнымъ англійскимъ народомъ тѣснѣе всего связаны мои симпатіи; на немъ естественно сосредоточиваются мои привязанности; изъ его литературы и жизни почерпнуты лучшія мои познанія; а потому теперь самое завѣтное, самое священное желаніе моего сердца — успѣть написать его исторію и раскрыть послѣдовательныя ступени его мощнаго развитія, пока задача эта мнѣ еще по силамъ, пока не притупились мои способности и не начало ослабѣвать напряженное вниманіе.

ГЛАВА V.

Изслѣдованіе умственнаго движенія въ Шотландіи въ теченіе XVII столѣтія.

Остальную часть этого тома я намѣренъ посвятить попыткѣ раскрыть еще полнѣе тотъ двойной парадоксъ, который составляетъ выдающуюся особенность исторіи Шотландіи. Парадоксъ этотъ заключается, какъ мы видѣли, во первыхъ въ томъ фактѣ, что одинъ и тотъ же народъ былъ долгое время либераленъ въ политикѣ и нелибераленъ въ религіи; и во вторыхъ, въ томъ, что блестящая, пытливая и скептическая литература, которую произвела Шотландія въ XVII столѣтіи, была не въ состояніи ослабить суевѣріе этого народа, или привить ему болѣе разумныя и широкія правила въ дѣлѣ религіи. Съ самаго ранняго времени, существовали, какъ я уже пытался доказать, многія обстоятельства, предрасполагавшія Шотландцевъ къ суевѣрію и, въ этомъ отношеніи, имѣвшія общую связь съ разсматриваемымъ нами предметомъ. Но замѣчательное явленіе, непосредственно занимающее насъ, можетъ, мнѣ кажется, быть приписано двумъ различнымъ причинамъ. Первая заключалась въ томъ, что въ теченіе ста двадцати лѣтъ послѣ введенія протестантизма, правители Шотландіи или пренебрегали церковью, или преслѣдовали ее

и тѣмъ какъ бы толкали духовенство въ объятія народа, такъ какъ въ немъ одномъ оно могло найдти сочувствіе и поддержку. Отсюда произошелъ союзъ между обѣими сторонами, болѣе тѣсный, чѣмъ могъ бы быть при другихъ условіяхъ; отсюда, также, возникъ тотъ демократическій духъ, который былъ необходимымъ послѣдствіемъ подобнаго союза и который духовенство поощряло вслѣдствіе своего антагонизма съ высшими классами. Результатъ былъ въ высшей степени благодѣтельный, въ томъ отношеніи, что это породило любовь къ свободѣ и ненависть къ тиранніи, которыя дважды, въ теченіе XVII столѣтія, спасали страну отъ ига жестокаго деспотизма. Но тѣ самыя обстоятельства, которыя предохранили народъ отъ деспотизма политическаго, подвергли его, въ тѣмъ большей мѣрѣ, деспотизму религіозному. Не имѣя никого, кому бы онъ могъ ввѣриться, кромѣ проповѣдниковъ, онъ ввѣрился имъ вполнѣ и во всѣхъ предметахъ. Духовенство мало по малу пріобрѣло неограниченное вліяніе не только въ дѣлахъ духовныхъ, но и свѣтскихъ. Въ концѣ XVI столѣтія, оно было радо, что нашло убѣжище у народа, къ половинѣ же XVII, оно уже повелѣвало народомъ. Какъ постыдно злоупотребляло оно своею властью, и ка̀къ, потворствуя самому худшему виду суевѣрія, оно продолжало царство невѣжества и задерживало движеніе общества,—это будетъ разсказано въ настоящей главѣ; но должно отдать справедливость этому сословію, что религіозное рабство, въ которое попали Шотландцы въ XVII столѣтіи, было вообще добровольное, и что какой бы вредъ ни причинило это рабство, оно всетаки имѣло благородный источникъ, такъ какъ вліяніе протестантскаго духовенства должно быть главнѣйшимъ образомъ приписано тому безстрашію, съ какимъ оно выступало впередъ, въ качествѣ предводителей народа, въ такой періодъ, когда постъ этотъ былъ полонъ опасности и когда высшіе классы готовы были соединиться съ короною, чтобы уничтожить послѣдніе слѣды національной свободы.

Прослѣдить дѣйствіе этой причины Шотландскаго суевѣрія—будетъ дѣломъ настоящей главы; въ слѣдующей же и заключительной главѣ, я буду разбирать другую причину, о которой я до сихъ поръ только едва упомянулъ. Этотъ послѣдній разборъ приведетъ къ нѣкоторымъ соображеніямъ, относительно философіи метода, которыя у насъ еще не вполнѣ взвѣшены и на которыя исторія шотландскаго ума прольетъ значительный свѣтъ. Окажется, что въ теченіе XVIII столѣтія, способнѣйшіе Шотландцы, почти всѣ безъ исключенія, приняли такой методъ изслѣдованія истины, который лишилъ ихъ всякаго сочувствія со стороны ихъ соотечественниковъ и не далъ ихъ сочиненіямъ произвести то дѣйствіе, которое, безъ этого, они непремѣнно имѣли бы. Въ результатѣ оказалось, что не смотря на существованіе самой скептической литературы, скептицизмъ не дѣлалъ никакихъ успѣховъ, а слѣдовательно суевѣріе оставалось въ прежнемъ размѣрѣ. Правда, что высоко образованные умы подпали вліянію новыхъ идей, но они составляли совершенно отдѣльный классъ и между ними и народомъ не было никакихъ средствъ сообщенія. Что причиною тому былъ именно методъ, избранный литераторами, это я надѣюсь доказать въ слѣдующей главѣ; и если я успѣю въ этомъ, то будетъ ясно, что я не преувеличивалъ, называя это обстоятельство второю важною причиною сохраненія шотландскаго суевѣрія, такъ какъ оно имѣло достаточно силы, чтобы помѣшать мыслящимъ классамъ въ выполненіи ихъ естественнаго призванія колебать устарѣлыя мнѣнія.

Мы уже видѣли, что почти непосредственно послѣ Реформаціи, возбудилось недоброжелательство между высшими классами и духовными вождями протестантской церкви, и что это недоброжелательство возрасло дотого, что въ 1580 году оно разразилось уничтоженіемъ епископства. Эта смѣлая, рѣшительная мѣра сдѣлала разрывъ неисправимымъ. Проповѣдники зашли теперь слишкомъ далеко, чтобы отступать,

если бы даже и хотѣли этого; и съ этой минуты, чистосердечно примкнувъ къ народу, они заняли позицію, которой никогда уже болѣе не покидали. Въ теченіе остальныхъ двадцати лѣтъ пребыванія Іакова въ Шотландіи, они занимались возбужденіемъ народа противъ его правителей; и по мѣрѣ того, какъ проповѣдники проникались демократическимъ духомъ, корона и дворянство становились все болѣе и болѣе враждебны духовенству и проявили впервые расположеніе соединиться между собою, для отстаиванія своихъ общихъ интересовъ. Въ 1603 году, Іаковъ вступилъ на престолъ Англіи, и борьба началась не на шутку. Она продолжалась, съ немногими перерывами, восемдесятъ пять лѣтъ, и во все продолженіе ея, пресвитеріанское духовенство ни разу не дрогнуло; оно всегда оставалось вѣрнымъ правому дѣлу, всегда на сторонѣ народа. Это значительно усилило его вліяніе; а что еще болѣе благопріятствовало этому вліянію, такъ это то, что являясь защитниками свободы народа, духовные были въ то же время и защитниками національной независимости. Когда Іаковъ I и оба Карла пытались силою навязать Шотландіи епископство, Шотландцы отвергли его, не только потому, что они ненавидѣли самое это учрежденіе, но и потому, что они смотрѣли на него какъ на признакъ чужеземнаго господства, которому они рѣшились противиться. Ближайшимъ и опаснѣйшимъ врагомъ ихъ была Англія, и они гнушались мысли принять епископовъ, которые, на первыхъ же порахъ должны были быть посвящены въ Лондонѣ; кромѣ того, не подлежало сомнѣнію, что они никогда не были бы приняты въ Шотландію, если бы Англія не была сильнѣйшею державою. По этому, столько же политическія, какъ и религіозныя причины заставляли шотландское духовенство бороться, въ теченіе XVII столѣтія, противъ епископства; и когда оно ниспровергло это учрежденіе, въ 1638 году, то его смѣлое и рѣшительное поведеніе сдѣлало то, что въ понятіяхъ народа любовь къ отечеству соединялась съ любовью къ цер-

кви. Послѣдующія событія еще тѣснѣе связали эти два чувства. Въ 1650 году, Кромвелль вторгнулся въ Шотландію, разбилъ Шотландцевъ въ сраженіи при Денбарѣ и возложилъ на Монка обязанность сломить ихъ непокорный духъ, посредствомъ сооруженія крѣпостей и устройства длинной цѣпи военныхъ постовъ. Нація, запуганная и изнеможенная, упала духомъ, и впервые, въ теченіе трехъ столѣтій, почувствовала давленіе чужеземнаго ига. Одно духовенство осталось твердо. Кромвелль, который зналъ, что оно было главнымъ препятствіемъ къ довершенію его побѣды, ненавидѣлъ это сословіе и сдѣлалъ все, что могъ, чтобы погубить его. Но власть духовенства пустила слишкомъ глубокіе корни, чтобы можно было потрясти ее. Съ своихъ каѳедръ, проповѣдники продолжали вліять на народъ и воодушевлять его. Въ глазахъ завоевателей и на перекоръ имъ, шотландская церковь продолжала созывать свои Генеральныя Собранія до лѣта 1653 года. Тогда, конечно, оно должно было уступить грубой силѣ, и народъ, къ своему неизъяснимому горю, увидалъ, какъ почтенные представители шотландской церкви, прямо съ мѣста ихъ Собранія, были взяты англійскими солдатами и ведены, какъ преступники, по улицамъ Эдинбурга.

Такимъ образомъ въ Шотландіи, послѣ второй половины XVI столѣтія, всѣ обстоятельства направлялись къ тому, чтобы поднять значеніе духовенства, выдвинувъ его въ передовые ряды защитниковъ отечества. И очень естественно, что духовные, сознавая свое возвышеніе, вели споръ согласно съ видами своей профессіи, и скорѣе заботились о выгодахъ религіи, чѣмъ о свѣтскихъ интересахъ. Война, которую затѣяли Шотландцы противъ Карла I, имѣла въ большей мѣрѣ характеръ крестоваго похода, чѣмъ какая либо изъ войнъ, веденныхъ протестантскими націями. Главною цѣлью было возвысить пресвитеровъ и низринуть епископовъ. Прелатство сдѣлалось чѣмъ то гнуснымъ, подлежащимъ искорененію, во

что бы то ни стало. Всѣ остальныя соображенія были подчинены этому. Шотландцы любили свободу и ненавидѣли Англію. Но даже и эти двѣ страсти, при всей ихъ силѣ, были ничто, въ сравненіи съ ихъ пылкимъ желаніемъ распространять, въ случаѣ нужды даже мечемъ, свое пресвитеріанское церковное устройство. Это было ихъ первымъ, важнѣйшимъ долгомъ. Они боролись конечно за свободу, но болѣе всего боролись за религію. Въ ихъ глазахъ, Карлъ былъ идолопоклоническій глава идолопоклонической церкви, и эту церковь они рѣшили уничтожить. Они чувствовали, что ихъ дѣло святое и выступили впередъ, въ полной увѣренности, что за нихъ обнаженъ Гедеоновъ мечъ и что ихъ враги будутъ выданы имъ.

И такъ, возстаніе противъ Карла, которое, со стороны Англичанъ, было дѣломъ существенно свѣтскимъ, являлось со стороны Шотландцевъ чисто религіознымъ предпріятіемъ. Это потому, что у насъ міряне были сильнѣе духовныхъ, между тѣмъ какъ у нихъ духовные были сильнѣе мірянъ. Въ 1543 году, такъ какъ обѣ націи соединились противъ короля, признано было полезнымъ, чтобы онѣ заключили между собою тѣсный союзъ; но въ возникшихъ, по этому поводу, переговорахъ, какъ замѣчаетъ одинъ современникъ, Англичане хотѣли только гражданскаго союза, Шотландцы же требовали религіознаго договора. Такъ какъ они соглашались продолжать войну только при этомъ условіи, то Англичане вынуждены были согласиться. Результатомъ этого было заключеніе такъ называемаго Solemn League and Covenant, которымъ устанавливалась повидимому искренняя связь между двумя странами. Но подобный договоръ конечно не могъ быть долговѣченъ, такъ какъ обѣ стороны имѣли неодинаковые виды; Англичане имѣли цѣль политическую, а Шотландцы—религіозную. Послѣдствія такого разномыслія не замедлили обнаружиться. Въ январѣ 1645, открылись переговоры съ королемъ, и коммисары съѣхались въ Уксбри-

джѣ, съ цѣлью заключить миръ. Попытка не удалась, какъ и слѣдовало ожидать, въ виду того обстоятельства, что нетолько притязанія короля были непремиримы съ притязаніями его противниковъ, но и въ этихъ послѣднихъ не было взаимнаго согласія между союзниками. Во время конференцій въ Уксбриджѣ, Шотландцы выражали готовность уступить его требованіямъ, если онъ уступитъ имъ въ томъ, что касается церкви; Англичане же, говоритъ Кларендонъ, занимаясь гражданскимъ и политическимъ вопросами, менѣе всего заботились о томъ, что касалось церкви. Едвали можно найдти лучшій примѣръ въ доказательство свѣтскаго характера англійскаго возстанія, сравнительно съ религіознымъ направленіемъ возстанія Шотландцевъ. Послѣдніе даже далеко не скрывали этого направленія, а напротивъ хвастались имъ и очевидно думали, что оно доказываетъ, до какой степени они стоятъ выше своихъ свѣтски-настроенныхъ сосѣдей. Въ февралѣ 1645 года, Генеральное Собраніе обратилось къ націи съ адресомъ, касавшимся нетолько гражданъ, находившихся на лицо въ Шотландіи, но и служившихъ въ войскахъ внѣ ея предѣловъ. Въ этомъ документѣ, который, исходя изъ такого источника, имѣлъ конечно большое вліяніе,—соображеніямъ политическимъ, какъ касающимся лишь временныхъ благъ людей, не придавалось никакого значенія и упоминалось о нихъ почти съ презрѣніемъ. Что Рёпертъ былъ разбитъ, а Іоркъ и Ньюкестль взяты въ плѣнъ, это считалось пустымъ дѣломъ. Они были только орудіями для достиженія извѣстной цѣли, а цѣль эта—преобразованіе религіи въ Англіи и установленіе въ ней чисто пресвитиріанскаго церковнаго устройства.

Предполагалось, что въ войнѣ, предпринятой съ такими святыми намѣреніями и задуманной въ такомъ возвышенномъ духѣ, Шотландцы должны были находиться подъ непосредственнымъ покровительствомъ Бога, во имя котораго они воевали. Говоря языкомъ того времени, это была война веден-

ная за Бога и за Божію церковь. Каждая побѣда, которая одерживалась, была не результатомъ искусства полководца, или мужества воиновъ, но отвѣтомъ на молитвы. Когда сраженіе проигрывалось, то это происходило или вслѣдствіе гнѣва Божія за грѣхи народа или для того, чтобы доказать людямъ, что они не должны полагаться на плотскія силы. Ни одно событіе не признавалось естественнымъ—все было сверхъестественно. Ходъ всего дѣла опредѣлялся не предшествующими обстоятельствами, но цѣлымъ рядомъ чудесъ. Для пользы Шотландцевъ, вѣтры измѣнялись и бури утихали. Свѣденія, которыя имъ нужно было получать, нерѣдко доставлялись моремъ, и въ этихъ случаяхъ они ожидали, что если вѣтеръ неблагопріятенъ, Провидѣніе вступится и перемѣнитъ его направленіе, а послѣ благополучнаго доставленія свѣленій, снова дозволитъ ему возвратиться на прежній путь.

Такимъ-то образомъ, въ Шотландіи все содѣйствовало къ усиленію религіознаго элемента, который по силѣ обстоятельствъ уже давно сдѣлался тамъ преобладающимъ, а теперь угрожалъ поглотить всѣ остальные элементы національнаго характера. Духовенство владычествовало неограниченно; и умственный складъ, свойственный этому классу людей, распространялся и на всѣ прочіе классы. Воззрѣнія одного сословія перевѣшивало взгляды всѣхъ другихъ, и не только военное дѣло, но и всѣ интересы торговли, литературы, науки и искусства считались совершенно ничтожными, если они не служили преобладающему настроенію націи. Такихъ узкихъ и одностороннихъ понятій, какія тогда владычествовали въ Шотландіи, никогда не бывало ни въ какой другой столь же цивилизованной странѣ. И повидимому не представлялось почти никакой возможности къ уничтоженію этой странной монополіи. Между тѣмъ какъ семнадцатое столѣтіе подвигалось впередъ, въ Шотландіи дѣла шли все попрежнему; духовенство и народъ продолжали заодно бороться противъ

королевской власти, и необходимость самосохраненія вынуждала ихъ только тѣснѣе примкнуть другъ къ другу. Духовные пользовались этимъ для усиленія своего вліянія, и болѣе ста лѣтъ вліяніе это останавливало всякое умственное развитіе, убивало способность къ независимому изслѣдованію, внушало людямъ робость и преувеличенную строгость въ дѣлѣ религіи, и наконецъ придало всему характеру націи тотъ мрачный оттѣнокъ, который въ немъ, несмотря на постепенное смягченіе его, сохраняется и донынѣ.

Въ XVII вѣкѣ, Шотландцы, вмѣсто того, чтобы заниматься пріобрѣтеніемъ житейскихъ познаній, развитіемъ своихъ умственныхъ силъ, или увеличеніемъ своего благосостоянія, проводили большую часть времени въ такъ называемомъ религіозномъ подвижничествѣ. Проповѣди были такъ продолжительны и ихъ произносилось такъ много, что онѣ поглощали всѣ досуги народа, и однакоже народъ никогда не уставалъ слушать ихъ. Разъ проповѣдникъ входилъ на каѳедру, то единственнымъ предѣломъ его многорѣчивости было истощеніе физическихъ силъ. Будучи увѣренъ въ терпѣніи и глубокомъ уваженіи своихъ слушателей, онъ продолжалъ говорить, покуда могъ. Если онъ говорилъ два часа сряду, не останавливаясь, то его цѣнили, какъ ревностнаго пастыря, принимающаго къ сердцу преуспѣяніе своего стада; долѣе этого обыкновенный проповѣдникъ почти и не могъ выдержать, такъ какъ предполагалось, что онъ долженъ выражать свои чувства сильными порывами и доказывать глубину своихъ убѣжденій, работая всѣмъ тѣломъ и потѣя до изнеможенія. Впрочемъ тѣ, у которыхъ доставало силы, нерѣдко выходили и изъ этого предѣла, и напримѣръ Форбсу, который былъ столь же силенъ физически, какъ и многорѣчивъ, было ни по чемъ проповѣдывать пять или шесть часовъ сряду. Но въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, такіе подвиги случались рѣдко; а такъ какъ народъ былъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно ненасытенъ, то придумано было очень

ловкое средство для удовлетворенія его желаній. Въ важныхъ случаяхъ, въ одной и той же церкви присутствовало нѣсколько проповѣдниковъ, съ тѣмъ, чтобы, когда одинъ устанетъ, онъ могъ оставить каѳедру и быть замѣненъ другимъ, за которымъ въ свою очередь слѣдовалъ третій. Терпѣніе же слушателей было повидимому неистощимо. Дѣйствительно, въ половинѣ XVII вѣка, Шотландцы привыкли смотрѣть на своего пастора, какъ на божество, и съ восторгомъ принимать каждое слово, выходящее изъ его устъ. Чтобы послушать любимаго проповѣдника, они готовы были подвергнуться какому угодно изнуренію, и предпринимали съ этою цѣлью огромныя путешествія, лишая себя при томъ сна и пищи. Способность ихъ къ напряженію вниманія была невѣроятна. Одна конгрегація оставалась нерѣдко собранною въ теченіе десяти часовъ сряду, внимая проповѣдямъ и молитвамъ въ перемежку съ пѣніемъ псалмовъ и чтеніемъ духовныхъ книгъ. Одинъ писатель, изображая Шотландію въ 1670 г., говоритъ, что въ одной изъ эдинбургскихъ церквей, каждую недѣлю произносилось тридцать проповѣдей, — и этому со всѣмъ не трудно повѣрить, зная преобладавшій въ то время религіозный энтузіазмъ, подъ вліяніемъ котораго народъ съ восторгомъ предавался самому изнурительному и аскетическому подвижничеству. Такъ напримѣръ въ 1653 году, при совершеніи причащенія соблюденъ былъ слѣдующій порядокъ. Въ среду всѣ постились и слушали молитвы и проповѣди, болѣе восьми часовъ сряду. Въ субботу они выслушали двѣ или три проповѣди, а въ воскресенье было столько проповѣдей, что всѣ оставались въ церкви болѣе двѣнадцати часовъ, и наконецъ въ понедѣльникъ, въ заключеніе всего, были произнесены еще три или четыре добавочныя проповѣди, въ видѣ благодаренія Богу.

Такое усердіе и такое терпѣніе указываютъ намъ на совершенно исключительное состояніе общества; ничего подобнаго мы не находимъ въ исторіи какой бы то ни было обра-

зованной страны. Это пламенное желаніе слышать все, что только угодно было проповѣдникамъ говорить, уже одно составляло самое лестное проявленіе уваженія, и съ нимъ, естественнымъ образомъ, было сопряжено убѣжденіе въ томъ, что всѣ духовные просвѣщены особеннымъ свѣтомъ благодати, въ которомъ менѣе даровитымъ соотечественникамъ ихъ отказано. Не удивительно, что духовенство, которое ни въ какое время и ни въ какой странѣ не отличалось особеннымъ смиреніемъ или недостаткомъ самоувѣренности, — при обстоятельствахъ, столь благопріятныхъ его притязаніямъ, нѣсколько возгордилось и стало домогаться еще большаго авторитета, чѣмъ тотъ, которымъ оно уже пользовалось. А какъ это явленіе весьма тѣсно связано со всею дальнѣйшею исторіею Шотландіи, то нужно будетъ здѣсь привести нѣсколько свидѣтельствъ объ образѣ дѣйствія духовенства; это между прочимъ раскроетъ намъ истинный характеръ владычества духовнаго класса и покажетъ, какое оно имѣетъ вліяніе не только на умственную, но и на практическую жизнь націи.

Согласно съ началами пресвитеріанскаго устройства церкви, которое въ XVII столѣтіи достигло своего высшаго развитія, пасторъ каждаго прихода избиралъ извѣстное число міранъ, на которыхъ онъ могъ положиться, и они подъ именемъ старѣйшинъ были его совѣтниками или лучше сказать исполнителями его повелѣній. Эти лица, будучи собраны вмѣстѣ, составляли такъ называемыя Приходскія Сессіи, и это маленькое судилище, которое исполняло всѣ рѣшенія, произносимыя пасторомъ съ каѳедры, такъ сильно поддерживалось суевѣрнымъ уваженіемъ народа, что оно было могущественнѣе всякаго гражданскаго суда. Съ помощью его, пасторъ сдѣлался неограниченнымъ владыкою своего прихода. Всякій, кто осмѣливался ослушаться его, былъ отлучаемъ отъ церкви, лишался собственности и признавался заслужившимъ вѣчную кару въ будущей жизни. Противъ такого оружія и при такомъ устройствѣ общества, сопротивленіе было невозможно.

Духовенство вмѣшивалось въ частныя дѣла каждаго человѣка, предписывало ему, какимъ образомъ онъ долженъ управлять своимъ семействомъ и нерѣдко даже брало на себя личное распоряженіе въ его домѣ. Любимцы пастора, старѣйшины, были повсюду, такъ какъ всякій приходъ раздѣлялся на нѣсколько кварталовъ и къ каждому изъ нихъ было приставлено одно изъ этихъ лицъ, съ тѣмъ, чтобы оно могло специально слѣдить за всѣмъ, что дѣлалось во ввѣренномъ ему участкѣ. Сверхъ того были назначены особые шпіоны, и такимъ образомъ ничто не могло укрыться отъ наблюденія духовенства. Не только улицы, но и частные дома осматривались и обыскивались, чтобы узнать не оставался ли кто нибудь дома въ то время, когда пасторъ поучалъ народъ въ церкви. Его всѣ должны были слушать и всѣ—ему повиноваться. Безъ согласія подчиненнаго ему судилища, никто не могъ наняться ни для домашней услуги, ни для полевыхъ работъ . Если кто навлекалъ на себя нерасположеніе духовенства, то оно не затруднялось потребовать его слугъ и заставить ихъ высказать все, что они знали о немъ и все, что они могли замѣтить въ его домѣ. Говорить непочтительно о пасторѣ считалось тяжкою виною, не согласиться съ нимъ во мнѣніяхъ — ересью; даже если кто, встрѣтясь съ нимъ на улицѣ, не поклонился, то наказывался за это, какъ за преступленіе. Самое имя пастора считалось священнымъ и не должно было быть упоминаемо всуе. А чтобы это священное имя могло быть надлежащимъ образомъ охранено, то Собраніе церкви въ 1642 году воспретило упоминать имя какого либо духовнаго лица въ общественныхъ изданіяхъ, если не было впередъ испрошено согласіе самого святаго мужа.

Эти и другія, подобныя имъ, распоряженія, будучи поддержаны общественнымъ мнѣніемъ, вполнѣ достигали своей цѣли. Впрочемъ иначе и не могло быть, такъ какъ всѣ вообще вѣрили, что всякій, кто рѣшится идти противъ духовенства,

подвергнется не только земному наказанію, но и божескому. За такое преступленіе грозила казнь и въ этой жизни, и въ будущей. Проповѣдники охотно поддерживали заблужденіе, приносившее имъ такъ много пользы. Они говорили своимъ слушателямъ, что всякое слово, произнесенное съ каѳедры, обязательно для всѣхъ вѣрующихъ и должно быть признаваемо исходящимъ непосредственно отъ самого Божества. Разъ было принято такое положеніе, то за нимъ естественно слѣдовало нѣсколько другихъ. Духовные считали себя однихъ посвященными въ тайны промысла Божія, и что въ силу этого знанія они могутъ рѣшать, какая участь постигнетъ каждаго человѣка въ будущей жизни. Они заходили еще далѣе и приписывали себѣ способность не только предсказывать это будущее состояніе, но и опредѣлять его, и смѣло утверждали, что они могутъ своими приговорами отверзать и закрывать человѣку врата царствія небеснаго. Но, не довольствуясь даже и этимъ, они увѣряли, что слово, сказанное кѣмъ либо изъ нихъ, можетъ приблизить часъ кончины и, прервавъ жизнь грѣшника въ самомъ началѣ, немедленно поставитъ его предъ судъ Всевышняго.

Какъ бы ужасно ни казалось намъ теперь такое притязаніе, но оно было дѣйствительно заявляемо и не только безнаказанно, но даже съ большою пользою для духовенства; сохранилось множество примѣровъ, въ которыхъ народъ видѣлъ до какой степени оно было основательно. Такъ разсказывали, что однажды знаменитый Джонъ Вэльшъ, сидя вечеромъ за столомъ, гдѣ нѣсколько человѣкъ ужинали, началъ говорить всѣмъ присутствующимъ о состояніи ихъ душъ. Всѣ слушали съ смиреніемъ, но въ этомъ общемъ чувствѣ было одно исключеніе. Случилось, что присутствовалъ тутъ одинъ католикъ, который, естественнымъ образомъ, не раздѣлялъ мнѣній, высказываемыхъ пресвитеріанскимъ богословомъ. Еслибы онъ былъ человѣкъ осторожный, то онъ скрылъ бы свое неудовольствіе; но какъ пылкій юноша, раздосадованный притомъ,

что одно лицо овладѣло разговоромъ, онъ потерялъ терпѣніе и нетолько насмѣхался надъ Вэльшомъ, но даже сталъ дѣлать ему гримасы. Тогда Вэльшъ попросилъ все общество обратить вниманіе на него и замѣтить, что̀ Господь сотворитъ съ насмѣшникомъ. Едва была произнесена эта угроза, какъ уже она исполнилась. Тотъ, который осмѣлился насмѣхаться надъ пасторомъ, внезапно упалъ подъ столъ и умеръ тутъ же, въ присутствіи всего общества.

Этотъ случай произошелъ въ началѣ XVII столѣтія и, пущенный въ огласку, послужилъ конечно сильною острасткою для беззаконниковъ. Но черезъ нѣсколько времени, впечатлѣніе этого событія по видимому ослабѣло, такъ какъ сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ спустя, другой человѣкъ позволилъ себѣ такую же дерзость. Случилось, что когда шотландскій пасторъ съ довольно значительною извѣстностью, г. Томасъ Гогъ, подобно Вэльшу, сидѣлъ за ужиномъ, слуга забылъ положить къ приборамъ ножи. Г. Гогъ, считая это за благопріятный случай для поученія, замѣтилъ, что подобная забывчивость ничего не значитъ, и что вообще мы очень много заботимся объ удобствахъ нашихъ въ этой жизни, между тѣмъ какъ гораздо нужнѣе было бы подумать о положеніи нашемъ въ будущей жизни. Одинъ изъ присутствующихъ, которому показались забавными манеры г. Гога или умѣніе его наводить рѣчь на предметы, составляющіе спеціальность его профессіи,—не могъ удержаться и громко расхохотался. Но пастора ничто не могло остановить, и онъ продолжалъ свою рѣчь такимъ манеромъ, что хохотъ повторился громче прежняго. Наконецъ г. Гогъ обернулся и сказалъ своему веселому собесѣднику, что скоро ему придется искать помилованія и не находить его. Въ ту же ночь насмѣшникъ заболѣлъ и въ ужасномъ страхѣ послалъ за г. Гогомъ. Но и это оказалось безполезнымъ. Прежде чѣмъ пасторъ успѣлъ дойти до его комнаты, грѣшникъ уже лежалъ мертвый и ввергнутый въ вѣчную гибель.

И не только въ частныхъ домахъ бывали подобные примѣры, но иногда священникъ съ каѳедры обличалъ виноватаго и наказаніе совершалось также публично, какъ и преступленіе. Разсказываютъ, что Габріель Сэмпль имѣлъ странную привычку, когда произносилъ проповѣдь, высовывать языкъ, и что это возбудило смѣхъ пьянаго человѣка, который вошелъ въ церковь и въ видѣ насмѣшки также высунулъ языкъ. Но къ ужасу его оказалось, что высунуть языкъ онъ могъ, а снова втянуть его ему не удавалось. Вслѣдствіе этого языкъ одеревенѣлъ и потерялъ всякую чувствительность; затѣмъ произошелъ параличъ и человѣкъ этотъ умеръ через нѣсколько дней послѣ совершеннаго имъ грѣха.

Иногда наказаніе бывало менѣе строго, хотя чудо было столько же очевидно. Въ 1682 году, одна женщина осмѣлилась разбранить знаменитаго проповѣдника Педена, который справедливо былъ признаваемъ за одно изъ свѣтилъ шотландской церкви. «Удивляюсь, сказалъ этотъ достойный мужъ, тому, какъ у васъ языкъ не заболитъ отъ такого количества пустой болтовни». Она съ негодованіемъ отвѣчала, что у нея никогда не болѣлъ ни языкъ, ни ротъ. Тогда онъ сказалъ, что скоро будутъ болѣть, и вслѣдствіе этихъ словъ языкъ и десна распухли у нея до такой степени, что въ продолженіе нѣсколькихъ дней она была не въ состояніи принимать свою обыкновенную пищу.

Этой женщинѣ по крайней мѣрѣ была оставлена жизнь, съ другими же лицами было поступлено строже. Одинъ пасторъ былъ прерванъ посреди своей проповѣди тѣмъ, что три господина вышли изъ церкви. Не сказано, чтобы въ ихъ манерѣ при этомъ было что нибудь обидное, извѣстно только, что они имѣли цѣлью повеселиться на какой-то ярмаркѣ или на бѣгу, тогда какъ проповѣдникъ безъ сомнѣнія думалъ, что они должны были довольствоваться наслажденіемъ слушать его. Какъ бы то ни было, онъ остался недоволенъ и, когда проповѣдь кончилась, осудилъ ихъ поведеніе и угрожалъ имъ

гнѣвомъ Божіимъ. Его слова были замѣчены и, къ ужасу всѣхъ прихожанъ, предсказаніе исполнилось въ точности. Всѣ трое умерли насильственною смертію; изъ нихъ одинъ сломилъ себѣ шею, упавъ съ лошади, другой найденъ былъ въ своей комнатѣ съ перерѣзаннымъ горломъ.

Подобные случаи часто бывали въ XVII столѣтіи, и такъ какъ въ этотъ вѣкъ легковѣрія подобнымъ вещамъ люди твердо вѣрили и молва о нихъ далеко распространялась,—то обстоятельство это еще болѣе усиливало могущество духовенства. Лердъ (Laird) Гильтонъ однажды осмѣлился стащить проповѣдника съ каѳедры, которая ему не принадлежала и на которую онъ взошелъ совершенно незаконно. «За ту обиду, которую ты сдѣлалъ слугѣ Божіему, воскликнулъ раздраженный проповѣдникъ, ты будешь принесенъ въ эту церковь какъ убитая свинья». Такъ дѣйствительно и случилось Черезъ нѣсколько времени Гильтонъ, вовлеченный въ ссору, былъ смертельно раненъ и тѣло его, все въ крови, принесено въ ту же церковь, гдѣ имъ совершено было оскорбленіе.

Даже и тогда, когда духовное лицо было заключено въ тюрьму, оно сохраняло ту же власть. Могущество это было даровано ему свыше и никакое житейское несчастіе не могло уменьшить его. Въ 1673 г. достопочтенный Александръ Педенъ, находясь въ заключеніи, услыхалъ, что одна молодая дѣвушка, за дверями его комнаты, смѣялась надъ нимъ, въ то время, какъ онъ предавался тѣмъ громогласнымъ моленіямъ, которыми былъ извѣстенъ. Веселость бѣднаго ребенка стоила ему дорого. Педенъ призвалъ на него судъ Божій. Вслѣдствіе этого призванія, дѣвушку сорвало вѣтромъ со скалы, на которой она гуляла и бросило въ море, гдѣ она тотчасъ утонула.

Иногда мщеніе духовенства распространялось и на невинныхъ потомковъ провинившагося передъ нимъ человѣка. Одинъ пасторъ, имя котораго не дошло до насъ, встрѣтивъ въ своемъ приходѣ оппозицію, впалъ въ денежныя и разныя

другія затрудненія. Онъ обратился за помощью къ одному торговцу, который, какъ человѣкъ богатый, обязанъ былъ, по его мнѣнію, помочь ему. Но торговецъ не раздѣлялъ этого мнѣнія и потому отказалъ. Тогда пасторъ возвѣстилъ, что за это Богъ посѣтитъ его. Вслѣдъ за тѣмъ не только дѣла этого купца пошли хуже, но и разсудокъ его повредился и онъ умеръ идіотомъ. У него были два сына и двѣ дочери. Оба сына сошли съ ума; одна изъ дочерей также лишилась разсудка; у другой же дочери, замужней, раззорился мужъ и дѣти, родившіяся отъ этого супружества, стали нищими — для того, чтобы ненавистное злодѣяніе дѣда было наказано даже въ третьемъ поколѣніи.

Предъявить искъ на пастора или даже отстаивать свое право противъ него передъ гражданскимъ судомъ значило не только рисковать, но идти на вѣрную погибель. Около 1665 года, на Джемса Фрэзера былъ предъявленъ искъ въ значительную сумму, причитавшуюся къ уплатѣ съ имѣнія его отца. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, отвѣтчикъ находилъ, что съ нимъ поступаютъ несправедливо и что домогательство его противника неосновательно. Все это еще было естественно. Но особенность заключалась въ томъ, что Фрэзеръ, на котораго былъ предъявленъ искъ, приготовлялся къ духовному сану и слѣдовательно считался подъ непосредственнымъ покровительствомъ Провидѣнія. Такого человѣка нельзя было безнаказанно раздражать; и самъ Фрэзеръ утверждаетъ, что Богъ именно вступился за него, чтобы спасти его отъ раззоренія; что одинъ изъ его противниковъ оказался не въ состояніи явиться въ судъ, а на другихъ Господь наложилъ руку, пославъ имъ смерть, чтобы такимъ образомъ сразу устранить всѣ затрудненія.

Когда такого рода разсказамъ всѣ вообще вѣрили, то совершенно естественно должно было составиться мнѣніе, что весьма опасно имѣть столкновеніе съ пасторомъ или какимъ нибудь образомъ вмѣшаться въ его дѣйствія. Духовные,

одуренные своимъ могуществомъ, имѣли дерзость объявить, что всякій, кто почитаетъ Христа, долженъ по тому же самому почитать и ихъ. Они призывали судъ Божій на всѣхъ тѣхъ, которые отказывались слушать ученіе, преподаваемое ими съ каѳедры. И это относилось не къ однимъ только лицамъ, составлявшимъ обычный кругъ ихъ слушателей. Такъ велика была ихъ самонадѣянность и жадность къ похваламъ, что они не позволяли даже чужестранцу оставаться въ ихъ приходахъ иначе, какъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ также ходилъ слушать все, что имъ вздумается говорить. Вслѣдствіе того, что они приняли пресвитеріанское устройство церкви, они стали утверждать, что Богъ ни разу не преминулъ наказать того, кто пытался ниспровергнуть это устройство; что оно составляетъ идеалъ совершенства и потому всѣ, не сознающіе его превосходства, обречены гнѣву Божію и суть рабы сатаны. То же духовенство, которое такимъ образомъ выражалось о своихъ противникахъ, расточало самыя отборныя выраженія похвалы, распространяясь о себѣ самомъ и о своихъ дѣяніяхъ. Когда шотландскій пасторъ восходилъ на каѳедру или брался за перо — казалось будто онъ не можетъ найти словъ довольно сильныхъ, чтобы выразить свое понятіе о чрезвычайной важности того класса, къ которому онъ самъ принадлежитъ. Каждый изъ нихъ утверждалъ, что одному лишь духовенству извѣстна истина; что только оно въ состояніи учить и просвѣщать родъ человѣческій; что ученіе его низходитъ непосредственно съ небесъ; что члены его суть по истинѣ посланные Христа, отъ котораго они и получаютъ свое назначеніе; а какъ никто, кромѣ Христа, не можетъ награждать ихъ, то никто не имѣетъ права и управлять ими. Такъ какъ они были посланные Всемогущаго Бога, то ихъ справедливо называли ангелами и обязанностью народа было внимать своему пастору, какъ будто бы то былъ дѣйствительно ангелъ, низшедшій на землю. Поэтому, прихожане должны были, нетоль-

ко признавать его и пещись о немъ, но также и повиноваться ему. Да и не могъ никто отказать въ этомъ повиновенiи, зная что̀ такое духовные и какiя они исполняютъ обязанности. То были не только посланные и ангелы, но также и стражи, которые высматривали, гдѣ грозитъ опасность и своею неусыпною бдительностью охраняли вѣрующихъ. То была радость и отрада земли. То были музыканты, пѣвшiе сладостныя пѣсни,—просто сирены, старавшiяся сманить людей съ недобраго пути и не дать имъ погибнуть. То были отборныя стрѣлы въ колчанѣ Божiемъ. То были горящiе свѣтильники, свѣтящiе факелы. Безъ нихъ, преобладалъ бы мракъ, а ихъ присутствiе озаряло мiръ и дѣлало все яснымъ. Вотъ почему ихъ называли свѣтилами,—именемъ, которое выражало также возвышенность ихъ призванiя и превосходство его надъ всѣми другими. А для того, чтобы это стало еще очевиднѣе, творились чудеса и можно было по временамъ видѣть странный свѣтъ, который, разливаясь вокругъ особы пастора, убѣждалъ въ его сверхъестественномъ призванiи. Невѣрующiй хотѣлъ бы посмѣяться надъ этими вещами, но онѣ были слишкомъ очевидны, чтобы отвергать ихъ; какъ всѣмъ было извѣстно, случилось однажды, что при смерти одного священника, явилась чудеснымъ образомъ на небѣ звѣзда и многiе видѣли ее, не смотря на то, что это было въ полдень.

И это не былъ какой нибудь единственный случай. Напротивъ, обыкновенно такъ бывало, что когда шотландскiй пасторъ разставался съ земною жизнiю, событiе это сопровождалось чудными знаменiями, для того, чтобы народъ почувствовалъ, что происходитъ нѣчто ужасное и что его постигаетъ тяжкая, быть можетъ невозвратимая, потеря. Иногда таинственно гасли свѣчи, безъ всякаго вѣтра и безъ того, чтобы кто либо прикаснулся къ нимъ. Бывало даже, что въ то время, когда духовное лицо проповѣдывало, сверхъестественное появленiе какого нибудь животнаго возвѣщало

приближающійся конецъ пастыря, и это случалось въ виду всей конгрегаціи, которой оставалось лишь тщетно скорбѣть о томъ, чего она не въ силахъ была отвратить. Иногда тѣло такого святаго человѣка оставалось многіе годы неизмѣннымъ, неразложившимся, такъ какъ смерть не имѣла на него того дѣйствія, какое она произвела бы на тѣло обыкновенной личности. Въ иныхъ случаяхъ пастору давалось знать о его смерти, за нѣсколько лѣтъ впередъ; а въ довершеніе того благоговѣйнаго страха, который поражалъ всѣ умы, замѣчено было, что когда умиралъ одинъ пасторъ, то съ нимъ одновременно бывали отзываемы и другіе, для того, чтобы на бо̀льшемъ пространствѣ чувствовалось осиротѣніе и чтобы, подъ впечатлѣніемъ громадности удара, люди дѣлались чувствительнѣе къ неоцѣненнымъ достоинствамъ тѣхъ проповѣдниковъ, которые по счастью были пощажены.

Кромѣ того, вообще предполагалось, что пасторъ, во время своего пребыванія на этомъ свѣтѣ, былъ, чудеснымъ образомъ, охраняемъ и защищаемъ. Ему въ особенности покровительствовали ангелы, которые хотя и оказывали хорошія услуги всѣмъ членамъ истинной церкви, но особенно любили духовенство; и всѣмъ извѣстно было, что знаменитый Рётерфордъ, въ то время, когда ему было не болѣе четырехъ лѣтъ, упавъ въ колодезь, былъ высаженъ изъ него ангеломъ, прибывшимъ туда, съ цѣлію спасти его жизнь. Другой духовный, имѣвшій привычку слишкомъ крѣпко спать, обыкновенно бывалъ будимъ, утромъ, для исполненія своихъ обязанностей, тремя таинственными ударами въ его дверь, которые, если они не производили съ перваго раза должнаго дѣйствія, повторялись по близости отъ его кровати. Они неизмѣнно слышались всякое восресенье и въ тѣ дни, когда онъ долженъ былъ причащать, и продолжались во все время его служенія церкви; когда же онъ сталъ старъ и немощенъ, они прекратились.

Вслѣдствіе распространенія этихъ и подобныхъ имъ раз-

сказовъ, въ странѣ уже готовой къ принятiю ихъ, шотландскiй умъ сталъ до такой степени пропитанъ вѣрованiемъ въ сверхъестественное вмѣшательство, что это даже показалось бы рѣшительно невѣроятнымъ, еслибы не имѣлось въ виду показанiй цѣлой массы современныхъ, безукоризненныхъ свидѣтелей. Духовенство, частью потому что оно само раздѣляло всеобщее обольщенiе, частью же ради извлекаемой имъ изъ этого пользы,—дѣлало все, что могло, чтобы увеличить суевѣрiе своихъ соотечественниковъ и освоить ихъ съ такими понятiями о сверхъестественномъ мiрѣ, которымъ можно найти нѣчто подобное лишь въ монашескихъ легендахъ среднихъ вѣковъ. До какой степени оно старалось извратить умы страны и какъ успѣшно оно выполняло это низкое призванiе,—до сихъ поръ еще не было извѣстно никому изъ новѣйшихъ читателей, ибо никто не имѣлъ терпѣнiя перелистывать безконечные разсужденiя, комментарiи и другiя произведенiя духовной литературы, гдѣ сохранились взгляды этого сословiя. Но такъ какъ въ Шотландiи проповѣдники имѣли болѣе влiянiя, чѣмъ всѣ остальныя сословiя, взятыя вмѣстѣ, то лишь путемъ сравненiя ихъ показанiй съ тѣмъ, что окажется въ общихъ мемуарахъ и перепискѣ того времени,—можно успѣть сколько нибудь воспроизвести исторiю перiода, который исполненъ великаго, хотя и грустнаго, интереса для всякаго, кто изучаетъ съ философской точки зрѣнiя исторiю человѣческаго ума. По этому, я не стану извиняться, если войду въ еще большiя подробности, относительно этого рода вещей; я надѣюсь представить читателю такiе факты, которые свяжутъ прошедшую исторiю Шотландiи съ настоящимъ состоянiемъ ея, и дать ему возможность понять, какимъ образомъ случилось, что такой великiй народъ, во многихъ отношенiяхъ, еще борется съ мракомъ, единственно потому что онъ еще живетъ въ тѣни той долгой и страшной ночи, которая покрывала всю страну въ теченiе слишкомъ цѣлаго столѣтiя. Окажется также, что суровость и угрю-

мость характера этого народа, недостатокъ въ немъ веселости и его равнодушіе ко многимъ изъ наслажденій жизни могутъ быть приписаны той же причинѣ и составляютъ естественный продуктъ мрачныхъ и аскетическихъ понятій, привитыхъ ему его религіозными наставниками. Ибо въ этомъ вѣкѣ, какъ и во всякомъ другомъ, духовные, разъ войдя въ силу, оказывались жестокими, безжалостными повелителями. Они держали народъ въ болѣе чѣмъ египетской неволѣ, такъ какъ они поработили и умъ и тѣло и нетолько лишали людей невинныхъ развлеченій, но и научали ихъ, что развлеченія эти грѣховны. Въ такой совершенной мѣрѣ сдѣлали они свое дѣло, что прошло полтораста лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ стало уменьшаться ихъ господство, и все-таки повсюду можно различить отпечатокъ ихъ рукъ. Народъ все еще носитъ слѣды батога; память о его прежнемъ рабствѣ еще не умерла въ немъ; и онъ пресмыкается передъ своимъ духовенствомъ, какъ и въ былое время, отказываясь отъ своихъ правъ, жертвуя своею независимостью и отдавая свою совѣсть на произволъ нетерпимыхъ и честолюбивыхъ духовныхъ.

Изъ всѣхъ средствъ, какія употребляло шотландское духовенство, чтобы запугать народъ, самымъ дѣйствительнымъ были тѣ ученія, которыя оно распространяло, относительно злыхъ духовъ и будущаго наказанія. Эти предметы постоянно вызывали со стороны духовныхъ лицъ самыя ужасающія угрозы. Рѣчи, которыя они держали, могли свести людей съ ума отъ страха и повергнуть ихъ въ крайнее отчаяніе. Что онѣ часто имѣли такое послѣдствіе и приводили къ самымъ пагубнымъ результатамъ, это мы сейчасъ увидимъ. Дѣйствіе ихъ еще болѣе усиливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что онѣ совершенно согласовались съ другими мрачными, аскетическими понятіями, которыя также внушало духовенство и въ силу которыхъ наслажденія считались за грѣхъ, а страданія за состояніе праведности. Отсюда родилась та любовь причинять страданіе и та способность находить наслаж-

деніе въ ужасающихъ, возмутительныхъ идеяхъ, которыя составляли отличительную черту шотландскаго ума въ теченіе XVII столѣтія. Нѣсколько примѣровъ преобладавшихъ въ то время мнѣній дадутъ возможность читателю понять настроеніе той эпохи и оцѣнить тѣ средства, какими могло располагать шотландское духовенство и тѣ матеріалы, изъ которыхъ оно состроило зданіе своего могущества.

Всѣ вообще вѣрили, что свѣтъ наводненъ злыми духами, которые не только ходятъ тамъ и сямъ на землѣ, но живутъ также и въ воздухѣ и занимаются тѣмъ, что искушаютъ и тревожатъ человѣчество; ихъ безчисленное множество и ихъ можно найдти во всякое время года. Во главѣ ихъ стоитъ самъ сатана, для котораго составляетъ наслажденіе являться самолично и опутывать всякаго встрѣчнаго. Съ этою цѣлью онъ принимаетъ различные образы. Одинъ день онъ является будтобы на землѣ черной собакой, другой— ворономъ, третій — слышно въ отдаленіи его мычанія, похожее на бычачье. Иногда являлся онъ бѣлымъ человѣкомъ въ черной одеждѣ, при чемъ было замѣчено, что у него гробовой голосъ, что онъ не носитъ башмаковъ и что одна изъ ногъ его имѣетъ раздвоеніе. Ухищреніямъ его не было конца. По мнѣнію теологовъ, ловкость его росла съ годами и такъ какъ онъ изощрялся слишкомъ пять тысячъ лѣтъ, то по этому онъ достигъ безпримѣрной изворотливости. Онъ могъ хватать какъ мущинъ, такъ и женщинъ, и летать съ ними по воздуху. Обыкновенно онъ носилъ одежду мірянъ, но говорили, что неразъ случалось ему нахально являться и въ одѣяніи служителя евангелія. Какъ бы то ни было, въ той ли или въ другой одеждѣ, но онъ часто являлся духовнымъ лицамъ и пытался переманить ихъ на свою сторону. Это конечно не удавалось ему, но, кромѣ духовныхъ, поправдѣ сказать, немного кто могъ устоять противъ него. Онъ могъ поднимать вѣтры и бури; онъ могъ дѣйствовать не только на духъ, но и на органы тѣла, заставляя людей

слышать и видѣть, чтò ему угодно. Однихъ изъ своихъ жертвъ заставлялъ онъ совершить самоубійство, другихъ— убійство. Но какъ бы онъ ни былъ страшенъ, всетаки ни одинъ христіанинъ не считался достигшимъ религіозной опытности, пока онъ буквально не видалъ его, не говорилъ и не боролся съ нимъ. Духовенство постоянно проповѣдывало о немъ и подготовляло своихъ слушателей къ свиданію съ великимъ врагомъ. Послѣдствіемъ этого было, что народъ почти сходилъ съ ума отъ страха. Всякій разъ, какъ проповѣдникъ упоминалъ о сатанѣ, страхъ бывалъ такъ силенъ, что церковь оглашалась стѣнаніями и вздохами. Намъ трудно даже и представить себѣ, какой видъ имѣла, въ тѣ дни, шотландская конгрегація. Нерѣдко люди, оцѣпенѣвъ и обезумѣвъ отъ ужаса, оставались какъ бы прикованными къ своимъ мѣстамъ, страшнымъ очарованіемъ, которое заставляло ихъ слушать, не смотря на то, что, какъ говорятъ, они задыхались и у нихъ становились дыбомъ волосы. Такія впечатлѣнія не легко изглаживались. Ужасные образы оставались въ умахъ и преслѣдовали людей и дома, и въ ихъ ежедневныхъ занятіяхъ. Они вѣрили, что діаволъ былъ всегда буквально подъ рукою; что онъ являлся имъ, говорилъ съ ними, искушалъ ихъ. Не было никакого спасенія. Куда бы они ни пошли, вездѣ онъ находился. Внезапный шумъ, даже видъ какого нибудь неодушевленнаго предмета, напримѣръ камня, былъ въ состояніи оживить въ ихъ умѣ ассоціаціи идей и воспроизвести въ памяти рѣчи, слышанныя съ каѳедры.

И въ этомъ нѣтъ ничего страннаго. По всей Шотландіи, проповѣди, почти всѣ безъ исключенія, слагались по одному и тому же плану, и были направлены къ одной и той же цѣли. Возбуждать страхъ — было главною задачею. Духовные хвастали тѣмъ, что спеціальнымъ призваніемъ ихъ было громогласно возвѣщать гнѣвъ и проклятія Господни. Въ ихъ глазахъ, Божество было не благодѣтельнымъ существомъ,

а жестокимъ, безсовѣстнымъ тираномъ. Они объявляли, что весь родъ человѣческій, за весьма малымъ исключеніемъ, обреченъ на вѣчное бѣдствіе. А когда они доходили до изображенія самаго бѣдствія, мрачное воображеніе ихъ разыгрывалось и разгаралось. Въ картинахъ, которыя они рисовали, они воспроизводили, и притомъ въ усиленной степени, варварскія грезы, варварскихъ вѣковъ. Они съ наслажденіемъ говорили своимъ слушателямъ, что ихъ будутъ жарить на страшномъ огнѣ, и вѣшать за языки. Ихъ станутъ жалить скорпіоны, а кругомъ, они будутъ видѣть истязанія своихъ сотоварищей и слышать ихъ вопли. Ихъ будутъ бросать въ кипящее масло и въ растопленный свинецъ. Для нихъ приготовлена рѣка изъ огня и сѣры, шириною превосходящая землю; въ нее-то и погрузятъ ихъ; ихъ кости, ихъ легкія, ихъ печень, будутъ кипѣть, но никогда не сгорая. Въ то же время они будутъ добычею червей, и пока эти послѣдніе будутъ точить ихъ тѣло, вокругъ нихъ соберутся діаволы и станутъ смѣяться и потѣшаться надъ ихъ страданіями. Таковы были первыя степени страданій; но это были только первыя. Истязанія, кромѣ того что они были безконечны, должны были еще постепенно ухудшаться. Такъ утонченна была жестокость, что за однимъ адомъ слѣдовалъ другой; и чтобы страдалецъ не отерпѣлся, его, по прошествіи нѣкотораго времени, переводили далѣе, съ тѣмъ чтобы онъ испыталъ новыя истязанія въ новыхъ мѣстахъ; и все было такъ устроено, чтобы страданія не притупляли чувствительности, но были столько же разнообразны по своему характеру, сколько и безконечны по своей продолжительности.

Все это было дѣломъ Бога шотландскихъ духовныхъ. Оно было не только дѣломъ Его, но и наслажденіемъ, и гордостью. Согласно ихъ ученію, адъ созданъ прежде, чѣмъ явился на свѣтъ человѣкъ, ибо Всемогущій Богъ — они не посовѣстились сказать это—употребилъ свой предшествовав-

шій досугъ на приготовленіе и усовершенствованіе этого мѣста истязаній, такъ чтобы, когда явится родъ человѣческій, оно уже было готово принять его. Но какъ бы ни были громадны эти приспособленія, ихъ оказалось недостаточно; такъ какъ адъ былъ не довольно великъ, чтобы вмѣстить безчисленныя жертвы, безпрестанно ввергаемыя въ него, то послѣднее время его расширили. Теперь стало довольно просторно. Но и въ этотъ обширномъ пространствѣ не было пусто, ибо на всемъ его протяженіи раздавались стоны и вопли нескончаемой агоніи. Они потрясали воздухъ ужасными звуками, а въ промежуткахъ между ними, происходили другія сцены, еще болѣе раздирающія. Громкіе упреки наполняли воздухъ: дѣти упрекали родителей, слуги господъ. Тогда, дѣйствительно, ужасъ былъ общій, широко распространявшійся во всѣ стороны. Въ то время какъ дитя проклинало отца, отецъ, снѣдаемый угрызеніемъ совѣсти, самъ чувствовалъ свою вину; и дѣти и отцы оглашали адъ своими пронзительными криками, борясь въ судорожной агоніи съ переносимыми страданіями и зная, что имъ готовились еще новыя страданія, болѣе мучительныя.

Даже теперь кровь стынетъ въ жилахъ отъ такихъ рѣчей, когда подумаешь, что̀ должно было происходить въ умахъ людей, которые могли дойти до того, чтобы держать ихъ. Высказываніе подобныхъ идей, изобличаетъ характеръ самыхъ личностей и обнажаетъ ихъ внутреннюю сторону. Мы содрагаемся при мысли о томъ, какое мрачное, извращенное воображеніе, какіе мстительные помыслы, какія дикія, противозаконныя и смутныя представленія должны были змѣщать въ себѣ люди, которые были въ состояніи собрать и привести въ порядокъ различныя части этого отвратительнаго цѣлаго. Ни малѣйшее раздумье, ни малѣйшее угрызеніе совѣсти, ни малѣйшее состраданіе повидимому не закрадывались въ ихъ душу. Ясно, что ихъ воззрѣнія были зрѣло обдуманы; ясно также, что они наслаждались ими. Они были запечатлѣны

единствомъ соображенiя и подкрѣплены энергiей и силою рѣчи, которая доказываетъ, что они всѣмъ сердцемъ участвовали въ своемъ дѣлѣ. Но прежде чѣмъ дойти до этого, они должны были умереть для всякаго чувства жалости и любви. А между тѣмъ они были наставниками великой нацiи, и во всѣхъ отношенiяхъ пользовались въ ней самымъ большимъ влiянiемъ. Народъ, легковѣрный и грубо-невѣжественный, внималъ и вѣрилъ имъ. Мы, живя на такомъ разстоянiи отъ него, по времени, и вращаясь въ совершенно иномъ кругѣ мыслей, можемъ составить себѣ лишь слабое понятiе о томъ, какое дѣйствiе производили на народъ эти страшныя воззрѣнiя. Онъ былъ убѣжденъ, что на этомъ свѣтѣ, его непрестанно преслѣдуетъ дiаволъ и что онъ и другiе злые духи постоянно вращаются вокругъ него, въ вещественныхъ, видимыхъ образахъ, искушая и завлекая его въ погибель; а на томъ свѣтѣ его ожидаютъ самыя ужасныя, неслыханныя наказанiя;—при чемъ, какъ этотъ, такъ и тотъ свѣтъ управляются мстительнымъ Божествомъ, гнѣвъ котораго ничѣмъ невозможно смягчить. Когда людямъ постоянно присущи подобныя идеи, удивительно ли, что разсудокъ ихъ часто не выдерживаетъ, что на нихъ нападаетъ религiозная манiя, подъ влiянiемъ которой, они, въ мрачномъ отчаянiи, лишаютъ себя жизни.

Мало, въ самомъ дѣлѣ, утѣшительнаго представляла въ то время людямъ ихъ религiя. Не только дiаволъ, какъ виновникъ всякаго зла, но даже и Тотъ, кого мы признаемъ за источникъ всякаго блага, былъ, въ глазахъ шотландскихъ духовныхъ, существомъ жестокимъ, мстительнымъ, повинующимся, какъ и они сами, внушенiю гнѣва. Они заглядывали въ свое собственное сердце и тамъ находили изображенiе своего Бога. Согласно ихъ воззрѣнiямъ, это былъ Богъ страха, а не Богъ любви. Ему приписывали они самыя худшiя страсти своей собственной сворливой и раздражительной природы. Они приписывали Ему мстительность, хит-

рость и постоянное расположеніе причинять кому нибудь страданіе. Въ то самое время какъ они объявляли, что всѣ люди грѣшники, лишенные всякой надежды на спасеніе и предназначенные собственно для вѣчной погибели, — они безъ зазрѣнія совѣсти обвиняли Божество въ томъ, будто оно прибѣгаетъ къ разнымъ ухищреніямъ противъ этихъ несчастныхъ жертвъ; будто оно строитъ имъ засады, чтобы захватывать ихъ въ расплохъ. Шотландскіе духовные учили своихъ слушателей, что Всемогущій Богъ до такой степени кровожаденъ и дотого склоненъ къ гнѣву, что Онъ свирѣпствуетъ даже противъ стѣнъ и домовъ и безсмысленныхъ тварей, изливая свою злобу болѣе чѣмъ когда либо и распространяя повсюду опустошеніе. Скорѣе чѣмъ отказаться отъ своей жестокой, злостной цѣли, Онъ рѣшился, говорили они, спустить ангеловъ-мстителей для того, чтобы они нападали на людей и на ихъ семейства. Независимо отъ этой мѣры, у Него были еще различныя другія средства, съ помощью которыхъ Онъ могъ, въ одно и то же время, удовлетворять Самого Себя, и казнить свои созданія,—что видно въ особенности изъ тѣхъ уловокъ, къ которымъ Онъ прибѣгалъ, чтобы наказать какой нибудь народъ голодомъ. Когда какая нибудь страна голодала, это происходило оттого, что Богъ, въ Своемъ гнѣвѣ, изсушилъ почву, не далъ облакамъ излить свою влагу и сдѣлалъ такимъ образомъ, что плоды земли завяли. Всѣ невыносимыя страданія, причиняемыя недостаткомъ пищи,—медленная смерть, предсмертныя муки, всеобщее бѣдствіе, преступленія, порождаемыя этимъ бѣдствіемъ, томленіе матери, когда она видитъ своихъ дѣтей, изнемогающихъ отъ голода, и не можетъ дать имъ хлѣба,—все это было Его дѣяніемъ, дѣломъ рукъ Его. Въ Своемъ гнѣвѣ, Онъ иногда наносилъ вредъ хлѣбамъ, посылая такую позднюю весну и такую холодную и дождливую погоду, что жатва непремѣнно должна была оказаться плохою. Иногда также, Онъ обманываетъ людей, посылая имъ благо-

прiятную погоду, и давъ имъ поработать въ потѣ лица, въ надеждѣ на обильный сборъ хлѣба, въ самый послѣднiй моментъ, вдругъ вмѣшивается и истребляетъ хлѣбъ, которому оставалось только быть сжатымъ. Богъ шотладской кирки (Kirk) это былъ Богъ, который столько же истязалъ свои созданiя, сколько и наказывалъ ихъ; и когда Онъ бывалъ прогнѣвленъ, то Онъ сперва старался разлакомить людей, поддерживая въ нихъ надежды, чтобы такимъ образомъ сдѣлать для нихъ предстоящiя бѣдствiя тѣмъ болѣе чувствительными.

Подъ влiянiемъ этого ужаснаго вѣрованiя, и вслѣдствiе неограниченнаго господства духовенства, которое поддерживало его, шотландскiй умъ пришелъ въ такое состоянiе, что въ теченiе XVII и части XVIII столѣтiя, нѣкоторыя изъ самыхъ благородныхъ чувствъ, къ какимъ только способна наша природа, чувства надежды, любви, благодарности, были отложены въ сторону и замѣнены внушенiями рабскаго, постыднаго страха. Физическiя страданiя, которымъ вообще подверженъ чаловѣческiй организмъ, даже самыя случайности, иногда постигающiя насъ, считались происходящими не отъ нашего невѣденiя или нашей неосмотрительности, но отъ злобы Божества. Если случался пожаръ въ Эдинбургѣ, то возбуждалась страшнѣйшая тревога, потому что въ этомъ слышался голосъ Всевышняго, взывающiй противъ разврата и распущенности этого города. Если на тѣлѣ вашемъ оказывались вереда, или язвы, то и это было Божескимъ наказанiемъ, и считалось болѣе чѣмъ сомнительнымъ, въ правѣ ли вы лечиться отъ нихъ. Оспа, какъ одна изъ самыхъ опасныхъ болѣзней, въ собенности считалась посылаемою отъ Бога; и по этому предупрежденiе ея посредствомъ прививанiя отвергалось, какъ нечестивая попытка идти наперекоръ Его волѣ. Другiя разстройства, хотя менѣе страшныя, но всетаки очень мучительныя, происходили также изъ этого же источника; началомъ всѣхъ ихъ считался гнѣвъ Всемогущаго Бога. Во

всемъ проявлялось Его могущество, но не тѣмъ, что возрастало благоденствіе людей или улучшалось ихъ благосостояніе, а тѣмъ, что всевозможными путями имъ наносился вредъ и причинялись страданія. Рука Его, всегда поднятая на людей, иногда лишала ихъ вина, посылая неурожай на виноградъ, иногда истребляла бурею ихъ стада, иногда, наконецъ, даже заставляла собакъ кусать ихъ за ноги, когда они менѣе всего ожидали этого. Иногда выражалъ Онъ Свой гнѣвъ, дѣлая погоду чрезмѣрно сухую, иногда же—дѣлая ее въ такой же степени мокрою. Онъ постоянно каралъ, постоянно былъ занятъ увеличеніемъ суммы всеобщаго страданія, или — употребляя языкъ того времени—тѣмъ, что заставлялъ созданіе изнывать подъ ударами бича. Всякая новая война была результатомъ Его спеціальнаго промысла; она не происходила отъ неумѣстнаго вмѣшательства или нелѣпаго самолюбія государственныхъ людей, а была непосредственнымъ дѣломъ Божества, на которое и падала, такимъ образомъ, отвѣтственность за всѣ опустошенія, убійства и друія, еще болѣе ужасныя, преступленія, сопряженныя съ войною. Въ счатливые промежутки мира, которые случались, въ тѣ времена, очень рѣдко, у Него были другія средства тревожить человѣчество. Ударъ землетрясенія служилъ выраженіемъ Его недовольства, комета была предзнаменованіемъ угрожавшаго бѣдствія; а когда наступало солнечное затмѣніе, то бывалъ такой всеобщій паническій страхъ, что люди всѣхъ сословій поспѣшали въ церковь, чтобы смягчить гнѣвъ Божій. То, что они слышали въ церкви, только усиливало ихъ страхъ, вмѣсто того, чтобы успокоить ихъ. Духовенство учило своихъ слушателей, что даже такое обыкновенное явленіе, какъ громъ, должно было возбуждать благоговѣйный страхъ и посылалось для того, чтобы напомнить людямъ, съ какимъ грознымъ повелителемъ они имѣли дѣло. Не трепетать предъ громомъ считалось, поэтому, признакомъ безбожія;—и въ этомъ от-

ношеніи человѣкъ невыгодно противополагался низшимъ животнымъ, такъ какъ на этихъ послѣднихъ всегда производило сильное дѣйствіе это проявленіе могущества Божія.

Эти Божескія посѣщенія, какъ то: солнечныя затмѣнія, кометы, землетрясенія, громъ, голодъ, зараза, война, болѣзнь, ржа въ воздухѣ, неурожаи, холодныя зимы, сухія лѣта, —эти и подобныя имъ бѣдствія были, по мнѣнію шотладскихъ теологовъ, проявленіями гнѣва Всемогущаго Бога за грѣхи людей; и что такія проявленія бывали безпрестанно, это не удивительно, если принять въ соображеніе, что въ томъ же вѣкѣ, и согласно съ тѣмъ же вѣрованіемъ, самыя невинныя и даже похвальные поступки, считались грѣшными и достойными наказанія. Образовавшіяся по этому предмету мнѣнія не только любопытны, но и чрезвычайно назидательны. Кромѣ того, что они составляютъ важную часть исторіи человѣческаго ума, они служатъ также рѣшительнымъ доказательствомъ опасности допущенія одной профессіи до слишкомъ большаго возвышенія надъ всѣми другими. Въ Шотландіи, какъ и вездѣ, лишь только удалось духовенству обратить на себя болѣе чѣмъ обыкновенную долю всеобщаго вниманія, оно тотчасъ же воспользовалось этимъ обстоятельствомъ, чтобы распространять тѣ аскетическія ученія, которыя, поражая въ самомъ корнѣ человѣческое счастіе, никому не приносятъ пользы, кромѣ сословія, проповѣдывающаго ихъ. И дѣйствительно, сословіе это не можетъ не извлечь пользы изъ такой политики, которая, усиливая опасенія, къ которымъ невѣжество и робость людей дѣлаютъ ихъ и безъ того слишкомъ склонными, усиливаетъ также и ихъ готовность прибѣгать къ помощи своихъ духовныхъ совѣтниковъ. Чѣмъ сильнѣе опасеніе, тѣмъ сильнѣе и эта готовность. Это очень хорошо знали шотландскіе духовные, которые были совершеннѣйшіе мастера своего дѣла. Подъ ихъ вліяніемъ установилась система нравственности, которая, выдавая почти всякое дѣяніе за грѣшное, держала людей въ вѣчномъ опасеніи того,

чтобы имъ не совершить нечаянно какого нибудь тяжкаго проступка, который могъ бы навлечь на ихъ головы примѣрное, поразительное наказаніе.

Согласно съ этимъ кодексомъ, всѣ врожденныя привязанности, всѣ общественныя удовольствія, всѣ забавы и всѣ радостныя побужденія человѣческаго сердца были грѣховны и подлежали искорененію. Было грѣхомъ со стороны матери желать имѣть сыновей; а если они у ней были, то было грѣшно заботиться о ихъ благѣ. Грѣшно было дѣлать пріятное себѣ, и грѣшно же дѣлать пріятное другимъ, потому что въ томъ и другомъ случаѣ человѣкъ дѣлаетъ будтобы неугодное Богу. Поэтому слѣдовало тщательно избѣгать всякихъ удовольствій, какъ бы ни были они сами по себѣ незначительны и какъ бы ни казались законны. Находясь въ обществѣ, человѣкъ долженъ былъ стараться назидать гостей, если обладалъ даромъ назиданія, но отнюдь не долженъ былъ и помыслить о томъ, чтобы забавлять ихъ. Слѣдовало воздерживаться отъ веселости, особенно же доходящей до смѣха; собесѣдниковъ надлежало искатъ себѣ между людьми степенными и скорбными, которые не отдавались бы такой пустой суетѣ. Улыбка могла быть дозволена изрѣдка, лишь бы она не переходила въ смѣхъ; но какъ это плотская утѣха, то грѣшно было даже улыбаться въ воскресный день. Люди, глубоко проникнутые религіозными убѣжденіями, даже въ будни почти никогда не улыбались, а только вздыхали, стонали, плакали. Истинный христіанинъ долженъ былъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ сохранять неизмѣнную важность, никогда не бѣгать, а ходить степенно, не дозволяя себѣ живой и бойкой поступи, свойственной невѣрующимъ. Когда онъ писалъ къ пріятелю, онъ долженъ былъ остерегаться, чтобы въ письмахъ его не было ничего похожаго на шутливость, потому что шутка несовмѣстна съ достоинствомъ богобоязненной и серіозной жизни.

Предосудительнымъ было дѣломъ находить наслажденіе въ

созерцаніи красивой мѣстности, потому что благочестивый человѣкъ долженъ оставаться чуждъ такимъ, недостойнымъ его, вещамъ, и предоставить подобныя наслажденія необращеннымъ грѣшникамъ Пусть люди невозрожденные вѣрою предаются этимъ суетамъ; люди же просвѣтленные истиннымъ религіознымъ ученіемъ видятъ природу такою, какою она есть дѣйствительно; они знаютъ, что природа въ непрестанномъ движеніи уже около 5000 лѣтъ, что силы ея почти истощены, что первоначальная мощь ея исчезла. Въ глазахъ невѣжества она еще прекрасна и свѣжа; въ дѣйствительности же она выжила изъ силъ и дряхла; она страждетъ старческою немощью; организмъ ея, утративъ прежнюю упругость, покосился на бокъ; она должна скоро умереть отъ дряхлости. Вслѣдствіе людскихъ грѣховъ, все на свѣтѣ становится съ каждымъ днемъ хуже, и природа вырождается съ такою быстротою, что лиліи уже утрачиваютъ свою бѣлизну, а розы свое благоуханіе. Небесный сводъ дряхлѣетъ; само солнце, освѣщающее землю, становится безсильнымъ. Тяжело становится на душѣ, когда подумаешь объ этомъ вырожденіи всего въ мірѣ; но люди, не просвѣтленные, и не подозрѣваютъ его. На ихъ нечестивые глаза, все, что они видятъ, еще прекрасно. Это послѣдствіе ихъ упорнаго потворства чувствамъ, которыя всѣ порочны, — а всѣхъ ихъ порочнѣе, безъ всякаго сравненія, зрѣніе. Поэтому-то глазъ отмѣченъ по преимуществу, какъ предметъ Божіей кары; такъ какъ онъ постоянно грѣшитъ, то онъ и обреченъ пятидесяти двумъ недугамъ, то есть по одному недугу на каждую недѣлю въ году.

Такимъ образомъ, непозволительно было цѣнить какія бы то ни было красоты; или, говоря точнѣе, никакой дѣйствительной красоты не существовало. Въ мірѣ не было ничего, на что стоило бы смотрѣть, кромѣ шотландской Кирки, которая была, безъ всякаго сравненія, прекраснѣйшимъ созданіемъ во всей вселенной. Созерцаніе ея было единственнымъ законнымъ

наслажденіемъ, всякое же другое удовольствіе было грѣховно. Такъ, напримѣръ, писать стихи считалось за тяжкій грѣхъ, заслуживающій особеннаго осужденія. Слушать музыку было также предосудительно, потому что человѣкъ не въ правѣ предаваться такимъ пустымъ развлеченіямъ. Поэтому духовенство запрещало музыку даже на свадебныхъ празднествахъ; ни подъ какимъ предлогомъ не допускало даже національнаго увеселенія волынкою. Грѣшно было смотрѣть на уличный кукольный театръ, хотя бы только изъ своего окна. Танцы почитались за такой великій грѣхъ, что Генеральное Собраніе издало особое постановленіе, которымъ танцованіе положительно запрещалось и которое было читано во всѣхъ эдинбургскихъ церквахъ. Вечеръ на новый годъ былъ издавна въ Шотландіи, какъ и во всей остальной Европѣ, днемъ радости и веселья. Церковь и на него наложила руку, и повелѣла, чтобы никто не смѣлъ пѣть пѣсенъ, присвоенныхъ обычаемъ этому дню, а также не смѣлъ бы пускать къ себѣ въ домъ такихъ пѣвцовъ.

На крестины ребенка у Шотландцевъ было въ обычаѣ созывать всю родню, даже самую дальнюю, которой у нихъ тогда, какъ и теперь, насчитывалось очень много. Но такое собраніе гостей доставляло удовольствіе, а всякое удовольствіе почиталось за грѣхъ. Поэтому обычай этотъ былъ запрещенъ, число гостей было ограничено, и духовенство очень строго наблюдало, чтобы никто не могъ въ подобныхъ случаяхъ радоваться свыше допускаемой имъ мѣры.

И не на одни крестины, но также и на свадьбы были распространены подобнаго рода распоряженія. Во всѣхъ странахъ искони заведено весело справлять свадьбы, отчасти по естественному чувству радости, отчасти же, можетъ быть, вслѣдствіе невольнаго размышленія, что при союзѣ, столь часто сопровождаемомъ одними страданіями, желательно, чтобы хоть начало было радостно. Но шотландское духовенство смотрѣло иначе. На свадьбахъ людей бѣдныхъ оно просто за-

прещало всякое веселье; на свадьбы людей богатыхъ непремѣнно являлся одинъ изъ членовъ мѣстнаго духовенства, нарочно для того отряженный, чтобы не допускать излишней веселости. Едвали возможно было придумать болѣе дѣйствительную мѣру. Но духовенство не ограничивалось ею. Для того, чтобы вѣрнѣе сдерживать плоть, оно подчинило своему контролю кухню, опредѣляло выборъ яствъ и число блюдъ. До того оно простирало свою заботливость по этимъ предметамъ, такъ боялось, чтобы свадебный пиръ не былъ слишкомъ лакомъ, что ограничило даже его стоимость и никому не позволяло выходить изъ суммы, которую оно сочло приличнымъ назначить.

Ничто не могло укрыться отъ его бдительности; ибо, по его воззрѣнію, самый лучшій человѣкъ, въ лучшую пору своей жизни, былъ такъ преисполненъ всякой скверны, что дѣйствія его не могли не быть порочны. Человѣкъ, по увѣренію шотландскаго духовенства, дня не можетъ прожить, чтобъ не согрѣшить, а самый незначительный изъ его грѣховъ заслуживаетъ вѣчнаго Божія гнѣва. Все, что онъ ни дѣлаетъ, грѣшно, какъ бы ни были чисты его помышленія. Человѣкъ, послѣ перваго грѣхопаденія, постепенно падалъ ниже и ниже, и наконецъ низошелъ на такую степень нравственнаго упадка, что стоитъ ниже животныхъ, для которыхъ все кончено съ окончаніемъ земной жизни. Еще до рожденія человѣка, еще въ утробѣ матери, начинается уже его виновность. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ онъ подрастаетъ, быстро умножаются и усиливаются его преступленія; однимъ изъ самыхъ возмутительныхъ преступленій, въ глазахъ духовенства, было обученіе дѣтей новымъ словамъ,—ужасный обычай, недаромъ взыскиваемый гнѣвомъ Божіимъ. Это, впрочемъ, только одно изъ безчисленнаго множества безпрестанныхъ прегрѣшеній; такъ что должно дивиться, какъ можетъ земля до сихъ поръ терпѣть гнусное зрѣлище, представляемое человѣкомъ; какъ не разверзла она еще своей утробы,

подобно тому какъ бывало во времена ветхозавѣтныя, и не поглотила его среди его нечестивыхъ дѣлъ. Ибо безспорно то, что нѣтъ во всемъ мірозданіи ничего безобразнѣе и чудовищнѣе человѣка.

При такомъ положеніи вещей, прилично было духовенству выступить впередъ и ограждать людей отъ собственныхъ ихъ пороковъ, принять на себя неусыпное наблюденіе за всѣми ихъ дѣйствіями, самыми даже мелочными, и насильно направлять ихъ на путь истины. Эту принятую на себя обязаность оно исполняло съ неуклонною твердостью. При помощи старѣйшинъ, которые были орудіями и твореніями его власти, оно образовало изъ себя, по всей Шотландіи, законодательныя собранія и въ нихъ постановляло законы, которымъ всѣ должны были повиноваться. И горе тому, кто вздумалъ бы отказать въ этомъ повиновеніи. Такихъ ослушниковъ объявляли непокорными сынами церкви; ихъ сажали въ тюрьму, наказывали денежными штрафами, сѣкли, клеймили раскаленнымъ желѣзомъ, или же заставляли приносить публично покаяніе передъ всей конгрегаціей; и они должны были являться босые, съ остриженною на половину головою, и повиняться, между тѣмъ, какъ пресвитеръ, подъ видомъ поученія имъ, тѣшился своимъ торжествомъ. Все это было дѣло весьма естественное. Ибо священнослужители почитались намѣстниками неба, истолкователями его воли. Слѣдовательно никто не могъ лучше ихъ судить о томъ, что люди должны и чего не должны дѣлать, и подвергшійся ихъ порицанію обязанъ былъ покориться съ смиреніемъ и покаяніемъ.

Эти произвольныя и безотвѣтственныя судилища, возникшія по всей Шотландіи, соединяли въ себѣ власть и законодательную, и исполнительную, и несли обязанности той и другой одновременно. Постановивъ, что такое-то дѣйствіе не должно быть совершаемо, они затѣмъ сами же приводили законъ въ исполненіе и наказывали нарушителей его. По правиламъ этой

самой юриспруденціи, созданной духовенствомъ, Шотландцу стало грѣшно ѣздить въ католическую страну. Шотландскому содержателю постоялаго двора грѣшно было пускать католика въ свое заведеніе. Шотландскому городу — грѣшно было допускать у себя базаръ въ субботу или въ понедѣльникъ, потому что оба дня смежны съ воскресеніемъ. Шотландкѣ грѣшно было прислуживать въ трактирѣ; грѣшно ей было жить одной и грѣшно же было жить у незамужнихъ сестеръ. Грѣшно было въ воскресенье ѣхать изъ одного города въ другой, какъ бы ни была настоятельна надобность въ этомъ. Грѣшно было въ воскресеніе навѣстить пріятеля; грѣшно было полить садъ или огородъ, грѣшно было даже побриться. Такія вещи не могли быть терпимы въ христіанской странѣ. Въ воскресеніе не позволительно было заботиться о своемъ здоровьи, не должно было вовсе думать о своемъ тѣлѣ. Въ этотъ день грѣшно было ѣздить верхомъ; грѣшно было прогуляться въ полѣ, или по лугу, или по улицамъ; грѣшно было даже сѣсть у воротъ своего дома, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Лечь спать въ воскресеніе прежде, чѣмъ были окончены всѣ обязанности дня, почиталось также за грѣхъ, достойный церковнаго осужденія. Купаніе, какъ вещь пріятная и полезная для здоровья, составляло также великій грѣхъ, и купаться въ воскресенье строго запрещалось. Впрочемъ, въ сущности, не рѣшенный вопросъ, позволительно ли христіанину плаваніе, въ какое бы то ни было время, даже въ будни; по крайней мѣрѣ достовѣрно было то, что Богъ однажды явилъ, что дѣло это Ему неугодно, лишивъ жизни одного мальчика въ то время, когда онъ предавался этой плотской утѣхѣ.

Что грѣшно содержать свое тѣло въ чистотѣ, разумѣлось, пожалуй, само собою, такъ какъ Шотландское духовенство признавало за грѣхъ все, что служило къ житейскимъ удобствамъ, потому только что оно составляло удобство.

Единственною великою задачею жизни было, чтобы человѣкъ находился безвыходно въ состояніи страданія. На все, что было пріятно чувствамъ, слѣдовало смотрѣть съ недовѣрчивостью. Христіанинъ долженъ остерегаться, чтобы не находить удовольствія въ своемъ обѣдѣ, потому что одни только нечестивые услаждаются пищею. По такому же точно умозаключенію, за грѣхъ ставилось человѣку стараться о благополучномъ устройствѣ своей жизни, заботиться объ улучшеніи какимъ бы то ни было образомъ своего положенія. Зарабатывать деньги, копить ихъ—было неприлично христіанину; даже имѣть много денегъ было предосудительно, потому что деньги не только служатъ къ доставленію человѣку удовольствій, но еще поощряютъ въ немъ предусмотрительность, заботливость о будущемъ, несовмѣстную съ полною покорностью волѣ Провидѣнія. Желать бо́льшаго, чѣмъ сколько человѣку безусловно нужно для того, чтобы не умереть, почиталось и за грѣхъ, и за безуміе; это было нарушеніе того повиновенія, которымъ мы обязаны къ Богу. Что оно противно Его волѣ, очевидно притомъ и изъ того уже факта, что Онъ щедро надѣляетъ богатствомъ иныхъ скрягъ и любостяжательныхъ людей;—замѣчательное явленіе, которое, по понятіямъ Шотландскаго духовенства, неоспоримо доказывало, что Богъ не любитъ богатства, иначе Онъ не посылалъ бы его такимъ низкимъ и скареднымъ людямъ.

Быть бѣдну, грязну и голодну, бѣдствовать всю жизнь и со страхомъ разставаться съ жизнью, мучиться вередами, язвами и всякаго рода болѣзнями, вѣчно вздыхать и стонать, обливаться слезами и надрывать грудь рыданіями, словомъ, быть удрученну безъисходною скорбью и всяческими страданіями,—вотъ что, стало быть, почиталось за признакъ благочестія, а все противное—за признакъ порочности. Къ чему человѣкъ чувствовалъ влеченіе, объ этомъ и не спрашивалось; самый фактъ влеченія дѣлалъ предметъ этого влеченія грѣшнымъ. Все, что было естественно, по этому самому было

зломъ. Духовенство отняло у народа всѣ его праздники, его забавы, его зрѣлища, его игры и развлеченія; оно подавляло всякое проявленіе радости, запрещало всякое веселье, изгоняло всякія празднества; оно забило наглухо всѣ пути, которыми могъ проникнуть лучъ удовольствія, и повергло весь край въ глубокую тьму. И дѣйствительно, тяжело налегъ мракъ на страну. Всѣ, даже самыя обыденныя дѣйствія людей, ихъ взоры, запечатлѣлись заботою, уныніемъ и аскетизмомъ. Лица омрачились и поникли. Не только на образѣ мыслей, но и на поступи, движеніяхъ, голосѣ, на всей наружности людей отразилось дѣйствіе мертвящаго недуга, сгубившаго все, что есть въ жизни свѣтлаго и задушевнаго. Путь жизни сталъ устилаться пожелтѣвшею, изсохшею листвою; съ каждымъ днемъ становился онъ мрачнѣе; цвѣтъ его поблекъ и опалъ; весна, свѣжесть и красота покинули его; радость и любовь исчезли, или принуждены были укрываться въ темныхъ закоулкахъ, пока наконецъ прекраснѣйшія и самыя драгоцѣнныя стороны человѣческой природы, подъ этимъ постояннымъ гнетомъ, не перестали давать плодъ и не были повидимому обречены на вѣчное безплодіе.

Такимъ образомъ, въ семнадцатомъ столѣтіи, былъ задержанъ въ своемъ ростѣ и изувѣченъ національный характеръ Шотландцевъ. Въ народѣ, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ, гармоническое и свободное развитіе жизни возможно только при смѣломъ и безбоязненномъ отправленіи ея дѣятельности во всѣхъ главнѣйшихъ ея стремленіяхъ. Эти стремленія двоякія; одни имѣютъ предметомъ увеличить счастіе духа, другія—увеличить счастіе тѣла. Еслибъ мы могли представить себѣ человѣка вполнѣ совершеннаго, мы должны бы предположить его соединяющимъ въ высшей степени обѣ формы наслажденія, извлекающимъ какъ изъ тѣла, такъ и изъ духа, высшую мѣру наслажденія, совмѣстную съ его собственнымъ счастіемъ и съ счастіемъ другихъ людей. Но какъ такого совершенства въ дѣйствительности не существуетъ, то мы и

видимъ постоянно, что даже мудрѣйшіе изъ насъ не могутъ сохранить надлежащаго равновѣсія между обоими стремленіями, а всегда уклоняются въ одну какую либо сторону; одни даютъ перевѣсъ удовлетворенію тѣла, другіе—удовлетворенію духа. Когда сравнить между собою оба направленія, нѣтъ сомнѣнія, что духовныя наслажденія во многихъ отношеніяхъ выше физическихъ; они многочисленнѣе, разнообразнѣе, долговѣчнѣе, имѣютъ болѣе облагороживающее вліяніе; они менѣе способны производить пресыщеніе въ отдѣльномъ человѣкѣ и приносятъ болѣе пользы всему человѣчеству. Но на одного человѣка, способнаго къ духовному наслажденію, приходится по крайней мѣрѣ сто способныхъ къ наслажденію физическими удовольствіями. Счастіе, доставляемое физическимъ наслажденіемъ, имѣя обширное примѣненіе, распространяясь, въ данную минуту, на бо́льшее число людей, чѣмъ счастіе, проистекающее изъ духовныхъ наслажденій, получаетъ чрезъ это большое значеніе, которое слишкомъ склонны не признавать нѣкоторые люди, называющіе себя философами. Много разъ, отвлеченные мыслители, неразумно возставая противъ такихъ наслажденій, употребляли всѣ усилія для того, чтобы уменьшить мѣру счастія, къ какой способно человѣчество. Такіе писатели забываютъ, что человѣкъ состоитъ не изъ одного духа, а изъ духа и тѣла; забываютъ также, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ тѣло являетъ большую дѣятельность чѣмъ духъ, могущественнѣе его, имѣетъ болѣе видное во всемъ участіе и способно къ болѣе великимъ дѣяніямъ; вслѣдствіе такого забвенія, они впадаютъ въ большую ошибку, пренебрегая цѣлымъ рядомъ дѣяній, къ которымъ наиболѣе склонны и наиболѣе способны девяносто девять человѣкъ изо ста. За эту ошибку они платятся тѣмъ, что ихъ книгъ не читаютъ, что ихъ системы оставляются безъ вниманія, что ихъ строй жизни принимается развѣ только немногочисленнымъ классомъ уединившихся ученыхъ, но остается чуждъ обширному міру дѣйствительности, для котораго онъ

не пригоденъ и въ которомъ онъ причинилъ бы самый серіозный вредъ.

Поэтому, если мы станемъ разсматривать исторію мысли въ связи съ исторіею дѣяній, мы можемъ съ полною вѣроятностью сказать, что аскетическія ученія философовъ, въ родѣ, напримѣръ, ученія стоиковъ и тому подобныхъ теорій умерщвленія плоти, не причинили того вреда, котораго можно бы было отъ нихъ ожидать, и что имъ не удалось въ ощутительной степени уменьшить количество существеннаго счастія человѣчества. Я полагаю, что этому неуспѣху ихъ были двѣ причины. Вопервыхъ, эти философы, за очень немногими развѣ исключеніями, весьма мало обладали дѣйствительнымъ знаніемъ человѣческой природы, и не умѣли затрогивать тѣ струны, дѣйствовать на тѣ тайныя пружины, на которыя долженъ дѣйствовать человѣкъ для того, чтобы склонить другаго человѣка къ своему образу мыслей. А во вторыхъ, они, къ счастію нашему, никогда не имѣли въ рукахъ власти, а слѣдовательно не могли ни навязывать своихъ ученій страхомъ наказаній, ни заманивать къ нимъ посредствомъ наградъ.

Но если философамъ и не удалось отнять у человѣчества часть его радостей, то есть за то другой классъ людей, который принялся за ту же задачу съ бо̀льшимъ успѣхомъ. Я разумѣю, конечно, теологовъ. Взятые въ цѣломъ, какъ сословіе, они во всѣхъ странахъ и во всѣ времена обдуманно ратовали противъ такихъ удовольствій, которыя для огромнаго большинства людей составляютъ существенное условіе счастія. Поставивъ Бога собственнаго своего изобрѣтенія, котораго они представляютъ любящимъ только наказаніе, жертвы и самоумерщвленія, они подъ этимъ предлогомъ запрещаютъ наслажденія не только невинныя, но даже похвальныя. Ибо всякое наслажденіе, которымъ мы никому не причиняемъ вреда, невинно; а всякое невинное наслажденіе заслуживаетъ похвалы, потому что оно питаетъ въ человѣкѣ чувство довольства, удовлетворенности, которое въ свою оче-

редь располагаетъ его желать добра и дѣлать добро ближнему. Теологи, однако, по причинамъ, мною уже объясненнымъ, стремились къ совершенно противоположному чувству, и когда только бывала власть въ ихъ рукахъ, они постоянно запрещали множество дѣйствій, доставляющихъ человѣку удовольствіе, на томъ основаніи, что эти дѣйствія будто бы неугодны Божеству. Что они не имѣли къ тому никакого уважительнаго основанія, и что они позволяли себѣ такъ рѣшительно судить и рядить о такихъ предметахъ, относительно которыхъ человѣкъ не имѣетъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній, это знаетъ очень хорошо всякій, кто безпристрастно, не вдаваясь въ предвзятыя мнѣнія, изслѣдовалъ ихъ аргументы и приводимые ими доводы. Объ этомъ, впрочемъ, мнѣ нѣтъ надобности много распространяться; ибо совершенно въ той же мѣрѣ, въ какой люди почти съ каждымъ годомъ, и ужъ навѣрное съ каждымъ поколѣніемъ, пріучаются къ болѣе строгому и точному мышленію, распространяется между ними и убѣжденіе, что такіе теологи исходятъ изъ произвольныхъ предположеній, въ подкрѣпленіе которыхъ они ничего не могутъ привести, кромѣ новыхъ предположеній, столь же произвольныхъ и бездоказательныхъ. Вся система ихъ опирается на страхѣ, и притомъ на страхѣ самаго худшаго рода; ибо по ихъ ученію, великій виновникъ нашего бытія употребилъ свое всемогущество самымъ жестокимъ образомъ, надѣливъ свое твореніе наклонностями, инстинктами и влеченіями, которыхъ удовлетвореніе не только Имъ же воспрещается, но еще должно, по Его волѣ, подвергать насъ вѣчной карѣ.

Что̀ теологи въ кабинетѣ, то самое священники на проповѣдничеекой каѳедрѣ. Теологи дѣйствуютъ на людей, преданныхъ наукѣ, читающихъ; духовенство дѣйствуетъ на людей незанятыхъ, слушающихъ. Имѣя однако въ виду, что одинъ и тотъ же человѣкъ нерѣдко несетъ оба званія, и что, къ тому же, духъ и направленіе того и другаго званія совершенно одинаковы, мы можемъ, съ практической точки зрѣ-

нія, считать оба класса вполнѣ тождественными; а взявъ ихъ вмѣстѣ и разсматривая дѣятельность обоихъ какъ одно общее дѣло, всякій, кто взглянетъ на совершенное ими въ цѣломъ, долженъ признать, что они всегда были не только самыми злыми, но и самыми ловкими противниками счастія человѣчества. Въ дни своего могущества и славы, когда они властвовали надъ обществомъ, когда между людьми господствовало легковѣріе и сомнѣніе не западало въ умы, они налагали на человѣчество всякаго рода истязанія: предписывали посты, покаянія, хожденія къ святынямъ; учили свои простодушныя и невѣжественныя жертвы всячески истязать себя: бичевать свое тѣло, терзать свою плоть, умерщвлять въ себѣ самыя естественныя пожеланія. Таково было состояніе Европы въ средніе вѣка. Таково досел̀ѣ состояніе каждой страны, гдѣ духовенство пользуется неограниченною властью. Такіе аскетическіе, самоистязательные обычаи составляютъ неизбѣжный плодъ теологическаго духа, когда онъ ничѣмъ не сдерживается. Въ наше время, благодаря быстрому развитію знанія, онъ съ каждымъ днемъ утрачиваетъ свое вліяніе, потому что духъ научный и свѣтскій вытѣсняетъ его изъ занятой имъ когда-то области. Поэтому-то въ наше время, и въ особенности въ Англіи, наиболѣе возмутительныя черты его прикрываются, онъ принужденъ маскировать свое природное безобразіе. Между нынѣшнимъ англійскимъ духовенствомъ стараніе согласить противоположныя притязанія обдуманною, приличною мировою сдѣлкою заступило мѣсто отважной и запальчивой борьбы, которую предшественники его вели противъ погруженнаго въ чувственность и тьму міра. Грозныя требованія его замѣтно притихли. Оно уже дозволяетъ людямъ искать нѣкоторой доли удовольствія, нѣкоторой доли роскоши, небольшой доли счастія. Оно не настаиваетъ уже на умерщвленіи всякаго пожеланія, на отреченіи отъ всякаго житейскаго удобства. Оно не смѣетъ уже говорить языкомъ власти. Кой гдѣ показываются еще слѣды прежняго духа, но только между

людьми необразованными и когда они имѣютъ слушателями невѣжественную толпу. Высшее духовенство, которому страшна утрата доброй славы, стало осмотрительно; и какое бы ни было собственное его убѣжденіе, оно уже рѣдко рѣшается на тѣ грозныя карательныя рѣчи, которыми оно прежде громило человѣчество со своихъ каѳедръ, передъ которыми, въ былое время, трепетали всѣ и каждый, подъ мощью которыхъ обращались въ персть и прахъ всѣ, кромѣ избранника, ихъ произносившаго.

Хотя въ настоящее время многое изъ этого уже исчезло, однако уцѣлѣвшихъ остатковъ достаточно для того, чтобы показать, что̀ такое теологическій духъ, и убѣдить насъ, что одна только сила общественнаго мнѣнія удерживаетъ его отъ возвращенія къ прежнему изувѣрству. Многіе члены духовенства до сихъ поръ упорствуютъ въ гоненіи всякихъ мірскихъ удовольствій, забывая, что какъ міръ, такъ и все существующее въ мірѣ, есть созданіе одного Всемогущаго Творца, и что тѣ наклонности и желанія, которыя они осуждаютъ какъ богопротивныя, суть часть даровъ, Имъ же данныхъ человѣку. Они еще не сознали, что наши влеченія, составляющія часть насъ самихъ, точно такъ же, какъ всякое другое наше свойство, должны быть удовлетворяемы; иначе невозможно цѣлостное развитіе человѣка. Отнимите у человѣка часть его самого, онъ останется существомъ неполнымъ, искалѣченнымъ. Настоящій предѣлъ самоугожденію тотъ, чтобы человѣкъ имъ не причинялъ вреда ни себѣ самому, ни другимъ людямъ. До этого предѣла, всякое самоугожденіе законно; даже болѣе чѣмъ законно, — оно необходимо. Кто воздерживается отъ безвреднаго, умѣреннаго удовлетворенія своихъ потребностей, тотъ обрекаетъ на бездѣйствіе нѣкоторыя изъ своихъ существенныхъ способностей, и нельзя не видѣть въ немъ существа несовершеннаго, неоконченнаго. Такой человѣкъ неполонъ, ненормаленъ; онъ никогда не достигалъ полнаго своего роста. Онъ можетъ быть монахомъ, можетъ быт-

святымъ, но не человѣкомъ въ тѣсномъ смыслѣ. А намъ, теперь болѣе чѣмъ когда либо, нужны истинные люди, цѣликомъ люди. Ни одному изъ предшествовавшихъ вѣковъ не предстояло такихъ трудовъ, какъ нашему; для того, чтобы совершить эти труды, намъ нужны крѣпкія и сильныя натуры, свободно и безпрепятственно развившія въ себѣ всѣ свойственныя имъ способности и отправленія. Никогда еще практика жизни не была такъ трудна; никогда еще не представлялось человѣческому уму такого множества и такихъ сложныхъ задачъ. Каждое новое приращеніе къ нашему знанію, каждая новая идея, раскрываетъ новыя трудности, приводитъ къ новымъ соображеніямъ. Мы безъ сомнѣнія пали бы подъ бременемъ этого громаднаго труда, еслибъ послѣдовали примѣру легковѣрія своихъ прадѣдовъ, которые позволили сковать и ослабить свои силы тѣми гибельными понятіями, которыя духовенство, частью по невѣжеству, частью изъ корыстныхъ видовъ, во всѣ вѣка навязывало народамъ, уменьшая тѣмъ счастіе націй и препятствуя развитію національнаго благосостоянія.

На основаніи той же системы, намъ постоянно твердятъ о пагубности богатства, о грѣховности любви къ деньгамъ, между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что послѣ любви къ знанію, ни одна страсть не принесла столько благъ человѣчеству, какъ любовь къ деньгамъ Любви къ деньгамъ обязаны мы всякою промышленностью и торговлею; другими словами, всѣми предметами удобства и роскоши, которыми не могло бы снабжать насъ собственное наше отечество. Торговля и промыслы познакомили насъ съ произведеніями многихъ чужихъ странъ, пробудили въ насъ любопытство, расширили кругъ нашихъ понятій, приведя насъ въ столкновеніе съ народами различными по нравамъ, языку и складу мысли, дали исходъ силамъ, которыя иначе пропали бы безъ пользы, не находя себѣ достаточнаго простора, пріучили людей къ предпріимчивости, разсчету и соображенію; наконецъ открыли намъ множество

чрезвычайно полезныхъ искусствъ и доставили намъ многія изъ драгоцѣннѣйшихъ средствъ, которыми мы обладаемъ для спасенія жизни человѣка или по крайней мѣрѣ для облегченія его страданій. Всѣмъ этимъ мы обязаны любви къ деньгамъ. Еслибъ теологи могли успѣть въ своихъ стараніяхъ, еслибъ они могли уничтожить въ людяхъ эту любовь, то исчезли бы всѣ эти блага и мы впали бы сравнительно въ варварство. Любовь къ деньгамъ, точно такъ же, какъ и всѣ другія наши наклонности, можетъ быть обращена на зло; но возставать противъ нея, какъ будто она уже сама по себѣ зло, въ особенности же представлять ее какъ такое чувство, удовлетвореніе котораго вызываетъ гнѣвъ Божій, значитъ обнаруживать невѣжество, понятное, быть можетъ, въ прежніе вѣка, но въ наше время постыдное, особенно же, когда оно проявляется въ людяхъ, выдающихъ себя за наставниковъ общества и увѣряющихъ, что ихъ призваніе—просвѣщать міръ.

Впрочемъ, какъ все это ни вредно для самыхъ дорогихъ интересовъ общества, оно еще ничто въ сравненіи съ тѣми ученіями, которыя преподавало въ былое время шотландское духовенство. Каковы были его воззрѣнія, я уже показалъ на его проповѣдяхъ, чтеніе которыхъ было для меня самою тяжкою работою, какую я когда либо предпринималъ, потому что, кромѣ узкости взгляда и догматизма, неразлучныхъ даже съ лучшими произведеніями этого рода, проповѣди эти представляютъ такую жесткость сердца и суровость права, такой недостатокъ сочувствія къ человѣческому счастію и такую ненависть къ человѣческой природѣ, какіе рѣдко проявлялись въ какіе бы то ни было вѣка и, я думаю, никогда не проявлялись ни въ какой другой протестантской странѣ. Проповѣди эти я извлекъ изъ забвенія, которому онѣ давно преданы, и сдѣлалъ это частью потому что считалъ это нужнымъ для уразумѣнія исторіи умственнаго развитія Шотландіи, частью же потому, что хотѣлъ показать, каковы бываютъ стремленія теологовъ, когда они ничѣмъ не сдерживаются. Протестанты, вообще, слишкомъ склонны

воображать, что въ ихъ исповѣданіи есть нѣчто такое, что предохраняетъ ихъ отъ тѣхъ вредныхъ крайностей, которыя были и, до нѣкоторой степени, до сихъ поръ сохранились въ католической церкви. Это величайшее самообольщеніе. Одно только существуетъ средство огражденія людей отъ тиранніи какого бы то ни было сословія: оно заключается въ томъ, чтобы оставлять этому сословію какъ можно менѣе власти. Какія бы ни были заявленія данной корпораціи людей, какъ бы мягокъ ни былъ ея языкъ, и какъ бы ни были благовидны ея притязанія, она непремѣнно употребитъ во зло свою власть, если только будетъ ей дана власть въ обширныхъ размѣрахъ. Вся исторія міра не представляетъ ни одного примѣра, которымъ опровергалась бы истина этого положенія. Въ католическихъ странахъ, за исключеніемъ одной только Франціи, духовенство пользуется бо̀льшею властью, чѣмъ въ странахъ протестантскихъ. Вотъ почему въ католическихъ странахъ оно причиняетъ больше вреда, чѣмъ въ протестантскихъ, и сословныя его воззрѣнія развиваются съ бо̀льшею свободою. Различіе тутъ зависитъ не отъ свойствъ исповѣданія, а отъ степени власти духовнаго класса. Это очевидно доказываетъ примѣръ Шотландіи, гдѣ духовенство властвовало неограниченно и потому, не смотря на свой протестантизмъ, преподавало то же аскетическое, нелюдимое и жестокое ученіе, которое въ католическихъ странахъ порождало монастыри, посты, бичеванія и другія проявленія страннаго и мрачнаго суевѣрія.

Въ нѣкоторыхъ своихъ теоріяхъ, шотландское духовенство зашло даже гораздо далѣе любой католической церкви, кромѣ Испанской. Оно силилось уничтожить не только всѣ человѣческія радости, но и всѣ нѣжныя чувства человѣческаго сердца. Оно утверждало, что всѣ наши привязанности неразрывно соединяются съ нашими похотями и что поэтому мы должны отрываться отъ нихъ, какъ отъ суеты земной. Христіанину нѣтъ нужды въ любви или привязанности. Онъ долженъ спа-

сать свою душу,—этого съ него достаточно. Пусть онъ печется о себѣ самомъ. Въ воскресный день, въ особенности, не долженъ онъ и помыслить о томъ, чтобы творить добро другимъ людямъ; шотландское духовенство нисколько не колебалось учить народъ, что въ этотъ день грѣшно подать помощь гибнущему на морѣ кораблю, и что дать ему потонуть со всѣмъ экипажемъ значитъ явить благочестіе. Пусть себѣ тонутъ; пострадаютъ только жены и дѣти, а это ровно ничего въ сравненіи съ несоблюденіемъ дня Господня. Духовенство учило также, что ни подъ какимъ видомъ не должно подать кусокъ хлѣба или дать пріютъ умирающему съ голоду человѣку, если его образъ мыслей не вполнѣ правовѣрный. Какая нужда ему жить? грѣшно даже терпѣть его убѣжденія, и по настоящему слѣдовало бы подвергнуть его немедленному и жестокому наказанію. Духовенство шло еще далѣе по этому пути. Оно разрывало всѣ семейныя узы, и вооружало родителей противъ родныхъ дѣтей. Оно повелѣвало отцу посягать на жизнь неправовѣрнаго сына, учило, что отецъ долженъ скорѣе убить роднаго сына, чѣмъ допустить его распространять заблужденіе. Не довольствуясь даже и этимъ, оно пыталось вырвать изъ человѣческаго сердца другую привязанность, еще болѣе священную и самоотверженную. Оно наложило свою грубую и безпощадную руку на самое святое чувство, къ какому способна человѣческая природа,—на материнскую любовь. И въ это святилище дерзнуло оно проникнуть и внести свои изможденные, отвратительные образы. Если образъ мыслей матери былъ неугоденъ духовенству, то оно нисколько не затруднялось ворваться въ ея домъ, отобрать у нея дѣтей и лишить ее всякаго сообщенія съ ними. Если же случалось, что сынъ ея навлекъ на себя гнѣвъ духовенства, то оно не довольствовалось этимъ насильственнымъ разлученіемъ, а всѣми средствами старалось извратить сердце матери, ожесточить ее противъ роднаго ея дитяти, и такимъ образомъ сдѣлать несчастную сообщницею своего гнуснаго

дѣла. Въ одномъ изъ подобныхъ случаевъ, занесенныхъ въ акты Глесгоской церкви, Церковная Сессія этого города позвала къ своему суду одну женщину за то только, что она принимала въ своемъ домѣ роднаго сына, послѣ того какъ онъ былъ духовенствомъ отлученъ отъ церкви. Сессія такъ успѣшно увѣщевала ее, что довела ее до обѣщанія, не только впредь не впускать сына въ домъ, но и содѣйствовать къ поимкѣ и наказанію его. Она согрѣшила тѣмъ, что любила сына; согрѣшила тѣмъ, что дала ему пріютъ подъ своимъ кровомъ; но, продолжаетъ протоколъ, «она обѣщала, что въ другой разъ не провинится, и что донесетъ властямъ въ первый разъ что онъ придетъ къ ней».

Она обѣщала, что впередъ грѣшить не будетъ. Обѣщала забыть того, кого она выносила въ своей утробѣ, выкормила своею грудью. Обѣщала забыть дитя, которое она столько разъ держала на колѣняхъ, которое столько разъ засыпало на ея груди, котораго нѣжную юность она такъ берегла и лелѣяла. Всѣ самыя дорогія воспоминанія прошлаго, все, что только можетъ дать или воспринять эта самая дивная форма человѣческой любви, все что услаждаетъ память и озаряетъ жизнь въ будущемъ,—все исчезло, все стерлось съ души бѣдной женщины велѣніемъ ея духовныхъ владыкъ. Все было вырвано однимъ нечеловѣческимъ махомъ. Такъ были могущественны пріемы этихъ людей, что они убѣдили мать вступить въ заговоръ противъ сына и выдать его имъ. Они развратили ея душу, вырвавъ изъ нея любовь. Съ этого дня душа ея была осквернена. Она была потеряна для себя самой, какъ была потеряна для сына. Слышать только о подобныхъ дѣлахъ уже достаточно, чтобы взволновалась вся кровь въ человѣкѣ, чтобы онъ возмутился до самой глубины души. Какъ же люди были ихъ свидѣтелями, жили среди ихъ и не возставали противъ нихъ,—это для насъ непостижимо, и доказываетъ только, подъ какимъ сильнымъ гнетомъ были

Шотландцы и какъ глубоко они были порабощены, не только тѣломъ, но и душою.

Что еще говорить послѣ этого? Какими еще болѣе убѣдительными фактами уяснять характеръ одной изъ возмутительнѣйшихъ тиранній, когда либо существовавшихъ на землѣ? Въ то время, когда Шотландская Кирка была на высшей степени своего могущества, мы напрасно стали бы искать въ исторіи другаго какого нибудь учрежденія, которое могло бы съ нею соперничать, кромѣ испанской инквизиціи. Между обоими учрежденіями существуетъ тѣсная и глубокая аналогія. Оба были нетерпимы, оба были жестоки, оба упорно ратовали противъ прекраснѣйшихъ сторонъ человѣческой природы, оба истребляли до послѣдняго слѣда религіозной свободы. Есть однако между ними одно различіе, и очень важное. Въ политическихъ вопросахъ, церковь въ Испаніи раболѣпствовала, а въ Шотландіи крамольничала. Поэтому у Шотландцевъ всегда оставалась одна область, въ которой они могли говорить и дѣйствовать съ полною свободою. Въ политикѣ они могли давать себѣ волю; тутъ умъ ихъ пользовался самымъ широкимъ просторомъ. И въ этомъ было ихъ спасеніе. Это спасло ихъ отъ участи, постигшей Испанію, сохранивъ имъ возможность упражнять и развивать способности, которымъ иначе пришлось бы дремать въ полномъ бездѣйствіи, еслибъ они и не были даже окончательно убиты тѣмъ долгимъ, разслабляющимъ рабствомъ, въ которомъ держало ихъ духовенство и изъ котораго, безъ этого благопріятнаго обстоятельства, не было бы имъ никакого исхода.

ГЛАВА VI.

Изслѣдованіе умственнаго движенія въ Шотландіи въ восемнадцатомъ вѣкѣ.

Чтобы дополнить исторію и анализъ умственной жизни Шотландіи, мнѣ слѣдуетъ теперь разсмотрѣть то своеобразное движеніе, которое обнаружилось въ восемнадцатомъ вѣкѣ и которое, по разнымъ причинамъ, заслуживаетъ внимательнаго изученія. Движеніе это въ сущности было реакціею противъ теологическаго направленія, преобладавшаго въ семнадцатомъ столѣтіи. Такая реакція едвали была бы возможна, еслибъ не то обстоятельство, мною уже указанное, что политическая дѣятельность, породившая возстаніе противъ Стюартовъ, спасла умственную жизнь Шотландіи отъ застоя и не дала ей впасть въ ту глубокую дремоту, къ которой естественно должно было привести ее усиленіе суевѣрія. Продолжительная и упорная борьба съ деспотическимъ правительствомъ поддерживала нѣкоторую чуткость и энергію разсудка, сохранившіяся и послѣ того, какъ миновалась самая борьба, ихъ породившая. Когда споръ былъ окончательно рѣшенъ и въ странѣ снова водворился миръ,— способности, въ продолженіе трехъ поколѣній изощрявшіяся въ сопротивленіи исполнительной власти, стали искать себѣ другаго занятія и нашли новое поприще, на которомъ могли дѣйствовать на просторѣ.

Такимъ образомъ, та отвага, которая въ семнадцатомъ столѣтіи примѣнялась къ практической жизни, въ восемнадцатомъ вѣкѣ была перенесена въ область отвлеченнаго мышленія и произвела литературу, стремившуюся пошатнуть прежнія понятія и снести старыя межи человѣческаго ума. Движеніе было революціонное и стало въ такое же отношеніе къ церковной тиранніи, въ какомъ предшествовавшее движеніе было къ тиранніи политической. Но это новое возстаніе представляетъ одну поразительную, характеристическую особенность. Почти во всѣхъ другихъ странахъ, когда разумъ рѣшительно возставалъ противъ исключительныхъ притязаній церкви, возникавшая вслѣдствіе того свѣтская философія была философія индуктивная, принимавшая за основаніе индивидуальный, прямой опытъ и старавшаяся этимъ путемъ ниспровергнуть общія и преемственныя понятія, на которыхъ основывается всякая церковная власть. Планъ, который она себѣ начертала, былъ такой: не принимать такихъ принциповъ, которые не могли бы быть доказаны посредствомъ фактовъ; между тѣмъ какъ противоположный планъ, теологическій, заключается въ томъ, чтобы факты насильно подводить подъ принципы. Въ первомъ случаѣ опытъ предшествуетъ теоріи, во второмъ—теорія предшествуетъ опыту и властвуетъ надъ нимъ. Въ теологіи извѣстныя начала принимаются за данныя и непреложныя; усомниться въ нихъ — почитается противнымъ благочестію, и за тѣмъ остается намъ только умозаключать отъ нихъ къ частностямъ. Это методъ дедуктивный. Напротивъ того, индуктивный методъ ничего не принимаетъ на вѣру, а настаиваетъ на томъ, чтобы вести умозаключеніе отъ частныхъ явленій къ общему началу, и требуетъ, чтобы человѣку была предоставлена свобода самому доискиваться до началъ. Въ завершенной системѣ человѣческаго знанія, когда всѣ наши средства будутъ вполнѣ развиты и приведены въ стройный порядокъ, что̀ и должно наконецъ совершиться, эти два ме-

тода не будутъ уже враждебны другъ другу, а будутъ взаимно восполняться, и соединятся въ одно цѣлое. Въ настоящее время однако мы еще далеко не дошли до такого результата; и не только каждый отдѣльный умъ обнаруживаетъ большую склонность къ тому или другому изъ двухъ методовъ, но и въ исторiи мы находимъ, что разные вѣка и разныя страны характеризуются степенью преобладанiя того или другаго метода; находимъ также, что изученiе этого антагонизма составляетъ самый вѣрный путь къ уразумѣнiю умственнаго состоянiя народа въ данный перiодъ.

Что индуктивная философiя еще болѣе отличается своими свѣтскими стремленiями, чѣмъ научными, это вещь очевидная для каждаго, кто наблюдалъ эпохи, въ которыя она проявляла наибольшую дѣятельность и имѣла наиболѣе послѣдователей. Отличный примѣръ, въ этомъ отношенiи, представляетъ исторiя умственнаго движенiя во Францiи въ восемнадцатомъ вѣкѣ; тутъ, по смерти Людовика XIV, можно ясно прослѣдить связь между развитiемъ индуктивнаго метода и послѣдующимъ низверженiемъ галликанской церкви. Точно такъ же въ Англiи, появленiе Бэконовой философiи, съ ея твердою рѣшимостью подчинить древнiе принципы новѣйшему опыту, составляетъ самый тяжелый ударъ, какой былъ когда либо нанесенъ теологамъ, принявшимъ за правило исходить не отъ опыта, а отъ началъ, которыя они признаютъ неисповѣдимыми, и которыя человѣкъ обязанъ принимать на вѣру, безъ дальнѣйшихъ споровъ. И едвали нужно напоминать читателю, что какъ только утвердилась у насъ эта философiя, она тотчасъ же породила тѣ смѣлыя изслѣдованiя, которыя скоро завершились паденiемъ англiйской церкви при Карлѣ I. Духовенство наше на время и отчасти оправилось было отъ этого ужаснаго пораженiя; но кажущееся торжество его, въ царствованiе Карла II, было послѣдствiемъ политическихъ перемѣнъ, а не соцiальныхъ, а потому духовенство и не въ силахъ было возвратить свою прежнюю власть надъ обществомъ; да

и нѣтъ возможности ему когда либо воскресить эту власть, если только не суждено націи пойти вспять. На низшій разрядъ умовъ оно еще имѣетъ большое вліяніе; но Бэконова философія, подорвавъ довѣріе къ любимому методу духовенства, подкопала его систему въ самомъ основаніи. Съ той минуты, какъ вѣра въ его способъ изслѣдованія была разрушена, исчезла и тайна его могущества. Съ той минуты какъ люди начали настаивать на необходимости подвергать повѣркѣ основныя начала, вмѣсто того чтобы по прежнему принимать ихъ безъ разсужденія и смиренно подчиняться имъ какъ предметамъ обязательнаго вѣрованія, — теологи, теряя позицію за позиціей и постоянно отступая передъ напоромъ подвигающагося знанія, принуждены были бросать одну твердыню за другою, пока не дошли наконецъ до того, что оставшаяся за ними часть ихъ прежней территоріи почти не стоитъ борьбы. Какъ къ послѣднему средству, рѣшились они, подъ конецъ восемнадцатаго вѣка, прибѣгнуть къ оружію своихъ противниковъ; Пэлей и его преемники, расширивъ планъ, лишь слабо набросанный Реемъ и Дерамомъ, пытались, съ помощью ловкаго примѣненія индуктивнаго метода, вознаградить своихъ сторонниковъ за неудачи метода дедуктивнаго. Это предпріятіе однако, хотя и искусно задуманное, не привело къ желанному результату. Въ настоящее время уже всѣми признано, что изъ него ничего и не можетъ выйти, и что подпереть старыя теологическія посылки рядомъ индуктивныхъ умозаключеній вещь невозможная. Въ этомъ отношеніи замѣчательнѣйшіе философы сходятся съ замѣчательнѣйшими теологами; и со временъ Канта въ Германіи и Кольриджа въ Англіи, ни одинъ изъ нашихъ наиболѣе способныхъ дѣятелей, даже изъ числа духовенства, не возвращался уже къ тому плану, въ преслѣдованіи котораго Пэлей, дѣйствительно, явилъ большую силу ума, но который въ нашихъ Бриджватерскихъ трактатахъ, въ нашихъ университетскихъ диссертаціяхъ и тому подобныхъ учени-

ческихъ произведеніяхъ находилъ только жалкія и безплодныя подражанія. Теперь никто изъ великихъ мыслителей не слѣдуетъ этому направленію въ религіозныхъ вопросахъ. Напротивъ, они предпочитаютъ болѣе надежный, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе философическій, способъ: разсуждать объ этихъ предметахъ только путемъ трансцендентальнымъ, откровенно сознаваясь, что они избѣгаютъ столкновенія съ тою индуктивною философіею, которая одержала столько блистательныхъ побѣдъ въ области науки.

При такой очевидной противоположности обоихъ методовъ и непримѣнимости индуктивнаго метода къ изслѣдованіямъ теологовъ, нисколько не удивительно, что Шотландцы съ величайшею ревностью привязались къ одному изъ этихъ методовъ и почти совершенно отвергли другой. Какъ страна существенно теологическая, Шотландія пристала къ теологической системѣ. Исторія умственной ея жизни въ семнадцатомъ столѣтіи есть почти исключительно исторія теологіи. За исключеніемъ одного только Непира, родившагося еще въ половинѣ шестнадцатаго вѣка, всѣ наиболѣе замѣчательные мыслители принадлежали къ духовенству. По естественнымъ наукамъ не дѣлалось почти ничего. Не существовало также ни поэзіи, ни драмы, ни самобытной философіи, ни изящной словесности, ни свѣтской литературы, ничего такого, что теперь стоило бы еще прочесть. Единственными людьми съ дѣйствительнымъ вліяніемъ были духовные. Они управляли націею, и проповѣдническая каѳедра была главнымъ орудіемъ ихъ власти. Съ проповѣднической каѳедры двигали они умами всѣхъ родовъ и всѣхъ разрядовъ, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ. Съ нея они наставляли ихъ, устрашали, и говорили все, что хотѣли, зная, что все, что они ни скажутъ, будетъ принято на вѣру. Но всѣ ихъ проповѣди и всѣ ихъ ученыя пренія представляютъ въ высшей степени дедуктивный характеръ; ни въ одномъ не найдется и покушенія на индуктивный способъ доказательства. Даже мысль

о чемъ либо подобномъ никогда не приходила въ голову этимъ писателямъ. Они утверждали голословно истину своихъ религіозныхъ и нравственныхъ понятій, по большей части заимствованныхъ у древнихъ; ставили эти понятія первыми посылками своихъ силлогизмовъ, и отъ нихъ вели умозаключеніе къ низу до тѣхъ поръ, пока не доходили до искомыхъ выводовъ. Они и не подозрѣвали, что посылки, заимствованныя отъ древнихъ временъ, могли быть плодомъ индукцій тѣхъ временъ, и что съ развитіемъ и умноженіемъ знанія, самыя эти индукціи могли нуждаться въ провѣркѣ, Они принимали за несомнѣнное, что Богъ открылъ намъ первыя начала и что если Онъ самъ открылъ ихъ намъ, то нечестиво было бы подвергать ихъ изслѣдованію. Что Богъ открылъ намъ эти начала, это было для нихъ положительною истиною и не требовало доказательства. Принявъ такимъ образомъ чисто дедуктивный методъ, имъ оставалось заботиться объ одномъ только, чтобы не вкралось ошибки между посылками и заключеніями. А эту часть задачи они исполняли съ рѣдкимъ мастерствомъ. Они были тонкіе діалектики и рѣдко давали промахъ въ томъ, что называется формальною стороною логики. Въ обращеніи съ готовыми уже посылками они отличались чрезвычайнымъ искусствомъ; а какимъ путемъ были добыты эти посылки, объ этомъ они и не задумывались. Это былъ вопросъ, котораго они никогда не подвергали сколько нибудь безпристрастному разсмотрѣнію. По ихъ методу требовалось одного—дѣлать выводы изъ положеній, сообщенныхъ сверхъестественнымъ путемъ. Индуктивный методъ, напротивъ, научилъ бы ихъ, что прежде всего надлежало спросить, были ли эти положенія дѣйствительно сообщены сверхъестественнымъ путемъ, или нѣтъ? Какъ дедуктивные діалектики, они принимали за непреложныя данныя тѣ именно предварительныя положенія, которыя индуктивные мыслители стали бы оспаривать. Они умозаключали отъ общаго къ частному, вмѣсто того чтобы умозаключать отъ частнаго къ об-

щему. И ни себѣ, ни другимъ не позволяли они провѣрять общія предложенія, которыя должны были служить основою частнымъ фактамъ и управлять ими; съ нихъ было достаточно того, что большія посылки были уже поставлены и что съ ними оставалось только обращаться по правиламъ старой силлогистической логики. Они до того были убѣждены въ негодности индуктивнаго метода, что не запинаясь утверждали, будто Божество сообщало человѣку свою волю посредствомъ силлогизма.

Весьма естественно было ожидать, что духовенство, при такомъ взглядѣ на надежнѣйшій способъ достиженія истины, употребитъ всѣ средства, какія были въ его власти, для того чтобы склонить націю на свою сторону, будетъ всячески стараться объ упроченіи повсюду своего метода и совершенномъ вытѣсненіи метода противоположнаго. Исполнить же эту задачу было не очень трудно. Господствовавшее въ обществѣ легковѣріе было ему въ этомъ случаѣ весьма важнымъ задаткомъ успѣха, такъ какъ оно дѣлало людей болѣе склонными принимать предложенія на вѣру, чѣмъ изслѣдовать ихъ. Когда предложенія были разъ приняты, то принявшему ничего больше не оставалось, какъ вести отъ нихъ умозаключенія; и самые дѣятельные умы въ Шотландіи, постоянно упражняясь въ этой работѣ, достигли въ ней самаго полнаго мастерства; а ловкость, съ какою они ее исполняли, еще увеличивала ея славу. Кромѣ того, въ рукахъ усердныхъ поборниковъ этого метода, духовенства, была монополія воспитанія, и общественнаго, и домашняго. Ни въ какой другой протестантской странѣ духовенство не имѣло такой власти надъ университетами; ибо не только преподаваемое въ нихъ ученіе, но и самый способъ преподаванія его въ Шотландіи былъ отданъ подъ надзоръ церкви. Этою властью духовенство, конечно, пользовалось для того, чтобы распространять вездѣ свой способъ раскрытія истины; и пока власть его оставалась въ прежней силѣ, противоположному,

индуктивному, методу, едва ли была какая возможность пробить себѣ дорогу. Надъ низшими учебными заведеніями духовенство имѣло такую же полную власть, какъ и надъ университетами. Оно же назначало и удаляло, по своему усмотрѣнію, преподавателей всѣхъ степеней, отъ сельскаго учителя до домашняго наставника въ частномъ семействѣ. Стало быть, каждое поколѣніе, какъ только подростало, поступало подъ вліяніе духовенства и воспитывалось въ его понятіяхъ. Овладѣвая умомъ каждаго Шотландца въ то время когда онъ былъ еще молодъ и гибокъ, духовенство выгибало его по своему методу. Такимъ образомъ этотъ методъ сдѣлался господствующимъ; онъ царилъ повсюду; противъ него не возвышалось ни одного голоса, и никому не приходило на мысль, что существуетъ и другой путь, которымъ можно дойти до истины, и что человѣческій разсудокъ пригоденъ на что нибудь другое, кромѣ дѣланія дедуктивныхъ выводовъ изъ посылокъ, которыя не дозволялось изслѣдовать индуктивно,

Послѣдствіемъ такого полнаго незнанія индуктивнаго или аналитическаго направленія и исключительнаго развитія направленія дедуктивнаго или синтетическаго, было то, что когда, въ началѣ восемнадцатаго столѣтія обстоятельства, о которыхъ я уже упоминалъ, вызвали сильное умственное движеніе, это движеніе, хотя новое по своимъ результатамъ, было не ново по методу, которымъ эти результаты добывались. Явилась, правда, свѣтская философія, и способнѣйшіе люди стали посвящать себя уже не теологіи, а свѣтскимъ наукамъ, но теологическій строй мышленія до того охватилъ всѣ умы въ Шотландіи, что даже философы были не въ состояніи отрѣшиться отъ теологическаго метода, и индуктивный методъ, какъ я покажу далѣе, не имѣлъ на нихъ вліянія. Этотъ весьма любопытный фактъ составляетъ ключъ къ исторіи Шотландіи въ восемнадцатомъ вѣкѣ, и объясняетъ многія явленія, которыя иначе казались бы несовмѣстимыми другъ съ другомъ.

Онъ же наводитъ на нѣкоторую аналогію Шотландіи съ Германіею, гдѣ дедуктивный методъ былъ также долгое время господствующимъ, и вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ причинъ. Какъ въ той, такъ и въ другой странѣ, свѣтское движеніе восемнадцатаго вѣка не въ силахъ было выйти на индуктивный путь; и это умственное сродство между двумя народами, столь различными въ другихъ отношеніяхъ, составляетъ, безъ сомнѣнія, главную причину, почему шотландская философія и нѣмецкая имѣли такое сильное вліяніе другъ на друга; Кантъ и Гамильтонъ могутъ служить самыми полными образцами этого взаимодѣйствія. Совершенную противоположность этому представляетъ Англія. Въ продолженіе слишкомъ полутораста лѣтъ, по смерти Бэкона, величайшіе англійскіе мыслители, за исключеніемъ Ньютона и Гарвея, были мыслителями по преимуществу индуктивными; и только въ девятнадцатомъ вѣкѣ появились ясные признаки обратнаго движенія и была сдѣлана попытка возвратиться до нѣкоторой степени къ методу дедуктивному. Совершая такой поворотъ, мы во многихъ отношеніяхъ правы, потому что въ постепенномъ умноженіи нашего знанія, мы длиннымъ рядомъ индуктивныхъ разсужденій дошли до многихъ заключеній, отъ которыхъ уже смѣло можемъ идти дедуктивнымъ путемъ; то есть можемъ принять ихъ за большія посылки для новыхъ умозаключеній. Тотъ же процессъ совершился и во Франціи, гдѣ исключительно индуктивная философія восемнадцатаго вѣка предшествовала возстановленію, въ нѣкоторыхъ предѣлахъ, дедуктивной философіи въ девятнадцатомъ. Въ Шотландіи такихъ поворотовъ не было. Шотландцы всегда мыслили дедуктивно; даже наиболѣе самобытные изъ ихъ мыслителей не въ силахъ были освободиться отъ общаго стремленія, и должны были принимать методъ, освященный временемъ и неразрывно слившійся со всѣми представленіями національнаго ума.

Для того, чтобы понять изслѣдованіе, къ которому я на-

мѣренъ сейчасъ приступить, читатель долженъ хорошо усвоить и постоянно имѣть въ виду существенное различіе между дедукціею, исходящею отъ началъ, и индукціею, восходящею къ началамъ. Онъ долженъ помнить, что индукція, наведеніе, ведетъ отъ меньшаго къ большему; дедукція же выводъ—отъ большаго къ меньшему; индукція—отъ частнаго къ общему и отъ чувственныхъ воспріятій къ идеямъ; дедукція—отъ общаго къ частному и отъ идей къ чувственнымъ воспріятіямъ. Посредствомъ индукціи мы восходимъ отъ конкретнаго къ абстрактному; посредствомъ дедукціи нисходимъ отъ абстрактнаго къ конкретному. Рядомъ съ этимъ различіемъ существуютъ извѣтныя свойства ума, которыми всегда, за весьма немногими исключеніями, характеризуется вѣкъ, народъ или отдѣльное лицо, въ которомъ тотъ или другой изъ этихъ методовъ преобладаетъ. Индуктивный философъ отъ природы остороженъ, терпѣливъ, отчасти идетъ ползкомъ; дедуктивный философъ, напротивъ, отличается смѣлостью, ловкостью, не рѣдко также опрометчивою отвагою. Дедуктивный мыслитель постоянно принимаетъ за непреложное нѣкоторыя посылки, которыя совершенно отличны отъ гипотезъ, составляющихъ существенную принадлежность самой строгой индукціи. Посылки эти иногда заимствованы у древности, иногда взяты изъ понятій случайно господствующихъ въ окружающемъ обществѣ; иногда онѣ суть результатъ особенностей организаціи отдѣльнаго человѣка, иногда же, какъ мы увидимъ далѣе, сознательно избираются, для того чтобы достичь не истины, а чего то приближающагося къ истинѣ. Однимъ словомъ, мы можемъ сказать, что дедуктивный складъ мышленія, будучи существенно синтетическимъ, всегда стремится умножить число первыхъ началъ или законовъ, между тѣмъ какъ индуктивное мышленіе стремится, постепеннымъ и послѣдовательнымъ анализомъ, уменьшить число этихъ законовъ.

Имѣя въ виду это основное раздѣленіе всѣхъ способовъ

человѣческаго изслѣдованія на два коренные пути, нельзя не подивиться тому въ высшей степени замѣчательному факту въ исторіи Шотландіи, что во все продолженіе восемнадцатаго вѣка, всѣ ея великіе мыслители шли по первому пути; и что въ тѣхъ весьма немногихъ случаяхъ индуктивнаго разсужденія, какіе встрѣчаются въ ихъ сочиненіяхъ, изъ послѣдовательныхъ пріемовъ ихъ очевидно, что они смотрѣли на эти наведенія, какъ не имѣвшія сами по себѣ большой важности, а полезныя развѣ тѣмъ только, что доставляли посылки для дальнѣйшаго дедуктивнаго изслѣдованія. Такъ какъ различныя отрасли человѣческаго знанія никогда еще не были приводимы въ стройное цѣлое и разсматриваемы въ совокупности, то никто, вѣроятно, не подозрѣваетъ, какъ всеобще было это движеніе въ Шотландіи, въ какой степени оно проникало всѣ науки и направляло всякое движеніе мысли. Поэтому, чтобы показать, съ какою силою оно дѣйствовало, я намѣренъ прослѣдить его проявленіе во всѣхъ главныхъ отдѣлахъ умозрѣнія, какъ въ области физической, такъ и въ нравственной, и доказать, что во всѣхъ ихъ примѣнялся одинъ и тотъ же методъ. При этомъ я долженъ, для ясности, держаться естественнаго порядка въ расположеніи предметовъ; но буду также, вездѣ гдѣ только окажется возможно, слѣдовать и хронологическому порядку, въ какомъ развивался умъ шотландскаго народа, такъ чтобы читатель могъ уразумѣть не только характеръ этой замѣчательной литературы, но и различныя ступени ея развитія и изумительную энергію, съ какою она высвобождалась изъ оковъ, наложенныхъ суевѣріемъ.

Начало великой свѣтской философіи Шотландіи должно, безъ всякаго сомнѣнія, относить къ Франсису Гётчесону. Этотъ замѣчательный человѣкъ родился въ Ирландіи, но происходилъ изъ шотландскаго семейства и получилъ образованіе въ Глесгоскомъ университетѣ, гдѣ былъ назначенъ профессоромъ философіи въ 1729 году. Своими лекціями и своими сочиненіями онъ распространилъ охоту къ смѣлымъ изслѣдо-

ваніямъ о предметахъ первой важности, о которыхъ издавна было рѣшено, что относительно ихъ нельзя научиться ничему новому; ибо Шотландцевъ до того времени учили, что всѣ существенныя истины, которыя необходимо человѣку знать, относительно собственной его природы, были ему уже сообщены откровеніемъ. Гётчесонъ, однако, не побоялся построить систему нравственнаго ученія на чисто свѣтскихъ основаніяхъ, чему до него не было еще въ Шотландіи ни одного примѣра. Начала, которыя онъ положилъ ей въ основу, были не теологическія, а метафизическія. Онъ почерпалъ ихъ изъ того, что считалъ естественнымъ строемъ духа, а не изъ сообщеннаго сверхъестественнымъ откровеніемъ, какъ дѣлали прежде. Слѣдовательно онъ перенесъ изслѣдованіе на другую почву. Хотя онъ твердо вѣровалъ въ откровеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ однако утверждалъ, что лучшія правила нравственныхъ дѣйствій могутъ быть познаны безъ его посредства; что человѣческій разумъ можетъ дойти до нихъ безъ посторонней помощи, и что они, будучи получены такимъ образомъ, должны, въ своей совокупности, почитаться за законъ природы. Эта вѣра въ силу человѣческаго разума была совершенною новостью въ Шотландіи, и провозглашеніе ея образуетъ эпоху въ литературѣ этого народа. До того времени людей учили, что разумъ опрометчивъ и ограниченъ, что его слѣдуетъ держать въуздѣ, что ему не совладать съ задачами, которыя ему представляются. Гётчесонъ, напротивъ, утверждалъ, что разумъ совершенно въ силахъ справиться съ этими задачами, но что для этого нужно дать ему свободу и снять съ него оковы. Поэтому онъ настойчиво защищалъ право личнаго сужденія, которое шотландская церковь не только осуждала, но и почти совершенно подавила. Онъ неотступно доказывалъ, что каждое отдѣльное лицо имѣетъ право составлять себѣ собственное мнѣніе на основаніи тѣхъ доводовъ, какіе имѣетъ; и такъ какъ это право неотчуждаемо, то только слабые умы могутъ отказаться отъ поль-

зованія имъ. Каждому, продолжалъ онъ, должно быть предоставлено судить по собственному разумѣнію, и нѣтъ никакой пользы заставлять людей держаться образа мыслей, противнаго ихъ убѣжденіямъ. Между тѣмъ это такъ мало понимаютъ, что мы постоянно видимъ, какъ всѣ мелкія секты ссорятся между собою и поносятъ другъ друга за то только, что взгляды ихъ различны. Странно слышать, какъ послѣдователи одного исповѣданія честятъ послѣдователей другихъ исповѣданій идолопоклонниками, и домогаются наказанія ихъ. На дѣлѣ, въ нихъ во всѣхъ много хорошаго; единственное дѣйствительное въ нихъ зло составляетъ эта любовь къ гоненію. Но толпа считаетъ еретикомъ всякаго, кто не вѣритъ тому, чему она вѣритъ; и этому образу мыслей слишкомъ потворствуетъ духовенство, котораго самолюбіе обижается мыслью, что міряне хотятъ быть умнѣе своихъ духовныхъ учителей и осмѣливаются не соглашаться съ тѣмъ, что они говорятъ.

Такое широкое понятіе о свободѣ опережало умственное развитіе страны, въ которой оно преподавалось, и могло имѣть вліяніе развѣ только на немногихъ мыслящихъ людей. Эти и подобныя имъ ученія, однако, Гётчесонъ повторялъ въ своихъ лекціяхъ каждый годъ. И странными, конечно, должны были они казаться слушателямъ. Въ тѣхъ, кто принималъ ихъ, они совершенно сокрушали преобладавшее теологическое направленіе, для котораго вѣротерпимость была безбожіемъ и которое стремясь запереть человѣческій умъ въ границы отжившихъ понятій, считало долгомъ карать каждаго, кто переступалъ эти границы. Въ противоположность этому, Гётчесонъ вводилъ начала изслѣдованія, обсужденія и сомнѣнія. Еще въ другомъ отношеніи знаменательна его философія — какъ начало великаго умственнаго возстанія въ Шотландіи. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что духовенство успѣло развить въ умахъ народа понятія самаго мрачнаго аскетизма, и что это ученіе естественнымъ образомъ возникло изъ громад-

ной власти, которою обладала церковь. Гётчесонъ энергически возсталъ противъ такихъ понятій. Онъ справедливо полагалъ, что почитаніе всякаго рода красоты не только не грѣховно, но даже составляетъ существенно необходимый элементъ въ полномъ и гармоническомъ развитіи духа; и самая оригинальная часть его философіи заключается именно въ его изслѣдованіяхъ о дѣйствіи и происхожденіи нашихъ идей по этому предмету. До того времени, Шотландцевъ учили, что чувства, возбуждаемыя въ насъ красотою, суть плодъ испорченности нашей природы и что ихъ слѣдуетъ подавлять. Гётчесонъ же, напротивъ, доказывалъ, что они сами по себѣ благи, что они составляютъ часть общаго строя человѣческихъ явленій и заслуживаютъ спеціальнаго, научнаго изученія. И онъ съ такимъ мастерствомъ принялся за это изученіе, что, по отзыву одного изъ самыхъ свѣдущихъ судей нашего времени, его должно считать родоначальникомъ всѣхъ позднѣйшихъ изслѣдованій по этому предмету; ибо его сочиненіе было первою попыткою независимаго, широкаго и всеобъемлющаго изученія идеи красоты.

Не только въ чисто умозрительныхъ вопросахъ, но и въ практическихъ наставленіяхъ обнаруживалъ Гётчесонъ то же стремленіе; во всемъ старался онъ низвергнуть мрачное зданіе, воздвигнутое суевѣріемъ. Его предшественники, да и почти всѣ наиболѣе вліятельные современники его, представляли всякое наслажденіе противнымъ нравственности и возставали противъ изящныхъ искусствъ, считая ихъ вредными по той причинѣ, что они служатъ къ доставленію намъ наслажденія и чрезъ то отвлекаютъ умы отъ серіозныхъ помысловъ. Гётчесонъ, напротивъ, провозглашалъ, что изящныя искусства слѣдуетъ поощрять, потому что, говоритъ онъ, они не только доставляютъ удовольствіе, но и заслуживаютъ уваженія, и посвящать имъ свое время есть дѣло похвальное. Въ наше время основательность этого сужденія очевидна; но въ Шотландіи давно уже не было слыхано подобнаго ученія изъ устъ обществен-

наго преподавателя и оно прямо противорѣчило всѣмъ господствовавшимъ понятіямъ. Гётчесонъ пошелъ еще далѣе. Не довольствуясь тѣмъ, что поднялъ голосъ па защиту богатства, которое шотландское духовенство осуждало, какъ одинъ изъ самыхъ пагубныхъ и плотскихъ предметовъ, онъ смѣло утверждалъ, что всѣ естественныя стремленія наши законны и что удовлетвореніе ихъ совмѣстно съ самою высокою добродѣтелью. Въ его глазахъ они были законны, потому что имѣютъ начало въ природѣ человѣка, между тѣмъ, какъ по воззрѣнію теологической теоріи, они по этой именно причинѣ и были незаконны. Въ этомъ-то и заключается коренное различіе между практическими выводами Гётчесона и тѣми, которые были въ ходу до него. Подобно всѣмъ великимъ мыслителямъ, съ семнадцатаго вѣка, онъ любилъ человѣческую природу и уважалъ ее, но не любилъ и не уважалъ тѣхъ людей, которые ее сковывали и тѣмъ ослабляли ея силу и нарушали ея красоту. Онъ питалъ болѣе довѣрія къ человѣчеству, чѣмъ къ руководителямъ человѣчества. Его предшественники, шотландскіе духовные, поносили человѣка; они клеветали на весь человѣческій родъ. По ихъ увѣренію, въ насъ нѣтъ ничего, кромѣ грѣха и порчи, и потому всѣ наши стремленія слѣдуетъ подавлять. Гётчесону принадлежитъ не малая честь, что онъ первый въ Шотландіи публично возсталъ противъ этихъ унизительныхъ для человѣчества понятій. Съ благородною и высокою цѣлью принялся онъ за свое дѣло. Глубоко уважая человѣческій умъ, онъ поставилъ себѣ задачею отстаивать его достоинство противъ тѣхъ, которые оспаривали его права. Къ сожалѣнію, онъ не могъ имѣть полнаго успѣха: предразсудки его времени были слишкомъ сильны. Однакоже онъ сдѣлалъ все, что было возможно. Онъ противился теченію, котораго не въ силахъ былъ остановить, не отступно громилъ то, чего нельзя еще было низвергнуть, съ гнѣвомъ и презрѣніемъ выкинулъ изъ своей философіи тѣ гнусные предразсудки, которые, оскверняя все великое и благородное,

долго ослѣпляли современниковъ, и снова выдвинувъ старое и пагубное ученіе о нравственномъ вырожденіи, представляли человѣку собственную его природу одною лишь бездною порока и не позволяли ему видѣть, сколько въ немъ дѣйствительно присущихъ ему добрыхъ качествъ, сколько всегда проявлялось въ мірѣ духа самоотверженія и свободной, безкорыстной доброжелательности, сколько сохраняется хорошаго даже въ самыхъ худшихъ изъ людей, насколько между людьми обыкновенными, средняго закала характера, составляющими большинство человѣчества, желаніе дѣлать ближнему добро чаще встрѣчается, чѣмъ желаніе вредить ему—мягкосердечіе обыкновеннѣе жестокости, и число добрыхъ дѣлъ, въ общемъ итогѣ, превышаетъ число дурныхъ.

До сихъ поръ мы говорили о направленіи Гётчесоновой философіи. Теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть его методъ, то есть способъ, избранный имъ для полученія своихъ выводовъ. Это составляетъ весьма важную часть въ настоящемъ нашемъ изслѣдованіи. Мы найдемъ при этомъ, что въ изученіи нравственной философіи, какъ и въ изученіи всякой отрасли знанія, не выработавшейся еще до степени науки, не только существуютъ два метода, но что эти два метода ведутъ къ различнымъ заключеніямъ. Идя путемъ наведенія, мы приходимъ къ одному заключенію; идя путемъ вывода, приходимъ къ другому. Это различіе въ результатахъ всегда служитъ доказательствомъ, что предметъ изученія, въ которомъ представляется это различіе, еще недостаточно выроботанъ для научнаго обращенія съ нимъ; что требуется еще устранить нѣкоторыя предварительныя затрудненія, прежде чѣмъ нужно будетъ перенести его со степени эмпирическаго знанія на степень науки. Какъ скоро эти затрудненія устранены, результаты получаемые путемъ наведенія будутъ совпадать съ результатами, получаемыми путемъ вывода, предполагая, разумѣется, правильное употребленіе того и другаго способа. Въ такомъ случаѣ, нѣтъ уже большой важности въ томъ, какъ

мы мыслили, отъ частнаго къ общему, или отъ общаго къ частному. Тотъ и другой образъ дѣйствія дастъ одни и тѣ же заключенія, и это согласіе результатовъ служитъ доказательствомъ, что изслѣдованіе есть въ строгомъ смыслѣ научное. Такъ, напримѣръ, въ химіи, если бы разсуждая дедуктивнымъ путемъ отъ общихъ началъ, мы могли всегда съ точностью предсказать, что должно выйти изъ соединенія двухъ или большаго числа элементовъ, хотя бы даже эти элементы были для насъ новы, и если бы, разсуждая индуктивно отъ каждаго элемента, мы могли приходить къ тому же самому заключенію, то оба процесса подтверждали бы другъ друга, и чрезъ эту взаимную ихъ повѣрку наука была бы завершена. Но мы въ химіи этого сдѣлать не можемъ, и потому химія еще не наука, хотя съ тѣхъ поръ, какъ Дальтонъ внесъ въ нее понятія вѣса и числа, она на пути къ тому, чтобы сдѣлаться наукою. Напротивъ того астрономія — наука, потому что, употребляя дедуктивный пріемъ, математическія выкладки, мы можемъ вычислить движенія и уклоненія тѣлъ; а обратившись къ индуктивному пріему, наблюденію, мы съ помощью телескопа убѣждаемся въ точности предшествовавшихъ, такъ сказать примѣрно предпосланныхъ, нашихъ выводовъ. Фактъ совершенно согласуется съ идеею; частное явленіе подтверждаетъ общее начало, а общее начало объясняетъ явленіе, и совпаденіе ихъ даетъ намъ право вѣрить въ совершенную точность нашего знанія; какимъ бы путемъ мы ни шли, мы приходимъ къ одному и тому же заключенію, и результаты индуктивнаго мышленія, обобщенія частностей, совершенно совпадаютъ съ результатами мышленія дедуктивнаго, умозаключенія отъ идей.

Но въ изученіи нравственныхъ явленій нѣтъ такого согласія. Частью вслѣдствіе силы предразсудковъ, частью по причинѣ многосложности самаго предмета, всѣ попытки научнаго изслѣдованія нравственныхъ явленій оказывались неудачными. Поэтому и не удивительно, что въ этой области знанія ни-

дуктивный изслѣдователь приходитъ къ одному заключенію, а дедуктивный къ другому. Индуктивный изслѣдователь старается достичь цѣли наблюденіемъ человѣческихъ поступковъ, подвергая ихъ анализу, для того чтобы раскрыть въ нихъ начала, которыми они управляются. Дедуктивный изслѣдователь, отправляясь съ противоположнаго конца, принимаетъ извѣстныя начала за первобытныя, прирожденныя, и отъ нихъ ведетъ умозаключенія къ фактамъ, дѣйствительно представляющимся въ жизни. Первый идетъ отъ конкретнаго къ абстрактному, второй—отъ абстрактнаго къ конкретному. Индуктивный моралистъ разсматриваетъ исторію прежняго общества, или состояніе современнаго, и утверждаетъ, что первымъ дѣломъ должно быть собраніе фактовъ, а затѣмъ уже обобщеніе ихъ. Дедуктивный изслѣдователь, напротивъ, пользуясь фактами болѣе въ видѣ примѣровъ для уясненія своихъ началъ, чѣмъ для отысканія этихъ началъ, опирается, съ перваго шагу, не на внѣшнія явленія, а на внутреннія идеи, и ставитъ эти идеи большою посылкою силлогистическаго разсужденія. Обѣ стороны согласны въ томъ, что человѣкъ обладаетъ способностью признавать одни поступки хорошими, другіе дурными. Но лишь только дойдетъ до вопроса, какъ онъ пріобрѣтаетъ эту способность, и что такое эта способность, тутъ они совершенно расходятся. Индуктивный мыслитель говоритъ, что эта способность имѣетъ цѣлью счастіе человѣка, что мы пріобрѣтаемъ ее путемъ общенія съ людьми и что она проистекаетъ изъ взаимодѣйствія соціальныхъ причинъ, доступныхъ анализу. Дедуктивный мыслитель, съ своей стороны, говоритъ, что эта способность различенія между правымъ и неправымъ имѣетъ цѣлью не счастіе человѣка, а истину; что источникъ ея заключается въ самой природѣ человѣка и недоступенъ анализу; что она есть прирожденное человѣку, коренное убѣжденіе; что мы можемъ принять ее за основаніе и вести разсужденіе отъ нея, но нѣтъ надежды когда либо

объяснить ее посредствомъ восходящихъ къ ней умозаключеній.

Достаточно лишь слегка ознакомиться съ сочиненіями Гётчесона, чтобы убѣдиться уже, что онъ принадлежитъ ко второй изъ этихъ двухъ школъ. Онъ предполагаетъ, что всѣ люди надѣлены способностью, которую онъ называетъ нравственною способностью и которая, какъ первобытное, прирожденное начало, не допускаетъ анализа. За тѣмъ онъ предполагаетъ, что назначеніе этой способности—управлять всѣми другими нашими способностями. Отъ этихъ двухъ предпосланныхъ положеній онъ ведетъ разсужденіе къ видимымъ фактамъ образа дѣйствій людей и дедуктивно слагаетъ общій строй жизни. Избравъ такую чисто синтетическую систему, онъ презираетъ аналитическій методъ и сѣтуетъ на него, какъ на хитрое покушеніе уменьшить число нашихъ познавательныхъ способностей. Дѣло въ томъ, что съ каждымъ такимъ уменьшеніемъ, отнималось бы у него которое нибудь изъ его коренныхъ началъ и онъ чрезъ то лишался бы возможности употреблять ихъ какъ большія посылки для построенія отдѣльныхъ аргументовъ. Отнимите у дедуктивнаго мыслителя его большія посылки и вы лишите его всякой опоры. Поэтому Гётчесонъ, какъ и всѣ философы той же школы, очень ревниво смотрѣлъ на всякое вторженіе индуктивнаго направленія, съ его постояннымъ стремленіемъ нападать на то, что выдается за коренныя убѣжденія, и разлагать эти мнимыя убѣжденія на ихъ составные элементы. Онъ чутко охранялъ отъ такихъ покушеній свои большія посылки, потому что сила и красота его метода проявлялась въ нисходящемъ разсужденіи отъ этихъ посылокъ, а не въ восходящемъ разсужденіи къ нимъ. По его ученію, нравственная способность и обнаруживаемая ею власть недоступны анализу; ихъ невозможно ни прослѣдить до ихъ источника, ни разложить на простѣйшія составныя части; и напрасно пытались иные относить ихъ къ вліянію условій, находящихъ внѣ ихъ

самихъ, какъ то: воспитанія, обычая, или извѣстнаго сочетанія идей.

Такимъ образомъ, сужденія произносимыя людьми надъ дѣйствіями другихъ людей или своими собственными, совершенно необъяснимы, относительно ихъ источника, такъ какъ каждое сужденіе есть только особая форма одной главной нравственной способности. А какъ эта способность недоступна наблюденію и познается только по своимъ результатамъ, то очевидно, что для всякой аргументаціи, частныя сужденія приходится принимать за коренныя и отъ нихъ вести умозаключенія, какъ будто они суть послѣднія и высшія формы нашего существа. Такимъ образомъ пришелъ Гётчесонъ къ той склонности размножать число коренныхъ началъ, на которую справедливо указывалъ сэръ Джемсъ Макинтошъ, какъ на характеристическую черту его философіи, и за нимъ всей вообще шотландской философіи; хотя даровитый авторъ этого замѣчанія и не усмотрѣлъ, что эта черта составляетъ только одну изъ сторонъ гораздо обширнѣйшаго цѣлаго и что она тѣсно связана съ тѣми привычками дедуктивнаго мышленія, которыя цѣлый рядъ предшествовавшихъ обстоятельствъ неизгладимо привилъ шотландскому уму.

Въ Гётчесонѣ это направленіе было такъ сильно, что онъ былъ убѣжденъ въ возможности, посредствомъ умозаключеній отъ извѣстнаго числа коренныхъ началъ, построить теорію и объяснить ходъ человѣческихъ дѣлъ, вовсе или почти безъ пособія опыта прошлаго и даже настоящаго времени. Его воззрѣнія, напримѣръ, на существо и цѣли законодательства, уголовнаго и гражданскаго, могли бы быть выражены отшельникомъ, никогда не выходившимъ изъ своей пустыни, котораго непорочность никогда не осквернялась прикосновеніемъ житейской дѣйствительности. Точкою исхода беретъ онъ такъ называемую природу вещей; первые его пріемы чисто идеальны, и отъ нихъ онъ уже надѣется перейти къ дѣйствительности. При обозрѣніи общежитейскихъ обязанностей су-

ществовавшихъ до учрежденія прочной верховной власти, онъ не дѣлаетъ никакихъ фактическихъ указаній на то, что дѣйствительно происходило у варварскихъ племенъ, находившихся на этой степени развитія, а довольствуется одними дедуктивными выводами изъ предполагаемыхъ имъ началъ. Такимъ образомъ поступаетъ онъ съ трудными вопросами, относящимися къ законамъ о собственности, то есть, свои заключенія касательно ихъ онъ основываетъ на чистомъ умозрѣніи, а не выводитъ изъ сравнительнаго разсмотрѣнія дѣйствія различныхъ законоположеній въ различныхъ странахъ. Опытъ онъ или совершенно устраняетъ, или подчиняетъ теоріи; факты приводитъ только въ видѣ примѣровъ для нагляднаго поясненія заключеній, а не затѣмъ чтобы въ нихъ искать основы заключеніямъ. Точно также, наиболѣе свойственное отношеніе между народомъ и его правителями и то количество свободы, какимъ долженъ пользоваться народъ, могутъ, по мнѣнію Гётчесона, быть приведены въ извѣстность не путемъ индуктивнаго обобщенія, основаннаго на историческомъ изслѣдованіи обстоятельствъ, приводившихъ къ наибольшему благоденствію, а посредствомъ умозаключенія, исходящаго отъ существа верховной власти и отъ цѣлей, для которыхъ она была установлена.

Вторая значительная попытка научнаго объясненія дѣяній людей и установленія общихъ началъ, которыми они управляются, безъ вмѣшательства сверхъестественныхъ идей, принадлежитъ Адаму Смиту, который въ 1759 году издалъ свою «*Теорію Нравственныхъ чувствованій*», а въ 1776 — свое «*Богатство народовъ.*» Для полнаго уразумѣнія этого безъ сомнѣнія величайшаго изъ всѣхъ шотландскихъ мыслителей, должно взять оба сочиненія вмѣстѣ и разсматривать ихъ какъ одно цѣлое, потому что въ сущности они составляютъ только два отдѣла одного и того же предмета. Въ «*Нравственныхъ чувствованіяхъ*» авторъ изслѣдуетъ сочувственную сторону человѣческой природы; въ «*Богатствѣ народовъ*»—

ея своекорыстную сторону. А какъ въ каждомъ изъ насъ дѣйствуетъ и сочувствіе и своекорыстіе, или, другими словами, каждый изъ насъ смотритъ и вокругъ себя и внутрь себя, и какъ эта классификація есть самое коренное и вполнѣ исчерпывающее дѣленіе нашихъ побужденій къ дѣятельности,—то очевидно, что еслибъ Адамъ Смитъ совершенно закончилъ свое обширное предпріятіе, то онъ разомъ поставилъ бы изученіе человѣческой природы на степень науки, оставивъ на долю позднѣйшихъ изслѣдователей только раскрывать второстепенныя пружины дѣйствій, которыя всѣ нашли бы себѣ мѣсто въ общемъ планѣ и оказались бы подчиненными ему. Приступая къ исполненію этой громадной задачи и готовясь пройти разстилавшееся передъ нимъ необъятное поле, онъ скоро убѣдился, что индуктивное изслѣдованіе тутъ было невозможно, потому что потребовалось бы труда многихъ человѣческихъ жизней на одно только собраніе матеріаловъ, надъ которыми должна была производиться работа обобщенія. Вслѣдствіе этого соображенія, а еще болѣе, быть можетъ, подчиняясь господствовавшему вокругъ него складу мышленія, онъ рѣшился принять вмѣсто индуктивнаго метода, дедуктивный; но въ пріисканіи посылокъ, которыя ему слѣдовало принять за точку исхода и на которыхъ онъ долженъ былъ построить все зданіе,—онъ прибѣгнулъ къ особой уловкѣ, вполнѣ пригодной и безспорно позволительной, хотя удачное примѣненіе ея предполагаетъ въ изслѣдователѣ такой чуткій тактъ и требуетъ такъ много утонченностей, что какъ до Адама Смита, такъ и послѣ него, очень не многіе писатели были въ состояніи успѣшно пользоваться ею въ примѣненіи къ соціальнымъ вопросамъ.

Пріемъ, о которомъ я говорю, заключается въ томъ, что когда оказывается невозможнымъ примѣнить къ изслѣдованію индуктивный методъ, по невозможности ли дѣлать опыты надъ изслѣдуемымъ предметомъ, или по чрезвычайной его многосложности, или по огромному количеству сбивчивыхъ подробностей, его окружающихъ,—мы можемъ въ такихъ случаяхъ

мысленно раздѣлять нераздѣльные факты, и умозаключать надъ цѣлымъ рядомъ явленій, не имѣющихъ дѣйствительнаго и самостоятельнаго бытія, а существующихъ только въ умѣ изслѣдователя. Получаемый такимъ путемъ результатъ не можетъ быть строго вѣренъ истинѣ, но если умозаключенія ведены правильно, то онъ будетъ настолько же близокъ къ истинѣ, насколько близки были къ ней посылки, отъ которыхъ мы исходили. Для того, чтобы сдѣлать его совершенно вѣрнымъ, мы должны сравнить его съ другими результатами, добытыми по тому же предмету такимъ же путемъ. Эти отдѣльные выводы могутъ потомъ быть сведены въ одну общую систему, такъ что хотя каждый выводъ въ отдѣльности будетъ представлять только приблизительную истину, но всѣ они, взятые въ совокупности, будутъ однако заключать полную истину.

Такая гипотетическая аргументація очевидно основывается на умышленномъ устраненіи фактовъ; эта уловка необходима, потому что безъ такого устраненія, не было бы возможности совладать съ фактами. Каждый аргументъ, въ отдѣльности, ведетъ къ заключенію, приближающемуся къ истинѣ; и слѣдовательно, какъ скоро количество посылокъ таково, что онѣ почти исчерпываютъ факты, къ которымъ относятся, то заключеніе такъ близко подойдетъ къ полной истинѣ, что получитъ величайшую важность даже само по себѣ, безъ сличенія съ другими заключеніями, взятыми изъ той же области изслѣдованія.

Наиболѣе совершенный образецъ такой логической уловки представляетъ геометрія. Цѣль геометра — обобщить законы пространства; другими словами — раскрыть необходимыя, всеобщія отношенія различныхъ его частей. А какъ пространство не имѣетъ частей, пока не будетъ раздѣлено, то геометръ предполагаетъ такое дѣленіе, и беретъ возможно простѣйшую форму его — дѣленіе на линіи. Линія, разсматриваемая какъ фактъ, то есть въ томъ видѣ какъ она встрѣчается въ дѣйствительности, всегда имѣетъ два свойства,

длину и ширину. Какъ бы ни были эти свойства малы, но непремѣнно они находятся оба въ каждой линіи. Но еслибы геометру принимать въ соображеніе оба свойства, то ему представилась бы задача слишкомъ сложная для того, чтобы при ограниченныхъ средствахъ человѣческаго ума, или по крайней мѣрѣ при настоящихъ средствахъ нашего знанія, возможно было справиться съ нею. Поэтому онъ прибѣгаетъ къ научной уловкѣ, — умышленно отбрасываетъ одно изъ упомянутыхъ двухъ свойствъ и говоритъ, что линія есть одна только длина, безъ ширины. Онъ знаетъ, что это положеніе ложно, но знаетъ также, что оно ему необходимо, ибо если его не допустить, то онъ не можетъ ничего доказать. Какъ только вы станете требовать, чтобы онъ непремѣнно внесъ въ свои посылки идею ширины, онъ не въ состояніи будетъ идти далѣе, и все зданіе геометріи распадется въ прахъ. Между тѣмъ, ширина самой тонкой линіи такъ мала, что не иначе можетъ быть измѣрена, какъ инструментомъ, употребляемымъ подъ микроскопомъ; отсюда очевидно, что предположеніе существованія такихъ линій, которыя вовсе не имѣютъ ширины, до того близко подходитъ къ истинѣ, что наши внѣшнія чувства не могутъ открыть неточности его безъ помощи искусства. Въ прежнее время, до изобрѣтенія въ семнадцатомъ вѣкѣ микрометра, открыть ее было даже положительно невозможно. Слѣдовательно и заключенія геометра будутъ такъ близки къ истинѣ, что мы имѣемъ полное право принимать ихъ за совершенную истину. Невѣрность слишкомъ мала для того, чтобы возможно было ее уловить. Но что есть такая невѣрность, это, по моему мнѣнію, не подлежитъ спору. Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что какъ скоро что нибудь опущено въ посылкахъ, непремѣнно должно чего нибудь недоставать и въ заключеніи. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, поле изслѣдованія не все сполна обнято; и такъ какъ часть предварительныхъ фактовъ опущена, то, я думаю, нельзя не согласиться, что не можетъ быть достигнута полная истина, и что ни одна

проблема въ геометріи не рѣшена еще вполнѣ исчерпывающимъ ее образомъ.

При всемъ томъ, поразительные успѣхи, сдѣланные въ этой отрасли математики, доказываютъ, какое могущественное оружіе представляетъ эта форма дедукціи, дѣйствующая посредствомъ искусственнаго раздѣленія фактовъ, въ сущности нераздѣльныхъ. Но философію метода такъ еще мало понимаютъ, что когда, въ концѣ восемнадцатаго вѣка, политическая экономія приняла научную форму, многіе весьма образованные люди упрекали ея послѣдователей въ жестокосердіи; эти порицатели не въ состояніи были понять, что не могла бы быть построена наука, еслибъ необходимо требовалось включить въ нее всю область безкорыстныхъ и доброжелательныхъ стремленій человѣческой природы. Цѣль политико-эконома—раскрыть законы богатства, которыхъ чрезвычайная многосложность не позволяетъ изслѣдовать ихъ со всѣхъ точекъ зрѣнія. Поэтому онъ избираетъ одну точку зрѣнія, и выводитъ общіе законы въ томъ видѣ, какъ они выражаются въ своекорыстныхъ проявленіяхъ человѣческой природы. И поступая такимъ образомъ, онъ совершенно правъ, по той уже простой причинѣ, что въ своемъ стремленіи къ богатству, люди болѣе имѣютъ въ виду удовлетвореніе себя самихъ, чѣмъ удовлетвореніе другихъ. Слѣдовательно политико-экономъ, подобно геометру, отбрасываетъ часть своихъ посылокъ для того, чтобы легче ему было управиться съ остальною частью. Но мы не должны никогда упускать изъ виду, что политическая экономія, хотя наука глубокая и великая, есть всетаки наука одной только стороны жизни, и что она основывается на устраненіи нѣкоторой части тѣхъ явленій, которыми изобилуетъ всякое обширное общество. Она опускаетъ, или—что приводитъ къ тому же—намѣренно не вѣдаетъ многія высокія и безкорыстныя чувства, которыхъ намъ тяжело было бы лишиться. По этому мы не должны допускать исключительнаго господства ея выводовъ надъ всякими другими выводами. Мы мо-

жемъ принимать ихъ въ наукѣ, и въ то же время отвергать въ практической жизни. Такъ, напримѣръ, политико-экономъ, заключившись въ своей области, говоритъ, и вполнѣ основательно, что безразсудно и вредно правительству принимать на себя заботу о снабженіи рабочихъ классовъ работою. Какъ политико-экономъ, онъ можетъ доказать правильность этого положенія; не смотря однако на научную его истину, правительство можетъ быть на практикѣ право, поступивъ прямо на перекоръ ему. Правительство будетъ пожалуй право, взявъ на себя доставленіе занятій рабочимъ классамъ, когда народъ такъ невѣжественъ, что требуетъ этого, и притомъ такъ силенъ, что можетъ ввергнуть страну въ анархію, въ случаѣ неудовлетворенія его требованія. Тутъ политикъ принимаетъ въ соображеніе всѣ посылки, между тѣмъ какъ политико-экономъ принималъ изъ нихъ въ соображеніе только нѣкоторыя. Равнымъ образомъ, съ точки зрѣнія экономической науки, помогать бѣднымъ есть дѣло предосудительное; потому что положительно доказано, что милостыня только увеличиваетъ число бѣдныхъ, поощряя въ нихъ безпечность на счетъ будущаго. Но противъ этого заключенія возстаетъ противоположное начало сочувствія, и въ нѣкоторыхъ людяхъ дѣйствуетъ такъ сильно, что приходится желать, чтобы тотъ, кто чувствуетъ въ себѣ потребность подавать милостыню, подавалъ ее, ибо воздерживаясь отъ этого, онъ долженъ насиловать свою природу, а это насиліе можетъ причинить ему самому больше вреда, чѣмъ подача имъ милостыни причинила бы интересамъ общества.

Я надѣюсь, что эти замѣчанія не будутъ сочтены за отклоненіе отъ настоящаго предмета этой главы; ибо, хотя я въ нихъ и имѣлъ въ виду разъяснить одинъ общій вопросъ, относительно сущности научныхъ доказательствъ, вмѣстѣ съ тѣмъ однако я имѣлъ и другую, болѣе частную цѣль—пояснить философію Адама Смита, указать методъ, которому слѣдовалъ этотъ замѣчательно глубокій и своеобразный мы-

слитель. Теперь намъ легко будетъ видѣть, въ какой совершенной степени его планъ былъ чисто дедуктивенъ, и какую особую форму онъ далъ своей дедукціи. Въ обоихъ своихъ большихъ сочиненіяхъ, онъ начинаетъ съ того, что задается извѣстными общими идеями, и затѣмъ уже отъ нихъ идетъ къ явленіямъ внѣшняго міра. И въ каждомъ изъ этихъ сочиненій онъ беретъ за основаніе одну только часть своихъ посылокъ; остальную же часть ихъ добавляетъ въ другомъ сочиненіи. Ни одинъ человѣкъ не управляется въ своихъ дѣйствіяхъ ни исключительно своекорыстіемъ, ни исключительно сочувствіемъ. Но Адамъ Смитъ раздѣляетъ, въ отвлеченномъ мышленіи, эти два свойства, въ дѣйствительности нераздѣльныя. Въ своей «*Теоріи нравственныхъ чувствованій*» онъ приписываетъ наши дѣйствія началу сочувствія; а въ «*Богатствѣ народовъ*»—началу своекорыстія. Краткій обзоръ обоихъ сочиненій докажетъ дѣйствительное существованіе въ нихъ этого основнаго различія, и дастъ намъ возможность удостовѣриться, что они дополняются одно другимъ, такъ что для полнаго пониманія того или другаго изъ нихъ необходимо изучить оба.

Въ «*Теоріи нравственныхъ чувствованій*» Адамъ Смитъ устанавливаетъ одно великое начало, отъ котораго ведетъ свое разсужденіе и которому подчиняетъ всѣ другія. Это начало заключается въ томъ, что къ правиламъ, которыя мы себѣ предписываемъ и сообразно которымъ дѣйствуемъ, мы приходимъ единственно путемъ наблюденія поступковъ другихъ людей. Мы судимъ о себѣ потому только, что прежде судили о другихъ. Свои понятія мы почерпаемъ извнѣ, а не изнутри. По этому еслибъ мы жили въ совершенномъ одиночествѣ, мы не могли бы имѣть никакого понятія о похвальномъ или нравственно-предосудительномъ, и не могли бы составить себѣ сужденія о томъ, правы ли наши помыслы или неправы. Для того, чтобы достичь этого знанія, мы должны наблюдать вокругъ себя А какъ мы не можемъ непосредственнымъ опытомъ узнать,

что̀ дѣйствительно чувствуютъ другіе люди, то намъ остается только познать это, представивъ себѣ, что̀ чувствовали бы мы сами, еслибъ были на ихъ мѣстѣ. Такимъ образомъ каждый человѣкъ, въ своемъ воображеніи, безпрестанно мѣняется положеніемъ съ другими людьми; и хотя эта мѣна совершается только мысленно и на одно мгновеніе, однако она служитъ основаніемъ тому могучему и всеобщему побужденію, которое называется сочувствіемъ.

Исходя отъ этихъ посылокъ, можно объяснить очень многія соціальныя явленія. Мы, весьма естественно, болѣе сочувствуемъ радости, чѣмъ горю. Отсюда чувство уваженія къ людямъ счастливымъ и успѣвающимъ, совершенно независимое отъ какой либо выгоды, которой мы могли бы ожидать отъ нихъ для себя; отсюда же существованіе различныхъ общественныхъ разрядовъ и отличій, которые всѣ происходятъ изъ этого же источника. Отсюда же чувство преданности высшимъ, котораго корень не въ разумѣ, не въ страхѣ и не въ сознаніи общественной потребности, а скорѣе въ сочувствіи къ тѣмъ, кто стоитъ выше насъ, порождающемъ соболѣзнованіе свыше обыкновеннаго къ самымъ даже обыкновеннымъ ихъ страданіямъ. Обычай и мода играютъ большую роль въ жизни, но они также обязаны своимъ происхожденіемъ единственно сочувствію; точно такъ же и различныя процвѣтавшія въ разныя времена, системы философіи, которыхъ разногласіе между собою происходитъ отъ того, что каждый изъ философовъ сочувствовалъ другой идеѣ—кто понятію приличія, сообразности, кто понятію благоразумія, кто понятію доброжелательства, и каждый развивалъ то понятіе, которое первенствовало въ собственномъ его умѣ. Сочувствію, также, должны мы приписывать установленіе наградъ и наказаній, и вообще всего зданія нашихъ уголовныхъ законовъ, изъ которыхъ не существовалъ бы ни одинъ безъ нашего влеченія сочувствовать тѣмъ, кто дѣлаетъ добро или кто терпитъ обиду; ибо

соображеніе о томъ, что ими ограждается безопасность общества, явилось уже позднѣе; это соображеніе подчиненное, которое усиливаетъ въ насъ сознаніе полезности этихъ законовъ, а не породило его. Изъ того же начала проистекаетъ различіе характеровъ, представляющееся между разными классами общества, какъ напримѣръ раздражительность поэта сравнительно съ хладнокровіемъ математика; оно же производитъ также соціяльное различіе между обоими полами, вслѣдствіе котораго мущины болѣе отличаются великодушіемъ, а женщины человѣколюбіемъ. Всѣ эти явленія поясняютъ, какъ дѣйствуетъ въ человѣкѣ сочувствіе; они суть отдаленныя, но тѣмъ не менѣе прямыя послѣдствія этого начала. Дѣйствительно, мы можемъ прослѣдить до этого источника нѣкоторые изъ самыхъ дробныхъ оттѣнковъ въ характерахъ,—напримѣръ, происходящія изъ этого начала: гордость и тщеславіе,—хотя эти двѣ страсти часто встрѣчаются вмѣстѣ, и иногда самымъ страннымъ образомъ сливаются въ одномъ и томъ же лицѣ.

Итакъ, сочувствіе есть главная пружина человѣческихъ дѣйствій. Оно возникаетъ не столько изъ созерцанія страстей въ другихъ людяхъ, сколько изъ созерцанія положеній, возбуждающихъ эти страсти. Этому одному процессу мы обязаны не только высшими нравственными началами, но и сокровеннѣйшими движеніями души. Ибо самая сильная привязанность, къ какой мы способны, есть ничто иное, какъ сочувствіе, обратившееся въ привычку; и любовь, существующая между ближайшими родными, вовсе не есть нѣчто, заключающееся въ самомъ существѣ нашемъ, а проистекаетъ изъ того же мощнаго, надъ всѣмъ господствующаго начала, которымъ управляется весь ходъ человѣческихъ дѣлъ.

Посредствомъ этой смѣлой гипотезы, Адамъ Смитъ съ разу ограничилъ поле изслѣдованія, совершенно исключивъ изъ своихъ соображеній своекорыстіе, какъ основное начало, и принявъ только противоположное ему начало сочувствія. Суще-

ствованіе антагонизма этихъ двухъ началъ онъ положительно признаетъ; ибо онъ настоятельно отрицаетъ, чтобы можно было сочувствіе подъ какимъ либо видомъ считать за начало своекорыстное. Хотя онъ зналъ, что оно доставляетъ удовольствіе и что всякое удовольствіе содержитъ въ себѣ своекорыстный элементъ, однако не въ его методѣ философіи было подвергать начало сочувствія такому индуктивному анализу, который раскрылъ бы его составные элементы. Его дѣло было вести разсужденіе отъ этого начала, а не восходить разсужденіемъ къ нему. Сосредоточивъ всѣ свои силы на дедуктивномъ процессѣ и являя въ немъ то діалектическое искусство, которое составляетъ какъ бы врожденное свойство его соотечественниковъ и въ которомъ самъ онъ былъ однимъ изъ величайшихъ мастеровъ, когда либо существовавшихъ, —онъ построилъ систему философіи, конечно несовершенную, потому что его посылки были неполны, но подходящую къ истинѣ такъ близко, какъ только могъ приблизиться къ ней мыслитель, сознательно исключавшій изъ своихъ соображеній всю своекорыстную сторону человѣческой природы. Въ дѣйствіе ея сочувственной стороны онъ вникъ такъ подробно и дѣлалъ изъ нея выводы съ такою тонкостью, что сочиненіе его безспорно занимаетъ первое мѣсто между всѣми, когда либо писанными по этому любопытному предмету. Но какъ планъ его былъ построенъ на умышленномъ опущеніи нѣкоторыхъ предварительныхъ и существенныхъ фактовъ, то и получаемые имъ результаты не сходятся совершенно съ тѣми явленіями, которыя усматриваются въ дѣйствительномъ мірѣ. Это, однако, какъ я уже показалъ, не составляетъ существенно важнаго возраженія, потому что такое несогласіе между идеальнымъ и дѣйствительнымъ, или абстрактнымъ и конкретнымъ, есть необходимое послѣдствіе младенческаго еще состоянія, въ которомъ находится наше знаніе и которое принуждаетъ насъ сложные вопросы изучать по частямъ и воз-

водить ихъ въ науки отдѣльными и отрывочными изслѣдованіями.

Что Адамъ Смитъ сознавалъ эту необходимость и что это сознаніе опредѣлило методъ, которому онъ слѣдовалъ, это очевидно изъ того обстоятельства, что въ другомъ своемъ большомъ сочиненіи онъ держался того же метода, и принявъ въ основаніе новыя посылки, тщательно остерегался употребленія доводовъ, опиравшихся на прежнія. Онъ былъ убѣжденъ, что въ своей теоріи нравственности онъ съ возможною точностью развилъ всѣ выводы, какіе могутъ дать начала, проистекающія изъ сочувствія; и многообъемлющій, ненасытный умъ его, находившій, что ничего не сдѣлано, пока оставалось еще хоть что нибудь додѣлать, побуждалъ его приняться за противоположное начало своекорыстія и подвергнуть его такому полному изслѣдованію, чтобы такимъ образомъ охватить всю область мысли. Онъ и исполнилъ это въ своемъ «*Богатствѣ народовъ*», сочиненіи, имѣющемъ еще большее значеніе, чѣмъ «*Теорія нравственныхъ чувствованій*», но подобно ему одностороннемъ, относительно началъ, на которыхъ оно построено. Въ немъ своекорыстіе принято за главнаго двигателя всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, точно такъ же, какъ въ первомъ сочиненіи за такого двигателя было принято сочувствіе. Между обоими сочиненіями прошло семнадцать лѣтъ, ибо «*Богатство народовъ*» появилось только въ 1776 году. Но что оба сочиненія, въ мысли автора, составляли только двѣ части одного цѣлаго, это доказывается тѣмъ знаменательнымъ обстоятельствомъ, что начала, содержащіяся въ позднѣйшемъ сочиненіи онъ излагалъ еще въ 1753 году, то есть въ такое время, когда онъ еще только обдумывалъ первое сочиненіе, и задолго до появленія его въ свѣтъ. Изъ этого очевидно, что изученіе имъ сперва одного движущаго начала, а потомъ другаго, ему противоположнаго, было ничуть не дѣломъ прихоти или случая, а результатомъ той обширной идеи, которая руководила имъ во

всѣхъ его работахъ и которая придаетъ имъ, когда ихъ правильно понимаютъ, такое дивное единство. И достойный то былъ предметъ честолюбія. Смѣлый, многообъемлющій геній мыслителя, проникая взоромъ до самаго отдаленнаго горизонта и съ разу обнявъ все заключенное въ немъ пространство, хотѣлъ пройти всю эту почву въ двухъ различныхъ, независимыхъ одно отъ другаго, направленіяхъ, въ твердой надеждѣ, что когда посылки, недостающія въ одномъ ряду выводовъ, будутъ введены въ другой, то получаемыя съ двухъ противоположныхъ сторонъ заключенія не будутъ враждебны между собою, а скорѣе будутъ взаимно восполняться и образуютъ широкое и надежное основаніе, на которомъ могла бы быть прочно построена единая, великая наука человѣческой природы.

«Богатство народовъ», какъ я уже замѣтилъ въ другомъ мѣстѣ, есть, можетъ быть, самая важная изъ всѣхъ книгъ, когда либо писанныхъ, какъ по содержащейся въ ней массѣ самобытныхъ мыслей, такъ и по практическому ея вліянію. Практическія наставленія ея чрезвычайно благопріятствовали возникшимъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ идеямъ свободы, и это обстоятельство обратило на нихъ такое вниманіе, какое иначе не было бы имъ оказано. По этому, если *«Богатство народовъ»* и было ближайшею причиною значительныхъ перемѣнъ въ законодательствѣ, то съ другой стороны, болѣе глубокій анализъ покажетъ, что успѣхъ книги, а слѣдовательно и измѣненія въ законахъ были въ зависимости отъ болѣе отдаленныхъ и болѣе общихъ причинъ. Должно также согласиться, что тѣ же причины предрасположили умъ самого Адама Смита къ ученію о свободѣ и вселили въ него извѣстнаго рода предубѣжденіе въ пользу выводовъ, ограничивающихъ вмѣшательство законодателя. Вотъ чѣмъ онъ позаимствовался отъ своего времени; но есть одно, чего онъ конечно не занималъ — это обширный, творческій умъ, который цѣликомъ принадлежалъ одному ему. Благодаря этому уму,

онъ былъ бы великимъ человѣкомъ при всякихъ обстоятельствахъ; для того же, чтобы ему сдѣлаться могущественнымъ человѣкомъ, требовалось особенное стеченіе событій. Такое стеченіе событій дѣйствительно настало для него, и онъ хорошо воспользовался имъ. Вліянія современниковъ было достаточно для того, чтобы дать ему либеральное направленіе; собственныхъ же способностей его было достаточно, чтобы дать ему широту воззрѣнія. Онъ былъ въ замѣчательной степени одаренъ тою плодовитостью мысли, которая составляетъ одну изъ высшихъ формъ геніяльности, но которая завлекаетъ людей, ею надѣленныхъ, въ далекія побочныя изслѣдованія, хотя и связанныя единствомъ цѣли, но не рѣдко съ укоромъ называемыя безполезными отступленіями, по той простой причинѣ, что порицатели не въ состояніи услѣдить общаго основнаго начала, которымъ все проникнуто и всѣ части сплачиваются въ одно цѣлое. Такъ было и съ Адамомъ Смитомъ, котораго безсмертное сочиненіе много разъ подвергалось подобнымъ жалкимъ нападкамъ. Дѣйствительно, въ своемъ «*Богатствѣ народовъ*» онъ такъ широко раздвинулъ предѣлы своего изслѣдованія, что эта обширность очень могла показаться смѣшною тому, кто не раздѣлялъ его воззрѣнія. Всѣ явленія, не одного только богатства, но и всей общественной жизни, распредѣленныя на классы по различнымъ ихъ формамъ; происхожденіе раздѣленія труда и послѣдствія этого раздѣленія; обстоятельства, вызвавшія изобрѣтеніе денегъ и имѣвшія вліяніе на послѣдующія измѣненія въ ихъ цѣнности; исторія этихъ измѣненій въ различные вѣка, и исторія относительной, въ разныя времена, цѣнности различныхъ благородныхъ металловъ; изслѣдованіе соотношенія, существующаго между заработною платою и барышами, и законовъ, которыми управляются ихъ возвышеніе и пониженіе; изслѣдованіе связи ихъ, съ одной стороны, съ поземельною рентою, а съ другой, съ цѣнами на предметы потребленія; изслѣдованіе причинъ, почему при-

были бываютъ различны въ разныхъ отрасляхъ промышлености и въ разныя времена; краткій, но не смотря на свою краткость, полный очеркъ развитія городовъ въ Европѣ, съ паденія Римской имперіи; колебанія, въ продолженіе многихъ вѣковъ, цѣнъ на предметы народной пищи, и разъясненіе, какъ и почему, на разныхъ ступеняхъ развитія общества, относительныя цѣны на землю и на мясо являются различными; исторія законовъ о корпораціяхъ и муниципальныхъ учрежденій и вліяніе ихъ на четыре обширныхъ класса: учениковъ, фабричныхъ рабочихъ, торговцевъ и поземельныхъ собственниковъ; изслѣдованіе о громадной власти и богатствахъ, которыми обладало въ прежнее время духовенство и о томъ, какимъ образомъ оно постепенно утрачиваетъ свои преимущества, по мѣрѣ развитія общества; объясненіе сущности религіозныхъ расколовъ и разсмотрѣніе причинъ, почему духовенство господствующей церкви никогда не можетъ бороться съ ними какъ равный съ равнымъ, а потому призываетъ на помощь государство и старается преслѣдовать тѣхъ, кого не можетъ убѣдить; почему нѣкоторыя секты преподаютъ болѣе аскетическую, а другія—болѣе свободную нравственность; какимъ образомъ дворянство, въ вѣка феодализма, пріобрѣло себѣ власть и какъ эта власть потомъ постепенно уменьшалась; какъ возникло право суда поземельныхъ владѣльцевъ, и какъ оно исчезло; какимъ путемъ европейскіе государи пріобрѣли свои доходы, гдѣ источники этихъ доходовъ и на какіе классы преимущественно ложится ихъ тягость; почему нѣкоторыя добродѣтели, какъ напримѣръ гостепріимство, процвѣтаютъ въ варварскія времена и упадаютъ въ вѣка болѣе просвѣщенные; какимъ образомъ изобрѣтенія и открытія вліяютъ на измѣненія въ распредѣленіи власти между различными классами общества; смѣлый и мастерской очеркъ особаго рода выгодъ, доставленныхъ Европѣ открытіемъ Америки и морскаго пути вокругъ мыса Доброй Надежды; начало университетовъ, ихъ уклоненіе отъ первоначальной мысли,

постепенное ихъ искаженіе, и объясненіе причинъ, почему они такъ неохотно принимаютъ полезныя преобразованія, такъ мало заботятся о томъ, чтобы идти въ уровень съ потребностями вѣка; сравненіе общественнаго воспитанія съ домашнимъ, и оцѣнка относительныхъ преимуществъ того и другаго; — всѣ эти и многіе другіе предметы, относящіеся къ устройству и развитію общества, какъ напримѣръ: феодальная система, невольничество, уничтоженіе крѣпостнаго права, происхожденіе постоянныхъ армій и наемныхъ войскъ, вліяніе церковной десятины, правъ первородства, законовъ, ограничивающихъ роскошь, международные торговые трактаты, начало банковъ въ Европѣ, государственные долги, вліяніе на общественное мнѣніе театровъ и заграничныхъ путешествій, колоніи, законы о нищенствѣ, — вопросы самаго разнообразнаго характера, нерѣдко расходящіеся между собою въ самыхъ противоположныхъ направленіяхъ — всѣ соединены въ одно громадное цѣлое и озарены лучами единаго великаго генія. Въ эту сплошную, нестройную массу Адамъ Смитъ внесъ симметрію, методъ, законъ. При его прикосновеніи исчезла неурядица, и тьма смѣнилась свѣтомъ. Много, разумѣется, заимствовалъ онъ у своихъ предшественниковъ, хотя далеко не такъ много, какъ обыкновенно полагаютъ. Безъ такого рода позаимствованія не могутъ обойтись и умнѣйшіе и способнѣйшіе изъ насъ. Во всякомъ случаѣ, какъ бы много ни отнести на долю заимствованнаго у другихъ, всетаки по совѣсти можно сказать, что ни одинъ человѣкъ никогда не совершалъ такого огромнаго шага въ такомъ важномъ предметѣ, и что ни одно дошедшее до насъ сочиненіе не содержитъ въ себѣ такого множества соображеній, представлявшихъ въ свое время новость, но подтвердившихся послѣдующимъ опытомъ. Но для настоящей нашей цѣли всего важнѣе замѣтить то, что до всѣхъ этихъ результатовъ онъ дошелъ выводами изъ такихъ началъ, которыя онъ почерпалъ исключительно изъ своекорыстной стороны человѣческой при-

роды; онъ сознательно устранялъ при этомъ всѣ сочувственныя стремленія, которыми надѣленъ непремѣнно, хотя бы въ самой малой степени, каждый человѣкъ, но которыхъ онъ не могъ принять въ соображеніе, ибо иначе изъ этого вышла бы задача, съ множествомъ запутанностей, не представляющихъ никакой возможности къ разрѣшенію.

По этому, чтобы избѣжать такого неуспѣха, онъ упростилъ задачу, исключивъ изъ своего понятія о человѣческой природѣ тѣ посылки, которыя уже были имъ разсмотрѣны прежде въ «*Теоріи нравственныхъ чувствованій*». Въ началѣ своей книги о «*Богатствѣ народовъ*» онъ ставитъ два положенія: 1) что всякое богатство имѣетъ источникомъ не землю, а трудъ; и 2) что количество богатства зависитъ частью отъ степени умѣнья, прилагаемаго къ труду, частью отъ отношенія между числомъ людей трудящихся и числомъ нетрудящихся. Все остальное сочиненіе состоитъ въ примѣненіи этихъ началъ къ объясненію развитія и механизма общества. Примѣняя ихъ, онъ постоянно предполагаетъ, что единственною движущею силою во всѣхъ людяхъ, во всѣхъ интересахъ, во всѣхъ классахъ, во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ, служитъ своекорыстіе. Противоположную силу сочувствія онъ совершенно исключаетъ; и я не припомню даже, чтобы самое слово хоть разъ встрѣчалось во всемъ сочиненіи. Основное положеніе его то, что человѣкъ во всемъ слѣдуетъ исключительно собственной выгодѣ, или тому, въ чемъ видитъ собственную выгоду. И особенно характеристическую черту его книги составляетъ проводимая въ ней мысль, что если взять общество какъ одно цѣлое, то почти всегда оказывается, что люди, заботясь о своей собственной выгодѣ, неумышленно способствуютъ и выгодѣ другихъ. Отсюда истекаетъ великое практическое правило, что своекорыстія не слѣдуетъ стѣснять, а должно его только просвѣщать; потому что въ самой природѣ вещей лежитъ законъ, въ силу котораго своекорыстныя стремленія отдѣльнаго человѣка способствуютъ

успѣху всего общества. При такомъ воззрѣніи, благоденствіе страны зависитъ отъ количества ея капитала; а количество капитала зависитъ отъ привычки къ сбереженію, то есть отъ скупости, свойства, противоположнаго щедрости; привычка же къ сбереженію, въ свою очередь, управляется свойственнымъ каждому изъ насъ желаніемъ улучшить свое положеніе,—желаніемъ до того тѣсно связаннымъ съ человѣческою природою, что оно вмѣстѣ съ нами родится и сопровождаетъ насъ неотлучно до самаго гроба.

Это постоянное стремленіе каждаго отдѣльнаго человѣка улучшить свое положеніе—такъ благотворно, и притомъ такъ могущественно, что нерѣдко можетъ одно поддерживать успѣхи общества, вопреки безразсудству и неразсчетливости правителей человѣчества. Не будь этого стремленія, совершенствованіе было бы невозможно, потому что учрежденія людскія безпрестанно задерживаютъ наше поступательное движеніе, идя на перекоръ нашимъ естественнымъ наклонностямъ. И нѣтъ ничего въ этомъ удивительнаго, когда вспомнишь, что люди, стоящіе во главѣ нашихъ дѣлъ и изобрѣтающіе эти учрежденія, не лишены, пожалуй, нѣкоторой грубой, практической смышлености, но, по узкости своихъ понятій, не будучи способны къ широкимъ воззрѣніямъ, руководствуются въ своихъ рѣшеніяхъ преходящими случайностями, которыя однѣ имъ понятны. Они не видятъ, что мы благоденствуемъ не вслѣдствіе ихъ законодательныхъ распоряженій, а вопреки этимъ распоряженіямъ; и что дѣйствительная причина нашего благоденствія заключается въ томъ обстоятельствѣ, что мы можемъ спокойно пользоваться плодами своего труда. Какъ скоро это право достаточно ограждено, каждый человѣкъ устремится къ тому, чтобы доставить себѣ или наслажденіе въ настоящемъ, или выгоду въ будущемъ; если же онъ не будетъ стараться о томъ или о другомъ, это значитъ, что онъ лишенъ даже простаго здраваго смысла. Если есть у него капиталъ, онъ по всей

вѣроятности будетъ домогаться того и другаго; но при этомъ онъ нисколько не будетъ заботиться о благѣ другихъ людей; единственнымъ его побужденіемъ будетъ своя личная польза. И тѣмъ лучше, что оно такъ; потому что, домогаясь такимъ образомъ выгодъ для себя лично, онъ гораздо болѣе содѣйствуетъ благу всего общества, чѣмъ когда бы имѣлъ великодушные и возвышенные виды. Нѣкоторые люди увѣряютъ, будто они занимаются торговлею для блага другихъ; но это просто самообольщеніе; — впрочемъ, сказать правду, самообольщеніе это не слишкомъ часто встрѣчается между торговцами, и не требуется очень умныхъ разсужденій для того, чтобы отговорить ихъ отъ такихъ нелѣпыхъ притязаній.

Такимъ образомъ Адамъ Смитъ совершенно мѣняетъ посылки, предпоставленныя имъ въ первомъ сочиненіи. Здѣсь онъ предполагаетъ человѣка отъ природы своекорыстнымъ, тогда какъ прежде предполагалъ его отъ природы сочувственнымъ; представляетъ людей гоняющимися за богатствомъ изъ низкихъ цѣлей, ради самаго узкаго эгоистическаго наслажденія, между тѣмъ какъ прежде представлялъ ихъ домогающимися богатства изъ уваженія къ чувствамъ другихъ людей, ради снисканія ихъ сочувствія. Въ «Богатствѣ народовъ» нѣтъ уже и помину объ этомъ всесоглашающемъ, сочувственномъ стремленіи; эти умилительныя правила совсѣмъ забыты, и управленіе дѣлами міра приписывается уже совершенно инымъ началамъ. Тутъ оказывается, что доброжелательство и любовь къ ближнему не имѣютъ никакого вліянія на наши дѣйствія. Адамъ Смитъ едвали даже допускаетъ въ свою теорію побужденій самое простое чувство человѣколюбія. Если какой нибудь народъ освобождаетъ у себя рабовъ, то это нисколько не доказываетъ, что этотъ народъ дѣйствуетъ по какимъ либо высоко нравственнымъ соображеніямъ, или что его чувства возмущаются жестокимъ положеніемъ, которому были обречены эти несчастныя существа. Ни чуть не

бывало. Такія побужденія существуютъ чисто только въ воображеніи; они въ дѣйствительности не имѣютъ никакого вліянія. Освобожденіе рабовъ доказываетъ только одно, что рабовъ у этого народа было немного и, слѣдовательно, они не представляли большой цѣнности. Иначе онъ бы ихъ не освободилъ.

Точно также, въ прежнемъ своемъ сочиненіи, Адамъ Смитъ всѣ различныя системы нравственности производилъ отъ силы сочувствія, а въ настоящемъ уже производитъ ихъ исключительно отъ силы своекорыстія. Онъ замѣчаетъ, что въ низшихъ классахъ общества разгульная жизнь гораздо гибельнѣе для отдѣльнаго лица, чѣмъ въ высшихъ классахъ. Сопряженная съ нею расточительность можетъ причинить ущербъ и состоянію богача, но обыкновенно ущербъ этотъ можетъ быть исправленъ, или, во всякомъ случаѣ, богачъ можетъ предаваться своимъ порокамъ въ продолженіе большаго или меньшаго числа лѣтъ, не раззоряя въ конецъ своего состоянія и не доводя себя до совершенной гибели. Работника же одна недѣля такой поблажки можетъ сгубить безвозвратно; она не только доведетъ его до нищенства, пожалуй до тюрьмы, но и загубитъ всю его будущность, лишивъ его добраго имени, составляемаго трезвостью и исправностью и необходимаго ему для полученія работы. По этому-то лучшіе люди изъ простаго народа, руководствуясь собственною пользою, съ отвращеніемъ смотрятъ на невоздержаніе, пагубность котораго имъ вполнѣ извѣстна; между тѣмъ какъ высшіе классы, видя что нѣкоторая, умѣренная доля порока не причиняетъ вреда ни ихъ карману, ни доброму имени, считаютъ такую вольность нравовъ за одну изъ выгодъ, доставляемыхъ имъ богатствомъ, и на возможность предаваться ей, не подвергаясь осужденію, смотрятъ какъ на одно изъ преимуществъ, присвоенныхъ ихъ общественному положенію. Отсюда же происходитъ то, что диссиденты держатся болѣе чистыхъ, или во всякомъ случаѣ, болѣе суровыхъ правилъ нравственности, чѣмъ люди пребывающіе въ лонѣ господствующей церкви. Ибо новыя религіозныя секты

возникаютъ обыкновенно въ средѣ простаго народа, мыслящая часть котораго приводится своимъ интересомъ къ строгому воззрѣнію на житейскія обязанности. По этому и проповѣдники новаго ученія преподаютъ такія же строгія нравственныя правила, видя въ томъ самое вѣрное средство для умноженія числа его послѣдователей. Такимъ-то образомъ сектаторы и еретики, побуждаемые скорѣе своею выгодою, чѣмъ какими нибудь отвлеченными началами, принимаютъ такую систему нравственности, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ ихъ личнымъ цѣлямъ и своею суровостью представляетъ разительную противоположность съ болѣе распущенными нравами послѣдователей господствующей церкви. Въ силу того же начала находимъ мы, въ самой средѣ правовѣрныхъ, что духовенство держится болѣе строгой системы нравственности въ тѣхъ странахъ, гдѣ церковныя бенефиціи приблизительно равны, чѣмъ тамъ, гдѣ между бенефиціями существуетъ большое неравенство. Это происходитъ отъ того, что когда всѣ бенефиціи приблизительно равны между собою, ни одна не можетъ быть очень богата, и слѣдовательно знатнѣйшіе даже члены духовенства имѣютъ посредственные доходы. Человѣкъ же не имѣющій достаточнаго состоянія для того, чтобы жить широко, не можетъ имѣть вліянія иначе, какъ только при соблюденіи примѣрной нравственности. Какъ скоро онъ не обладаетъ богатствомъ, которое давало бы ему вѣсъ, разгульная жизнь сдѣлаетъ его смѣшнымъ. Для того, чтобъ избѣжать презрѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оградить себя отъ расходовъ, которыхъ требуетъ распущенный образъ жизни и которыхъ не допускаетъ ограниченность его средствъ, ему остается одинъ только способъ, и за этотъ способъ онъ и хватается. Онъ упрочиваетъ свое вліяніе и бережетъ карманъ, возставая противъ тѣхъ наслажденій, которыми ему самому пользоваться было бы накладно. Тутъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, человѣкъ идетъ тѣмъ путемъ въ жизни, который указываетъ ему собственная польза.

Въ этихъ поразительныхъ выводахъ, заключающихъ въ себѣ значительную долю истины, но далеко еще не полную истину, не оставлено вовсе мѣста для дѣйствія благороднѣйшихъ побужденій нашей природы; всякая система нравственности, господствующая въ то или другое время и въ томъ или другомъ классѣ общества, выводится исключительно изъ внушеній своекорыстія, безъ всякой примѣси какого либо инаго элемента. Расуждая отъ этого начала, съ тою отмѣнною тонкостью, которою отличался его умъ, Адамъ Смитъ объясняетъ многія другія явленія, которыя представляетъ общество и которыя на первый взглядъ кажутся ни съ чѣмъ несообразными. По старымъ понятіямъ, которыя, признаться, и теперь не совсѣмъ еще исчезли, всякій, кто получалъ отъ кого либо жалованье, считался получившимъ личное одолженіе отъ того, кто платилъ это жалованье; то есть, сверхъ обязанности исполнить извѣстныя послуги, на немъ еще оставался нравственный долгъ относительно того лица. Полагали, что господинъ былъ властенъ не только принимать къ себѣ въ услуженіе, кого хотѣлъ, но и платить служителямъ столько, сколько ему было угодно; или, по крайней мѣрѣ, что обычный средній размѣръ платы за услуги опредѣлялся волею хозяевъ, какъ корпораціи. Слѣдовательно низшіе классы должны были почитать себя крайне обязанными высшимъ за то, что послѣдніе не давали имъ меньше; и долгомъ каждаго человѣка, получавшаго плату, было принимать ее съ покорною признательностью, съ чувствомъ благодарности за милость, оказываемую великодушнымъ господиномъ.

Это ученіе, столь удобное для высшихъ классовъ общества и столь естественное при господствовавшемъ въ прежнее время всеобщемъ невѣжествѣ по этимъ вопросамъ, впервые начали подрывать отвлеченные мыслители семнадцатаго вѣка; но только восемнадцатому столѣтію суждено было окончательно разрушить его, внеся великую идею необходимости, и доказавъ, что установленный въ данной странѣ размѣръ за-

работной платы есть неизбѣжный результатъ условій, въ которыхъ находится страна, и что онъ нисколько не зависитъ ни отъ воли отдѣльныхъ лицъ, ни даже отъ желаній какого либо класса. Теперь это уже избитая истина для каждаго образованнаго человѣка. Сознаніе ея исключило понятіе благодарности изъ денежныхъ отношеній между хозяевами и наемниками и привело людей къ уразумѣнію, что слуги или рабочіе, получающіе плату, имѣютъ ничуь не болѣе причинъ быть за нее благодарными, чѣмъ сами платящіе. Ибо такъ какъ назначеніе платы не зависѣло отъ свободной воли нанимателя, то и производствомъ ея не оказывается никакой милости. Все дѣло вынуждено необходимостью и обусловливается предшествовавшими обстоятельствами. Едва миновалъ восемнадцатый вѣкъ, какъ это важное открытіе было окончательно завершено неопровержимымъ доказательствомъ, что вознагражденіе за трудъ опредѣляется только двумя условіями, именно: размѣромъ національнаго капитала, изъ котораго оплачивается весь трудъ страны, и числомъ работниковъ, между которыми этотъ капиталъ долженъ дѣлиться.

Этимъ огромнымъ шагомъ въ нашемъ знаніи мы обязаны, главнѣйшимъ образомъ, хотя не исключительно, Мальтусу, его сочиненіе о народонаселеніи, кромѣ того, что оно составляетъ эпоху въ исторіи отвлеченнаго мышленія, уже привело и къ нѣкоторымъ практическимъ результатамъ, и, безъ сомнѣнія, приведетъ къ другимъ, еще болѣе важнымъ. Оно появилось въ 1798 году, такъ что Адаму Смиту, умершему въ 1790 году, не удалось видѣть результата, который не могъ бы не порадовать его; именно, что его воззрѣнія, при дальнѣйшей разработкѣ ихъ, не столько собственно исправлялись, сколько расширялись. Не подлежитъ сомнѣнію, что не будь Адама Смита, не было бы и Мальтуса; то есть, еслибы Смитъ не положилъ основанія, Мальтусъ не могъ бы вывести зданіе. Адаму Смиту, болѣе чѣмъ кому бы то ни было другому, должно приписать внесеніе понятія однообразной и

необходимой послѣдовательности въ столь произвольныя, повидимому, явленія богатства; онъ изучилъ эти явленія съ помощію началъ, которыя почерпалъ исключительно изъ основнаго принципа своекорыстія. По его воззрѣнію, хозяева не являютъ ни снисходительности, ни сочувствія, и вообще никакой добродѣтели. Единственная ихъ цѣль—собственный, эгоистическій интересъ. Между ними существуетъ постоянно, если не открытая, то безмолвно подразумѣваемая стачка, имѣющая предметомъ не допускать выгоднаго для низшихъ классовъ возвышенія заработной платы; иногда даже они входятъ и въ прямую стачку съ тѣмъ, чтобы понизить заработную плату противъ настоящаго ея размѣра. Въ нихъ нѣтъ сердца, они только думаютъ о себѣ самихъ. Мысль, будто они желаютъ сглаживать неравенства состояній, слѣдуетъ откинуть, какъ одну изъ многихъ химеръ, созданныхъ протекціоннымъ духомъ, воображавшимъ, что общество не могло бы держаться, еслибъ болѣе достаточные классы не помогали бѣднѣйшимъ и не соболѣзновали о ихъ страданіяхъ. Это устарѣлое понятіе опровергается уже тѣмъ фактомъ, что заработная плата всегда, въ лѣтнее время, выше чѣмъ въ зимнее, между тѣмъ какъ расходы, предстоящіе работнику зимою, значительнѣе чѣмъ лѣтомъ и слѣдовательно человѣколюбіе требовало бы, чтобы зимою, въ болѣе тяжелое время года, давали болѣе денегъ. Подобное же явленіе представляютъ неурожайные годы, когда дороговизна на съѣстные припасы многихъ людей заставляетъ идти въ услуженіе, чтобы имѣть возможность содержать свои семейства. Хозяева, вмѣсто того чтобы великодушно назначать такимъ служителямъ большую плату, во вниманіе къ ихъ несчастному положенію, напротивъ, еще пользуются этимъ положеніемъ для того, чтобы платить имъ меньше. Они выговариваютъ болѣе выгодныя для себя условія, понижаютъ заработную плату, въ то именно время, когда сострадаціе къ терпящимъ нужду и бѣдствіе должно бы побуждать ихъ повышать ее. Мало этого, видя, что рабочіе, подъ гнетомъ бѣд-

ности, кромѣ того что обходятся дешевле, дѣлаются еще болѣе покорными и сговорчивыми, они смотрятъ на неурожай, какъ на благодать, и утверждаютъ, что годы дороговизны благопріятнѣе для промышленности, чѣмъ дешевые годы.

Такимъ образомъ Адамъ Смитъ, хотя и не успѣлъ открыть болѣе отдаленной причины, опредѣляющей размѣръ заработной платы, однако ясно видѣлъ, что ближайшая причина заключается вовсе не въ великодушіи человѣческой природы, а напротивъ, въ ея своекорыстіи; что тутъ просто дѣло въ спросѣ и предложеніи, ибо каждая сторона стремится получить отъ другой какъ можно больше. Съ помощью того же начала онъ объяснялъ другой любопытный фактъ, именно чрезвычайную щедрость, съ какою награждаются нѣкоторые наиболѣе презрѣнные классы общества, напримѣръ балетные танцоры, которые постоянно получаютъ огромную плату за самыя ничтожныя услуги. Онъ замѣчаетъ, что одну изъ причинъ почему мы платимъ имъ такъ щедро, составляетъ именно то, что мы ихъ презираемъ. Еслибъ ремесло публичнаго танцора пользовалось уваженіемъ, то большее число людей обучалось бы ему; предложеніе этого рода услугъ увеличилось бы и конкуренція сбила бы плату за нихъ. Но мы смотримъ на танцоровъ съ презрѣніемъ, и потому, въ замѣнъ уваженія, должны давать имъ большія деньги, для того, чтобы заманивать ихъ на это поприще. Тутъ оказывается, что вознагражденіе, которое одинъ классъ общества даетъ другому, увеличивается не вслѣдствіе сочувствія, а напротивъ, вслѣдствіе презрѣнія къ нему; такъ, что чѣмъ менѣе мы уважаемъ занятія и образъ жизни ближняго, тѣмъ щедрѣе его награждаемъ.

Затѣмъ, переходя къ совершенно иному классу людей, Адамъ Смитъ представляетъ въ новомъ свѣтѣ широкое гостепріимство, которымъ славилось духовенство въ средніе вѣка и за которое воздавалась ему столь громкая хвала. Онъ доказываетъ, что хотя духовенство, безспорно, облегчало въ

то время многія нужды и страданія, однако этого не слѣдуетъ ставить ему въ заслугу, такъ какъ это было просто результатомъ особенностей его положенія; да притомъ же, дѣйствуя такимъ образомъ, оно очевидно дѣйствовало въ видахъ собственной пользы. Духовенство въ средніе вѣка обладало громаднымъ богатствомъ; но доходы свои оно по большой части получало не деньгами, а натурою, какъ-то: хлѣбомъ, виномъ, скотомъ. При совершенномъ почти несуществованіи торговли и мануфактурной промышленности, ему больше некуда было дѣвать эти продукты, какъ только обращать ихъ на прокормленіе посторонних людей. Употребляя ихъ такимъ образомъ, оно получало прямую и положительную пользу отъ своего образа дѣйствій. Этимъ оно стяжало славу обширной и щедрой благотворительности, упрочивало свое вліяніе, умножало число своихъ приверженцевъ, наконецъ не только пролагало себѣ путь къ свѣтской власти но и обезпечивало духовнымъ своимъ угрозамъ такое благоговѣніе, какого имъ иначе никогда бы не достигнуть.

Читатель теперь будетъ въ состояніи понять сущность способа изслѣдованія, котораго держался авторъ «*Богатства народовъ*» и которому я не сталъ бы представлять такого множества примѣровъ, еслибъ не то, съ одной стороны, что вопросъ о методѣ мышленія лежитъ въ самомъ основаніи нашего знанія, а съ другой стороны, что никто доселѣ не пытался анализировать характеръ ума Адама Смита, разсмотрѣвъ его два большія сочиненія, какъ противоположныя, но въ то же время взаимно себя дополняющія, части одного цѣлаго. А какъ онъ, безъ всякаго сравненія, величайшій изъ всѣхъ мыслителей Шотландіи, то мнѣ едвали нужно извиняться въ томъ, что я въ исторіи умственнаго развитія этой страны удѣлилъ столько вниманія его системѣ и старался изслѣдовать ее въ самомъ ея основаніи. Но затѣмъ уже было бы совершенно безполезнымъ многословіемъ распространяться съ такою же подробностью о произведеніяхъ

другихъ замѣчательныхъ шотландскихъ писателей того же времени, которые почти всѣ слѣдовали методу въ сущности одинакому, хотя и не вполнѣ тождественному съ его методомъ; именно почти всѣ они предпочитали дедуктивный способъ разсужденія, исходящій отъ началъ, индуктивному способу восхожденія къ началамъ. По своей особенной формѣ дедукціи, заключающейся въ сознательномъ устраненіи извѣстной части началъ, Адамъ Смитъ стоитъ совершенно одиноко; ибо, хотя нѣкоторые другіе мыслители и пытались пользоваться его методомъ, но они не употребляли его послѣдовательно, а только обращались къ нему по временамъ, и не сознавали, подобно ему, какъ необходимо, при употребленіи этого метода, слѣдовать ему съ величайшею строгостью, неуклонно воздерживаясь отъ допущенія въ свои посылки такихъ соображеній, которыя могли бы усложнить предстоящую къ разрѣшенію задачу.

Между современниками Адама Смита, однимъ изъ первыхъ, и по силѣ дарованія, и по своей славѣ, является Давидъ Юмъ. Его сужденія по разнымъ вопросамъ политической экономіи вышли въ свѣтъ въ 1752 году, то есть въ томъ самомъ году, въ которомъ Адамъ Смитъ преподавалъ съ профессорской каѳедры начала, впослѣдствіи развитыя имъ въ «*Богатствѣ народовъ*». Но Юмъ, хотя превосходный діалектикъ и притомъ глубокій и смѣлый мыслитель, не имѣлъ всеобъемлющаго взгляда Адама Смита; кромѣ того онъ не обладалъ тѣмъ неоцѣненнымъ свойствомъ воображенія, безъ котораго человѣкъ не можетъ въ такой степени перенестись въ минувшія эпохи, чтобы воспроизвести долгое поступательное движеніе общества, находящагося въ постоянномъ колебаніе то въ ту, то въ другую сторону, но во всемъ своемъ цѣломъ неизмѣнно идущаго впередъ. Какъ мало было у него воображенія, видно не только изъ высказываемыхъ имъ воззрѣній, но также изъ многихъ случаевъ его частной жизни. Это видно и изъ колорита и самаго строенія его рѣчи,

изъ того изящнаго, отчеканеннаго слога, которымъ онъ обыкновенно писалъ,—отполированнаго какъ мраморъ, но и столь же холоднаго, лишеннаго того пламеннаго энтузіазма и тѣхъ взрывовъ бурнаго краснорѣчія, которые естественно возбуждаются, по временамъ, величіемъ описываемыхъ предметовъ и которые волнуютъ людей до глубины души. Вслѣдствіе этого именно отсутствія воображенія, Юмъ въ своей «*Исторіи Англіи*», — въ этомъ превосходномъ произведеніи искусства, которому, не смотря на всѣ его погрѣшности, мы не перестанемъ дивиться до тѣхъ поръ, пока будетъ въ насъ живо чувство прекраснаго,—не могъ сочувствовать тѣмъ смѣлымъ и благороднымъ личностямъ, которыя, въ семнадцатомъ столѣтіи, жертвовали всѣмъ для сохраненія свободы отечества. Его воображеніе было слишкомъ слабо для того, чтобы нарисовать полную картину этого великаго вѣка, съ его обширными открытіями, его стремленіемъ къ разгадкѣ неизвѣданнаго, его роскошною литературою, и—что выше всего остальнаго — его суровою рѣшимостью добыть свободу и положить конецъ тиранніи. Ясному и могучему разсудку Юма все это представлялось порознь, разъединенными частями; слить же ихъ въ одинъ цѣльный образъ онъ не могъ, потому что ему не дано было той особенной способности, съ помощью которой человѣкъ сближаетъ прошедшее съ настоящимъ и почти съ одинакою легкостью читаетъ и въ томъ и въ другомъ. То Великое Возстаніе, которое онъ приписывалъ духу крамолы, и вождей котораго онъ поднималъ на смѣхъ, было только продолженіемъ того движенія, начало котораго можно ясно прослѣдить до двѣнадцатаго столѣтія, и въ которомъ такія событія, какъ изобрѣтеніе книгопечатанія и введеніе реформаціи являются лишь послѣдовательными симптомами. До всего этого Юму дѣла не было. Въ области философіи, въ изслѣдованіи чисто отвлеченной стороны религіозныхъ ученій, проницательный умъ его ясно видѣлъ, что тутъ ничего не можетъ быть сдѣлано безъ духа безбоязнен-

ной и ничѣмъ не стѣсняемой свободы. Но тутъ рѣчь шла о свободѣ собственнаго его класса: о свободѣ мыслителей, а не практическихъ дѣятелей. Недостатокъ воображенія не позволялъ ему простирать свое сочувствіе далѣе мыслящихъ классовъ, съ чувствами которыхъ онъ непосредственно вѣдался. Изъ этого можно заключить, что его политическія погрѣшности происходили не отъ недостаточности изслѣдованія, чему ихъ обыкновенно приписываютъ, а скорѣе отъ свойственной ему холодности. Она-то и была причиною тому, что онъ остановился на точкѣ, на который мы его видимъ, и что сочиненія его представляютъ такое странное явленіе, — глубокаго и оригинальнаго мыслителя, въ половинѣ восемнадцатаго вѣка, защищающаго, въ практической области, такія нелиберальныя ученія, что осуществленіе ихъ повело бы къ деспотизму, и въ то же время, въ области отвлеченной мысли, отстаивающаго ученія такія смѣлыя и просвѣщенныя, что они далеко опережаютъ не только собственное его время, но отчасти даже и нашъ вѣкъ.

Изъ воззрѣній его въ области отвлеченнаго мышленія наиболѣе важны: его теорія причинности, исключающая идею власти, и его теорія законовъ ассоціаціи идей. Ни та, ни другая изъ этихъ теорій, въ основныхъ своихъ чертахъ, не есть что либо совершенно оригинальное; но его обработка придала имъ столько цѣны, что онѣ могутъ почитаться за его собственность. Его теорія чудесъ, въ связи, съ одной стороны, съ началами теоріи доказательствъ, а съ другой— съ законами причинности, разработана имъ съ величайшимъ искусствомъ, и нынѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями, сдѣланными въ ней впослѣдствіи Броуномъ, служитъ основаніемъ, на которое опираются всѣ лучшія изслѣдованія по этому предмету. Сочиненіе его о началахъ нравственности, установивъ законы цѣлесообразности, проложило путь Бентаму, который потомъ соединилъ съ ними оцѣнку болѣе отдаленныхъ послѣдствій человѣческихъ поступковъ, между тѣмъ

какъ Юмъ преимущественно ограничивался болѣе непосредственными результатами ихъ. Ученіе о полезности было обще имъ обоимъ; но Юмъ примѣнялъ его главнѣйше къ отдѣльному человѣку, Бентамъ же распространялъ на все окружающее общество. Бентамъ далъ этому ученію болѣе широкое значеніе; но Юмъ, какъ первый по времени, имѣетъ преимущество большей оригинальности. Ту же честь оригинальности слѣдуетъ воздать его политикоэкономическимъ теоріямъ, защищавшимъ тѣ начала свободной торговли, которыя политики начали принимать, только много лѣтъ спустя послѣ его смерти. Въ противоположность господствовавшимъ въ его время понятіямъ, онъ положительно утверждалъ, что всѣ товары, хотя повидимому покупаются на деньги, но собственно пріобрѣтаются за трудъ. Деньги, слѣдовательно, не составляютъ предмета торговли, и вся ихъ польза въ томъ только, что они способствуютъ торговлѣ. По этому безразсудно государству хлопотать о торговомъ балансѣ или издавать законы для ограниченія вывоза драгоцѣнныхъ металловъ. Равнымъ образомъ, и средній размѣръ процента на деньги зависитъ вовсе не отъ скудости или обилія ихъ, а отъ дѣйствія болѣе общихъ причинъ. Какъ необходимое послѣдствіе этихъ положеній, Юмъ представлялъ ложность тогдашней политики, которая побуждала торговыя государства смотрѣть другъ на друга, какъ на соперниковъ, между тѣмъ какъ, на самомъ дѣлѣ, если взглянуть на вопросъ съ болѣе высокой точки зрѣнія, тутъ мѣсто не соперничеству, а взаимному содѣйствію, ибо каждая страна выигрываетъ отъ увеличенія богатства ея сосѣдей. Всякій, кто знакомъ съ характеромъ торговаго законодательства и съ образомъ мыслей самыхъ даже просвѣщенныхъ изъ государственныхъ людей, за сто лѣтъ тому назадъ, согласится, что выраженіе такихъ воззрѣній въ 1752 году составляетъ явленіе чрезвычайно замѣчательное. Но еще замѣчательнѣе то, что авторъ ихъ впослѣдствіи открылъ основную ошибку, въ

которую впалъ Адамъ Смитъ и которая вредитъ правильности многихъ изъ его выводовъ. Ошибка эта заключается въ томъ, что онъ разлагалъ цѣну на три составныя части, именно: на заработную плату, прибыль и ренту, между тѣмъ какъ теперь признано, что цѣна слагается только изъ заработной платы и прибыли; рента же есть не элементъ цѣны, а результатъ ея. Это открытіе составляетъ краеугольный камень политической экономіи; но оно выводится изъ такой длинной и утонченной аргументаціи, что только очень немногіе умы могутъ слѣдить за нею не сбиваясь, и большая часть людей, принимающихъ это положеніе, принимаютъ его только ради авторитета великихъ писателей, которыхъ они уважаютъ и на мнѣніе которыхъ они полагаются. По этому, поразительнымъ свидѣтельствомъ о проницательности Юма служитъ то, что онъ, въ такое время, когда наука только-что зарождалась и когда такъ мало можно было найти помощи у предшественниковъ, умѣлъ однакоже уловить подобную ошибку, кроющуюся такъ глубоко подъ поверхностью изслѣдуемаго предмета. Какъ только *«Богатство народовъ»* вышло въ свѣтъ, онъ писалъ къ Адаму Смиту, опровергая его положеніе, что рента входитъ въ составъ цѣны произведеній. Это письмо, писанное въ 1776 году, составляетъ первый намекъ на ту знаменитую теорію ренты, которую, нѣсколько позднѣе, понимали, но не умѣли удовлетворительно развить, Андерсонъ, Мальтусъ и Вестъ, и которую только генію Рикардо суждено было окончательно построить на широкомъ и прочномъ основаніи.

Достойно вниманія то, что Юмъ и Адамъ Смитъ, два мыслителя, сдѣлавшіе такія громадныя приращенія къ нашему знанію основныхъ началъ торговли, сами не были практически знакомы съ торговымъ дѣломъ. Юмъ, правда, въ молодости пробылъ нѣкоторое время на купеческой конторѣ, но вскорѣ съ отвращеніемъ бросилъ это занятіе, и удалился въ глушь провинціальнаго городка, чтобы предаться болѣе размышленію, чѣмъ наблюденію. И дѣйствительно,

одинъ изъ главныхъ недостатковъ его ума составляетъ пренебреженіе къ фактамъ. Но это пренебреженіе къ фактамъ не происходило у него, какъ слишкомъ часто бываетъ, отъ равнодушія къ истинѣ,—этой худшей формы нравственнаго уродства; напротивъ, онъ былъ ревностный поборникъ истины, и притомъ человѣкъ самой чистой и возвышенной души, совершенно неспособный лгать, или какимъ бы то ни было образомъ кривить душою. Въ немъ, пренебреженіе къ фактамъ было только плодомъ доведеннаго до крайности уваженія къ идеямъ. Онъ не только былъ убѣжденъ,—и въ извѣстной мѣрѣ совершенно справедливо,—что идеи важнѣе фактовъ, но и полагалъ, что онѣ въ порядкѣ изученія должны занимать первое мѣсто; что мы должны развивать ихъ, прежде чѣмъ приступимъ къ изслѣдованію фактовъ. Къ Бэконовой философіи, которая, хотя и допускаетъ предварительную, такъ сказать пробную гипотезу, но вмѣстѣ съ тѣмъ неуклонно настаиваетъ на необходимости сперва собрать факты, а потомъ уже восходить къ идеямъ,—онъ питалъ отвращеніе; и этимъ, безъ сомнѣнія, должно объяснять то обстоятельство, что онъ, обыкновенно столь мягкій въ своихъ сужденіяхъ и столь ревностный почитатель умственнаго величія, такъ грубо несправедливъ къ Бэкону, методу котораго ему невозможно было сочувствовать, хотя онъ и не могъ отрицать пользу отъ употребленія такого метода въ естественныхъ наукахъ.

Еслибъ Юмъ слѣдовалъ Бэконову методу, то есть поставилъ себѣ за правило всегда восходить отъ частнаго къ общему, и отъ одного обобщенія къ другому, непосредственно за нимъ слѣдующему, то онъ едвали написалъ бы хоть одно изъ своихъ сочиненій. Конечно не написалъ бы онъ тогда своихъ политико-экономическихъ разсужденій, потому что политическая экономія такая же, по самому существу своему, дедуктивная наука, какъ и геометрія. Но онъ избралъ путь прямо обратный индуктивному методу; онъ начиналъ съ того, что̀ онъ называлъ общими аргументами, и посредствомъ ихъ на-

дѣялся доказать несостоятельность мнѣній, которыя почитались доказанными изъ фактовъ. Онъ не трудился надъ изслѣдованіемъ фактовъ, изъ которыхъ были выведены заключенія, а перевернулъ порядокъ, которымъ надлежало добывать выводы. Ту же неохоту ставить факты торговли въ основаніе науки о торговлѣ видимъ мы и у Адама Смита, который прямо высказываетъ свое недовѣріе къ статистикѣ, или, какъ ее тогда называли, къ политической ариѳметикѣ. Между тѣмъ очевидно, что статистическіе факты такъ же надежны, какъ и всякіе другіе факты, а благодаря своей математической формѣ, они очень опредѣлительны. Но когда они касаются человѣческихъ дѣяній, они суть результатъ всѣхъ побужденій, которыми обусловливаются эти дѣянія; въ другихъ словахъ, они суть результатъ не одного только своекорыстія, но и сочувственнаго начала. А какъ Адамъ смитъ, въ *Богатствѣ народовъ*, имѣлъ въ виду одно только изъ этихъ побужденій, именно своекорыстіе, то ему было бы невозможно вести свое обобщеніе отъ статистическихъ данныхъ, которыя необходимо заимствуются отъ явленій, составляющихъ продуктъ обоихъ побужденій. Такіе статистическіе факты были бы, по своему происхожденію, слишкомъ сложны для обобщенія, тѣмъ болѣе, что ихъ нельзя было подвергнуть произвольному опыту, а можно было только наблюдать и располагать въ томъ или другомъ порядкѣ. Адамъ Смитъ, усматривая невозможность совладать съ ними, очень благоразумно уклонился отъ принятія ихъ въ основаніе своей науки, и пользовался ими только въ видѣ примѣровъ для поясненія, причемъ могъ изъ нихъ выбирать, что̀ ему было угодно. То же замѣчаніе относится и къ другимъ фактамъ, которые онъ почерпалъ изъ исторіи торговли, или даже изъ общей исторіи человѣческаго общества. Всѣ эти факты у него въ сущности слѣдуютъ за теоретическимъ положеніемъ. Они уясняютъ положеніе, но нисколько не придаютъ ему большей твердости. Ибо можно сказать безъ преу-

величенія, что еслибъ всѣ торговые и историческіе факты, собранные въ *Богатствѣ народовъ*, оказались ложными, книга всетаки уцѣлѣла бы и выводы ея нисколько не утратили бы своей прочности, а только стали бы менѣе заманчивы. Все въ ней зиждется на общихъ началахъ; эти же общія начала, какъ мы видѣли, были уже выработаны въ 1752 году, то есть за двадцать четыре года до выхода въ свѣтъ сочиненія, въ которомъ они примѣнены. Слѣдовательно они очевидно были выработаны независимо отъ фактовъ, которые Адамъ Смитъ впослѣдствіи присоединилъ къ нимъ и которые онъ собиралъ въ продолженіе этихъ цѣлыхъ двадцатичетырехъ лѣтъ. Притомъ же десять лѣтъ, употребленные имъ собственно на сочиненіе своей книги, онъ провелъ вовсе не въ одномъ изъ тѣхъ средоточій людской дѣловой жизни, въ которыхъ онъ могъ бы наблюдать разнообразныя явленія промышлености и изучать дѣйствіе торговли на нравъ человѣка и вліяніе послѣдняго на нее. Онъ не поселился на одномъ изъ тѣхъ обширныхъ рынковъ, въ одномъ изъ тѣхъ центровъ торговли, гдѣ преимущественно совершались тѣ событія и явленія, которыя онъ пытался объяснить. Не таковъ былъ его методъ. Напротивъ, десять лѣтъ посвященыхъ имъ на возведеніе въ науку самой дѣятельной отрасли человѣческой жизни, онъ прожилъ совершеннымъ отшельникомъ въ Керкальди, въ своемъ мирномъ родномъ городѣ. Онъ всегда отличался необыкновенною разсѣянностью, и былъ такъ мало склоненъ къ наблюденію, что нерѣдко забывалъ все, что дѣлалось непосредственно около него. Удалившись въ Керкальди, въ тихій пріютъ своего дѣтства, онъ могъ безопасно предаться этой забывчивости. Тутъ, услаждаясь обществомъ одной только своей матеры, не имѣя никакихъ случаевъ наблюдать человѣческую природу въ широкихъ размѣрахъ, удаленный отъ шуму большихъ городовъ,—могучій мыслитель, одною силою своего ума, разгадывалъ многочисленныя и многосложныя явленія богатства, проникалъ въ побужде-

нія, которыми управляются дѣйствія самой трудолюбивой и энергической части человѣчества, раскрывалъ всѣ стремленія и тайныя пружины той житейской дѣятельности, отъ которой онъ загородилъ себя; то есть, запершись въ совершенное почти одиночество, онъ лишилъ себя возможности созерцать тѣ именно факты, которые онъ же такъ успѣшно разъяснялъ.

Ту же рѣшимость, предпосылать изученіе началъ изученію фактовъ, находимъ мы у Юма, въ одномъ изъ наиболѣе оригинальныхъ его сочиненій, въ «*Естественной исторіи религіи.*» Относительно названія этого трактата, должно замѣтить, что, по понятіямъ шотландскихъ философовъ, естественный ходъ какого либо движенія отнюдь не одно и то же, что дѣйствительный ходъ его. Этотъ разладъ между идеальнымъ и дѣйствительнымъ есть необходимый результатъ ихъ метода. Ибо, мысля дедуктивно отъ предвзятыхъ посылокъ, они не могли принимать въ разсчетъ уклоненія, которымъ подвергались ихъ выводы, вслѣдствіе движенія окружающаго общества и столкновеній съ нимъ. Для этого потребовалось бы особое изслѣдованіе. Необходимо было бы изслѣдовать обстоятельства, которыя приводили къ этимъ столкновеніямъ и чрезъ то непозволяли ихъ выводамъ быть тѣмъ же въ сферѣ фактовъ, чѣмъ они были въ сферѣ умозрѣнія. Такъ называемыя случайности встрѣчаются на каждомъ шагу, и онѣ-то и не позволяютъ дѣйствительному ходу дѣлъ совпадать съ естественнымъ ихъ ходомъ. И пока мы не будемъ въ состояніи предсказывать эти случайности, до тѣхъ поръ не будетъ и полнаго согласія между выводами дедуктивной науки и явленіями дѣйствительной жизни; въ другихъ словахъ, наши выводы будутъ только приближаться къ истинѣ, но не будутъ вполнѣ совпадать съ нею.

По этому Юмъ совершенно основательно назвалъ свое сочиненіе *Естественною Исторіею Религіи*. Это превосходный образецъ дедуктивнаго метода. Единственный въ немъ недостатокъ тотъ, что авторъ съ слишкомъ большой увѣрен-

ностью говоритъ о точности результатовъ, которыхъ можно, по такому предмету, достигнуть этимъ путемъ. Онъ вѣрилъ, что посредствомъ наблюденія основныхъ началъ человѣческой природы, какими они являлись въ собственномъ его умѣ, возможно было объяснить весь ходъ явленій, и нравственныхъ, и физическихъ. Этихъ началъ можно было достигнуть посредствомъ опыта надъ самимъ собою; затѣмъ по достиженіи ихъ, слѣдовало умозаключать отъ нихъ дедуктивнымъ путемъ и такимъ образомъ построить всю систему. Этотъ пріемъ онъ противопоставляетъ индуктивному методу, называя послѣдній процессомъ скучнымъ и мѣшкотнымъ; другимъ предоставляетъ онъ обратиться къ этому медлительному и кропотливому методу и постепенно прокладывать себѣ дорогу къ основнымъ началамъ; самъ же хочетъ обнять ихъ съ разу, или, какъ онъ самъ выражается, не останавливаться на границахъ, а идти прямо на столичный городъ, по овладѣніи которымъ, ему уже легко будетъ преодолѣть всѣ остальныя трудности и распространить свои завоеванія на всю область науки. По мысли Юма, не требуется разсуждать для того, чтобы вырабатывать идеи, а должны мы имѣть ясныя идеи прежде, чѣмъ станемъ разсуждать. Этимъ путемъ приходимъ мы къ философіи, которой выводовъ нельзя оспаривать, хотя бы они даже противорѣчили наукѣ. Напротивъ, ея авторитетъ есть самый высшій авторитетъ, и ея приговоры, какъ безусловно вѣрные, должно всегда предпочитать всякимъ выводамъ изъ фактовъ, представляемыхъ внѣшнимъ міромъ.

Юмъ, слѣдовательно, думалъ, что всѣ тайны внѣшняго міра скрыты въ человѣческомъ умѣ. Умъ представлялся ему не только ключомъ, которымъ можно отомкнуть сокровищницу, но и самою сокровищницею. Ученость и наука могутъ служить къ уясненію нашего умственнаго достоянія, могутъ придать ему красоты, но не могутъ доставить дѣйствительнаго знанія; они не могутъ ни дать первыхъ матеріаловъ, ни на-

учить плану, по которому эти матеріалы должны быть разработываемы.

Сообразно этимъ воззрѣніямъ, написана «*Естественная Исторія Религіи.*» Сочиняя эту книгу, Юмъ имѣлъ цѣлью раскрыть происхожденіе и развитіе религіозныхъ идей; и онъ приходитъ къ тому заключенію, что поклоненіе многимъ богамъ должно было вездѣ предшествовать поклоненію единому Богу. Это онъ признаетъ за законъ человѣческаго духа, за фактъ, который нетолько всегда и вездѣ являлся, но и необходимо долженъ былъ всегда и вездѣ являться. Его способъ доказательства чисто умозрительный. Онъ представляетъ, что первоначальное положеніе человѣка есть необходимо состояніе дикости; что дикаря не можетъ занимать обыденная дѣятельность природы, и не можетъ въ немъ зародиться желаніе изучить законы, управляющіе этою дѣятельностью; что такіе люди должны быть чужды всякаго любопытства относительно предметовъ, которые не причиняютъ имъ непосредственнаго безпокойства; и что, слѣдовательно, они не заботятся объ обыкновенныхъ явленіяхъ природы, но устремляютъ всѣ мысли къ необычайнымъ ея явленіямъ. Страшная буря, рожденіе урода, чрезмѣрная стужа, необыкновенно сильный дождь, внезапныя и гибельныя болѣзни,— вотъ на какого рода предметы исключительно направлено вниманіе дикаря; только причины этихъ явленій желательно ему узнать. И какъ скоро онъ убѣдится, что онъ не властенъ надъ этими причинами, онъ признаетъ ихъ за нѣчто высшее чѣмъ онъ самъ, и, не будучи въ силахъ понять ихъ въ отвлеченіи, олицетворяетъ ихъ. Онъ возводитъ ихъ въ божества, и многобожіе готово; первымъ вѣрованіямъ рода человѣческаго дана форма, которая уже не можетъ измѣниться до тѣхъ поръ, пока люди остаются въ состояніи первобытнаго невѣжества.

Эти положенія, не только правдоподобныя, но по всему вѣроятію и вполнѣ вѣрныя, надлежало бы, по требованію ин-

дуктивной философіи, вывести путемъ обобщенія изъ разсмотрѣнія фактовъ, то есть, изъ собранія данныхъ, свидѣтельствующихъ о состояніи религіи у дикихъ народовъ и о степени способности этихъ народовъ къ отвлеченному мышленію. Юмъ этого не дѣлаетъ. Онъ не ссылается ни на одного изъ многочисленныхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ такія племена; онъ ни разу даже, во всемъ своемъ сочиненіи, не упоминаетъ ни объ одной книгѣ, въ которой содержались бы свѣденія о бытѣ дикарей. Съ него достаточно было, что это восхожденіе отъ вѣрованія во многихъ боговъ къ вѣрованію въ единаго Бога есть естественный ходъ развитія, то есть, другими словами, что оно собственному его уму представлялось естественнымъ ходомъ. Этимъ онъ былъ вполнѣ удовлетворенъ. Въ другихъ частяхъ своего трактата, гдѣ онъ говоритъ о религіозныхъ понятіяхъ древнихъ Грековъ и Римлянъ, онъ обнаруживаетъ порядочную, хотя далеко не замѣчательную, начитанность; но приводимые имъ цитаты вовсе не относятся къ тому совершенно варварскому состоянію общества, при которомъ, какъ самъ онъ полагаетъ, впервые возникло многобожіе. Слѣдовательно, посылки своего умозаключенія онъ почерпаетъ изъ собственнаго ума. Онъ умозаключаетъ дедуктивнымъ путемъ отъ идей, которыми снабжаетъ его собственный его могучій умъ, вмѣсто того чтобы восходить индуктивно отъ фактовъ, свойственныхъ предмету изслѣдованія.

Точно такъ же и въ остальныхъ частяхъ своего сочиненія, полнаго тонкихъ и любопытныхъ умозрѣній, онъ обращается къ фактамъ не для доказательства своихъ заключеній, а только для нагляднаго поясненія ихъ. По этому онъ избиралъ только тѣ факты, которые были пригодны для его цѣли, а прочіе оставлялъ совершенно въ сторонѣ. Многіе критики назовутъ это, пожалуй, недобросовѣстнымъ, но у него тутъ не было никакой недобросовѣстности, потому что онъ былъ убѣжденъ, что уже твердо установилъ свои начала и безъ помощи этихъ фактовъ. Факты могли принести пользу

читателю, уясняя аргументъ, но не могли прибавить ему силы. Ими имѣлось въ виду скорѣе убѣждать, чѣмъ доказывать; они имѣли значеніе скорѣе реторическое, чѣмъ логическое. По этому, критикъ сталъ бы только напрасно тратить время, когда бы вздумалъ разбирать ихъ съ тою подробностью и мелочностью, какія были бы нужны, еслибъ Юмъ строилъ на этихъ фактахъ индуктивный аргументъ. Еслибъ не то, любопытно было бы, не пускаясь въ очень дальніе поиски, сравнить эти факты съ совершенно иными фактами, которые, еще за восемдесятъ лѣтъ до Юма, заимствовалъ изъ того же источника и по тому же предмету Кёдвортъ. Кёдвортъ, далеко превосходившій Юма ученостью, но стоявшій гораздо ниже его по способностямъ, обнаруживаетъ въ своемъ большомъ сочиненіи объ «*Интеллектуальной Системѣ Вселенной*» громадную начитанность, которую онъ употребляетъ на то, чтобы доказать, что въ древнемъ мірѣ преобладало вѣрованіе въ единаго Бога. Юмъ, никогда не ссылающійся на Кёдворта, приходитъ къ прямо противоположному заключенію. Оба ссылались на древнихъ писателей; но Кёдвортъ выводилъ свои заключенія изъ того, что находилъ у этихъ писателей; Юмъ же свои заключенія выводилъ изъ того, что находилъ въ собственномъ умѣ. Кёдвортъ, учившійся въ школѣ Бэкона, сперва собиралъ факты и затѣмъ уже приступалъ къ сужденію. Юмъ, воспитанный въ совершенно иной школѣ, думалъ, что проницательность судьи гораздо важнѣе, чѣмъ количество доказательствъ; что свидѣтели легко могутъ лжесвидѣтельствовать, и что онъ, въ собственномъ умѣ, обладалъ самыми надежными матеріалами для того, чтобы придти къ вѣрному заключенію. Неудивительно, послѣ этого, что Кёдвортъ и Юмъ, слѣдуя противоположнымъ методамъ, пришли къ противоположнымъ результатамъ; такое разногласіе, какъ я уже замѣтилъ выше, неизбѣжно, когда люди путемъ различныхъ методовъ изслѣдуютъ такой предметъ, который, при состояніи нашего знанія въ данное время, не допускаетъ строго-научной разработки.

Настоящая глава разрослась уже до такихъ размѣровъ и такъ много о чемъ еще мнѣ остается сказать, что мнѣ невозможно подробно разобрать философію Рида, замѣчательнѣйшаго изъ чисто умозрительныхъ шотландскихъ философовъ, послѣ Юма и Адама Смита, хотя стоящаго далеко ниже ихъ по достоинствамъ, такъ какъ онъ не имѣлъ ни всеобъемлющаго взгляда Смита, ни смѣлости мысли Юма. Онъ обладалъ достаточно обширнымъ знаніемъ для того, чтобы имѣть всеобъемлющій взглядъ, а робость, почти доходившая до нравственной трусости, заставляла его отступать передъ тѣми воззрѣніями, которыя защищалъ Юмъ, и притомъ не столько потому, что считалъ ихъ ложными, сколько потому собственно, что находилъ ихъ опасными. Между тѣмъ не подлежитъ спору, что тотъ не можетъ стать высоко въ ряду философовъ, кто позволитъ сковывать свою мысль такаго рода соображеніямъ. Философъ долженъ стремиться къ одной только истинѣ, безъ всякаго уваженія къ практическимъ послѣдствіямъ своихъ умозрѣній. Если они истинны, пусть удержатся; если ложны,—пусть падутъ. А пріятны ли они или непріятны, утѣшительны или прискорбны, безвредны или пагубны, это вопросъ, касающійся не философовъ, а практическихъ людей. Всякая новая истина, до сихъ поръ когда либо высказывавшаяся, на первое время оказывала вредное вліяніе; она порождала неудобства, нерѣдко даже несчастіе, иногда тѣмъ, что колебала установленные общественные и религіозные порядки, иногда просто тѣмъ, что разрывала издавна установившійся и потому милый строй мысли. Только по прошествіи нѣкотораго времени, когда строй жизни приладится къ новой истинѣ, начинаютъ преобладать ея благія послѣдствія; и это преобладаніе за тѣмъ все возрастаетъ, такъ что наконецъ истина даетъ одни благіе плоды. На первое же время всегда бываетъ вредъ. И если истина очень велика и очень нова, то и вредъ отъ нея бываетъ очень значителенъ. Люди встревожены, имъ страшно; они не могутъ вынести внезап-

наго свѣта; всѣми овладѣваетъ сильное безпокойство, поверхность общества мутится, или даже подергивается судорогами; старые интересы, старыя вѣрованія разрушаются, прежде чѣмъ успѣютъ создаться новыя. Такіе симптомы служатъ предвѣстниками переворота; они предшествовали всѣмъ великимъ перемѣнамъ, черезъ которыя проходилъ міръ; являясь въ умѣренныхъ предѣлахъ, они предвѣщаютъ прогрессъ; когда же переходятъ за эти предѣлы, то грозятъ анархіею. Задача практическихъ людей—умѣрять эти симптомы, заботиться о томъ, чтобы открываемыя философами истины не были примѣняемы съ безразсудною поспѣшностью, при которой они могутъ разшатать весь общественный строй, вмѣсто того чтобы укрѣпить его. Но дѣло философа только открывать истину и распространять ее; и это уже достаточный трудъ для одного человѣка, какъ бы ни были велики его способности. Это раздѣленіе труда между мыслителями и практическими дѣятелями ведетъ къ сбереженію силъ, предохраняетъ оба класса людей отъ траты своихъ дарованій. Оно установляетъ различіе между наукою, раскрывающею намъ начала, и искусствомъ, примѣняющимъ эти начала. Оно признаетъ также, что философъ и практическій дѣятель имѣютъ каждый свой особый кругъ дѣйствія и что каждый изъ нихъ полновластенъ въ своей сферѣ. Вмѣшательство же котораго либо въ кругъ дѣйствія другаго влечетъ за собою вредное смятеніе. Дѣйствуя каждый въ своей отдѣльной сферѣ, они оба независимы и оба заслуживаютъ уваженія. Но какъ практическіе дѣятели никогда не должны допускать, чтобы умозрительные выводы философовъ, какъ бы ни были они истинны, примѣнялись къ дѣйствительной жизни, пока общество до извѣстной степени не созрѣетъ для принятія ихъ, такъ точно, съ другой стороны, и философы не должны колебаться, не должны пугаться и останавливаться въ своемъ пути изъ-за того только, что ихъ умъ ведетъ ихъ къ заключеніямъ, подрывающимъ существующіе интересы. Задача философа ясна. Путь его лежитъ прямо

передъ нимъ. Онъ долженъ прилагать всѣ старанія къ раскрытію истины; когда же придетъ въ заключенію, не только не долженъ передъ нимъ отступать ради того, что оно непріятно или кажется опаснымъ, но напротивъ, по этимъ именно причинамъ, долженъ тѣмъ крѣпче привязываться къ нему, долженъ заключеніе это, при враждебномъ настроеніи противъ него общаго мнѣнія, отстаивать еще ревностнѣе, чѣмъ сталъ бы его защищать, когда бы общее мнѣніе было въ его пользу; долженъ разглашать его всюду и во всеуслышаніе, вовсе не заботясь о томъ, какія мнѣнія будутъ имъ оскорблены и какимъ интересамъ оно угрожаетъ; обязанъ, ради этого заключенія, идти на вражду и пренебрегать презрѣніемъ, въ полной увѣренности, что если заключеніе ложно, то оно умретъ само собою, если же истинно, то принесетъ наконецъ пользу, не взирая на то, что оно, быть можетъ, и не допускаетъ практическаго примѣненія въ томъ вѣкѣ и той странѣ, гдѣ впервые высказывается.

Но Ридъ, не смотря на свой свѣтлый умъ и замѣчательную способность аргументаціи, былъ такъ чуждъ истиннаго философскаго духа, что любилъ истину не ради самой истины, а ради ея непосредственныхъ практическихъ результатовъ. Онъ самъ разсказываетъ, что принялся за изученіе философіи потому только, что былъ возмущенъ выводами, къ которымъ пришли философы. Пока умозрительныя положенія Локка и Берклея не доводились до крайнихъ своихъ логическихъ послѣдствій, Ридъ соглашался съ ними, и они казались ему справедливыми. Пока они были безвредны и до извѣстной степени правовѣрны, онъ не слишкомъ былъ взыскателенъ относительно ихъ основательности. Но въ рукахъ Юма, философія стала смѣлѣе и пытливѣе; она начала подрывать разныя мнѣнія, которыя установились съ давнихъ временъ и которыхъ пріятно было держаться; она начала доискиваться самаго начала вещей, и понуждая людей къ сомнѣнію и изслѣдованію, оказала этимъ огромную услугу дѣлу

истины. Но это именно направленіе и не нравилось Риду. Онъ видѣлъ въ этомъ потрясеніи неудобство; онъ видѣлъ въ немъ опасность, и потому пытался доказать, что оно неосновательно. Смѣшивая съ вопросомъ о научной истинѣ совершенно различный съ нимъ вопросъ о практическихъ послѣдствіяхъ, онъ принялъ за несомнѣнное, что если для собственнаго его вѣка, непосредственное примѣненіе этихъ послѣдствій было бы вредно, то это значило, что они должны быть ложны. Противъ глубокихъ воззрѣній Юма на причинность онъ преважно возражаетъ, что примѣненіе ихъ должно неминуемо подорвать дѣйствіе уголовыхъ законовъ. На разсужденія того же мыслителя касательно метафизическаго основанія теоріи договоровъ онъ возражаетъ, что такія разсужденія спутываютъ понятія людей и ослабляютъ въ нихъ сознаніе долга; а потому слѣдуетъ ихъ осуждать, ради ихъ послѣдствій. У Рида главный вопросъ всегда заключается не въ томъ, вѣрно ли данное заключеніе, а въ томъ, что послѣдуетъ въ томъ случаѣ, если оно вѣрно? Онъ говоритъ, что о всякомъ ученіи должно судить по его плодамъ, забывая, что одно и то же ученіе даетъ совершенно иные плоды въ разные вѣка, и что послѣдствія извѣстной теоріи, при одномъ состояніи общества, часто бываютъ діаметрально противоположны послѣдствіямъ той же теоріи, при другомъ состояніи общества. Онъ такимъ образомъ ставилъ свой вѣкъ мѣриломъ для всѣхъ будущихъ вѣковъ; онъ опутывалъ также философію практическими соображеніями, отвлекая мыслителей отъ преслѣдованія истины, составляющаго настоящую ихъ область, къ заботѣ и практической пользѣ, которая вовсе не ихъ дѣло. Ридъ постоянно останавливался на вопросѣ не о томъ, вѣрно ли выведена та или другая теорія, а благоразумно ли принять ее, способствуетъ ли она рзвитію патріотизма, или великодушія, или дружелюбія? однимъ словомъ, представляется ли она практически удобною и такова ли, что въ нее охотно бы

вѣрилось въ настоящее время? Иногда онъ спускался на точку зрѣнія еще низшую, еще менѣе достойную философа. Возставая, напримѣръ, противъ ученія, что наши способности вводятъ насъ иногда въ заблужденіе,—ученія, котораго, какъ ему было извѣстно, держались иные люди, нисколько не уступавшіе ему въ чистотѣ намѣреній и превосходившіе его дарованіями,—онъ не колеблется искать поддержки въ предубѣжденіяхъ невѣжественнаго суевѣрія, и пытается очернить положеніе, котораго не можетъ опровергнуть. Онъ положительно утверждаетъ, что защитники этого ученія оскорбляютъ Божество, ибо позволяютъ будтобы себѣ заподозрить Его во лжи. Въ виду такого вывода, истекающаго изъ этого ученія, очевидно, что ученіе это должно быть отвергнуто безъ дальнѣйшаго изслѣдованія, ибо принятіе его должно имѣть самое пагубное вліяніе на нашъ образъ дѣйствій и неминуемо ниспровергнетъ всякую религію, всякія нравственныя убѣжденія и всякое знаніе.

Въ 1764 году Ридъ издалъ свое *Изслѣдованіе о человѣческомъ умѣ*, въ которомъ, равно какъ и въ послѣдующемъ своемъ сочиненіи подъ названіемъ: «*Разсужденіе о способностяхъ ума*,» онъ старался уничтожить философію Локка, Берклея и Юма. А какъ изъ нихъ троихъ Юмъ былъ самый смѣлый, то противъ его философіи преимущественно были направлены удары Рида. Выше, я представилъ нѣсколько образчиковъ, показывающихъ характеръ этихъ нападеній; но они касались собственно его цѣли и побужденій, теперь же намъ слѣдуетъ взглянуть на его методъ, то есть на тактику, которую онъ употреблялъ для веденія своей войны. Онъ ясно видѣлъ, что Юмъ принималъ на вѣру извѣстныя начала, и отъ нихъ дедуктивнымъ порядкомъ умозаключалъ къ фактамъ, вмѣсто того чтобы умозаключать индуктивно отъ фактовъ къ началамъ. Онъ сильно, и пожалуй справедливо, возстаетъ противъ этого метода. Онъ признаетъ, что Юмъ, въ логическомъ отношеніи, заключалъ непогрѣшимо

вѣрно, такъ что если допустить его начала, то нельзя не допустить, равнымъ образомъ, и его выводовъ. Но, говоритъ онъ, Юмъ не имѣлъ никакого права идти такимъ путемъ. Онъ не имѣлъ права принимать на вѣру начала и умозаключать отъ нихъ. Познанія законовъ природы можно достигать не путемъ такихъ предположеній, а только посредствомъ тщательной и терпѣливой индукціи отъ фактовъ. Открытія дѣлаются только съ помощью наблюденія и опытовъ; всякій другой способъ можетъ породить однѣ только теоріи, пожалуй очень замысловатыя и вѣроподобныя, но ни къ чему не годныя; ибо теорія должна подчиняться фактамъ, а не факты подводиться подъ теорію. Умозрительные мыслители могутъ себѣ, пожалуй, разсуждать объ основныхъ началахъ, и строить на нихъ цѣлыя системы. Но дѣло въ томъ, что не существуетъ согласія относительно того, по чему должно познаваться основное начало; и одно и то же начало одинъ человѣкъ признаетъ очевиднымъ и разумѣющимся само собою, другой считаетъ требующимъ доказательства, а третій отвергаетъ вовсе.

Тутъ отлично выставлены трудности, которыя встрѣчаетъ мыслитель, слѣдующій дедуктивному методу. Послѣ этого можно бы ожидать, что Ридъ собственную философію построитъ по методу индуктивному; что онъ не захочетъ опираться на какія бы то ни было предвзятыя основныя начала, въ чемъ онъ такъ рѣзко упрекалъ своихъ противниковъ. На дѣлѣ однако мы видимъ, — и это одно изъ любопытнѣйшихъ явленій въ исторіи метафизики, — что Ридъ, строго осудивъ методъ Юма, самъ слѣдуетъ этому же самому методу. Пока онъ ратуетъ противъ философіи Юма, дедуктивный методъ кажется ему негоднымъ; когда же самъ принимается строить свою систему, то признаетъ его правильнымъ. Нѣкоторыя заключенія онъ находилъ опасными, и порицаетъ поборниковъ ихъ за то, что они въ своихъ умозаключеніяхъ исходили отъ началъ, вмѣсто того чтобы исхо-

дить отъ фактовъ, и утверждали, будто они обладаютъ основными началами истины, тогда какъ люди совершенно расходятся въ томъ, что̀ именно составляетъ существенные признаки основнаго начала. Возраженіе очень дѣльное, и на которое трудно было отвѣчать. Между тѣмъ, странно сказать, при выводѣ собственныхъ своихъ заключеній, Ридъ исходитъ отъ предвзятыхъ основныхъ началъ, и пользуется этимъ пріемомъ въ гораздо обширнѣйшихъ размѣрахъ, чѣмъ кто либо изъ писателей противнаго лагеря. Отъ этихъ основныхъ началъ ведетъ онъ свои умозаключенія; весь строй его умозрѣнія есть строй чисто дедуктивный; и во всѣхъ его сочиненіяхъ едва отыщется одинъ примѣръ той индуктивной логики, на которую онъ считалъ нужнымъ указывать въ своихъ ратованіяхъ съ противниками. Трудно было бы придумать болѣе разительный примѣръ особенностей шотландскаго ума въ восемнадцатомъ вѣкѣ и той силы, съ какою господствовалъ надъ нимъ методъ, который можно назвать анти-бэконовскимъ. Ридъ былъ человѣкъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ, человѣкъ безукоризненной честности, и искренно убѣжденный, что для блага общества надлежало ниспровергать господствовавшее въ то время философское ученіе. Выполненію этой задачи посвятилъ онъ свою долгую и трудолюбивую жизнь; онъ видѣлъ, что слабою стороною системы противниковъ былъ ея методъ; онъ указывалъ на недостатки этого метода и утверждалъ, можетъ быть ошибочно, но во всякомъ случаѣ чистосердечно, что такой методъ не можетъ привести къ истинѣ. При всемъ этомъ однако, таково̀ было давленіе среды, въ которой онъ жилъ, и обстоятельства въ такой степени обусловливали направленіе его ума, что въ собственныхъ сочиненіяхъ онъ не могъ отрѣшиться отъ того же способа изслѣдованія, который онъ осуждалъ въ другихъ. Дѣйствительно онъ не только не избѣжалъ его, но былъ совершенно его рабомъ. Я намѣренъ привести этому доказательства, потому что независимо отъ значенія, какое имѣ-

етъ это обстоятельство въ исторіи умственнаго развитія Шотландіи, оно весьма важно еще, какъ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ фактовъ, которые указываютъ намъ, въ какой тѣсной зависимости находится строй нашей мысли отъ окружающаго насъ общества; какъ самыя даже энергическія дѣйствія наши обусловливаются общими причинами, которыхъ мы часто вовсе не знаемъ, и которыя только немногіе изъ насъ пытаются изучить; наконецъ, какъ слабы мы и немощны, когда вздумаемъ, каждый по одиночкѣ, удержать общечеловѣческое стремленіе, противясь великому движенію, вмѣсто того чтобы ему содѣйствовать, и тщетно противопоставляя свои ничтожныя желанія мощному теченію событій, которое не допускаетъ перерыва, а несется своимъ путемъ, величественное и грозное, между тѣмъ какъ поколѣнія за поколѣніями исчезаютъ, поглощаемыя однимъ громаднымъ водоворотомъ.

Какъ только Ридъ, покончивъ съ опроверженіемъ философіи Юма, принялся за построеніе собственной своей системы, онъ тотчасъ безсознательно подчинился господствующему методу. Тутъ онъ утверждаетъ, что всякое умозаключеніе должно исходить отъ основныхъ началъ, и что мы должны, нисколько не помышляя о восхожденіи къ этимъ началамъ, прямо принять ихъ и положить въ основаніе всей послѣдующей аргументаціи. Какъ скоро они приняты, они становятся для послѣдователя путеводною нитью сквозь лабиринтъ мысли. Противникамъ своимъ Ридъ не позволялъ опираться на нихъ, но себѣ самому присвоивалъ это право, потому что онъ познавалъ эти основныя начала непосредственнымъ умосозерцаніемъ. Кто вздумалъ бы ихъ отрицать, съ тѣмъ нечего было и разсуждать. Изслѣдовать ихъ, пытаться ихъ анализировать, считалъ онъ столько же непозволительнымъ, сколько безразсуднымъ, потому что они принадлежатъ къ существу вещей, а существу вещей нельзя найти другаго объясненія, кромѣ того, что такова воля Божія.

Получая свои основныя начала съ такою легкостью, и тщательно ограждая ихъ запрещенiемъ всякой попытки разложить ихъ на простѣйшiе элементы, Ридъ долженъ былъ подвергаться сильному искушенiю умножать ихъ почти до безконечности, для того, чтобы посредствомъ умозаключенiя отъ нихъ, создать полную и стройную систему человѣческаго духа. Этому искушенiю онъ поддался съ готовностью, которая должна показаться по истинѣ изумительною, когда припомнимъ, какъ онъ за тотъ же самый образъ дѣйствiя осуждалъ своихъ противниковъ. Въ ряду многочисленныхъ основныхъ началъ, которыя онъ считаетъ не только не объясненными, но и необъяснимыми, являются: вѣра въ Личное Тождество, вѣра во Внѣшнiй Мiръ, вѣра въ Единообразiе природы, вѣра въ Существованiе Жизни въ другихъ, вѣра въ Свидѣтельство, также вѣра въ способность распознавать истину отъ заблужденiя и даже въ соотношенiе лица и голоса съ мыслью. О вѣрѣ вообще онъ утверждаетъ, что она имѣетъ много основныхъ началъ, и сожалѣетъ о томъ, что иные мыслители опрометчиво покушались объяснять ихъ. Эти вещи суть тайны, и ихъ не слѣдуетъ пытать. Мы имѣемъ еще и другiя способности, которыя, какъ первообразныя и неразложимыя, не допускаютъ дедуктивнаго изслѣдованiя, и которыхъ невозможно ни разложить на простѣйшiе элементы, ни подвести подъ болѣе общiе законы. Къ этому разряду Ридъ причисляетъ Память, Воспрiятiе, Потребность Самоодобренiя и наконецъ не только Инстинктъ, но даже и Привычку. Многiя изъ нашихъ представленiй, напримѣръ, представленiя о пространствѣ и времени, онъ считаетъ также за прирожденныя понятiя; есть еще, по его мнѣнiю, другiя основныя начала, которыя не исчислены, но которые могутъ быть принимаемы за исходъ для умозаключенiя. Всѣ они, стало быть, составляютъ первыя посылки умозаключенiя; какъ имъ не найдено еще основанiй, то они должны быть начала простыя, а какъ они еще не объяснены, то они, разумѣется, и необъяснимы.

Все это въ значительной мѣрѣ произвольно. Чтобы отдать полную справедливость Риду, должно однако сказать, что принявъ эти основныя начала, онъ обнаруживаетъ замѣчательное искусство въ своихъ умозаключеніяхъ отъ нихъ, и что опровергая философію своего времени, онъ подвергалъ ее критическому разбору, принесшему огромную пользу. По своему свѣтлому взгляду, по своей діалектической ловкости, силѣ и остротѣ своего мужественнаго слога, онъ былъ страшнымъ противникомъ, и всѣ его возраженія должны были приниматься съ уваженіемъ. Мнѣ однако кажется, что не смотря на попытки, сначала г. Кузэна, а потомъ сэра Вилліама Гамильтона, поддержать его упадающую славу, философія его, какъ самостоятельная система, не выдерживаетъ строгой критики и не будетъ долговѣчна. Въ этомъ я, впрочемъ, могу ошибаться; но совершенно положительно можно сказать, что верхъ нелѣпости полагать, какъ полагали нѣкоторые писатели, будто онъ принялъ индуктивный, или, какъ его обыкновенно называютъ, бэконовскій методъ. Бэконъ навѣрное усмѣхнулся бы такому послѣдователю, который принимаетъ на вѣру всякаго рода первыя посылки, съ величайшею безразборчивостью предполагаетъ разныя общія начала, какъ нѣчто само собою разумѣющееся, и все свое умѣніе бережетъ на процессъ умозаключенія отъ предложеній, въ истинѣ которыхъ онъ не имѣетъ никакихъ доказательствъ, кромѣ того, что̀ на поверхностный его взглядъ, или, какъ онъ выражается, его здравому смыслу они показались истинами. Это сознательное уклоненіе отъ анализированія предвзятыхъ понятій подходитъ подъ то, что Бэконъ называлъ anticipatio naturae, и что онъ осуждалъ какъ величайшее препятствіе знанію, по причинѣ порождаемой имъ въ человѣкѣ пагубной наклонности полагаться на первыя, не провѣренныя, заключенія ума. Поэтому, когда мы видимъ, что Ридъ превозноситъ Бэконову философію, какъ образецъ, которымъ должны руководствоваться всѣ изслѣдователи, и когда, въ добавокъ, Дё-

гальдъ Стюартъ, мыслитель, правда, нѣсколько поверхностный, но въ то же время осмотрительный писатель, увѣряетъ насъ, что Ридъ слѣдовалъ этой философіи, — это можетъ служить намъ новымъ доказательствомъ того, какъ трудно было Шотландцамъ минувшаго столѣтія усвоить себѣ истинный духъ индуктивной логики, если систему, явно идущую на перекоръ ея правиламъ, они могли считать строго построенною по нимъ.

Отъ философіи духа перейду теперь къ естествознанію, въ которомъ именно, болѣе чѣмъ гдѣ либо, можно бы ожидать преобладанія индуктивнаго метода, и даже господства его надъ противоположнымъ, дедуктивнымъ методомъ. На сколько это ожиданіе оправдывается на дѣлѣ, я постараюсь уяснить разсмотрѣніемъ важнѣйшихъ открытій, сдѣланныхъ Шотландцами въ области органическаго и неорганическаго міра. А какъ я имѣю цѣлью показать только складъ и направленіе шотландскаго ума, то я оставлю въ сторонѣ всѣ подробности, касающіяся практическихъ послѣдствій этихъ открытій и ограничусь изложеніемъ одной чисто научной ихъ стороны, такъ чтобы читатель могъ видѣть, что̀ именно чрезъ нихъ прибавилось къ нашему знанію законовъ природы и какимъ путемъ были сдѣланы эти прибавленія. Я объясню только характеръ и ходъ каждаго открытія, и больше ничего. Ни здѣсь, ни въ какой либо другой части настоящаго введенія, я не намѣренъ входить въ разсмотрѣніе вопроса о практической пользѣ, или изслѣдовать связь между открытіями науки и ихъ примѣненіемъ къ житейскимъ задачамъ. Это я предполагаю сдѣлать въ самомъ сочиненіи, гдѣ надѣюсь объяснить многія мелкія соціальныя явленія, изъ которыхъ иныя почитаются изолированными, чтобы не сказать не имѣющими никакого разумнаго основанія. Здѣсь единственная моя цѣль— выяснить тѣ широкія начала, которыя, отмѣчая эпохи въ развитіи мысли, лежатъ въ основаніи всего зданія общества и которыя необходимо ясно уразумѣть для того, чтобы исторія

не оставалась навсегда простымъ эмпирическимъ сборникомъ фактовъ, которыхъ научная основа не опредѣлена, а потому и истинный порядокъ и связь должны быть неизвѣстны.

Между предметами знанія, относящимися къ области неорганическаго міра, видное мѣсто занимаютъ законы теплоты. Съ одной стороны, они соприкасаются съ геологіею, ибо находятся въ самой тѣсной и непремѣнной связи со всѣми ученіями объ измѣненіяхъ и настоящемъ состояніи земной коры. Съ другой стороны, они соприкасаются съ важнѣйшими вопросами о жизни, какъ животной, такъ и растительной; они имѣютъ связь съ теоріею видовъ и породъ; имѣютъ вліяніе на измѣненіе почвы, пищи и организаціи; наконецъ, въ нихъ же должны мы искать главнѣйшей помощи для разрѣшенія тѣхъ великихъ задачъ біологіи, на которыя, въ послѣдніе годы, преимущественно было обращено вниманіе самыхъ смѣлыхъ и передовыхъ изслѣдователей.

Настоящія познанія наши въ законахъ теплоты можно свести къ пяти главнымъ отдѣламъ. Эти отдѣлы суть: скрытая теплота, удѣльная теплота, теплопроводность, лучистая теплота и наконецъ, теорія волнообразнаго распространенія теплоты. Подъ вліяніемъ этой послѣдней теоріи, мы мало по малу бросаемъ свои старыя матеріальныя понятія и пріучаемся видѣть въ теплотѣ не что иное, какъ одну изъ тѣхъ формъ силы, которыя всѣ, какъ-то: свѣтъ, электричество, магнетизмъ, движеніе, тяготѣніе, химическое сродство, безпрестанно переходятъ одна въ другую, но, которыхъ совокупная сумма не можетъ ни увеличиться, ни уменьшиться. Какъ ни велика научная важность высокаго понятія, ставящаго неуничтожаемость силы рядомъ съ неуничтожаемостью матеріи, но оно имѣетъ еще гораздо болѣе высокое значеніе. Научая насъ, что ничто не погибаетъ, а напротивъ, малѣйшее движеніе малѣйшаго тѣла, въ самой отдаленной области, порождаетъ послѣдствія, которыя существуютъ нескончаемо, развиваются по всему пространству, могутъ видо-

измѣняться, но не могутъ никогда уничтожиться,—оно вселяетъ въ насъ такую возвышенную идею о правильномъ и непреложномъ ходѣ физическихъ явленій, что должно вліять и на другія, высшія отрасли изслѣдованія. Всѣ наши мысли находятся въ такой тѣсной связи, такъ переплетаются между собою, что понятіе закона и необходимаго соотношенія явленій, внесенное въ одну область мышленія, не можетъ не затронуть и другихъ, смежныхъ съ нею областей. Поэтому, какъ скоро съ прежнимъ ученіемъ о неуничтожаемости матеріи будетъ прочно соединено новѣйшее ученіе о неуничтожаемости силы, мы можемъ быть увѣрены, что человѣческій умъ на этомъ не остановится, но что онъ примѣнитъ къ изученію человѣка заключенія подобныя тѣмъ, которыя уже приняты въ изученіи природы. Убѣдившись однажды, что состояніе матеріальной вселенной, въ каждый данный моментъ, есть ничто иное какъ результатъ всего, что совершилось во всѣ предшествовавшіе моменты, что самое ничтожное частное уклоненіе нарушило бы весь строй и повело бы неизбѣжно къ хаосу, и что отдѣлить отъ общей массы малѣйшую даже частицу значило бы раскачать цѣлое зданіе и повергнуть его въ одну общую развалину; видя съ какою дивною точностью пригнаны и сплочены между собою всѣ части, и въ самой красотѣ и совершенствѣ цѣлаго строя усматривая лучшее доказательство, что онъ никогда не былъ нарушаемъ Божественнымъ Строителемъ, который вызвалъ его къ бытію и всевѣдѣнію котораго и планъ, и осуществленіе плана были присущи съ такою ясностью и неуклонною точностью, что ни одного камня не двинулось въ этомъ величественномъ и стройномъ зданіи съ тѣхъ поръ, какъ положено ему основаніе; поднимаясь на такую высоту мысли, мы безъ сомнѣнія приближаемся къ еще болѣе высокой точкѣ, на которую предоставлено стать нашему потомству и съ которой воззрѣніе его такъ уяснится, что навѣрное приведетъ къ окончательному отверженію старыхъ и противныхъ разуму понятій

о сверхъестественномъ вмѣшательствѣ во всѣ земныя дѣла, понятій, изобрѣтенныхъ суевѣріемъ, завѣщаемыхъ отъ одного поколѣнія другому невѣжествомъ, и существованіемъ своимъ въ настоящее время доказывающихъ малое еще развитіе нашего знанія, скудность нашихъ умственныхъ средствъ и застарѣлость предразсудковъ, въ которые мы до сихъ поръ погружены.

Весьма естественно, поэтому, что ученіе о неуничтожаемости какъ матеріи, такъ и силы, есть въ строгомъ смыслѣ созданіе настоящаго вѣка, хотя и встрѣчаются кой-какіе намеки на него у нѣкоторыхъ прежнихъ мыслителей, которые однако всѣ шли ощупью и безъ опредѣленной общей цѣли. Ни одинъ изъ прежнихъ вѣковъ не былъ достаточно смѣлъ для того, чтобы обнять такое широкое воззрѣніе въ его цѣлости, и ни одинъ изъ прежнихъ ученыхъ, даже еслибъ хотѣлъ принять такое воззрѣніе, не былъ достаточно знакомъ съ законами природы для того, чтобы отстоять его. Такъ, въ настоящемъ случаѣ, очевидно, что пока теплота почиталась за матерію, не могла она быть постигнута какъ сила, а слѣдовательно не могъ никто придти къ теоріи перехода ея въ другія силы, хотя есть мѣста въ сочиненіяхъ Бэкона, доказывающія, что онъ думалъ объ отождествленіи ея съ движеніемъ. Необходимо было сперва понять теплоту въ отвлеченіи, какъ свойство или состояніе матеріи, а это было невозможно до тѣхъ поръ, пока не были болѣе уяснены ея непосредственныя условія, то есть, пока не были, съ помощью математики, раскрыты ея ближайшіе законы. Между тѣмъ, за исключеніемъ одного только Ньютона, котораго попытки по этому предмету, при всей громадности его способностей, были неудовлетворительны, и который притомъ рѣшительно склонялся къ матеріальной теоріи, — никто не пытался разгадать математическіе законы теплоты, до самой второй половины восемнадцатаго вѣка, когда Ламберъ и Блакъ принялись за дѣло, которое потомъ продолжали Прево и Фурье. Человѣческій умъ, довольно медленно справлявшійся съ пред-

варительными работами, съ передовыми укрѣпленіями изслѣванія, не былъ готовъ къ несравненно болѣе трудной задачѣ возвести самую теплоту въ идею, въ такое отвлеченіе, чтобы отъ нея отпали всѣ матеріальные атрибуты и оставалось только одно умозрительное представленіе невещественной силы.

Изъ этихъ соображеній, безъ которыхъ читатель не былъ бы въ состояніи оцѣнить важность результатовъ, достигнутыхъ въ Шотландіи, —можно видѣть, до какой степени было необходимо, чтобы законы движенія теплоты изучались, прежде чѣмъ стало изслѣдоваться ея существо и прежде чѣмъ стало возможно такъ сильно напасть на теорію истеченія, чтобы могло возникнуть великое ученіе о неуничтожаемости силы, которому, я ни малѣйше не сомнѣваюсь въ томъ, суждено произвести переворотъ въ цѣломъ строѣ нашего мышленія, и придать будущимъ умозрѣніямъ болѣе широкую основу, чѣмъ имѣли прежнія. Что касается движенія теплоты, то мы обязаны законами теплопроводности, и лучеиспусканія теплоты Франціи и Женевѣ; законы же удѣльной теплоты и скрытаго теплорода открыты въ Шотландіи. Ученіе объ удѣльной теплотѣ, хотя любопытное, не имѣетъ такой научной важности, какъ прочія части этого обширнаго предмета; но ученіе о скрытой теплотѣ чрезвычайно любопытно, не только само по себѣ, но и ради тѣхъ аналогій съ разными другими отраслями естествознанія, на которыя она наводитъ.

Что называется скрытою теплотою, это видно изъ слѣдующаго. Когда твердое тѣло, вслѣдствіе приложенія къ нему теплоты, переходитъ въ жидкое состояніе, напримѣръ ледъ превращается въ воду, продолжительность времени потребнаго на это превращеніе не можетъ объясниться ни одною изъ теорій, предлагавшихся до половины восемнадцатаго вѣка. Невозможно было также объяснить, какимъ образомъ температура льда никогда не поднимается выше 32° (*) до тѣхъ

(* Цельсія = 00 Реомюра.

поръ, пока онъ не растаетъ окончательно, какая бы ни была степень теплоты окружающихъ предметовъ. Не представлялось никакого средства къ разъясненію этихъ обстоятельствъ. И хотя явленія эти, повторяясь ежедневно, не удивляли уже людей практическихъ, успѣвшихъ присмотрѣться къ нимъ, тѣмъ не менѣе они поражали мыслителей, привыкшихъ анализировать всякое явленіе и доискиваться причинъ въ простыхъ обыденныхъ вещахъ.

Въ самомъ началѣ второй половины восемнадцатаго столѣтія, обратилъ вниманіе на этотъ предметъ Блаккъ, бывшій въ то время профессоромъ въ Глесгоскомъ университетѣ. Онъ предложилъ теорію, которая, по своей новости и оригинальности, вызвала тогда сильныя нападенія, но которая теперь принята всѣми. Съ рѣдкою смѣлостью и глубиною мысли пришелъ онъ къ заключенію, что когда какое либо тѣло утрачиваетъ часть своей плотности, какъ напримѣръ когда ледъ превращается въ воду или вода въ паръ, тѣло это принимаетъ въ себя извѣстное количество теплоты, котораго наши чувства не могутъ открыть даже при помощи самаго чуткаго термометра, потому что эта теплота поглощается, ускользаетъ отъ насъ, не производитъ осязаемаго дѣйствія на вещественный міръ, дѣлается, такъ сказать, скрытымъ свойствомъ. Поэтому Блаккъ и назвалъ ее скрытою теплотою на томъ основаніи, что хотя мы и сознаемъ мысленно ея присутствіе, однако не можемъ услѣдить ее, какъ фактъ. Тѣло, собственно говоря, стало теплѣе, а между тѣмъ температура его не поднялась. При обратномъ процессѣ, то есть, какъ скоро паръ сгущается въ воду или вода превращается въ ледъ, теплота возвращается въ область нашихъ чувствъ, перестаетъ быть скрытою, сообщается окружающимъ предметамъ. При этомъ не было произведено новой теплоты; правда, что теплота явилась и исчезла для нашихъ внѣшнихъ чувствъ, но это былъ только обманъ чувствъ, потому что въ дѣйствительности не послѣдовало ни увели-

ченія, ни уменьшенія количества теплоты. Что эта замѣчательная теорія проложила путь ученію о неучтожаемости силы, очевидно каждому, кто размышлялъ о томъ какимъ образомъ въ исторіи человѣческаго ума рождаются и развиваются научныя понятія. Процессъ ихъ развитія такъ медленъ, что никогда ни одно открытіе не совершалось иначе, какъ совокупнымъ трудомъ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ поколѣній. Поэтому, при сужденіи о томъ, что именно совершено каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ, мы должны судить о немъ не по ошибкамъ, которыхъ онъ не уберегся, а по истинамъ, которыя онъ предложилъ. Большая часть его ошибокъ принадлежатъ собственно не ему; онъ ихъ наслѣдуетъ отъ своихъ предшественниковъ, и если онъ успѣетъ устранить нѣкоторыя изъ нихъ, мы должны быть ему благодарны за это, а не винить его за то, что онъ не устранилъ ихъ всѣхъ. Блаккъ, конечно, впалъ въ ошибку въ томъ отношеніи, что смотрѣлъ на теплоту, какъ на матерію, подчиненную законамъ химическаго соединенія. Но это была только гипотеза, завѣщанная ему предшественниками, которую современное ему состояніе умственнаго развитія принудило его вплести въ свою теорію. Онъ наслѣдовалъ гипотезу и не могъ освободиться отъ этого неудобнаго достоянія. Дѣйствительная услуга, оказанная имъ, заключается въ томъ, что не взирая на помянутую гипотезу, отъ которой онъ не могъ отдѣлаться до самаго конца, онъ болѣе кого либо изъ своихъ современниковъ содѣйствовалъ зарожденію великой мысли идеализировать теплоту, и такимъ образомъ далъ возможность своимъ преемникамъ включить ее въ разрядъ невещественныхъ и сверхчувственныхъ силъ. Какъ скоро она была отнесена въ этотъ разрядъ, число силъ было завершено, и сравнительно легче стало примѣнить ко всей совокупности силы то же понятіе неуничтожаемости, которое до того времени было примѣнено ко всей совокупности матеріи. Но этого едвали было возможно достигнуть, пока теплота была поставлена, такъ

сказать, на половинѣ дороги между силою и матеріею, и давала различнымъ чувствамъ противоположные результаты: была доступна чувству осязанія и незрима глазу. Требовалось поставить ее совершенно внѣ области нашихъ внѣшнихъ чувствъ, и признать, что хотя мы и ощущаемъ ея дѣйствіе, однако, сознаемъ ея существованіе только мыслью. Блаккъ сдѣлалъ огромный шагъ къ этому. Можетъ быть и не сознавая отдаленнѣйшихъ результатовъ своихъ трудовъ, онъ подрывалъ то самое ученіе о матеріальности теплоты, которое онъ по видимому поддерживалъ. Ибо, защищая скрытую теплоту, онъ училъ, что движенія теплоты безпрестанно обманываютъ не только нѣкоторыя изъ нашихъ чувствъ, но и всѣ наши чувства; и что въ то самое время, когда ощущеніе говоритъ намъ, что теплота пропала, разсудокъ заставляетъ насъ убѣдиться, что она не пропала. Тутъ являются кажущаяся уничтожаемость и дѣйствительная неуничтожаемость. Утверждать, что тѣло приняло въ себя теплоту, когда его температура не возвысилась, значило возложить на разсудокъ исправленіе впечатлѣній осязанія, отвергать показанія послѣдняго. Это былъ смѣлый и прекрасный парадоксъ, для созданія котораго требовались какъ проницательный умъ, такъ и мужество, и принятіемъ котораго отмѣчается эпоха въ развитіи человѣческаго ума, потому что оно составляетъ огромный шагъ къ идеализированію матеріи въ силу. Нѣкоторые говорили, правда, о невидимой матеріи; но тутъ было явное противорѣчіе въ сочетаніи словъ, которое никогда не будетъ допущено, пока не измѣнятся формы рѣчи. Ничто не можетъ быть невидимо, кромѣ силы, духа и Верховной Причины всего существующаго. Мы должны, поэтому, признать за Блаккомъ великую заслугу, что онъ первый, въ изслѣдованіи теплоты, отвергъ авторитетъ внѣшнихъ чувствъ и этимъ положилъ основаніе всему, что совершено послѣ него. Независимо отъ отношенія его открытія къ ученію о неуничтожаемости силы, оно находится также въ связи съ однимъ изъ самыхъ

блестящихъ результатовъ, добытыхъ уже настоящимъ поколѣніемъ, въ знаніи неорганическаго міра, именно съ дознаніемъ тождества свѣта и теплоты. Нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, свѣтъ и теплота являются въ нѣкоторыхъ, немногихъ, отношеніяхъ, несходными. Свѣтъ, напримѣръ, дѣйствуетъ на зрѣніе, но не дѣйствуетъ на осязаніе; теплота же дѣйствуетъ на осязаніе, но при обыкновенныхъ условіяхъ, не дѣйствуетъ на зрѣніе. Но самое главное различіе между ними есть то, что теплота обладаетъ свойствомъ температуры, которымъ не обладаетъ свѣтъ; и свойство это такъ характеристично, что пока наше пониманіе не подкрѣплено наукою, мы не въ состояніи постичь теплоту отдѣльно отъ температуры, и вынуждены смѣшивать ту и другую. Но съ той минуты, какъ люди стали принимать методъ, которому слѣдовалъ Блаккъ, и рѣшились смотрѣть на теплоту, какъ на явленіе сверхчувственное, они ступили на путь, который долженъ былъ привести ихъ къ открытію, что свѣтъ и теплота суть только различныя проявленія одной и той же силы. Такъ какъ они оставили въ сторонѣ дѣйствіе теплоты на человѣка или на какую бы то ни было часть творенія, способную ощущать ея температуру и слѣдовательно даваться ей въ обманъ, то имъ ничего болѣе не оставалось, какъ только изучать ея дѣйствіе на міръ неодушевленный. Тогда все стало ясно; путь открытій былъ расчищенъ, и аналогіи между свѣтомъ и теплотою, которыя прежде едва подозрѣвала самая смѣлая фантазія, были поставлены внѣ всякаго сомнѣнія. Къ отраженію теплоты, которое было уже извѣстно и прежде, теперь были прибавлены ея преломленіе и двойное преломленіе, поляризація и деполяризація и круговая поляризація, интерференція ея лучей и ихъ задержка; и — что всего замѣчательнѣе, — знаніе наше по этимъ вопросамъ развивалось такъ быстро, что еще до истеченія 1836 года, вся цѣпь доказательствъ была закончена эмпирическими изслѣдованіями Форбса и Меллони, которые сами при этомъ почти не догадывались, что все,

что они дѣлали, было подготовлено еще до рожденія ихъ; что они были только слугами и послѣдователями человѣка, указавшаго путь, по которому они шли, и что опыты ихъ, при всей ихъ оригинальности и всемъ ихъ значеніи, были только прямое практическое послѣдствіе одной изъ тѣхъ дивныхъ идей, которыми Шотландія подарила міръ и воспоминаніе о которыхъ почти способно закупить наше сужденіе и заставить насъ забыть, что въ то время какъ передовые умы націи были заняты такими возвышенными предметами, сама нація оставалась имъ чуждою, относилась къ этимъ людямъ съ холоднымъ и презрительнымъ равнодушіемъ, будучи погружена въ то мертвящее суевѣріе, которое глухо ко всему разумному и не внемлетъ голосу чародея, какъ бы ни мудры были его чары.

Только разсмотрѣвъ такимъ образомъ происхожденіе и сродство научныхъ идей, можемъ мы уразумѣть, какъ много мы дѣйствительно обязаны сдѣланному Блаккомъ открытію скрытаго теплорода. Относительно метода, которымъ онъ дошелъ до этого открытія, нечего много говорить, потому что каждый изучавшій Бэконову философію тотчасъ увидитъ, что открытіе было такого рода, къ которому не пріурочивается ни одно изъ правилъ этой системы. Такъ какъ скрытая теплота не подлежитъ нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, то и нельзя было подвести ее подъ законы философской системы, которая основанія всякой истины ищетъ исключительно въ наблюденіи и непосредственномъ опытѣ. Предметъ изслѣдованія былъ сверхчувственный, слѣдовательно и не могъ быть подвергнутъ тому, что Бэконъ называлъ перекрестными опытами и выдѣленіемъ сущности явленій. Истина заключалась въ самой идеѣ; поэтому опыты могли только уяснить ее, вывести ее наружу и такимъ образомъ дать людямъ возможность ее уловить, но не могли доказать ее. Все это очевидно съ перваго взгляда на открытіе, и подтверждается притомъ прямымъ свидѣтельствомъ доктора Томсона, который зналъ Блакка лично

и былъ даже однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ его учениковъ. Этотъ неопровержимый свидѣтель увѣряетъ насъ, что Блаккъ принялся за умозрительное изученiе теплоты около 1759 года, что плодомъ его размышленiй была теорiя скрытой теплоты, что въ 1761 году онъ уже публично преподавалъ эту теорiю, но что опыты, требовавшiеся для убѣжденiя мiра въ ея истинѣ, были произведены не ранѣе 1746 года. При этомъ едва ли нужно мнѣ присовокуплять, что удовлетворяться, такимъ образомъ, теорiею, за три года до произведенiя опытовъ значило идти на перекоръ всѣмъ правиламъ индуктивной философiи, а тѣмъ болѣе не только удовлетворяться ею, но даже публично преподавать ее, какъ новую и неоспоримую истину, новымъ способомъ объясняющую весь строй вещественнаго мiра.

Умъ Блакка принадлежалъ къ тѣмъ умамъ, которые, въ XVIII столѣтiи, въ Шотландiи почти исключительно преобладали, въ Англiи же едвали вовсе встрѣчались, и которые, за неимѣнiемъ лучшаго слова, мы вынуждены назвать умами дедуктивными, хотя и допускаемъ вполнѣ, что и самые дедуктивные умы имѣютъ значительную долю индуктивности, такъ какъ, безъ индукцiи, нельзя собственно вести даже обыкновенныя житейскiя дѣла. Но съ точки зрѣнiя научной классификацiи, мы можемъ сказать, что какой нибудь мыслитель или какой нибудь вѣкъ дедуктивенъ, когда его любимымъ процессомъ мышленiя оказывается умозаключенiе отъ основныхъ началъ, а не къ этимъ началамъ, и когда въ немъ обнаруживается стремленiе придавать слишкомъ мало цѣны прямому опыту. Что такъ именно и было съ знаменитымъ виновникомъ открытiя *скрытаго теплорода*, это мы видѣли, какъ изъ сущности самаго открытiя, такъ и изъ рѣшительнаго свидѣтельства его ученика и друга. Дальнѣйшее же подтвержденiе можно найти въ томъ обстоятельствѣ, что разъ заявивъ о своей великой идеѣ, онъ, вмѣсто того, чтобы начать длинный рядъ тщательныхъ опытовъ, посредствомъ ко-

торыхъ можно было бы повѣрить эту мысль въ ея различныхъ развѣтвленіяхъ,—предпочелъ вести умозаключеніе отъ нея по общимъ правиламъ діалектики,—чѣмъ собственно довелъ ее до крайнихъ логическихъ послѣдствій, а не перенесъ въ ту область, гдѣ бы она могла быть подтверждена или опровергнута свидѣтельствомъ чувствъ. Слѣдуя этому процессу мышленія, онъ пришелъ къ нѣкоторымъ дивнымъ умозрѣніямъ, которыя такъ далеки отъ опыта, что даже теперь, со всѣми добавочными средствами нашего знанія, мы всетаки не можемъ сказать, вѣрны они, или невѣрны. Въ этомъ родѣ были его воззрѣнія и на причины сохраненія человѣческой породы, существованію которой, какъ онъ полагалъ, угрожала бы опасность, еслибъ не то свойство, какое имѣетъ теплородъ, оставаться скрытымъ, незамѣтнымъ. Такъ, напримѣръ, когда за продолжительною и суровою зимою наступаетъ внезапно тепло, то казалось бы естественнымъ, чтобы снѣгъ и ледъ растаяли съ соотвѣтствующею быстротою; а если бы это случилось, то результатомъ было бы такое страшное наводненіе, что человѣкъ едвали могъ бы спастись отъ его опустошительнаго дѣйствія. Еслибы даже онъ самъ и спасся, то труды его, т. е. матеріальные результаты его цивилизаціи, во всякомъ случаѣ погибли бы. Отъ этой катастрофы спасаетъ его одна только скрываемость теплорода. Благодаря этому свойству теплоты, ледъ и снѣгъ начинаютъ непосредственно таять только на своей поверхности; теплота проникаетъ въ ихъ строеніе, гдѣ большая часть ея остается въ бездѣйствіи и оттого въ значительной мѣрѣ утрачиваетъ силу,—чрезъ что и замедляется процессъ таянія. Эта страшная сила становится вялою и приходитъ въ усыпленіе. Она ослабѣваетъ при самомъ началѣ своего дѣйствія и поступаетъ какъ бы въ особый складъ, откуда она выдѣляется потомъ постепенно и совершенно безопасно для человѣческой породы.

Такимъ образомъ, въ теченіе лѣта, накопляется обширный

запасъ теплоты, и сохраняется въ водѣ, гдѣ теплота эта не можетъ принести никакого вреда человѣку, такъ какъ чувства его не въ состояніи воспринимать ея впечатлѣніе. Тамъ она остается погребенною до тѣхъ поръ, пока въ порядкѣ временъ года, не наступитъ снова зима и вода не обратится въ ледъ. Во время процесса замерзанія, это сокровище теплоты, остававшееся затаеннымъ въ теченіе всего лѣта, снова выходитъ наружу; она перестаетъ быть скрытою, и теперь, впервые подѣйствовавъ на чувства человѣка, умѣряетъ для него суровость зимы. Чѣмъ скорѣе замерзаетъ вода, тѣмъ скорѣе освобождается изъ нея теплота; такъ что въ силу этого великаго закона природы, оказывается, что холодъ порождаетъ тепло, и суровость всякаго времени года, хотя и не можетъ быть совершенно устранена, но смягчается въ той самой мѣрѣ, въ какой возрастаетъ угрожающая отъ нея опасность.

Опять съ другой стороны, такъ какъ теплота становится скрытою и ускользаетъ отъ нашихъ чувствъ, не только когда ледъ переходитъ въ воду, но и когда вода обращается въ пары,—то мы находимъ въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ одну изъ причинъ того, почему человѣкъ и другія животныя могутъ жить на тропикахъ, которые иначе оставались бы незаселенными. Люди и животныя постоянно страдаютъ отъ накопляющейся въ ихъ тѣлахъ теплоты, которой одной уже было бы достаточно, чтобы разрушить ихъ. Но теплота эта возбуждаетъ жажду и они вслѣдствіе того поглощаютъ въ большихъ количествахъ жидкость, значительная часть которой выпотѣваетъ сквозь поры кожи въ видѣ испареній. А какъ, согласно съ теоріею скрытаго теплорода, испаренія образуются не иначе, какъ съ огромнымъ содержаніемъ въ нихъ теплоты, то они поглощаютъ въ себя и уносятъ изъ тѣла то именно, что̀ будучи оставлено въ немъ, имѣло бы пагубное дѣйствіе. Къ этому мы должны прибавить, что на тропикахъ испареніе воды происходитъ по необходимости

быстро, и образующіеся отъ этого пары становятся новымъ теплоемомъ, новымъ орудіемъ освобожденія теплоты изъ земли и предупрежденія вреднаго дѣйствія ея на отправленія жизни.

Путемъ этихъ и многихъ другихъ доводовъ, которые всѣ имѣли такой существенно умозрительный характеръ и относились къ такимъ сокровеннымъ отправленіямъ природы, что даже и теперь мы не имѣемъ достаточнаго основанія ни безусловно принять, ни положительно отвергнуть ихъ,—Блаккъ пришелъ къ тому великому ученію о неуничтожаемости теплоты, которое, вмѣстѣ съ теоріею неуничтожаемости силы, имѣетъ, какъ я уже замѣтилъ, еще большее нравственное и соціальное значеніе, чѣмъ научную важность. Хотя данныя, которыя онъ имѣлъ въ виду, гораздо скуднѣе тѣхъ, какими мы теперь обладаемъ, тѣмъ не менѣе, вооруженный скорѣе зоркостью своего мощнаго ума, чѣмъ числомъ и точностью собранныхъ фактовъ, онъ до такой степени проникся убѣжденіемъ въ постоянствѣ всего существующаго въ природѣ, что примѣнилъ эту мысль не только къ тонкимъ явленіямъ теплоты, но даже—что̀ было гораздо труднѣе сдѣлать — къ тѣмъ случаямъ, въ которыхъ теплота до такой степени ускользаетъ отъ нашихъ чувствъ, что человѣкъ не можетъ познать ее иначе, какъ съ помощью воображенія. Согласно съ его взглядомъ, теплота проходитъ чрезъ безчисленное множество измѣненій, въ теченіе которыхъ она кажется утратившеюся; измѣненій этихъ никакой глазъ не замѣтитъ, никакое осязаніе не ощутитъ, ни какой приборъ не измѣритъ. Но среди всѣхъ этихъ перемѣнъ, она всетаки остается неприкосновенною. Ничто не убавится и ничто не прибудетъ въ ней. Въ одномъ изъ тѣхъ дивныхъ мѣстъ, въ его лекціяхъ, которыя, какъ ни дурно они намъ переданы, носятъ всетаки отпечатокъ его возвышеннаго генія,—Блаккъ, объяснивъ слушателямъ, что̀ произошло бы, по всей вѣроятности, если бы уменьшился общій итогъ теплоты, существующей въ

мірѣ, — переходитъ затѣмъ къ умозрѣніямъ на тотъ случай, когда бы итогъ этотъ увеличился. Еслибъ какая либо сила была въ состояніи хоть что нибудь прибавить къ этой теплотѣ, то она разомъ вышла бы изъ своихъ предѣловъ; равновѣсіе было бы нарушено; и все зданіе природы распалось бы на части. Зло это такъ быстро возрастало бы и свирѣпствовало бы съ такою сосредоточенною силою, что ничто не могло бы остановить его опустошительное дѣйствіе. Теплота должна идти все далѣе и далѣе, пока не поглотитъ и не пересилитъ всѣ другія начала. Такъ какъ она все истребляетъ на пути своемъ, не зная ни преградъ, ни сопротивленія, то животныя должны гибнуть, растенія—исчезать, воды обращаться въ паръ, а твердая земля—расплавляться, пока наконецъ, все это дивное зданіе природы, разслабленное и разшатанное не рухнется и не возвратится въ то состояніе хаоса, изъ котораго оно первоначально возникло.

Эти, какъ и многія другія изъ умозрѣній этого великаго мыслителя, не особенно понравятся тѣмъ, чисто индуктивнымъ, философамъ, которые не только думаютъ — пожалуй справедливо,—что все наше знаніе первоначально зиждется на фактахъ, но и утверждаютъ—мнѣніе по моему весьма опасное,—что всякому умноженію знанія должно предшествовать умноженіе фактовъ. Такимъ людямъ покажется, что лучше бы Блаккъ занялся дѣланіемъ новыхъ наблюденій или придумываніемъ новыхъ опытовъ, чѣмъ давать разыгриваться своему воображенію въ дикихъ, ни къ чему не ведущихъ мечтаніяхъ. Они найдутъ, что такіе полеты фантазіи пожалуй пристали поэту, но что они не достойны той строгой точности и той внимательности къ фактамъ, которыя должны быть отличительною чертою философа. Въ Англіи, въ особенности, между изслѣдователями природы, явно преобладаетъ рѣшимость отдѣлять философію отъ поэзіи и смотрѣть на нихъ, какъ на предметы не только различные, но и враждебные другъ другу. Между этимъ классомъ мыслителей, усердіе и

дарованія которыхъ выше всякой похвалы, и которымъ мы почти безгранично обязаны,—существуетъ, конечно, въ весьма сильной степени убѣжденіе, что въ ихъ родѣ занятій, воображеніе чрезвычайно опасно, такъ какъ оно приводитъ къ умозрѣніямъ, основанія которыхъ еще не упрочены, и порождаетъ желаніе слишкомъ торопливо заглядывать въ даль, прежде чѣмъ изв҄ѣдано промежуточное пространство. Что воображеніе имѣетъ такого рода стремленіе, это безспорно. Но тѣ, которые возстаютъ противъ него за это и потому хотѣли бы отдѣлить поэзію отъ философіи, смотрятъ, мнѣ кажется, слишкомъ узкимъ взглядомъ на отправленія человѣческаго ума и на то, какимъ образомъ достигается истина. Есть въ поэзіи извѣстная божественная, пророческая сила, извѣстное ясновидѣніе относительно сущности и природы вещей, которое, если его должнымъ образомъ употребить въ дѣло, сдѣлало бы изъ нея не врага, а союзника науки. Поэтъ разсматриваетъ природу со стороны душевныхъ движеній, а мужъ науки—со стороны разума. Но душевныя движенія составляютъ такую же часть нашей природы, какъ и разумъ; они одинаково истинны, одинаково могутъ быть правы. Хотя эти воззрѣнія различны, но они не произвольны. Они повинуются постояннымъ законамъ, идутъ правильнымъ однообразнымъ путемъ, сохраняютъ извѣстную послѣдовательность, имѣютъ свою логику, свой метотъ для вывода заключеній. И такъ поэзія есть часть философіи, просто потому, что душевныя движенія составляютъ часть нашей духовной природы. Если мужъ науки пренебрегаетъ ихъ внушеніями, то тѣмъ хуже для него. Онъ располагаетъ только половиною необходимаго оружія; арсеналъ его неполонъ. Онъ можетъ, конечно, одерживать побѣды, потому что его природная сила можетъ вознаграждать недостатки его вооруженія. Но онъ имѣлъ бы болѣе полный и скорый успѣхъ, еслибы онъ былъ всѣмъ достаточно снабженъ и приготовленъ къ битвѣ. И я не могу не видѣть одинъ изъ худшихъ умственныхъ призна-

ковъ нашей великой страны въ томъ, что̀ я позволю себѣ назвать неполнымъ воспитаніемъ естествоиспытателей, проявляющимся какъ въ ихъ сочиненіяхъ, такъ и въ процессѣ ихъ мышленія. Это тѣмъ болѣе серіозный недостатокъ, что они, взятые какъ цѣлая корпорація, образуютъ самый важный классъ въ Англіи, — посмотримъ ли мы на ихъ дарованія, или на оказанныя ими услуги, или наконецъ на то вліяніе, которое они имѣютъ и, по всей вѣроятности, будутъ и всегда имѣть на преуспѣяніе общества. Нельзя однако скрыть, что они обнаруживаютъ слишкомъ несвойственное уваженіе къ опытамъ, болѣе чѣмъ должную любовь къ мелкимъ подробностямъ, и склонность преувеличивать заслуги изобрѣтателей новыхъ приборовъ и людей, открывающихъ новые, хотя часто ничего не значащіе, факты. Предшественники ихъ въ XVII столѣтіи, смѣлѣе прибѣгая къ гипотезамъ и чаще давая волю своему воображенію, конечно сдѣлали болѣе, по тогдашнему состоянію знанія, чѣмъ могли сдѣлать наши современники, располагающіе болѣе совершенными вспомогательными средствами. Дивныя обобщенія, сдѣланныя Ньютономъ и Гарвеемъ, никогда не могли бы быть довершены въ вѣкъ, погруженный въ одинъ неизмѣнный кругъ наблюденій и опытовъ. Мы находимся въ такомъ положеніи, что у насъ факты опередили знаніе и затрудняютъ теперь его движеніе впередъ. Изданія нашихъ ученыхъ учрежденій и нашихъ ученыхъ писателей переполнены безчисленными мелкими подробностями, которыя только спутываютъ сужденіе, и которыхъ никакая память не въ силахъ удержать въ себѣ. Напрасно просимъ мы, чтобы ихъ обобщили и привели въ порядокъ. Вмѣсто того, куча все продолжаетъ рости. Намъ нужны идеи, а намъ даютъ все болѣе и болѣе фактовъ. Мы постоянно мыслимъ о томъ, что̀ дѣлаетъ природа, но рѣдко узнаемъ о томъ, что̀ мыслитъ человѣкъ. Благодаря неутомимой дѣятельности нынѣшняго и прошедшаго столѣтій, мы обладаемъ теперь громадною, безсвязною массою наблюденій,

которыя были накоплены съ большою заботливостью, но останутся совершенно безполезными до тѣхъ поръ, пока не будутъ связаны какою нибудь господствующею идеею. Лучшимъ средствомъ, для извлеченія изъ нихъ пользы, было бы дать болѣе простора воображенію и совмѣстить духъ поэзіи съ духомъ науки. Этимъ путемъ наши философы удвоили бы свои средства, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, какъ въ настоящее время, подъ вліяніемъ этого нравственнаго увѣчья, только одною половиною своего существа. Они боятся воображенія, вслѣдствіе его склонности слишкомъ поспѣшно строить теоріи. Но конечно всѣ наши способности необходимы въ дѣлѣ преслѣдованія истины, и нѣтъ оправданія нашему недовѣрію къ той или другой части духовной природы человѣка. И я почти не сомнѣваюсь, что одна изъ причинъ, по которымъ мы, въ Англіи, сдѣлали такія дивныя открытія въ теченіе XVII столѣтія, заключалась въ томъ, что столѣтіе это было также великимъ временемъ англійской поэзіи. Два самые мощные ума, какихъ произвела Англія, были Шекспиръ и Ньютонъ; и что Шекспиръ предшествовалъ Ньютону, это не было, я увѣренъ въ томъ, обстоятельствомъ случайнымъ, безразличнымъ. Шекспиръ и поэты сѣяли сѣмена, а Ньютонъ и философы собирали жатву. Оставивъ въ сторонѣ старыя схоластическія и теологическія стремленія, они обратили вниманіе на природу и сдѣлались, такимъ образомъ, истинными основателями естествознанія. Они сдѣлали еще болѣе: они первые привили англійскому уму смѣлыя и возвышенныя соображенія. Они научили людей своего поколѣнія стремиться къ невидимому. Они научили ихъ пылать любовью къ идеальному и возвышаться надъ видимымъ міромъ чувственности. Такимъ образомъ, возбуждая душевныя движенія, они открывали одинъ изъ путей, ведущихъ къ истинѣ. Сообщенное ими направленіе пережило ихъ время и, какъ всякое великое движеніе, отразилось на всѣхъ областяхъ мысли. Но теперь это направленіе исчезло и, если я не

очень ошибаюсь, естественныя науки страдаютъ въ настоящее время отъ его отсутствія. Съ XVII столѣтія, мы не имѣли ни одного поэта высшаго разряда, хотя Шелей, если бы онъ выжилъ, сдѣлался бы такимъ поэтомъ. Онъ имѣлъ извѣстную долю той пылающей страсти, того священнаго огня, который воспламеняетъ душу, какъ бы прямо нисходя съ алтаря боговъ. Но онъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ, на самой зорѣ своего блестящаго генія. Если мы исключимъ незрѣлыя, но всетаки дивныя, попытки этого юнаго поэта, то мы рѣшительно можетъ сказать, что въ теченіе почти двухсотъ лѣтъ, Англія не произвела, по части поэзіи, ничего такого, что имѣло бы тѣ несомнѣнные признаки вдохновенія, которые мы находимъ въ Спенсерѣ, въ Шекспирѣ, въ Мильтонѣ. Въ результатѣ оказывается, что мы, которые отдѣлены такимъ широкимъ промежуткомъ времени отъ этихъ великихъ людей, питавшихъ воображеніе нашихъ предковъ, и которые не можемъ вполнѣ вникнуть въ чувства поэтовъ, писавшихъ въ то время, когда почти всѣ убѣжденія, а слѣдовательно и почти всѣ виды душевныхъ движеній, были совершенно не то, что теперь,—мы по всей вѣроятности не можемъ сочувствовать тѣмъ великимъ произведеніямъ въ такой полной мѣрѣ, какъ могли сочувствовать имъ современники. Дивная англійская поэзія шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій читается теперь болѣе чѣмъ когда либо, но она не сообщаетъ особаго оттѣнка нашимъ мыслямъ, не имѣетъ того образовательнаго дѣйствія на наши умы, какое имѣла на умы нашихъ предковъ. Между нами и ими находится пропасть, за которую мы не можемъ вполнѣ перенестись. Мы такъ удалены отъ того круга мыслей, среди котораго сложились эти поэмы, что онѣ не блистаютъ передъ нами тою дѣйствительностью, тою ясностью цѣли, какую онѣ представляли бы намъ, еслибъ мы жили въ то время, когда онѣ были написаны. Вся ихъ обстановка странна и принадлежитъ другому времени. Не только ихъ нарѣчіе и одѣяніе, но даже ихъ строеніе и ихъ са-

мыя завѣтныя мысли,—все говоритъ о дняхъ минувшихъ, которыхъ мы не можемъ вполнѣ усвоить себѣ. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что люди съ самымъ высшимъ образованіемъ пріобрѣтаютъ отъ литературы прошедшаго извѣстнаго рода полировку, заключающуюся иногда въ развитіи большей утонченности вкуса, а иногда и въ расширеніи круга идей; но настоящая образованность великаго народа, та образованность, которою особенно крѣпко каждое поколѣніе, заключается именно въ томъ, что̀ оно пріобрѣтаетъ отъ поколѣнія, непосредственно предшествующаго. Хотя часто безсознательно, но мы строимъ почти всѣ наши соображенія на основаніяхъ, признанныхъ тѣми, кто прямо предшествовалъ намъ. Самыя близкія отношенія наши—не къ праотцамъ, а къ отцамъ. Съ ними связаны мы неподдѣльнымъ сродствомъ, которое возникая само собою, не требуетъ съ нашей стороны ни малѣйшаго усилія, и отъ котораго мы не властны даже отрѣшиться. Мы наслѣдуемъ ихъ понятія и измѣняемъ ихъ потомъ точно также, какъ они измѣняли понятія своихъ предшественниковъ. Съ каждымъ послѣдовательнымъ измѣненіемъ, кое-что утрачивается и кое-что прибавляется, пока наконецъ не изгладится совершенно первоначальный типъ. По этому-то идеи, господствовавшія нѣсколько поколѣній тому назадъ, имѣютъ къ намъ почти такое же отношеніе, какъ и идеи, сохранившіяся въ иностранной литературѣ. Въ обоихъ случаяхъ, такія идеи могутъ послужить къ украшенію нашего знанія, но никогда не сроднятся въ такой совершенной степени съ нашимъ умомъ, чтобы составлять самое знаніе. Усвоеніе нами этихъ идей не полно, потому что наше сочувствіе къ нимъ неполно. У насъ теперь нѣтъ великихъ поэтовъ, и наша бѣдность въ этомъ отношеніи не вознаграждается тѣмъ фактомъ, что у насъ они были когда-то и что мы можемъ читать и дѣйствительно читаемъ ихъ сочиненія. Движеніе прекратилось, очарованіе прервано, связующее звено, хотя не разорвано, но значительно ослаблено. Вотъ почему нашъ вѣкъ, какъ бы

онъ ни былъ великъ, и какъ бы онъ ни превосходилъ, во всѣхъ почти отношеніяхъ, любой изъ вѣковъ, какіе видывалъ до сихъ поръ свѣтъ, имѣетъ,—не смотря на широко преобладающія въ немъ благородныя чувства, на безпримѣрную терпимость, любовь къ свободѣ, и щедрую, почти расточительную благотворительность,—какой-то матеріальный, бѣдный воображеніемъ и лишенный героизма характеръ, который неразъ заставлялъ наблюдателя трепетать за будущность. На сколько я могу понять настоящее состояніе наше, я не раздѣляю этихъ опасеній; я увѣренъ, что все хорошее, уже пріобрѣтенное нами, безъ всякаго сравненія выше того, чего мы лишились. Но что мы лишились чего-то, это безспорно. Мы лишились, въ значительной мѣрѣ, той дѣятельности воображенія, которая, хотя часто не приводитъ къ добру въ практической жизни, но въ жизни умозрительной составляетъ одно изъ важнѣйшихъ качествъ, такъ какъ оно и наводитъ на мысль, и имѣетъ творческую силу. Даже и съ практической точки зрѣнія, мы должны бы дорожить этою способностью, потому что отъ нея главнѣйшимъ образомъ зависитъ обмѣнъ чувствъ. Тѣмъ не менѣе она приходитъ въ упадокъ, и въ то же самое время, развивающаяся утонченность общества, пріучаетъ насъ все болѣе и болѣе подавлять наши душевныя движенія, чтобы они не сдѣлались непріятны для другихъ. А такъ какъ проявленія душевныхъ движеній и составляютъ главный предметъ изученія для поэта, то мы видимъ въ этомъ обстоятельствѣ новую причину того, почему трудно соперничать съ великою корпораціею поэтовъ, которыхъ имѣли наши предки. И такъ для естествоиспытателей вдвойнѣ необходимо развиватъ въ себѣ воображеніе. Это обязанность, налагаемая на нихъ самыми ихъ занятіями, которыя должны сдѣлаться богаче результатами и надежнѣе, вслѣдствіе такого расширенія круга вспомогательныхъ средствъ. Это также обязанность ихъ по отношенію къ цѣлому обществу, ибо они, которыхъ умственное вліяніе

уже сильнѣе чѣмъ вліяніе какого либо другаго класса, и авторитетъ которыхъ видимо возрастаетъ,—могли бы имѣть достаточно силы, чтобы исправить одинъ изъ самыхъ серіозныхъ недостатковъ нынѣшняго вѣка и вознаградить отчасти нашу неспособность произвести такую блестящую, изящную литературу, какъ та, которую создали наши предки, и въ которой, если могу такъ выразиться, жили и вращались отборнѣйшіе умы семнадцатаго столѣтія.

И такъ, еслибы Блаккъ не сдѣлалъ ничего болѣе, какъ только показалъ примѣръ великаго естествоиспытателя, дающаго полную свободу своему воображенію, то и этимъ онъ уже оказалъ бы намъ такое благодѣяніе, которое невозможно слишкомъ высоко оцѣнить. И весьма замѣчательно то, что еще до его смерти, за ту же отрасль неорганической физики, которую онъ разработывалъ съ такимъ успѣхомъ, взялся другой замѣчательный Шотландецъ, слѣдовавшій рѣшительно тому же плану, хотя съ нѣсколько меньшимъ дарованіемъ. Я конечно разумѣю Лесли, котораго изслѣдованія о теплотѣ хорошо извѣстны всякому, кто занимается этимъ предметомъ; для насъ же, въ настоящемъ случаѣ, они имѣютъ, главнѣйшимъ образомъ, тотъ интересъ, что служатъ пояснительнымъ примѣромъ того особаго метода, который въ XVIII столѣтіи казался существенною принадлежностью шотландскаго ума.

Спустя около тридцати лѣтъ послѣ того, какъ Блаккъ предъявилъ свою знаменитую теорію теплоты, Лесли началъ заниматься изслѣдованіемъ того же предмета, и въ 1805 году, издалъ спеціальную о немъ диссертацію. Въ этомъ сочиненіи и въ нѣкоторыхъ изъ его *трактатовъ о философіи*, изложены его взгляды, изъ которыхъ иные теперь оказались невѣрными, другіе же имѣютъ достаточно цѣнности, чтобы составить эпоху въ исторіи науки. Таковъ было его обобщеніе, относительно лучеиспусканія, а именно, что тѣла наиболѣе отражающія теплородъ, лучеиспускаютъ его всего менѣе, а наиболѣе лучеиспускающіе отражаютъ наименѣе.

Таковъ, также, былъ другой широкій выводъ его, подтвержденный съ тѣхъ поръ лучшими изслѣдователями; онъ заключался въ томъ, что когда какое нибудь тѣло лучеиспускаемъ теплородъ, то напряженіе каждаго луча пропорціонально синусу угла, образуемаго имъ съ поверхностью тѣла.

Это важные шаги, и они были результатомъ опытовъ, которымъ предшествовали обширныя и здраво задуманныя гипотезы. Однако, въ отношеніи экономіи природы, разсматриваемой во всей ея цѣлости, они мало имѣютъ цѣны, сравнительно съ тѣмъ, что сдѣлалъ Лесли для упроченія великой мысли, что свѣтъ и теплота тождественны, и слѣдовательно для приготовленія своихъ современниковъ къ той теоріи взаимнаго перехода одной силы въ другую, которая составляетъ главнѣйшій умственный подвигъ девятнадцатаго столѣтія. Но любопытно замѣтить, что при всемъ своемъ рвеніи, онъ не могъ перейти за извѣстный предѣлъ. Онъ былъ такъ связанъ матеріальными стремленіями своего времени, что не могъ дойти до того, чтобы представить себѣ теплородъ, какъ чисто недосягаемую для чувствъ силу, внѣшнее проявленіе которой составляетъ температура. Для этого, то время еще плохо созрѣло. Вотъ почему мы находимъ у Лесли утвережденіе, что теплота—это упругая жидкость чрезвычайно тонкая, но всетаки жидкость. Истинною заслугою его было, что не смотря на всѣ трудности, заграждавшія его путь, онъ прочно усвоилъ себѣ великую истину, что нѣтъ никакого кореннаго различія между свѣтомъ и теплотою. Какъ онъ выражается, обѣ эти силы суть только превращенія одна другой. Теплота это свѣтъ въ состояніи совершеннаго покоя; а свѣтъ это теплота въ состояніи быстраго движенія. Какъ только свѣтъ соединяется съ какимъ нибуть тѣломъ, онъ становится теплотою; отброшенный же отъ этого тѣла, онъ снова дѣлается свѣтомъ.

Вѣрно это, или невѣрно, мы сказать не можемъ; и много пройдетъ лѣтъ, а можетъ быть и много поколѣній, преж-

де чѣмъ мы будемъ въ состояніи рѣшить это. Но услуга, оказанная Лесли, нисколько не зависитъ отъ вѣрности его мнѣнія относительно того, какимъ именно образомъ свѣтъ и теплота взаимно переходятъ другъ въ друга. Что силы эти переходятъ одна въ другую, —вотъ существенная, самая важная мысль. И мы не должны забывать, что онъ положилъ эту мысль въ основаніе своихъ изслѣдованій, въ такой періодъ, когда нѣкоторые весьма важные, или, скажу скорѣе, весьма замѣтные факты, говорили противъ нея, между тѣмъ какъ главные факты, свидѣтельствующіе въ ея пользу, еще не были извѣстны. Въ то время какъ онъ писалъ свое сочиненіе, тѣ аналогіи между свѣтомъ и теплотою, которыя мы теперь знаемъ, еще не были открыты; никто еще не зналъ, что двойное преломленіе, поляризація и другія любопытныя свойства общи имъ обоимъ. Постичь такую широкую истину, въ виду такихъ препятствій, было замѣчательною чертою смѣтливости. Но изъ-за этихъ препятствій, индуктивный англійскій умъ отказался признать эту истину, такъ какъ она не была общимъ выводомъ изъ обзора всѣхъ фактовъ. И Лесли по несчастію умеръ слишкомъ рано, чтобы испытать ни съ чѣмъ не сравненную радость быть очевидцемъ эмпирическаго подтвержденія своей теоріи прямымъ опытомъ, хотя онъ ясно видѣлъ, что открытія, относящіяся къ поляризаціи, вели ученый міръ къ той точкѣ, каторой свойства его зоркій глазъ уже различалъ въ то время, когда для другихъ, она была еще почти незамѣтнымъ пятнышкомъ въ туманной дали.

Что касается метода, принятаго Лесли, то онъ увѣряетъ насъ, что въ выборѣ основныхъ началъ, отъ которыхъ онъ велъ свое умозаключеніе, ему много помогала поэзія; ибо онъ зналъ, что поэты, въ своемъ родѣ, превосходнѣйшіе наблюдатели и что ихъ соединенныя наблюденія составляютъ сокровище истинъ, которыя ни въ чемъ не уступаютъ истинамъ научнымъ и которыми наука должна пользоваться,

или не можетъ безнаказанно пренебрегать. Правильно примѣнять эти истины и приспособлять ихъ къ требованiямъ физическаго изслѣдованiя—задача, безъ сомнѣнiя, чрезвычайно трудная, такъ какъ она требуетъ не болѣе ни менѣе какъ удержанiя равновѣсiя между сталкивающимися притязанiями душевныхъ движенiй и разума. Какъ и всѣ великiя предпрiятiя, дѣло это полно опасности, и если за него возьмется умъ обыкновенный, то оно конечно не удастся. Но есть два обстоятельства, которыя дѣлаютъ его менѣе опаснымъ въ наше время, чѣмъ въ какой либо болѣе раннiй перiодъ. Первое обстоятельство заключается въ томъ, что верховное преобладанiе человѣческаго разума и его право судить о всѣхъ теорiяхъ по своему, теперь болѣе чѣмъ когда либо всѣми признается; такъ что едвали можно опасаться, что мы уклонимся въ противоположную сторону и дадимъ поэзiи дѣлать захваты въ области науки. Другое обстоятельство заключается въ томъ, что наше знанiе законовъ природы гораздо обширнѣе того, какимъ обладалъ любой изъ предшествовавшихъ вѣковъ; и слѣдовательно менѣе представляется для насъ опасности быть введенными въ заблужденiе воображенiемъ; мы имѣемъ множество хорошо изслѣдованныхъ истинъ, которыя мы можемъ сличать со всякимъ умозрѣнiемъ,—все равно, какъ бы оно ни казалось правдоподобно или остроумно.

По обѣимъ этимъ причинамъ, Лесли, мнѣ кажется, имѣлъ полное право избрать тотъ путь, которому онъ послѣдовалъ. Во всякомъ случаѣ, то достовѣрно, что идя этимъ путемъ, онъ подошелъ ближе, чѣмъ было бы возможно въ другомъ направленiи, къ идеямъ самыхъ передовыхъ мыслителей науки нашего времени. Онъ ясно сознавалъ, что въ мiрѣ вещественномъ нѣтъ ни промежутковъ, ни перерывовъ, и что, слѣдовательно, такъ называемыя дѣленiя природы существуютъ только въ нашемъ умѣ. Онъ даже былъ почти готовъ покончить съ тѣмъ воображаемымъ различiемъ между органическимъ и неорганическимъ мiромъ, которое еще смущаетъ многихъ изъ на-

шихъ естествоиспытателей и не даетъ имъ познать единство и непрерывность движенія въ природѣ. Они, съ своими устарѣлыми понятіями о неодушевленной матеріи, не въ состояніи замѣтить, что всякая матерія живетъ и что такъ называемая смерть есть не болѣе какъ выраженіе, которымъ мы обозначаемъ новый видъ жизни. Къ этому заключенію теперь склоняется все наше знаніе; и конечно не малая заслуга со стороны Лесли, что онъ, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда истинно широкіе взгляды, объемлющіе все твореніе, были почти неизвѣстны между учеными, — сильно настаивалъ на томъ, что всѣ силы однородны и что мы не въ правѣ полагать между ними различіе,—какъ будто бы однѣ изъ нихъ были живыя, а другія мертвыя.

Мы много обязаны тому, кто проводилъ подобные взгляды. Но они до такой степени выходили въ то время, да и теперь, хотя въ меньшей мѣрѣ, еще выходятъ изъ области физическаго опыта, что Лесли никогда не дошелъ бы да нихъ тѣмъ путемъ обобщенія, который указываетъ индуктивная философія. Его великое сочиненіе о теплотѣ было выполнено, такъ же какъ и задумано, по противоположному плану; и такъ сильно было предубѣжденіе его въ эту сторону, что, какъ увѣряетъ насъ его біографъ, онъ не признавалъ никакой заслуги за Бэкономъ, который возвелъ индуктивный методъ въ систему и передъ авторитетомъ котораго мы, въ Англіи, добровольно и, почти можно сказать, рабски преклоняемся.

Другой любопытный примѣръ того умѣнья, съ какимъ шотландскій умъ, разъ ухватившись за какое нибудь основное начало, вырабатывалъ его далѣе путемъ дедуктивнымъ, —представляется въ геологическихъ умозрѣніяхъ Геттона, въ концѣ XVIII столѣтія. Хорошо извѣстно, что двѣ великія силы, измѣнившія состояніе нашей планеты и сдѣлавшія изъ нея то, чѣмъ она представляется теперь,—суть огонь и вода. Каждая изъ нихъ принимала въ этомъ дѣлѣ такое значительное уча-

стіе, что мы едвали можемъ опредѣлить ихъ относительную важность. Судя однако по теперешнему виду земной коры, есть поводъ думать, что старшія каменныя пароды суть главнѣйшимъ образомъ результатъ плавленія, а младшія—осадка отъ воды. По этому не лишено вѣроятности, что въ томъ порядкѣ, въ какомъ проявлялись силы природы, огонь шелъ впереди воды и былъ ея необходимымъ предшественникомъ. Но мы теперь вправѣ утверждать только одно, — что эти двѣ причины, огонь и вода, были въ полномъ дѣйствіи задолго до существованія человѣка, и до сихъ поръ еще отличаются большою дѣятельностью. Быть можетъ онѣ готовятъ новую перемѣну въ обитаемой нами землѣ, приспособленную къ новымъ формамъ жизни, настолько высшимъ чѣмъ человѣкъ, насколько человѣкъ выше существъ, занимавшихъ землю до него. Какъ бы то ни было, но огонь и вода—два самыя важныя и самыя общія начала, съ какими имѣютъ дѣло геологи; и хотя, при поверхностномъ взглядѣ, каждое изъ нихъ представляется въ высшей степени разрушительнымъ, но то достовѣрно, что въ дѣйствительности они ничего не разрушаютъ, а могутъ только разлагать и снова слагать, измѣняя наружный видъ природы, но оставляя самую природу неприкосновенною. Возьметъ ли когда либо верхъ одна изъ этихъ стихій надъ другою, противною ей, это въ высшей степени интересный предметъ для умозрѣнія. Есть поводъ думать, что въ одинъ періодъ огонь былъ дѣятельнѣе воды, а въ другой—вода была дѣятельнѣе огня. Что они находятся въ постоянной бородѣ, это фактъ, съ которымъ геологи совершенно освоились, хотя въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, поэты первые различили истину. Въ глазахъ геологовъ, вода постоянно силится привести всѣ неровности земли къ одному уровню; между тѣмъ какъ огонь, съ своимъ вулканическимъ дѣйствіемъ, въ той же мѣрѣ старается возстановлять эти неровности, выбрасывая матерію на поверхность и всякими средствами приводя въ безпорядокъ

земную кору. А такъ какъ красота матеріальнаго міра главнѣйшимъ образомъ зависитъ отъ этой неправильности наружнаго вида, безъ которой въ зрѣлищахъ природы вовсе не было бы разнообразія формъ, и очень мало представлялось бы разнообразія цвѣтовъ, то я полагаю, что мы не согрѣшимъ слишкомъ утонченною изысканностью, если скажемъ, что огонь, спасая насъ отъ того однообразія, на которое обрекла бы насъ вода, былъ отдаленною причиною того развитія воображенія, которое дало намъ нашу поэзію, нашу живопись, нашу скульптуру, и чрезъ это не только удивительнымъ образомъ увеличило число наслажденій жизни, но и сообщило человѣческому духу ту полноту отправленій, которой, безъ этого возбужденія, онъ не могъ бы достигнуть.

Когда геологи начали изучать законы, по которымъ огонь и вода измѣняли строеніе земли, то имъ представилось два различные пути, именно: индуктивный и дедуктивный. Дедуктивный планъ заключался въ томъ, чтобы опредѣлить вѣроятныя послѣдствія дѣйствія огня и воды, умозаключая отъ наукъ термотики и гидродинамики, и проведя каждую изъ этихъ стихій чрезъ самостоятельный рядъ умозаключеній, свести потомъ въ одну систему порознь полученные результаты. Тогда оставалось бы только изслѣдовать, до какой степени эта воображаемая система согласуется съ настоящимъ порядкомъ вещей, и если бы несогласіе между идеальнымъ и дѣйствительнымъ оказалось не болѣе того, какого слѣдовало ожидать отъ помѣхъ производимыхъ другими причинами, то умозаключеніе было бы полно, и геологія, въ ея неорганической отрасли, сдѣлалась бы наукою дедуктивною. Чтобы наше знаніе уже доста точно созрѣло для такого процесса, этого я, конечно, далеко не могу предположить; но этимъ именно путемъ пошелъ бы дедуктивный умъ, насколько это ему было бы возможно. Съ другой стороны, индуктивный умъ, вмѣсто того, чтобы начать съ огня и воды, началъ бы съ дѣйствія, произведеннаго огнемъ и водою, и изучалъ бы сперва

эти двѣ силы не въ отдѣльныхъ, къ нимъ именно относящихся, наукахъ, а въ ихъ совокупномъ дѣйствіи, проявившемся на земной корѣ. Этого рода изслѣдователь нашелъ бы, что лучшій путь къ истинѣ—восходить отъ дѣйствій къ причинамъ, наблюдая то, чтѡ дѣйствительно произошло, и возвышаясь отъ сложныхъ результатовъ къ познанію простыхъ причинъ, въ силу которыхъ результаты эти произошли.

Если читатель слѣдилъ за ходомъ мысли, которую я старался провести въ этой главѣ и въ части предшествовавшаго тома, то онъ будетъ готовъ предположить, что когда въ послѣдней половинѣ XVIII столѣтія, начали впервые серіозно изучать геологію, индуктивный планъ восхожденія отъ дѣйствій къ причинамъ сдѣлался любимымъ планомъ въ Англіи, а дедуктивный методъ нисхожденія отъ причинъ къ дѣйствіямъ былъ принятъ въ Шотландіи и Германіи. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Всѣми признано, что въ Англіи научная геологія обязана своимъ происхожденіемъ Вилліаму Смиту, умъ котораго питалъ особенное отвращеніе къ системѣ; находя, что лучшій путь къ уразумѣнію прежнихъ причинъ представляется въ изученіи настоящихъ дѣйствій, Смитъ занимался, между 1790 и 1815 годами, трудолюбивымъ изслѣдованіемъ различныхъ земныхъ пластовъ. Въ 1815 году, пройдя всю Англію пѣшкомъ, онъ издалъ первую полную геологическую карту, какая когда либо появлялась, и тѣмъ сдѣлалъ первый важный шагъ къ накопленію матеріаловъ для индуктивнаго обобщенія. Въ 1807 году, слѣдовательно прежде чѣмъ онъ окончилъ свою трудную работу, образовалось въ Лондонѣ Геологическое Общество, прямою цѣлью котораго было, какъ увѣряютъ насъ, наблюдать состояніе земли, но ни въ какомъ случаѣ не обобщать причины, приведшія къ этому состоянію. Рѣшимость эта была, пожалуй, мудрая; во всякомъ случаѣ, она въ высшей степени характеризовала трезвое и терпѣливое направленіе англійскаго ума. Съ какою энергіею и какимъ не-

усыпнымъ трудомъ была выполняема эта задача, и какъ именитѣйшіе члены Геологическаго Общества, въ преслѣдованіи истины, не только извѣдали всѣ части Европы, но даже изучили земную кору въ Америкѣ и сѣверной Азіи, — это хорошо извѣстно всякому, кто интересуется этого рода вещами; нельзя также отрицать, что великія сочиненія Лайелля и Мёрчисона служатъ доказательствомъ, что люди способные къ такимъ трудолюбивымъ предпріятіямъ, способны и на еще болѣе трудный подвигъ — обобщить собранные ими факты и возвести ихъ въ идеи. Они отправились на эти изысканія не простыми только наблюдателями, а съ благородною цѣлью сдѣлать свои наблюденія пригодными для открытія законовъ природы. Такова была ихъ цѣль, и честь и слава имъ за это. Тѣмъ не менѣе очевидно, что ихъ процессъ изслѣдованія существенно индуктивный; это переходъ отъ наблюденія сложныхъ явленій къ простымъ началамъ, отъ которыхъ явленія эти произошли; другими словами, это изученіе естественныхъ послѣдствій съ цѣлью узнать дѣйствіе естественныхъ причинъ.

Совершенно иной былъ процессъ въ Германіи и Шотландіи. Въ 1787 году, то есть только за три года до того, какъ началъ свою работу Вилліамъ Смитъ,—Вернеръ, своимъ сочиненіемъ о классификаціи горъ, положилъ основаніе германской школѣ геологіи. Вліяніе его было громадно; и въ ряду его учениковъ мы встрѣчаемъ имена Мосъ (Mohs), Раумеръ, Фонъ-Бухъ, и даже имя Александра Гумбольдта. Но преподанная имъ геологическая теорія опредѣлялась исключительно рядомъ умозаключеній отъ причины къ послѣдствію. Онъ предположилъ, что всѣ великія перемѣны, чрезъ которыя проходила земля, зависѣли отъ дѣйствія воды. Принявъ это предложеніе за доказанное, онъ умозаключалъ затѣмъ дедуктивно отъ тѣхъ посылокъ, какія давало ему его знаніе воды. Не входя въ подробности, относительно его системы, достаточно сказать, что согласно съ нею, въ началѣ было одно обширное первобытное море, изъ осадковъ кото-

раго образовались, съ теченіемъ времени, первыя скалы. Основаніемъ всего былъ гранитъ, за нимъ слѣдовалъ гнейсъ, а далѣе шли другія породы по порядку. Въ нѣдрахъ воды, находившихся сперва въ покоѣ, мало по малу стали подниматься волненія, которыя, разрушивъ часть самыхъ раннихъ осадковъ, образовали изъ ихъ обломковъ новыя скалы. Наслоенныя слѣдовали, такимъ образомъ, за ненаслоенными, и установилось въ нѣкоторомъ родѣ разнообразіе. Затѣмъ наступилъ другой періодъ, въ которомъ поверхность водъ, вмѣсто простаго колебанія, стала раздираема бурями, и въ ихъ разгарѣ, зародилась жизнь и явились на свѣтъ растенія и животныя. Обширная пустыня мало по малу населялась, море, постепенно отступало, и положено было основаніе той эпохѣ, въ теченіе которой выступилъ на сцену человѣкъ, принеся съ собою зачатки благоустройства и общежитія.

Таковы были главнѣйшія воззрѣнія системы, которая, не должно забывать этого, произвела сильное впечатлѣніе въ ученомъ мірѣ и привлекла на свою сторону умы, пользовавшіеся значительнымъ вліяніемъ. При всей своей ошибочности и натянутости, она имѣла однако ту заслугу, что обратила вниманіе на одно изъ двухъ главнѣйшихъ началъ, опредѣлившихъ настоящее состояніе нашей планеты. Другою заслугою ея было то, что она вызвала споръ, который былъ въ высшей степени полезенъ для интересовъ истины; ибо злѣйшій врагъ знанія—не заблужденіе, а бездѣйствіе. Намъ нужно только одного—это изслѣдованія, и тогда мы можемъ быть увѣрены, что дѣло пойдетъ на ладъ, все равно какія бы мы ни дѣлали ошибки. Одно заблужденіе приходитъ въ столкновеніе съ другимъ, противоположнымъ ему; они взаимно уничтожаются, и въ результатѣ получается истина. Таковъ ходъ умственнаго развитія человѣчества, и съ этой именно точки зрѣнія, виновники новыхъ идей, новыхъ предложеній, новыхъ ересей, являются благодѣтелями своей породы. Правы они или неправы,—это послѣднее дѣло; но они

способствуютъ къ возбужденію ума, вызываютъ къ дѣятельности способности, подстрекаютъ насъ къ новому изслѣдованію, выставляютъ старые предметы въ новомъ свѣтѣ, нарушаютъ всеобщее бездѣйствіе и прерываютъ рѣзко, по самымъ спасительнымъ образомъ, ту любовъ къ рутинѣ, которая, заставляя людей идти ползкомъ по слѣдамъ своихъ предковъ, стоитъ поперегъ дороги всякому усовершенствованію, какъ постоянное, неумѣстное и очень часто пагубное препятствіе.

Методъ, принятый Вернеромъ, былъ очевидно дедуктивный, такъ какъ онъ исходилъ отъ предполагаемой причины и отъ нея умозаключалъ къ послѣдствіямъ. Въ этой причинѣ онъ находилъ свою большую посылку, отъ которой шелъ внизъ къ своему заключенію, пока не достигалъ наконецъ области чувствъ и дѣйствительности. Онъ ввѣрялся одной своей великой идеѣ и вырабатывалъ эту идею съ полнымъ умѣніемъ. По этому самому онъ мало обращалъ вниманія на присущіе факты. Еслибъ онъ хотѣлъ, то и онъ, не хуже другихъ, могъ бы собрать ихъ и подчинить индуктивному обобщенію. Но онъ предпочелъ противоположный путь. Упрекать его за это нѣтъ основанія; потому что въ своихъ поискахъ за истиною, онъ избралъ одинъ изъ двухъ только путей, открытыхъ для человѣческаго ума. Правда, въ Англіи, мы склонны принимать за рѣшенное дѣло, что одинъ путь несравненно предпочтительнѣе другаго. Оно можетъ быть и такъ; но объ этомъ, какъ и о многихъ другихъ предметахъ, высказываются мнѣнія, которыя никогда еще не были доказаны. Какъ бы то ни было, но Вернеръ былъ до такой степени доволенъ своимъ методомъ, что не хотѣлъ давать себѣ трудъ изучать положеніе скалъ и ихъ пластовъ въ тѣхъ разнообразныхъ формахъ, въ какихъ они представляются въ различныхъ странахъ; онъ не изслѣдовалъ даже своей собственной страны, но ограничиваясь однимъ уголкомъ Германіи, въ немъ задумалъ и въ немъ и довершилъ свою знаменитую систему, не

подвергая изслѣдванію фактовъ, на которыхъ, согласно индуктивному методу, должна была бы быть построена эта система

Точно такой же процессъ, по тому же самому предмету и въ то же самое время, происходилъ въ Шотландіи. Гёттонъ, бывшій основателемъ шотландской геологіи, и издавшій, въ 1788 году, свою «*Теорію земли*», велъ свое изслѣдованіе совершенно такъ, какъ Вернеръ, хотя въ то время, когда онъ началъ свои умозрѣнія, онъ не зналъ того, что дѣлалъ Вернеръ. Единственная разница между ними была та, что Вернеръ исходилъ въ своихъ умозаключеніяхъ отъ дѣйствія воды, Гёттонъ же—отъ дѣйствія огня. Причину этого, мнѣ кажется, не трудно объяснить. Гёттонъ жилъ въ странѣ, гдѣ впервые были обобщены нѣкоторые изъ важнѣйшихъ законовъ теплоты и гдѣ, слѣдовательно, этотъ отдѣлъ неорганической физики пріобрѣлъ большую извѣстность. По этому намъ нечего удивляться, что Гёттонъ, чуствовавшій, подобно всѣмъ людямъ, умственное давленіе того времени, въ которое онъ жилъ,—подчинился тому вліянію, котораго быть можетъ и не сознавалъ. Вѣрный общему умственному настроенію своей страны, онъ послѣдовалъ методу дедуктивному. Подъ вліяніемъ же болѣе частныхъ обстоятельствъ, связанныхъ собственно съ его непосредственными занятіями, онъ заимствовалъ тѣ основныя начала, отъ которыхъ велъ свое умозаключеніе, изъ ученія объ огнѣ, вмѣсто того, чтобы, подобно Вернеру, заимствовать ихъ изъ науки о водѣ.

По этому-то, въ исторіи геологіи, послѣдователи Вернера извѣстны подъ именемъ Нептунистовъ, а послѣдователи Гёттона — подъ именемъ Плутонистовъ. И въ этихъ названіяхъ выражается единственное различіе между двумя великими учителями. Въ самыхъ важныхъ отношеніяхъ, именно въ методѣ, они были совершенно согласны. Оба они были люди существенно односторонніе; оба обращали слишкомъ исключительное вниманіе на одну изъ двухъ главнѣйшихъ силъ, ко-

торыя измѣняли и до сихъ поръ еще измѣняютъ земную кору; оба вели умозаключеніе отъ этихъ силъ, вмѣсто того, чтобы къ нимъ вести его; оба, наконецъ, построили свои системы, не изучивъ достаточно дѣйствительныхъ, на лицо находящихся фактовъ, и впали, такимъ образомъ, въ ошибку, которую первые исправили англійскіе геологи.

Такъ какъ я пишу не исторію науки, а исторію научнаго метода, то я могу бросить лишь краткій взглядъ на сущность тѣхъ услугъ, которыя Гёттонъ оказалъ геологіи, и которыя такъ значительны, что его система была названа настоящимъ основаніемъ этой науки. Однако такое выраженіе уже слишкомъ сильно, потому что Гёттонъ, хотя далеко не отвергалъ вліянія воды, но не достаточно придавалъ ей значенія; и многіе геологи склонны допустить, что система Вернера, разсматриваемая какъ теорія, исходящая отъ воды, содержитъ въ себѣ болѣе истины, чѣмъ сколько согласны признать въ ней защитники остроумной теоріи, основанной на огнѣ. Всетаки то, что сдѣлалъ Гёттонъ, было въ высшей степени достойно вниманія, въ особенности въ отношеніи такъ называемыхъ метаморфическихъ скалъ, теорію образованія которыхъ онъ первый постигъ. Въ подробности этой теоріи и въ ея связь съ одной стороны, съ осадочными скалами, а съ другой, съ тѣми скалами, происхожденіе которыхъ, можетъ быть, чисто вулканическое,—мнѣ нельзя войти, не ступивъ на спорную почву. Но оставляя въ сторонѣ то, что еще не доказано, я упомяну о двухъ обстоятельствахъ, относительно Гёттона, которыя никѣмъ не оспорены, и которыя дадутъ нѣкоторое понятіе о его методѣ и о складѣ его ума. Первое обстоятельство заключается въ томъ, что хотя онъ приписывалъ подземной теплотѣ, проявляющейся въ вулканическомъ дѣйствіи, большую и болѣе постоянную силу, чѣмъ рѣшались приписать ей прежніе изслѣдователи, онъ предпочиталъ однако умозрительные выводы, относительно вѣроятныхъ послѣдствій такого ея дѣйствія, выводамъ изъ предста-

вившихся уже фактовъ его, и былъ, въ этомъ отношеніи, до такой степени равнодушенъ, что пришелъ къ своимъ заключеніямъ, не изслѣдовавъ ни одной области дѣйствующихъ вулкановъ, гдѣ бы онъ могъ наблюсти отправленія природы и увидать, что̀ происходитъ на самомъ дѣлѣ. Другое обстоятельство не менѣе характеристично. Гёттонъ, въ своихъ умозрѣніяхъ, относительно геологическаго дѣйствія теплоты, естественнымъ образомъ, пользовался законами, раскрытыми Блаккомъ. Однимъ изъ этихъ законовъ было, что извѣстныя земли обязаны своею плавимостью присутствію въ нихъ постояннаго воздуха (fixed air) до тѣхъ поръ, пока огонь не выгонитъ его; такъ что еслибы было возможно сдѣлать, чтобы онѣ удержали въ себѣ этотъ постоянный воздухъ, или, какъ мы теперь называемъ его, углекислый газъ, то никакое количество теплоты не могло бы лишить ихъ способности плавиться. Плодотворный умъ Гёттона видѣлъ въ этомъ открытіи основное начало, изъ котораго ему можно было сдѣлать геологическое умозаключеніе. Ему пришло на мысль, что большое давленіе могло бы предупредить освобожденіе постояннаго воздуха изъ нагрѣтыхъ скалъ и сдѣлать ихъ способными плавиться, не смотря на ихъ высокую температуру. Вотъ онъ и предположилъ, что въ періодъ, предшествовавшій существованію человѣка, такой именно процессъ совершился подъ поверхностью моря, и что тяжесть такого большаго столба воды не давала скаламъ разлагаться, въ то время какъ онѣ подвергались дѣйствію огня. Такимъ образомъ, летучія части ихъ были удерживаемы, и сами онѣ могли плавиться, чего не могло бы случиться, еслибъ не это непомѣрное давленіе. Слѣдуя такому порядку умозаключенія, онъ объясняетъ отвердѣніе пластовъ отъ жара; ибо, согласно съ посылками, отъ которыхъ онъ исходитъ, маслянистыя или смолистыя части должны были оставаться, несмотря на усиліе жара заставить ихъ улетучиться. Это поразительное умозрѣніе привело къ заключенію, что летучія составныя части мате-

ріи и постоянныя части ея можно заставить слиться, прямо на перекоръ той, кажущейся непреодолимою, силѣ, назначеніе которой—способствовать ихъ раздѣленію. Такой выводъ былъ противенъ всякому опыту, или, по крайней мѣрѣ, никто еще не видалъ такого примѣра. Дѣйствительно, только предполагалось, что это можетъ произойти въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ, которыя еще не встрѣчались на поверхности земли и слѣдовательно выходили изъ предѣловъ всякаго человѣческаго наблюденія. Самое большое, чего можно было ожидать, это, что съ помощью имѣющихся у насъ приборовъ, мы будемъ, пожалуй, въ состояніи, въ маломъ размѣрѣ, устроить подражаніе предположенному Гёттономъ процессу. Могло случиться, что прямо на опытѣ были бы искусственно соединены большое давленіе съ большимъ жаромъ, и что это повело бы къ удостовѣренію чувствами, въ томъ, что сообразилъ умъ. Но такого опыта еще никогда не дѣлали, а отъ Гёттона, находившаго наслажденіе скорѣе въ умозаключеніи отъ идей, чѣмъ отъ фактовъ, нельзя было ожидать, чтобы онъ самъ предпринялъ его. Онъ пустилъ по свѣту свои умозрѣнія и бросилъ ихъ на произволъ судьбы. Но по счастью для признанія его системы, одинъ очень умный и ловкій экспериментаторъ того времени, сэръ Джемсъ Голлъ (Hall), рѣшился провѣрить его умозрѣніе обращеніемъ къ фактамъ, и такъ какъ природа не представила тѣхъ фактовъ, какіе ему нужны были, то онъ самъ создалъ ихъ. Онъ направилъ дѣйствіе жара на обращенный въ порошокъ мѣлъ, и въ тоже время, съ большою осмотрительностью въ пріемахъ, подвергнулъ этотъ мѣлъ давленію почти равному вѣсу воднаго столба вышиною въ полъ-мили. Въ результатѣ оказалось, что подъ этимъ давленіемъ, летучія части мѣла были удержаны въ немъ; углекислый газъ не могъ освободиться, образованіе жженой извести не состоялось, обыкновенныя отправленія природы были обойдены и весь составъ, сохранившись неприкосновеннымъ,

расплавился и потомъ, при охлажденіи, дѣйствительно окристаллизовался въ твердый мраморъ. Болѣе полной побѣды еще не бывало. Никогда еще фактъ не подтверждалъ полнѣе идею. Но въ умѣ Гёттона, идея предшествовала факту на значительномъ разстояніи; прежде чѣмъ сталъ извѣстенъ фактъ, теорія была построена, и даже воздвигнутая на ней система уже нѣсколько лѣтъ обнародована. И такъ оказывается, что одна изъ главнѣйшихъ частей Гёттоновской теоріи, и конечно самая удачная часть ея, была задумана въ противность всякому предшествовавшему опыту; что она впередъ предположила такое сочетаніе явленій, какого никто никогда еще не наблюдалъ, и самую возможность котораго можно было повѣрить однимъ только искусственнымъ опытомъ; и наконецъ, что Гёттонъ былъ до такой степени увѣренъ въ дѣйствительности своего метода изслѣдованія, что не считалъ нужнымъ самъ дѣлать опытъ, а предоставилъ другому уму заняться этою эмпирическую частью изслѣдованія, которую онъ считалъ неважною, но которую въ Англіи насъ научили считать единственнымъ надежнымъ основаніемъ физическаго изслѣдованія.

Я представилъ теперь очеркъ важнѣйшихъ открытій, сдѣланныхъ Шотландіею, въ XVIII столѣтіи, по части законовъ неорганическаго міра. Я ничего не сказалъ о Уаттѣ, потому что паровая машина, которою мы обязаны ему, хотя и имѣетъ громадную важностъ, но составляетъ не открытіе, а изобрѣтеніе. Ее можно по справедливости назвать скорѣе изобрѣтеніемъ, чѣмъ усовершенствованіемъ. Не смотря на все, что̀ было сдѣлано, въ XVII столѣтіи, Де Козомъ (De Caus), Ворстеромъ, Папиномъ и Сэвери, и не смотря на позднѣйшія добавленія, сдѣланныя Ньюкоменомъ и другими, дѣйствительная оригинальность Уатта не подлежитъ никакому спору. Его машина была существенно новымъ изобрѣтеніемъ; но съ научной точки зрѣнія, она оказывалась не болѣе какъ искуснымъ примѣненіемъ законовъ, уже прежде

извѣстныхъ; и одна изъ самыхъ важныхъ сторонъ ея, именно сбереженіе теплоты, составляла практическое примѣненіе идей, распространенныхъ Блаккомъ. Единственнымъ открытіемъ, какое сдѣлалъ Уаттъ, былъ составъ воды. Хотя его права на это открытіе и оспариваются друзьями Кавендиша, но, какъ кажется, онъ первый привелъ въ извѣстность, что вода не есть простое тѣло, а состоитъ изъ двухъ газовъ. Это открытіе было значительнымъ шагомъ въ исторіи химическаго анализа, но оно не заключало въ себѣ ни новаго закона, ни намека на новый законъ, и потому не имѣетъ ни какихъ правъ на то, чтобы составить новую эпоху въ исторіи человѣческаго ума. Есть, однако, одно связанное съ нимъ обстоятельство, которое слишкомъ своеобразно, чтобы пройти его молчаніемъ. Открытіе это было сдѣлано въ 1783 году Уаттомъ, Шотландцемъ, и Кавендишемъ, Англичаниномъ, — и ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ понятія о томъ, что дѣлалъ другой. Но между ними было различіе. Уаттъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ передъ тѣмъ, строилъ умозрѣнія относительно связи воды съ воздухомъ, и когда онъ связалъ ихъ между собою посредствомъ Блаккова закона скрытаго теплорода, то онъ уже готовъ былъ увѣровать, что эти тѣла могутъ быть обращаемы одно въ другое. Идея о близкомъ сходствѣ между водою и воздухомъ, разъ проникнувъ въ его сознаніе, постепенно созрѣвала; и когда онъ наконецъ довершилъ открытіе, то достигъ этого только путемъ умозаключенія отъ тѣхъ данныхъ, которыя, кромѣ его, были извѣстны и другимъ. Вмѣсто того, чтобы выводить на свѣтъ новые факты, онъ выводилъ новыя заключенія изъ прежнихъ идей. Кавендишъ, съ другой стороны, дошелъ до своего результата посредствомъ метода, свойственнаго Англичанину. Онъ не рѣшался дѣлать новый выводъ, пока не привелъ въ извѣстность новыхъ фактовъ. Дѣйствительно, его открытіе было въ такой совершенной мѣрѣ выводомъ изъ его собственныхъ опытовъ, что онъ упустилъ

изъ виду принять въ соображеніе теорію скрытаго теплорода, отъ которой исходитъ Уаттъ и въ которой этотъ замѣчательный Шотландецъ находилъ посылки для своего умозаключенія. Оба эти великіе изслѣдователя пришли къ истинѣ, но каждый изъ нихъ шелъ особою дорогою. И эта противоположность съ большою точностью выражена однимъ изъ знаменитѣйшихъ химиковъ, находящихся еще въ живыхъ, который въ своихъ замѣчаніяхъ о составѣ воды, справедливо говоритъ, что въ то время какъ Кавендишъ установлялъ факты, Уаттъ установлялъ идею.

Вотъ, что было сдѣлано Шотландцами въ области науки о неорганическомъ мірѣ. Если мы теперь обратимся къ наукѣ о мірѣ органическомъ, то найдемъ, что и тамъ также труды ихъ были весьма замѣчательны. Тѣмъ, которые способны подняться до извѣстной высоты и широты мысли, покажется въ высшей степени правдоподобнымъ, что между органическимъ и неорганическимъ міромъ нѣтъ никакого существеннаго различія. Что они разграничены, какъ обыкновенно утверждаютъ, рѣзкою раздѣльною чертою, которая обозначаетъ, гдѣ внезапно кончается одинъ и столь же внезапно начинается другой,— это повидимому предположеніе, рѣшительно ни на чемъ не основанное. Природа не дѣлаетъ остановокъ, не прерывается такимъ причудливымъ, неправильнымъ образомъ. Въ ея произведеніяхъ нѣтъ пустыхъ мѣстъ, нѣтъ пробѣловъ. Истинно научному уму матеріальный міръ представляется однимъ длиннымъ, непрерывнымъ рядомъ, постепенно возвышающимся отъ низшихъ формъ къ высшимъ, но нигдѣ не кончающимся. Въ одной части этого ряда, мы находимъ особаго рода строеніе, котораго, на сколько мы могли до сихъ поръ наблюсти, нельзя найти въ другой части его. Мы замѣчаемъ также особаго рода отправленія, соотвѣтствующія строенію, и, какъ мы полагаемъ, вытекающія изъ него. Вотъ все, что мы знаемъ. Тѣмъ не менѣе, отъ насъ требуютъ, чтобы и изъ этихъ скудныхъ фактовъ, мы, которые находимся еще въ младенчествѣ

знанія и которые только слегка каснулись самой поверхности вещей,—сдѣлали выводъ, что должна быть такая точка, въ цѣпи бытія, на которой и строеніе, и отправленія внезапно прерываются и далѣе которой мы тщетно стали бы искать признаковъ жизни. Трудно было бы придумать заключеніе болѣе противное всему ходу, всей аналогіи новѣйшаго мышленія. По всѣмъ отраслямъ наблюденія, умозрѣнія величайшихъ мыслителей постоянно стремятся къ тому, чтобы подвести всѣ явленія подъ извѣстный порядокъ и смотрѣть на нихъ какъ на различныя, конечно, по степени, но ни въ какомъ случаѣ не различныя по роду. Прежде люди довольствовались тѣмъ, что основывали свое убѣжденіе въ существованіи различія по роду, на свидѣтельствѣ глаза, который, при бѣгломъ взглядѣ, въ однихъ тѣлахъ видѣлъ организацію, а въ другихъ нѣтъ. Изъ организаціи они заключали о жизни, и предполагали, что, напримѣръ, растенія имѣютъ жизнь, а минералы нѣтъ. Такого рода умозаключеніе долго считалось удовлетворительнмыъ; но съ теченіемъ времени оно оказалось несостоятельно; потребовалось больше доказательствъ и, съ половины XVII столѣтія, было всѣми вообще признано, что глазъ, самъ по себѣ, свидѣтель не заслуживающій довѣрія, и что мы должны употреблять микроскопъ, а не полагаться на ничѣмъ не подкрѣпленное показаніе нашихъ слабыхъ, ненадежныхъ чувствъ. Но микроскопъ постоянно совершенствуется и мы не можемъ сказать, какой предѣлъ этой способности его къ усовершенствованію; не можемъ, слѣдовательно, сказать, какія новыя тайны онъ еще откроетъ намъ. Мы не можемъ также сказать, что онъ не будетъ совершенно замѣненъ какимъ нибудь новымъ искусственнымъ средствомъ, которое доставитъ намъ свидѣтельство, на столько совершеннѣе того, какое мы теперь имѣемъ, на сколько это послѣднее совершеннѣе показанія невооруженнаго глаза. Даже теперь, не смотря на то, что микроскопъ еще такъ недавно сдѣлался дѣйствительно полезнымъ приборомъ, онъ

уже открылъ намъ такія организаціи, существованія которыхъ никто прежде и не подозрѣвалъ. Онъ доказалъ, что предметы, считавшіеся, цѣлыя тысячи лѣтъ, не болѣе какъ клочками неодушевленной матеріи, суть, на самомъ дѣлѣ, животныя, имѣющія большую часть тѣхъ отправленій, какія и мы имѣемъ, воспроизводящія свою породу съ постоянною, правильною послѣдовательностью, и снабженныя нервною системою, обнаруживающею въ нихъ способность къ ощущенію страданія и наслажденія. Онъ открылъ жизнь въ ледникахъ Швейцаріи, нашелъ ее гнѣздящеюся въ полярныхъ льдахъ, — а если она тамъ можетъ преуспѣвать, то трудно сказать, въ какой мѣстности можетъ не быть ея. Такъ неохотно однако отстаетъ большинство людей отъ старыхъ понятій, что призвана была на помощь химія, для удостовѣренія въ предполагаемомъ различіи между органическою и неорганическою матеріею; утверждаютъ, что въ органическомъ мірѣ замѣчается большая сложность частичныхъ соединеній, чѣмъ въ неорганическомъ. Далѣе химики увѣряютъ, что въ органической природѣ, преобладаетъ углеродъ, а въ неорганической силицій. Но химическій анализъ, какъ и микроскопическое наблюденіе, дѣлаетъ такіе быстрые успѣхи, что каждое поколѣніе, — я почти могъ бы сказать каждый годъ, — подрываетъ какой нибудь изъ прежнихъ выводовъ; такъ что теперь, и еще довольно долгое время, мы должны смотрѣть на такіе выводы, какъ на эмпирическіе и даже какъ на однѣ только попытки. Конечно нельзя сдѣлать прочнаго, всеобщаго вывода изъ перемѣнчивыхъ и шаткихъ фактовъ, которые сегодня признаются, а завтра могутъ быть опровергнуты. Поэтому казалось бы, что въ пользу мнѣнія, что одни тѣла живыя, а другія мертвыя, мы не можемъ ничего привести, кромѣ того обстоятельства, что наши изысканія, въ предѣлахъ, до которыхъ они до сихъ поръ простирались, обнаружили, что извѣстное строеніе, ростъ и способность воспроизведенія, не суть непремѣнныя свойства мате-

ріи, а напротивъ, въ значительной части видимаго міра, вовсе не замѣчаются, вслѣдствіе чего мы и называемъ ее міромъ неодушевленнымъ. Вотъ все, что имѣется изъ доказательствъ на этой сторонѣ вопроса. Съ другой стороны, мы имѣемъ фактъ, то наше зрѣніе и тѣ искусственныя орудія, съ помощью которыхъ мы пришли къ этому выводу, явно несовершенны; и далѣе тотъ фактъ, что при всемъ своемъ несовершенствѣ, они доказали, что органическое царство простирается безконечно далѣе, чѣмъ представлялъ себѣ когда либо самый смѣлый мечтатель; между тѣмъ какъ предѣлы неорганическаго царства они не были въ состояніи расширить въ размѣрѣ, сколько нибудь соотвѣтствующемъ этому. Это доказываетъ, что, на сколько дѣло идетъ о нашихъ мнѣніяхъ, вѣсы постоянно склоняются въ одну извѣстную сторону; другими словами, что по мѣрѣ успѣховъ нашего знанія, вѣра въ органическое дѣлаетъ все болѣе и болѣе захватовъ въ области вѣры въ неорганическое. Если мы еще прибавимъ къ этому, что всякая наука явно клонится въ сторону одной простой, общей теоріи, которая будетъ обнимать весь кругъ матеріальныхъ явленій, и что съ каждымъ послѣдовательнымъ шагомъ, какія нибудь неправильности разъясняются и какія нибудь неуравнительности сглаживаются,—то едвали можно сомнѣваться въ томъ, что такое движеніе стремится ослабить тѣ различія, дѣйствительность существованія которыхъ была слишкомъ торопливо признана, и что на мѣсто ихъ мы рано или поздно должны подставить болѣе широкій взглядъ, согласно съ которымъ, жизнь есть принадлежность всякой матеріи, и классификація тѣлъ на одушевленныя и неодушевленныя, или органическія и неорганическія, есть только временное дѣленіе, которое годится, пожалуй, для настоящихъ цѣлей нашихъ, но должно наконецъ, какъ и всѣ подобныя дѣленія, исчезнуть въ болѣе возвышенной и широкой системѣ.

Но пока не будетъ сдѣлано этого шага, мы должны довольствоваться умозаключеніемъ, основаннымъ на показаніяхъ на-

шихъ несовершенныхъ приборовъ или еще менѣе совершенныхъ чувствъ. Поэтому мы признаемъ различіе между органическою и неорганическою природою, не въ качествѣ научной истины, а какъ научный пріемъ, съ помощью котораго мы раздѣляемъ въ идеѣ то, что нераздѣльно въ фактѣ, надѣясь этимъ способомъ облегчить свой путь и достигнуть наконецъ тѣхъ результатовъ, которые сдѣлаютъ уже подобное ухищреніе ненужнымъ. Принимая, такимъ образомъ, это дѣленіе, мы можемъ привести всѣ изслѣдованія органическихъ тѣлъ къ одной изъ двухъ цѣлей. Первая цѣль—привести въ извѣстность законъ, управляющій этими тѣлами въ ихъ обычномъ, здоровомъ, или, какъ мы иногда ошибочно называемъ это, нормальномъ состояніи. Другая цѣль—узнать законъ, которому они подчиняются въ своемъ необычномъ, нездоровомъ, или ненормальномъ состояніи. Когда мы пытаемся достигнуть первой цѣли, то мы являемся физіологами; стремясь же ко второй—патологами.

Такимъ образомъ, физіологія и патологія составляютъ два основныхъ дѣленія всякой органической науки. Каждый изъ этихъ отдѣловъ тѣсно связанъ съ другимъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что они сольются наконецъ въ одинъ предметъ изученія, открывъ законы, изъ которыхъ окажется, что ни тутъ, ни тамъ нѣтъ ничего дѣйствительно анормальнаго или неправильнаго. До сихъ поръ, однако, физіологи неизмѣримо опередили патологовъ широтою своихъ воззрѣній и, поэтому самому, и достоинствомъ своихъ выводовъ. Такъ, лучшіе физіологи положительнымъ образомъ признаютъ, что ихъ наука, въ ея основаніяхъ, должна обнимать не только животныхъ, стоящихъ ниже человѣка, но также и все растительное царство; и что, не окинувъ такимъ общимъ взглядомъ всей области органической природы, мы по всей вѣроятности не въ состояніи понимать даже физіологію человѣка, а еще менѣе всеобщую физіологію. Патологи, съ другой стороны, до такой степени отстали, что болѣзни низшихъ животныхъ рѣдко

входятъ въ ихъ планъ изученія, болѣзни же растеній находятся у нихъ почти въ совершенномъ пренебреженіи; между тѣмъ какъ достовѣрно, что пока всѣ эти явленія не будутъ изучаемы и пока не будетъ сдѣлано кое-какихъ попытокъ къ обобщенію ихъ, всякій патологическій выводъ будетъ по преимуществу эмпирическимъ, вслѣдствіе ограниченности того круга, въ которомъ дѣлались наблюденія.

Наука патологіи находится до сихъ поръ въ такомъ отсталомъ состояніи, какъ относительно плана, по которому она задумана, такъ и относительно самаго выполненія, что даже истинно даровитые люди думаютъ, будто она можетъ быть построена на простомъ изученіи человѣческаго тѣла; поэтому едвали кто предположитъ, чтобы Шотландцы, несмотря на удивительную смѣлость своихъ умозрѣній, были въ состояніи, въ XVIII столѣтіи, упредить тотъ методъ, который девятнадцатому столѣтію теперь первые приходится употребить въ дѣло. А между тѣмъ они произвели двухъ патологовъ съ большимъ дарованіемъ, которымъ мы въ значительной мѣрѣ обязаны. Это были Кёлленъ и Джонъ Гёнтеръ. Кёлленъ былъ замѣчателенъ только какъ патологъ; Гёнтеръ же, обнявшій своимъ дивнымъ, многостороннимъ геніемъ гораздо большее пространство, былъ великъ и катъ физіологъ, и какъ патологъ. Краткій очеркъ сдѣланныхъ ими обобщеній въ наукѣ объ органическомъ мірѣ будетъ не лишнимъ добавленіемъ къ сказанному уже мною выше о томъ, что было сдѣлано, въ тотъ же періодъ, ихъ соотечественниками, для науки о мірѣ неорганическомъ. Это пополнитъ нашъ обзоръ умственнаго движенія въ Шотландіи и дастъ возможность читателю составить себѣ нѣкоторое понятіе о блестящихъ умственныхъ подвигахъ этого въ высшей степени замѣчательнаго народа, который, въ противоположность тому, что было со всѣми другими новѣйшими націями, доказалъ, что научныя открытія не ведутъ непремѣнно къ ослабленію суевѣрія и что два враждебныя начала могутъ преуспѣвать рядомъ, никогда не при-

ходя въ столкновеніе на самомъ дѣлѣ, и не ослабляя другъ друга замѣтнымъ образомъ.

Въ 1751 году, Кёлленъ былъ назначенъ профессоромъ медицины въ глесгоскій университетъ, откуда, однако, въ 1756 г., былъ переведенъ въ эдинбургскій, гдѣ и читалъ тѣ знаменитыя лекціи, на которыхъ и основывается теперь его слава. Въ началѣ своей ученой карьеры, онъ обратилъ особенное вниманіе на неорганическую отрасль естествознанія и предъявилъ нѣкоторыя замѣчательныя умозрѣнія, которые, какъ полагаютъ, навели Блакка, его ученика, на теорію скрытаго теплорода. Но для того, чтобы далѣе прослѣдить эти воззрѣнія, потребовалось бы произвести множество тщательныхъ опытовъ, — что́ не согласовалось съ его умственнымъ складомъ. Поэтому, пустивъ въ ходъ свои идеи, онъ оставилъ ихъ затѣмъ укореняться, и перешелъ къ своей трудной попыткѣ обобщить законы болѣзни, въ томъ видѣ, въ какомъ они проявляются въ человѣческомъ тѣлѣ. Въ изученіи болѣзни, явленія которой болѣе темны и менѣе подлежатъ опыту, представлялся большій просторъ для умозрѣнія; поэтому ему легче было предаться любви къ теоріи, являвшейся въ немъ преобладающею страстью, чрезмѣрное потворство которой ему ставили въ упрекъ. Что упрекъ этотъ не совсѣмъ несправедливъ, съ этимъ, мнѣ кажется, нельзя не согласиться. Мы находимъ, напримѣръ, у него слѣдующее ученіе: что такъ какъ въ леченіи болѣзи теорію нельзя отдѣлить отъ практики, то все равно, которая изъ нихъ должна идти впередъ. Это значило сказать, что медикъ - практикъ можетъ подчинять свои наблюденія своимъ теоріямъ; ибо достовѣрно, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ, люди такъ крѣпко держатся усвоиваемыхъ ими мнѣній, что то, чѣмъ съ самаго начала проникается ихъ умъ въ какомъ бы то ни было изученіи, легко обращается въ форму, въ которую отливается и все послѣдующее. Въ обыкновенныхъ умахъ, извѣстное соединеніе понятій, разъ твердо установившееся,

дѣлается неразрывнымъ; и способность раздѣлять ихъ и составлять изъ нихъ новыя сочетанія, есть одно изъ самыхъ рѣдкихъ дарованій нашихъ. Умъ средняго разряда, какъ скоро имъ овладѣетъ какая нибудь теорія, едвали можетъ когда либо избавиться отъ нея. По этому, въ практическихъ вопросахъ слѣдуетъ ровно столько же бояться теоріи, сколько въ научныхъ—дорожить ею; ибо практической дѣятельности предается главнѣйшимъ образомъ низшій разрядъ умовъ, въ которомъ ассоціаціи идей и предразсудки необыкновенно стойки; между тѣмъ какъ научныя занятія достаются на долю умовъ высшаго полета, въ которыхъ такія предубѣжденія сравнительно слабы, и тѣсныя соединенія понятій легче всего разрываются. Для самыхъ мощныхъ умовъ, наиболѣе привычное дѣло—усвоивать себѣ новый строй мыслей, и потому они болѣе всего способны разрушать старый. Въ нихъ слабо гнѣздится всякое вѣрованіе, потому что они хорошо знаютъ, какъ мало мы имѣемъ доказательствъ для многихъ, даже самыхъ древнихъ, вѣрованій. Но умы средняго, или, не въ обиду будь сказано, низшаго разряда, не тревожатся подобными тонкостями. Разъ они чистосердечно приняли какія нибудь теоріи, имъ едвали возможно когда либо отрѣшиться отъ нихъ, и они нерѣдко удостоиваютъ ихъ названія первѣйшихъ истинъ и принимаютъ всякое нападеніе на нихъ за личную обиду. Наслѣдовавъ такія теоріи отъ своихъ отцовъ, они смотрятъ на нихъ съ какою-то сыновнею, набожною привязанностью, и ухватываются за нихъ, какъ за какія нибудь богатыя пріобрѣтенія, къ которымъ никто не имѣетъ права прикаснуться.

Къ этому послѣднему классу принадлежатъ почти всѣ люди, преданные болѣе практическимъ, чѣмъ умозрительнымъ занятіямъ. Между ними находятся обыкновенные практики, по медицинѣ ли или по другой части, изъ которыхъ весьма немногіе согласятся нарушить ту послѣдовательность мыслей, въ которой они закоснѣли). Хотя они объявляютъ, что презираютъ теорію, но на самомъ дѣлѣ они порабощены ею. Все

что они могутъ сдѣлать, это скрывать свою подчиненность, называя свою теорію необходимымъ вѣрованіемъ. По этому, слѣдуетъ считать замѣчательнымъ доказательствомъ любви Кёллена къ дедуктивному умозаключенію то̀, что онъ, при всей своей смѣтливости и прозорливости, могъ предположить, будто въ такомъ практическомъ искусствѣ, какъ медицина, теорія можетъ безнаказанно предшествовать практикѣ. Ибо въ высшей степени справедливо, если брать средній выводъ, что умы людей такъ устроены, что одна не можетъ предшествовать другой, не получая преобладанія надъ нею. Не менѣе справедливо и то, что такое преобладаніе должно имѣть вредное дѣйствіе. Даже въ настоящее время, не смотря на великіе шаги, сдѣланные въ патологической анатоміи, въ животной химіи и въ микроскопическомъ изслѣдованіи какъ жидкихъ, такъ и твердыхъ составныхъ частей человѣческаго тѣла,—леченіе болѣзней всетаки гораздо болѣе дѣло искусства, чѣмъ науки. Что́ составляетъ главную отличительную черту замѣчательнѣйшихъ медиковъ и даетъ имъ рѣшительное превосходство,—это не столько объемъ ихъ теоретическаго знанія,—хотя и оно также бываетъ часто значительно,—сколько та утонченная вѣрность взгляда, которою они обязаны частью опыту, а частью и врожденной способности быстро замѣчать аналогіи и различія, ускользающія отъ обыкновеннаго наблюдателя. Процессъ, которому они слѣдуютъ, есть процессъ быстрой и, въ нѣкоторой степени, безсознательной индукціи. И вотъ причина, почему величайшіе физіологи и химики, между медиками, не бываютъ, въ естественномъ порядкѣ вещей, лучшими практическими врачами. Если бы медицина была наукою, то они были бы лучшими медиками. Но медицина еще въ сущности искусство; она зависитъ главнѣйшимъ образомъ отъ тѣхъ качествъ, которыя каждый практическій врачъ долженъ самъ развивать въ себѣ и которыхъ не можетъ дать ему никакая теорія. Теперь еще не настало время для установленія общей теоріи, и по всей вѣроятности еще

много пройдетъ поколѣній, прежде чѣмъ оно наступитъ. И такъ, предположить, что теорія болѣзни должна, въ дѣлѣ воспитанія, предшествовать леченію болѣзни, не только опасно въ практическомъ отношеніи, но и логически несправедливо. До практической опасности такого взгляда мнѣ въ настоящее время нѣтъ дѣла; но логическая сторона его составляетъ любопытный примѣръ той страсти къ систематическому и діалектическому способу умозаключенія, которая была отличительною чертою Шотландіи. Изъ этого видно, что Кёлленъ, въ своемъ стремленіи умозаключать отъ основныхъ началъ къ фактамъ, а не отъ фактовъ къ началамъ, былъ въ состояніи, въ самомъ важномъ изъ искусствъ, предложить такой методъ, для котораго даже наше знаніе не довольно зрѣло; въ его же время подобный методъ былъ такъ страненъ и несвоевременъ, что принятіе его такимъ мощнымъ умомъ можно объяснить развѣ тѣмъ только обстоятельствомъ, что онъ жилъ въ странѣ, гдѣ этотъ особенный методъ имѣлъ верховное преобладаніе.

Должно однако согласиться, что Кёлленъ владѣлъ этимъ методомъ съ необыкновеннымъ талантомъ, въ особенности въ примѣненіи его къ наукѣ патологіи, для которой онъ гораздо болѣе годился, чѣмъ для искусства терапевтики. Ибо мы должны всегда помнить, что наука, изслѣдующая законы болѣзни, есть нѣчто совершенно отличное отъ искусства лечить ее. Наука эта имѣетъ интересъ умозрительный, независящій ни отъ какихъ практическихъ соображеній, а опредѣляемый единственно тѣмъ фактомъ, что когда она будетъ завершена, она объяснитъ уклоненія отъ правильности въ цѣломъ органическомъ мірѣ. Патологія имѣетъ цѣлью привести въ извѣстность причины, опредѣляющія всякое уклоненіе отъ естественнаго типа, проявится ли оно въ формѣ, или въ отправленіи. Поэтому никто не можетъ обнять широкимъ взглядомъ настоящее состояніе знанія, не изучивъ теоретическое отношеніе между патологіею и другими отраслями изслѣдованія.

Но это дѣло не практиковъ, а собственно такъ называемыхъ философовъ. Патологъ-философъ столько же различается отъ медика, сколько правовѣдъ различается отъ адвоката, или химикъ-агрономъ отъ фермера, или политико-экономъ отъ государственнаго человѣка, или астрономъ, обобщающій законы небесныхъ тѣлъ, отъ шкипера, который направляя свой корабль, руководствуется на практикѣ этими законами. Оба рода обязанностей могутъ быть соединены въ одномъ лицѣ, и это бываетъ по временамъ, хотя очень рѣдко, но въ этомъ нѣтъ никакой необходимости. И такъ, хотя и было бы нелѣпою самонадѣянностью, со стороны неспеціалиста по части медицины, произносить судъ надъ терапевтическою системою Кёллена, но совершенно позволительно всякому, кто изучалъ теорію этого рода предметовъ, разобрать патологическую систему его; потому что эта, какъ и всѣ вообще научныя системы, должна подчиняться тѣмъ общимъ соображеніямъ, какія могутъ быть заимствованы частью отъ смежныхъ наукъ, а частью и отъ всеобщей логики философскаго метода.

Съ этой послѣдней, или логической, точки зрѣнія, Кёлленова патологія и представляетъ именно интересный предметъ для настоящей главы. Характеръ его изслѣдованій вполнѣ выяснится, если сказать, что методъ принятый имъ въ патологіи, сходенъ съ тѣмъ, которому слѣдовалъ въ то же самое время Адамъ Смитъ, хотя на совершенно другомъ поприщѣ. Оба были дедуктивны, и оба, прежде чѣмъ начать дедуктивное умозаключеніе, откинули нѣкоторыя изъ посылокъ, отъ которыхъ они умозаключали. Что этотъ именно пріемъ есть ключъ къ методу Адама Смита, и что онъ былъ съ намѣреніемъ введенъ въ его планъ, это уже было мною доказано, равно какъ и то, что въ каждое изъ своихъ сочиненій онъ вводилъ посылки, недостававшія въ другомъ. Въ этомъ отношеніи онъ далеко превосходилъ Кёллена. Ибо хотя Кёлленъ, какъ и Смитъ, началъ съ того, что урѣзалъ свою задачу съ цѣлью удобнѣе разрѣшить ее, но онъ не усмотрѣлъ,

подобно Смиту, необходимости провести рядомъ другое, параллельное изслѣдованіе, которое пополняло бы систему, исходя отъ посылокъ, первоначально опущенныхъ.

То, что я назвалъ урѣзываніемъ задачи, было сдѣлано Кёлленомъ слѣдующимъ образомъ. Цѣлью его было обобщить явленія болѣзни, въ томъ видѣ, въ какомъ они замѣчаются въ человѣческомъ тѣлѣ; и для него, какъ и для всякаго другаго, было ясно, что человѣческое тѣло состоитъ частью изъ твердыхъ и частью изъ жидкихъ веществъ. Особенность его паталогіи составляетъ то, что онъ умозаключаетъ почти исключительно отъ законовъ твердыхъ веществъ, и такъ мало принимаетъ въ разсчетъ жидкія вещества, что видитъ въ нихъ только косвенныя причины болѣзни, которыя, съ научной точки зрѣнія, должны считаться строго подчиненными прямымъ причинамъ, представляющимся въ твердыхъ составныхъ частяхъ нашаго тѣла. Такое допущенія, хотя и невѣрное, было однако совершенно извинительно, такъ какъ урѣзывая задачу, онъ упрощивалъ процессъ ея разрѣшенія, точно такъ же, какъ Адамъ Смитъ, въ своемъ *Богатствѣ народовъ*, упростилъ изученіе человѣческой природы, откинувъ всякую сочувственную сторону ея. Но этотъ въ высшей степени дальновидный мыслитель озаботился возстановленіемъ, въ своей *Теоріи нравственныхъ чувствованій*, того свойства человѣческой природы, котораго онъ не признавалъ за нею въ *Богатствѣ народовъ*, и установивъ, такимъ образомъ, двѣ различныя цѣпи умозаключеній, полнѣе обнялъ весь предметъ. Точно также и на Кёлленѣ лежала обязанность, построивъ теорію болѣзни путемъ умозаключенія отъ твердыхъ составныхъ частей человѣческаго тѣла, построить за тѣмъ другую теорію. основанную на умозаключеніи отъ жидкихъ частей, такъ чтобы изъ сопоставленія двухъ теорій могла возникнуть наука паталогіи, на столько совершенная, на сколько позволяло тогдашнее состояніе знанія. Но это было не подъ силу его уму. При всей его даровитости, ему не доставало

той сообразительности, которою отличался Адамъ Смитъ и въ силу которой этотъ великій человѣкъ понялъ, что всякое дедуктивное умозаключеніе, основанное на опущеніи нѣкоторыхъ посылокъ, должно быть восполнено другимъ параллельнымъ умозаключеніемъ, въ которомъ посылки эти были бы принимаемы въ разсчетъ. Такъ мало однако сознавалъ это Кёлленъ, что, построивъ ту систему патологіи, которая извѣстна у писателей-медиковъ подъ именемъ *солидизма*, онъ никогда не давалъ себѣ труда провести рядомъ съ нею другую систему, въ которой первое мѣсто предоставлено было бы жидкимъ составнымъ частямъ человѣческаго тѣла. Напротивъ, онъ былъ убѣжденъ, что планъ его полонъ и исчерпываетъ всѣ стороны вопроса, и что такъ называемая *патологія соковъ* есть фикція, слишкомъ долго несправедливо пользовавшаяся значеніемъ истины.

Многіе изъ воззрѣній, проводимыхъ Кёлленомъ, были взяты у Гоффмана, а многіе изъ фактовъ—у Гаубіуса (Gaubius); но что патологія его, взятая въ цѣлости, была существенно оригинальнымъ произведеніемъ, это ясно изъ нѣкотораго единства въ общемъ начертаніи, которое несовмѣстимо съ позаимствованіемъ въ широкихъ размѣрахъ, и которое доказываетъ, что онъ самъ цѣликомъ обдумалъ свой предметъ. Не останавливаясь однако на изслѣдованіи того, въ какой мѣрѣ онъ позаимствовался отъ другихъ, я укажу вкратцѣ на наиболѣе выдающіяся стороны его системы, для того чтобы дать возможность читателю понять общій характеръ ея.

По ученію Кёллена, всѣ твердыя части человѣческаго тѣла суть или простыя, или жизненныя. Простыя твердыя части сохраняютъ послѣ смерти тѣ свойства, какія имѣли при жизни. Жизненныя же, составляющія основу нервной системы, отличаются такими свойствами, которыя исчезаютъ прямо послѣ смерти. Такимъ образомъ, простыя твердыя составныя части тѣла, имѣя менѣе отправленій, чѣмъ жизненныя, имѣютъ также и менѣе болѣзней; и тѣ болѣзни, которымъ онѣ под-

вержены, представляютъ болѣе удобства для классификаціи. Дѣйствительная трудность оказывается относительно жизненныхъ твердыхъ частей, потому что отъ ихъ особенностей зависитъ вся нервная система, и почти всѣ разстройства должны быть приписаны происходящимъ въ нихъ перемѣнамъ. Поэтому Кёлленъ принялъ нервную систему за основаніе своей патологіи, и въ умозрѣніяхъ своихъ относительно ея отправленій, поставилъ на первомъ планѣ скрытое начало, которое онъ назвалъ *животною силою*, или *энергіею мозга*. Это начало дѣйствуетъ на жизненныя твердыя части. Когда оно дѣйствуетъ исправно, то тѣло здорово, въ противномъ же случаѣ—оно нездорово. Такъ какъ состоянеі жизненныхъ твердыхъ частей есть главная причина всякаго разстройства, а энергія мозга—главная причина того или другаго состоянія этихъ частей, то становится важнымъ знать, какія именно вліянія дѣйствуютъ на самую эту энергію, потому что въ нихъ мы и найдемъ начало нити. Вліянія эти Кёлленъ дѣлилъ на физическія и умственныя. Физическія заключались въ теплотѣ, холодѣ и испареніяхъ, трехъ могущественнѣйшихъ причинахъ разстройствъ въ человѣческомъ тѣлѣ. Умственныя вліянія, побуждающія мозгъ дѣйствовать на твердыя части, подраздѣлялись на шесть различныхъ категорій, а именно: волю, душевныя движенія, похоти, склонности и наконецъ два великихъ начала—привычку и подражаніе, въ которыхъ Кёлленъ, весьма основательно, полагалъ значительную важность. Умозаключая отъ этихъ умственныхъ причинъ, и обобщая отношенія между ими и ощущеніями тѣла, онъ, вѣрный любимому своему методу, исходилъ дедуктивно отъ метафизическихъ началъ, бывшихъ тогда въ ходу, не удостовѣрившись, индуктивнымъ путемъ, въ ихъ состоятельности, такъ какъ онъ думалъ, что подобная индукція не его дѣло. Онъ слишкомъ былъ озабоченъ продолженіемъ своей діалектики, чтобы развлекаться такимъ вздоромъ, какъ вопросъ о томъ, вѣрны или невѣрны

посылки, на которыхъ опиралось его умозаключенiе. То, что онъ сдѣлалъ въ метафизической части своей патологiи, повторилось и въ физической части ея. Хотя кровь и нервы суть двѣ главнѣйшiя черты въ экономiи человѣческаго тѣла, онъ не изслѣдовалъ ихъ особою индукцiею; онъ не подвергъ ихъ ни химическимъ опытамъ, для узнанiя ихъ состава, ни микроскопическимъ наблюденiямъ, для приведенiя въ извѣстность ихъ строенiя. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что хотя мы и должны допустить, что животная химiя была тогда вообще въ пренебреженiи и что настоящее значенiе ея было едвали извѣстно до того времени, какъ труды Берцелiуса открыли всю ея важность,—всетаки микроскопъ былъ уже готовъ къ услугамъ Кёллена; онъ былъ изобрѣтенъ за полтораста лѣтъ до того, какъ Кёлленъ окончилъ свою патологiю, и уже около ста лѣтъ былъ употребляемъ, для научныхъ цѣлей. Но его любовь къ синтезису взяла верхъ. Его система построена путемъ умозаключенiя отъ общихъ началъ; и этимъ процессомъ онъ конечно владѣлъ въ совершенствѣ. Между посылками и заключенiемъ у него едвали когда либо вкрадывается ошибка. Что же касается результатовъ его умозрѣнiй, то въ этомъ отношенiи онъ имѣлъ одну громадную заслугу, которая навсегда обезпечитъ за нимъ видное мѣсто въ исторiи патологiи. Настаивая на важномъ значенiи твердыхъ составныхъ частей тѣла, онъ, не смотря на то, что самъ былъ одностороненъ, исправилъ такую же односторонность своихъ предшественниковъ; ибо, за весьма немногими исключенiями, всѣ лучшiе патологи, начиная съ Галена, грѣшили тѣмъ, что слишкомъ много придавали важности жидкимъ составнымъ частямъ и поддерживали чисто патологiю соковъ. Кёлленъ направилъ умы людей въ другую сторону, и хотя, научая ихъ, что нервная система есть единственное коренное мѣстопребыванiе болѣзни, онъ сдѣлалъ грубую ошибку, но это была ошибка самаго спасительнаго свойства. Налегая на эту сторону, онъ возстановлялъ равновѣсiе. Этимъ, я увѣренъ, онъ косвеннымъ

образомъ поощрялъ тѣ подробныя изысканія надъ нервами, изъ-за которыхъ онъ самъ бы не сталъ останавливаться, но которыя, въ слѣдующемъ поколѣніи, привели къ капитальнымъ открытіямъ Белла, Шоу, Мэйо и Маршала Голла. Въ то же время, старая патологія соковъ, преобладавшая въ теченіе многихъ столѣтій, была на практикѣ пагубна, ибо предполагая, что всѣ болѣзни въ крови, она привела къ тому постоянному, неразборчивому кровопусканію, которое разрушило безчисленное множество жизней, независимо уже отъ того неисправимаго вреда, который оно постоянно причиняло и тѣлу и духу, ослабляя тѣхъ, кого не было въ состояніи убить. Противъ этой немилосердой напасти, которая дѣлала изъ медицины какое-то проклятіе для человѣчества, *солидарная патологія* была первымъ дѣйствительнымъ оплотомъ. Поэтому, какъ съ практической, такъ и съ отвлеченной точки зрѣнія, мы должны привѣтствовать Кёллена, какъ великаго благодѣтеля своей породы и должны смотрѣть на его появленіе какъ на эпоху въ исторіи человѣческаго благосостоянія, столько же, сколько и въ исторіи человѣческой мысли.

Читатель неспеціалистъ можетъ быть легче усвоитъ себѣ все сказанное выше, если я представлю, въ возможно краткихъ словахъ, образчикъ того, какимъ образомъ Кёлленъ примѣнялъ свой методъ къ изслѣдованію теоріи одного какого нибудь класса болѣзней. Для этой цѣли я возьму его ученіе о лихорадкѣ, ученіе хотя и оставленное всѣми въ настоящее время, но имѣвшее нѣкогда болѣе вліянія, чѣмъ какая либо другая часть его патологіи. Тутъ, какъ и вездѣ, онъ умозаключаетъ отъ твердыхъ составныхъ частей тѣла. Не обращая никакого вниманія на состояніе крови, онъ говоритъ, что причина всякой лихорадки есть уменьшеніе энергіи мозга. Уменьшеніе это можетъ быть произведено разными разслабляющими средствами, между которыми самыя обыкновенныя: испаренія, болотныя или человѣческія, невоздержанность, страхъ и холодъ. Лишь только ослабнетъ

энергія мозга, какъ начинается уже болѣзнь. Она быстро распространяется по нервной системы, и первымъ ощутительнымъ дѣйствіемъ ея бываетъ дрожь или ознобъ, сопровождаемый судорогою въ оконечностяхъ артерій, въ особенности же тамъ, гдѣ онѣ касаются поверхности тѣла. Эта судорога въ оконечностяхъ сосудовъ производитъ раздраженіе въ сердцѣ и артеріяхъ и раздраженіе это продолжается, пока не пройдетъ судорога. Въ то же время, усилившаяся дѣятельность сердца возстановляетъ энергію мозга; вся система оправляется; оконечности сосудовъ получаютъ облегченіе, и, какъ результатъ всего этого движенія, выдѣляется потъ и лихорадка утихаетъ. Итакъ, откинувъ всякія соображенія о жидкихъ составныхъ частяхъ тѣла, послѣдовательные переходы болѣзни—томленіе, ознобъ и жаръ, можно, по мнѣнію Кёллена, обобщить посредствомъ умозаключенія отъ однихъ только твердыхъ частей; на этомъ, кромѣ того, основывалось хорошо извѣстное различіе, полагаемое имъ между лихорадками, продолжительность которыхъ зависитъ отъ слишкомъ большой силы судорогъ, и тѣми, продолжительность которыхъ происходитъ отъ избытка слабости.

Изъ подобнаго же процесса мысли возникла его *Нозологія*, или общая классификація болѣзней, которую нѣкоторые считали за самую цѣнную часть его сочиненій, хотя, по причинамъ уже упомянутымъ нами, мы должны, я полагаю, отвергать всякія этого рода попытки, какъ преждевременныя и могущія сдѣлать болѣе зла, чѣмъ добра;—развѣ что онѣ будутъ употребляться въ дѣло чисто какъ пріемы, служащія для облегченія памяти. Какъ бы то ни было, но Кёлленова *Нозологія*, хотя въ ней и видны ясные слѣды его мощнаго, образовательнаго ума, быстро утрачиваетъ извѣстность, и мы можемъ быть увѣрены, что долгое время, подобная же участь будетъ постигать и его преемниковъ. Наше знаніе патологіи еще слишкомъ молодо для такого предпріятія. Мы имѣемъ всѣ причины ожидать, что съ помощью химіи и микроскопа,

оно будетъ возростать все быстрѣе и быстрѣе. Не пытаясь опредѣлять впередъ, до какихъ оно дойдетъ размѣровъ, мы можемъ однако составить себѣ нѣкоторое понятіе объ этомъ по тому уже, что было сдѣлано съ гораздо меньшими средствами, чѣмъ тѣ, которыми мы теперь располагаемъ. Въ одномъ сочиненіи, пользующемся большимъ авторитетомъ, которое было издано въ 1848 году, говорится, что со времени появленія въ свѣтъ Кёлленовой *Нособогіи*, самый уже нашъ списокъ болѣзней почти что удвоился, между тѣмъ, какъ наше знаніе фактовъ, относящихся къ болѣзнямъ, болѣе чѣмъ удвоилось.

Мнѣ остается еще прибавить одно только имя къ блестящему каталогу великихъ Шотландцевъ XVIII столѣтія. Но это имя человѣка, который по объему и оригинальности своего генія, слѣдуетъ непосредственно за Адамомъ Смитомъ и долженъ быть поставленъ гораздо выше всякаго другаго изъ философовъ, какихъ произвела Шотландія. Я разумѣю, конечно, Джона Гёнтера, единственнымъ недостаткомъ котораго была, по временамъ, неясность не только слога, но и мысли. Въ этомъ отношеніи, и пожалуй въ этомъ только одномъ, Адамъ Смитъ имѣлъ передъ нимъ преимущество, потому что умъ Смита былъ такъ гибокъ и такъ свободенъ въ своихъ движеніяхъ, что и самыя обширныя задачи не были въ состояніи пересилить его. Съ Гёнтеромъ бывало противное: казалось иногда, какъ будто бы умъ его озадачивался величіемъ своихъ собственныхъ предначертаній и недоумѣвалъ, по какому пути ему устремиться. Онъ колебался; выраженіе его мысли бывало неопредѣлительно. Всетаки способности его были такъ необычайны, что между мастерами органической науки, онъ принадлежитъ, я полагаю, къ одному разряду съ Аристотелемъ, Гарвеемъ и Биша́, и стоитъ выше какъ Голлера, такъ и Кювьѐ. Относительно этой классификаціи, люди будутъ различнаго мнѣнія, смотря по тѣмъ понятіямъ, какія они имѣютъ о сущности науки и, въ особенности, смотря по тому,

въ какой мѣрѣ онп сознаютъ важность философскаго метода. Съ этой послѣдней точки зрѣнія, мнѣ и предстоитъ теперь разсмотрѣть характеръ Джона Гёнтера. Слѣдя за движеніями его въ высшей степени замѣчательнаго ума, мы найдемъ, что въ немъ дедукція и индукція соединялись тѣснѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ шотландскомъ умѣ, семнадцатаго ли или восемнадцатаго столѣтія. Причины этого необычнаго сочетанія я теперь попытаюсь привести въ извѣстность. Когда онѣ будутъ поняты, то онѣ не только объяснятъ многія особенности, встрѣчающіяся въ его сочиненіяхъ, но и доставятъ матеріалы для умозрѣнія тѣмъ, которые любятъ слѣдить за развитіемъ идей и которые способны понять, какимъ образомъ различные склады мысли націй придали различныя формы національному характеру и тѣмъ вліяли на весь ходъ дѣлъ человѣческихъ въ такой сильной степени, какой обыкновенные компиляторы въ исторіи ни сколько и не подозрѣваютъ.

Гёнтеръ оставался въ Шотландіи до двадцатилѣтняго возраста, а потомъ поселился въ Лондонѣ; и хотя пробылъ за границею около трехъ лѣтъ, но совершенно забылъ свою родину и сдѣлался, въ соціальномъ и умственномъ отношеніи, природнымъ англичаниномъ. Слѣдовательно, первыя ассоціаціи идей въ его умѣ возникли среди дедуктивной націи, а позднѣйшія — среди индуктивной. Въ теченіе двадцати лѣтъ, онъ жилъ среди народа, который оказывается едвали не самымъ тонкимъ мыслителемъ въ Европѣ, если согласиться съ нимъ въ тѣхъ основныхъ началахъ, отъ которыхъ онъ умозаключаетъ; но съ другой стороны, благодаря своей склонности къ этому методу, онъ такъ жаденъ къ общимъ началамъ, что принимаетъ ихъ почти безъ разбора доказательствъ и является, такимъ образомъ, въ одно и то же время, и весьма легковѣрнымъ, и весьма логичнымъ. Въ этой школѣ и въ такихъ привычкахъ воспитывался умъ Джона Гёнтера, въ періодъ самой сильной впечатлительности его. Затѣмъ произошла внезапная перемѣна декорацій. Прибывъ въ Англію, онъ

провелъ сорокъ лѣтъ среди самой эмпирической націи въ Европѣ, націи питающей полнѣйшее отвращеніе ко всякимъ общимъ началамъ, гордящейся своимъ здравымъ смысломъ, хвастающей, и не безъ основанія, своею практическою сообразительностью, громко провозглашающей превосходство фактовъ надъ идеями, и презирающей всякую теорію, если только отъ нея нельзя ожидать непосредственной, прямой выгоды. Молодой и пылкій Шотландецъ увидѣлъ себя перенесеннымъ въ страну совершенно отличную отъ той, которую онъ только-что оставилъ; и различіе это не могло не повліять на его умъ. Онъ видѣлъ со всѣхъ сторонъ признаки благоденствія и долгаго непрерывнаго успѣха, не только въ практической, но и въ умозрительной жизни, и ему говорили, что все это плодъ системы, ставящей выше всего факты. Онъ жаждалъ славы, но въ то же время понималъ, что путь къ ней въ Англіи не тотъ же самый, что въ Шотландіи. Въ Шотландіи, великаго логика сочли бы за великаго человѣка; въ Англіи же, мало обратили бы вниманія на прелесть его логики, еслибы онъ не озаботился, чтобы посылки, отъ которыхъ онъ исходитъ, заслуживали довѣрія, были провѣрены опытомъ. Новая машина, новый опытъ, открытіе какой нибудь соли, или какой нибудь кости, были бы встрѣчены въ Англіи съ бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ какое нибудь глубокое умозрѣніе, изъ котораго нельзя было бы усмотрѣть очевидныхъ результатовъ. Что такой образъ воззрѣнія на вещи сдѣлалъ много хорошаго, это достовѣрно. Но такъ же достовѣрно, что онъ односторонен и удовлетворяетъ только одну часть человѣческаго ума. Многіе изъ возвышеннѣйшихъ умовъ стремятся къ чему-то, чего нельзя достигнуть при такомъ взглядѣ. Въ Англіи, однако, въ теченіе значительной части XVIII столѣтія, взглядъ этотъ имѣлъ еще большее преобладаніе, чѣмъ имѣетъ въ настояще время, и былъ до такой степени всеобщимъ, что съ 1727 года почти до конца столѣтія, страна наша не имѣла, ни по одной отрасли науки, такого мыслителя, который былъ бы въ силахъ

подняться выше тѣхъ узкихъ взглядовъ, какіе считались тогда совершенствомъ мудрости. Многое было прибавлено къ нашему знанію, но отдаленные предѣлы его не были расширены; хотя прибавилось много любопытныхъ и цѣнныхъ подробностей, хотя было сообщено много мелкихъ, ближайшихъ законовъ природы, нельзя однако не согласиться, что тѣ возвышенныя обобщенія, которыми мы обязаны семнадцатому столѣтію, оставались неподвижны, и что не было сдѣлано никакой попытки перейти за ихъ предѣлы. Когда Джонъ Гёнтеръ прибылъ въ Лондонъ, въ 1748 году, то уже прошло слишкомъ двадцать лѣтъ со смерти Ньютона, и англійскій народъ, погруженный въ практическія заботы, и только начинавшій вступать на поприще политической жизни, проникся большимъ чѣмъ когда либо отвращеніемъ къ изслѣдованіямъ, которыя стремились къ истинѣ, не имѣя въ виду пользы, и привыкъ дорожить наукою, главнѣйшимъ образомъ, ради прямой, осязательной выгоды, какую онъ могъ надѣяться извлечь изъ нея.

Что на Гёнтера должны были повліять эти обстоятельства, это будетъ ясно для всякаго, кто сообразитъ, какъ трудно для отдѣльнаго ума избѣгнуть давленія современныхъ мнѣній. Но такъ какъ его раннія ассоціаціи идей склоняли его въ другую сторону, то мы и замѣчаемъ, что въ теченіе своего долгаго пребыванія въ Англіи, онъ находился подъ вліяніемъ двухъ сталкивающихся силъ. Родная страна дѣлала его дедуктивнымъ, отечество же по усыновленію — индуктивнымъ. Какъ Шотландецъ, онъ предпочиталъ умозаключеніе отъ общихъ началъ къ частнымъ фактамъ; какъ житель Англіи, онъ пріобрѣлъ привычку къ противоположному порядку умозаключенія отъ частныхъ фактовъ къ общимъ началамъ. Во всякой странѣ, люди, естественнымъ образомъ, отдаютъ преимущество тому, что больше цѣнится. Англичане уважаютъ факты больше чѣмъ общія начала, и потому начинаютъ съ фактовъ. Шотландцы полагаютъ большую важность въ общихъ началахъ. И я нисколько не сомнѣваюсь, что одна изъ при-

чинъ, по которымъ Гёнтеръ, въ изслѣдованіи какого нибудь предмета, часто бываетъ неясенъ, заключается въ томъ, что въ подобныхъ случаяхъ, его умъ дѣлился между этими двумя враждебными методами и, склоняясь разъ къ одному, другой разъ къ другому, не былъ въ состояніи рѣшить, которому изъ нихъ онъ долженъ послѣдовать. Эта борьба затемняла его умъ. Адамъ Смитъ, съ другой стороны, какъ и всѣ вообще Шотландцы, остававшіеся въ Шотландіи, былъ замѣчательно ясенъ. Онъ, подобно Юму, Блакку и Кёллену, никогда не сбивался съ своего метода. Эти замѣчательные люди не подпадали англійскому вліянію. Изъ всѣхъ знаменитѣйшихъ Шотландцевъ XVIII столѣтія, одинъ Гёнтеръ поддался этому вліянію, и одинъ онъ выказалъ извѣстную шаткость, извѣстную сбивчивость мысли, которая, повидимому неестественна въ такомъ великомъ умѣ, и, какъ мнѣ кажется, лучше всего можетъ быть объяснена исключительными обстоятельствами, въ которыя онъ былъ поставленъ.

Одинъ изъ даровитѣйшихъ коментаторовъ Гёнтера справедливо замѣтилъ, что врожденною склонностью его было строить догадки относительно законовъ природы, и затѣмъ отъ нихъ уже вести умозаключеніе къ низу, вмѣсто того, чтобы восходить къ нимъ путемъ медленной и постепенной индукціи. Этотъ процессъ дедукціи былъ, какъ я уже доказалъ, любимымъ методомъ всѣхъ Шотландцевъ, и потому его именно намъ слѣдовало бы ожидать и отъ Гёнтера. Но такъ какъ онъ былъ окруженъ послѣдователями Бэкона, то эта врожденная склонность была пересилена въ немъ и онъ посвятилъ значительную часть своей дивной дѣятельности такимъ наблюденіямъ и опытамъ, въ какія никогда не вдался бы ни одинъ шотландскій мыслитель, живущій въ Шотландіи. Онъ самъ объявилъ, что его наслажденіе — мыслить, и не можетъ быть никакого сомнѣнія, что еслибы онъ былъ иначе поставленъ, то мыслить было бы и его главнымъ занятіемъ. Какъ бы то ни было, но трудолюбіе, съ какимъ онъ соби-

раль факты, составляетъ одну изъ самыхъ замѣтныхъ чертъ въ его жизни. Изысканія его обнимали всю область животнаго царства и производились съ такимъ неутомимымъ рвеніемъ, что онъ анатомировалъ слишкомъ пятьсотъ различныхъ видовъ, независимо отъ диссекцій различныхъ индивидуумовъ и независимо также отъ диссекцій огромнаго числа растеній. Результаты такихъ работъ были тщательно приведены въ порядокъ и собраны имъ въ ту дивную коллекцію, о громадности которой мы можемъ составить себѣ нѣкоторое понятіе изъ свидѣтельства, что передъ его смертью, въ ней было слишкомъ 10,000 препаратовъ, служащихъ къ объясненію явленій природы. Этимъ путемъ онъ такъ близко ознакомился съ животнымъ царствомъ, что сдѣлалъ множество открытій, которыя и сами по себѣ уже любопытны, а взятые въ совокупности, образуютъ неоцѣненное сокровище истинъ. Изъ нихъ наиболѣе важныя: открытіе истинныхъ свойствъ кровообращенія ракообразныхъ животныхъ и насѣкомыхъ, открытіе органа слуха у головоногихъ, открытіе способности моллюсковъ всасывать свои раковины, открытіе ф кта, что пчелы не собираютъ воска, а выдѣляютъ его изъ себя, открытіе полукружныхъ каналовъ у китообразныхъ, лимфатическихъ сосудовъ у птицъ и воздушныхъ клѣточекъ въ костяхъ птицъ. Насъ увѣряютъ также, что онъ упредилъ недавнія открытія относительно зародыша двуутробки, а изданныя сочиненія его доказываютъ, что у человѣка онъ открылъ мускульность артерій, мускульность радужины и пищевареніе, совершаемое желудкомъ, послѣ смерти, съ помощью собственнаго его сока. Хотя въ его время животная химія еще не была возведена въ систему, и потому мало обращала на себя вниманіе физіологовъ, Гёнтеръ всетаки попытался, съ помощью ея, изслѣдовать качества крови, для того чтобы привести въ извѣстность свойства ея составныхъ частей. Онъ также изучалъ ее на различныхъ ступеняхъ

жизни зародыша, и тщательно прослѣдивъ за нею во всѣ періоды его развитія, сдѣлалъ капитальное открытіе, что красные шарики крови образуются позже другихъ составныхъ частей ея. Однако современники его такъ мало сознавали важность этой великой физіологической истины, что она была мертва для нихъ; о ней позабыли, и спустя около пятидесяти лѣтъ послѣ этого, она снова была открыта и въ 1832 году возвѣщена, какъ законъ природы только-что приведенный въ извѣстность. Это одинъ изъ многихъ примѣровъ, въ исторіи нашего знанія, доказывающій, какъ безполезно для человѣка слишкомъ далеко уходить впередъ того времени, въ которое онъ живетъ. Но Гёнтеръ, кромѣ того, что сдѣлалъ открытіе, понялъ также и его смыслъ. Онъ заключилъ изъ него, что назначеніе красныхъ шариковъ — скорѣе служить для укрѣпленія системы, чѣмъ для возстановленія ея. Теперь эта истина всѣми признана, но ее признали лишь долгое время спустя послѣ его смерти. Признаніемъ своимъ она обязана, главнѣйшимъ образомъ, быстрымъ успѣхамъ животной химіи и усовершенствованію микроскопа. Ибо, съ употребленіемъ въ дѣло этихъ средствъ, стало очевиднымъ, что красные шарики, процессъ дыханія, произведеніе животной теплоты, и энергія органовъ произвольнаго движенія, суть только различныя части одной и той же системы. Ихъ взаимная связь подтверждается не только сравненіемъ различныхъ видовъ, но также и сравненіемъ различныхъ членовъ одного и того же вида. Въ человѣческомъ существѣ, напримѣръ, отправленіе движенія и другія животныя отправленія бываютъ дѣятельнѣе въ личностяхъ сангвиническаго темперамента, чѣмъ у лимфатиковъ, и въ то же время у людей сангвиническаго темперамента болѣе и красныхъ шариковъ, чѣмъ у людей темперамента лимфатическаго. Познаніемъ этого факта мы обязаны Леканю; ему также мы обязаны подобнымъ же фактомъ, подкрѣпляющимъ то же самое воззрѣніе. Онъ доказалъ, что въ крови женщинъ

содержится болѣе воды и менѣе красныхъ шариковъ, чѣмъ въ крови мущинъ, такъ что и въ этомъ, опять, мы усматриваемъ соотношеніе между этими шариками и энергіею животной жизни. Но такъ какъ эти изысканія были сдѣланы лишь много лѣтъ спустя по смерти Гёнтера, то совпаденіе ихъ съ его умозрительными выводами служитъ разительнымъ доказательствомъ его способности къ обобщенію и неслыханнаго знанія сравнительной анатоміи, доставившаго ему матеріалы, изъ которыхъ, не смотря на отсталость животной химіи, онъ былъ въ состояніи вывести заключеніе, положительнымъ образомъ подтвержденное позднѣйшими, болѣе подробными изысканіями.

Найдя, такимъ образомъ, съ помощью широкаго обзора царства животныхъ, соотношеніе между ихъ замѣчательною способностью къ движенію и состояніемъ ихъ крови, Гёнтеръ обратилъ затѣмъ вниманіе на другую сторону вопроса, и принялъ въ соображеніе движенія растительнаго царства, въ той надеждѣ, что сравнивая эти два отдѣла природы, онъ откроетъ какой нибудь законъ, который, будучи общимъ для ихъ обоихъ, сольетъ въ одинъ предметъ изученія всѣ основныя начала органическаго движенія. Хотя онъ и не имѣлъ успѣха въ этомъ великомъ предпріятіи, всетаки нѣкоторыя изъ его обобщеній чрезвычайно знаменательны и прекрасно характеризуютъ силу и проницательность его ума. Смотря на органическій міръ, какъ на одно цѣлое, онъ предположилъ, что его способность къ дѣятельности, какъ въ животномъ такъ и въ растеніяхъ, троякаго рода. Къ первому роду относится дѣйствіе каждаго индивидуума на содержавшіеся уже въ немъ матеріялы, отчего происходитъ ростъ, отдѣленія и другія отправленія, въ которыхъ сокъ растеній соотвѣтствуетъ крови животныхъ. Второй родъ дѣйствія имѣетъ цѣлью увеличивать количество этихъ матеріаловъ; онъ всегда вызывается нуждою, и результатомъ его бываетъ питаніе и сохраненіе недѣлимаго. Третій родъ совершенно зависитъ отъ внѣш-

нихъ причинъ, обнимающихъ весь матеріальный міръ, каждое явленіе котораго служитъ возбужденіемъ къ какому нибудь дѣйствію. Дѣлая разныя сочетанія этихъ различныхъ источниковъ движенія, и изучая всякое возбужденіе къ дѣятельности, во-первыхъ, по отношенію къ одному изъ только-что указанныхъ нами трехъ дѣленій, а во-вторыхъ, по отношенію къ *силѣ* дѣйствія, различаемой отъ *количества* его, — Гёнтеръ вѣрилъ, что этимъ путемъ могутъ быть открыты какія нибудь основныя истины, если не имъ самимъ, то по крайней мѣрѣ его преемниками. Онъ думалъ, что хотя животныя могутъ дѣлать многое, чего растенія дѣлать не въ состояніи, всетаки непосредственная причина дѣйствія, какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ, бываетъ одна и та же. Въ животныхъ больше разнообразія движенія, въ растеніяхъ же больше истинной силы. Лошадь конечно сильнѣе человѣка. А между тѣмъ небольшая виноградная лоза можетъ не только сдержать на себѣ, но и двигать къ верху столбъ жидкости въ пятеро большей вышины, чѣмъ тотъ, какой по силамъ лошади. Самая та сила, которую проявляетъ растеніе когда оно держитъ листъ выпрямленнымъ цѣлый день, безъ отдыха и безъ утомленія,—представляетъ собою удивительное напряженіе и служитъ однимъ изъ многихъ доказательствъ, что тутъ дѣйствуетъ начало восполненія, и что, слѣдовательно, та же энергія, которая въ животномъ мірѣ ослабляется направленіемъ ея на многіе предметы, въ мірѣ растительномъ, крѣпнетъ отъ сосредоточенія на маломъ числѣ ихъ.

Преслѣдуя эти умозрѣнія, въ которыхъ, рядомъ съ многими недостовѣрными вещами, содержится, я вполнѣ убѣжденъ въ этомъ, и значительное количество важныхъ, хотя и оставленныхъ безъ вниманія, истинъ, — Гёнтеръ дошелъ до вопроса о томъ, какимъ образомъ производится движеніе разными такими силами, какъ магнетизмъ, электричество, тяготѣніе и химическое притяженіе. Это завело его въ област неорганической науки, которая какъ онъ ясно видѣлъ, должна

лежать въ основаніи всякой науки о мірѣ органическомъ. Какъ, съ одной стороны, невозможно было бы съ успѣхомъ изучать человѣческое тѣло, безъ помощи общихъ началъ, выведенныхъ изъ изслѣдованія низшихъ животныхъ, точно также, съ другой, говоритъ Гёнтеръ, къ законамъ, которымъ подчинены самыя эти животныя, должно пролагать путь чрезъ законы простой, неорганической матеріи. Слѣдовательно, цѣлью его было не болѣе, ни менѣе, какъ соединить всѣ отрасли естествознанія, въ порядкѣ, опредѣляемомъ ихъ относительною сложностью, начиная съ самой простой и переходя постепенно къ самой запутанной. Въ этихъ видахъ, онъ разсматривалъ строеніе ископаемаго царства, и путемъ обширнаго сравненія кристалловъ, пытался обобщить основныя начала формы, точно такъ же, какъ изъ сравненія животныхъ онъ старался вывести общія начала отправленій. И при этомъ онъ принималъ въ соображеніе не только правильные кристаллы, но и неправильные; ибо онъ зналъ, что въ природѣ нѣтъ собственно ничего неправильнаго, нестройнаго, хотя несовершенство нашей познавательной способности, или скорѣе отсталость нашего знанія, не даетъ намъ различать симметріи всего зданія природы. Красота плана и необходимость послѣдовательности не всегда бываютъ замѣтны. Вотъ почему мы слишкомъ склонны воображать, что цѣпь перервана, когда не бываемъ въ состояніи различать всѣ ея звенья. Отъ этой важной ошибки Гёнтеръ былъ огражденъ своимъ геніемъ, еще болѣе чѣмъ своими познаніями. Успокоившись на той мысли, что все совершающееся въ матеріальномъ мірѣ такъ тѣсно связано съ своимъ предыдущимъ, что составляетъ неизбѣжное послѣдствіе его,—онъ смотрѣлъ истинно научнымъ взглядомъ на самыя странныя и самыя причудливыя формы, которыя, въ его глазахъ, имѣли свое значеніе, свою необходимую цѣль. Ему онѣ не казались ни странны, ни причудливы. Онъ видѣлъ въ нихъ уклоненія отъ естественнаго хода; но основною мыслью его философіи было,—что природа, даже среди

подобныхъ уклоненій, всетаки сохраняетъ своего рода правильность, или, какъ онъ выражается въ другомъ мѣстѣ, что уклоненіе входитъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ законъ природы.

Обобщить такія неправильности, или, другими словами, доказать, что это вовсе не неправильности, —было главною задачею всей жизни Гёнтера, прекраснѣйшею частью его призванія. Вотъ почему, не смотря на его обширные труды по части физіологіи, любимымъ предметомъ его была патологія, въ которой разсматриваемыя явленія болѣе сложны и потому представляютъ болѣе простора для ума. На этомъ обширномъ полѣ онъ изучалъ уклоненія отъ правильности въ формѣ и въ отправленіи, какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ царствѣ, и въ то же время, при разсмотрѣніи уклоненій въ формѣ, составляющихъ внѣшнее проявленіе извращеннаго строенія, онъ принималъ въ разсчетъ явленія, представляемыя царствомъ ископаемымъ. Тамъ, главною чертою является сила кристаллизаціи, а нарушенія симметріи составляютъ существенный безпорядокъ, утратилъ ли кристалъ свою форму уже послѣ своего образованія, или же эта неправильность формы, будучи результатомъ обстоятельствъ предшествовавшихъ образованію кристалла, составляетъ въ немъ первоначальный, или, если можно такъ выразиться, врожденный недостатокъ. Въ обоихъ случаяхъ, явленіе это составляетъ уклоненіе отъ нормальнаго типа, и имѣетъ, слѣдовательно, аналогію со всѣми уродливостями какъ животнаго, такъ и растительнаго царства. Умъ Гёнтера, извѣдавъ такое громадное поле мысли, дошелъ до такой высоты взглядовъ, въ теоріи болѣзни, что по этой отрасли знанія, ему конечно нѣтъ равнаго. Въ физіологіи, съ нимъ равнялся, и пожалуй превосходилъ его Аристотель, но какъ патологъ, онъ остается единственнымъ въ своемъ родѣ, если принять въ соображеніе, въ какомъ видѣ онъ засталъ патологію, и какою она осталась послѣ него. Со времени его смерти,

быстрые успѣхи патологической анатомiи и химiи измѣнили нѣкоторыя изъ его ученiй, а иныя и вовсе ниспровергли. Это было дѣломъ людей низшаго разряда, но пользовавшихся болѣе совершенными вспомогательными средствами химiи и микроскопа. Сказать, что преемники Джона Гёнтера стоятъ ниже его—ничуть не значитъ дурно отзываться объ ихъ способностяхъ, такъ какъ онъ былъ одною изъ тѣхъ чрезвычайно рѣдкихъ личностей, которыя появляются послѣ долгихъ промежутковъ времени, и когда появляются, то перестраиваютъ на новый ладъ все зданiе науки. Они производятъ революцiю въ нашемъ образѣ мыслей, они подстрекаютъ умъ къ возстанiю; это возмутители и демагоги въ наукѣ. Хотя патологи XIX столѣтiя избрали болѣе скромный путь, это не должно однако заслонять отъ насъ ихъ заслуги, ни мѣшать нашей благодарности за все, сдѣланное ими. Тѣмъ не менѣе никогда не будетъ лишнимъ напомнить намъ, что истинно великiе люди, единственные вѣчные благодѣтели своей породы, это не великiе производители опытовъ, ни великiе наблюдатели, ни люди съ большою начитанностью, ни великiе ученые,—а великiе мыслители. Мысль—это творческое и живительное начало во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ. Дѣянiя, факты, всякаго рода внѣшнiя проявленiя, часто торжествуютъ на время, но только успѣхъ идей окончательно рѣшаетъ преуспѣянiе свѣта. Пока онѣ не измѣнятся, всякая другая перемѣна будетъ поверхностною, и всякое улучшенiе непрочнымъ. Очевидно, однако, что при настоящемъ состоянiи нашего знанiя, всѣ идеи, касательно природы, должны относиться или къ нормальному, или къ анормальному, т. е. должны имѣть дѣло или съ тѣмъ, что правильно, однообразно и вѣрно признаннымъ началамъ, или же съ тѣмъ, что неправильно, непослѣдовательно и несогласно съ общими началами. Изъ этихъ двухъ категорiй идей, первая принадлежитъ наукѣ, вторая—суевѣрiю. Джонъ Гёнтеръ задумалъ великое дѣло—слить оба рода идей въ одинъ, доказавъ, что нѣтъ ничего неправильнаго,

ничего непослѣдовательнаго, ничего несогласнаго съ общими началами. Пройдутъ, можетъ быть, цѣлыя столѣтія, прежде чѣмъ осуществится этотъ планъ, но то, что сдѣлалъ для этого Гёнтеръ, уже ставитъ его во главѣ всѣхъ патологовъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ. Ибо у него, подъ наукою патологіи разумѣлись законы болѣзни не въ одномъ человѣкѣ, ни въ животныхъ вообще, ни даже въ цѣломъ органическомъ мірѣ, а законы болѣзни и уродства во всемъ матеріальномъ мірѣ, какъ органическомъ, такъ и неорганическомъ. Великою задачею его было—построить науку объ анормальномъ. Онъ постановилъ себѣ за правило смотрѣть на природу, какъ на одно громадное цѣлое, представляющее, конечно, въ различныя времена, различныя явленія, но сохраняющее, среди всякихъ перемѣнъ, основное начало однообразнаго и непрерывнаго порядка, не допускающее никакого уклоненія, не подвергающееся никакому разстройству и не проявляющее никакой дѣйствительной неправильности, хотя для простаго глаза неправильности изобилуютъ со всѣхъ сторонъ.

Какъ патологія была наукою, которой наиболѣе предался Гёнтеръ, то въ ней сильнѣе всего проявлялась и его врожденная страсть къ дедукціи. Здѣсь, гораздо болѣе чѣмъ въ его физіологическихъ изслѣдованіяхъ, замѣчаемъ мы желаніе, съ его стороны, умножать число основныхъ началъ, отъ которыхъ онъ могъ бы вести умозаключеніе, въ противность индуктивному методу, всегда стремящемуся уменьшить число такихъ началъ, посредствомъ постепеннаго, послѣдовательнаго анализа. Такъ, напримѣръ, въ своей животной патологіи, онъ пытался провести, какъ конечное начало, отъ котораго онъ могъ бы умозаключать далѣе, ту мысль, что всѣ болѣзни развиваются гораздо быстрѣе въ сторону кожи, чѣмъ въ сторону внутреннихъ частей, повинуясь какой-то скрытой силѣ, которая заставляетъ также растенія приближаться къ поверхности земли. Другимъ любимымъ предложеніемъ его, которое онъ часто употреблялъ какъ большую посылку, и съ по-

мощью котораго онъ строилъ дедуктивно патологическое умозаключеніе,—было, что ни въ какомъ веществѣ, какое бы оно ни было, не могутъ совершаться два процесса въ одной и той же части, въ одно и то же время. Примѣняя это всеобщее предложеніе къ болѣе ограниченнымъ явленіямъ животной жизни, онъ пришелъ къ такому выводу, что двѣ общія болѣзни не могутъ существовать одновременно въ томъ же недѣлимомъ; и онъ такъ сильно полагался на это умозаключеніе, что не хотѣлъ вѣрить никакому свидѣтельству противъ него. Есть однако поводъ думать, что его выводъ ошибоченъ и что различныя болѣзни могутъ такимъ образомъ сопровождать одна другую, чтобы совмѣщаться въ одномъ и томъ же недѣлимомъ, въ одно и то же время и въ одной и той же части его. Такъ ли оно дѣйствительно, или нѣтъ, но тѣмъ не менѣе интересно замѣтить тотъ процессъ мышленія, въ силу котораго Гёнтеръ несравненно болѣе трудился надъ умозаключеніемъ отъ общей теоріи, чѣмъ надъ умозаключеніемъ, восходящимъ къ ней. Едвали даже можно сказать, чтобы онъ вовсе умозаключалъ къ теоріи, такъ какъ онъ приходилъ къ ней путемъ рѣзкаго и торопливаго вывода изъ того, что казалось ему очевиднымъ свойствомъ неорганической матеріи. Придя къ ней такимъ образомъ, онъ примѣнялъ ее къ патологическимъ явленіямъ органическаго міра и въ особенности міра животнаго. Что онъ избралъ такой именно путь, это служитъ любопытнымъ доказательствомъ силы его дедуктивныхъ привычекъ и энергіи его ума, давшихъ ему возможность до такой степени ни во что не ставить преданія своихъ современниковъ въ Англіи, чтобы слѣдовать методу, который, по мнѣнію всѣхъ окружавшихъ его, не только былъ исполненъ опасности, но и не могъ никогда привести къ истинѣ.

Другія части его патологіи изобилуютъ подобными же примѣрами, показывающими, до какой степени онъ озабочивался предвзятіемъ основныхъ началъ, на которыхъ ему можно

было бы строить умозаключенія. Въ такомъ родѣ были его идеи относительно связи между сочувствіемъ и дѣятельностью. Онъ проводилъ мысль, что самыя простыя формы сочувствія вѣроятно оказались бы въ мірѣ растительномъ, потому что въ немъ общій строй менѣе запутанъ, чѣмъ въ мірѣ животномъ. На этомъ предположеніи онъ построилъ цѣлый рядъ любопытныхъ и утонченныхъ умозрѣній, изъ которыхъ, однако, я долженъ ограничиться лишь весьма краткимъ извлеченіемъ. Въ животныхъ болѣе сочувствія, чѣмъ въ растеніяхъ; изъ этого намъ легко понять, почему и движенія ихъ многочисленнѣе. Ибо сочувствіе есть воспріимчивость къ впечатлѣнію, а слѣдовательно и побудительная причина къ дѣйствію. Какъ и всѣ другія причины дѣйствія, сочувствіе можетъ быть или естественное, или болѣзненное. Но какое бы оно ни было, развитіе его въ растеніяхъ возможно только однимъ путемъ, ибо въ нихъ на него могутъ имѣть вліяніе только возбужденія, между тѣмъ какъ въ животныхъ, способныхъ къ ощущенію, оно по необходимости развивается троякимъ путемъ: отъ возбужденій, отъ ощущенія и отъ того и другаго вмѣстѣ. Это самыя широкія дѣленія сочувствія, представляющіяся намъ, при взглядѣ на органическій міръ, какъ на одно цѣлое. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, однако, сочувствіе допускаетъ и дальнѣйшія подраздѣленія. Мы можемъ умозаключать отъ него, соображаясь съ возрастомъ индивидуума, можемъ также умозаключать, соображаясь съ темпераментомъ, ибо на самомъ дѣлѣ темпераментъ есть ничто иное какъ воспріимчивость къ дѣйствію. И когда сочувствіе находится въ дѣйствіи, мы можемъ, анализируя наше представленіе о немъ, подвести его подъ пять различныхъ категорій, можемъ признать его: или непрерывнымъ, или смежнымъ, или отдаленнымъ, или сходнымъ, или несходнымъ. Все это давало Гёнтеру общія начала, исходя отъ которыхъ, путемъ дедуктивнаго умозаключенія, онъ пытался объяснить факты болѣзни; ибо, по его мнѣнію,

болѣзнь есть не болѣе какъ недостатокъ должнаго сочетанія дѣйствій. Подъ вліяніемъ этого процесса мысли, онъ пренебрегъ тѣми предрасполагающими причинами, на которыя индуктивные патологи обращаютъ большое вниманіе и которыя занимали важное мѣсто въ сочиненіяхъ его современниковъ въ Англіи. Такія причины могли быть обобщены только путемъ наблюденія, и Гёнтеръ нисколько не принималъ ихъ въ разсчетъ. Онъ даже отрицаетъ существованіе ихъ въ дѣйствительности, и утверждаетъ, что предрасполагающая причина это не болѣе какъ усиленная воспріимчивость къ полученію расположенія къ дѣйствію.

Умозаключая отъ этихъ двухъ идей, — отъ идеи дѣйствія и идеи сочувствія, — Гёнтеръ построилъ дедуктивную или синтетическую часть своей патологіи. Онъ поступилъ, въ этомъ случаѣ, какъ Шотландецъ; и еслибъ онъ всегда жилъ въ Шотландіи, то онъ вѣроятно на этомъ и остановился бы. Но проведя сорокъ лѣтъ въ кругу Англичанъ, и набравшись умомъ англійскихъ привычекъ, онъ пріобрѣлъ отчасти и англійскій складъ мысли. По этому мы находимъ, что значительная часть его патологіи такъ индуктивна, какъ только могъ желать этого и самый ревностный ученикъ Бэкона, и представляетъ, въ этомъ отношеніи, разительную противоположность съ чисто синтетическимъ методомъ Кёллена, другаго великаго шотландскаго патолога. Однако этою попыткою смѣшать оба метода, Гёнтеръ одинаково сбивалъ съ толку и самого себя, и своихъ читателей. Отсюда происходила та темнота мысли, которую замѣчали и самые жаркіе поклонники его, хотя они и не сознавали ея причины. Какъ ни были велики его силы, онъ всетаки не могъ достигнуть полнаго слиянія индукціи; и никто не удивится этому, если только припомнитъ, какую неудачу претерпѣли въ этомъ труднѣйшемъ изъ всѣхъ предпріятій нѣкоторые изъ величайшихъ мыслителей. Между древними, Платону, а съ нимъ, и всѣмъ его послѣдователямъ, не далась индукція; никто изъ нихъ не имѣлъ достаточнаго до-

вѣрія къ фактамъ и къ процессу умозаключенія отъ частнаго къ общему. Между новѣйшими же мыслителями, Бэкону недоставало дедукціи, и тотъ же недостатокъ замѣчался во всѣхъ Бэконіанцахъ; существенно слабою стороною этой школы было то, что она гнушалась умозаключенія отъ общихъ предложеній и слишкомъ низко ставила силлогизмъ. Можно даже усомниться въ томъ, найдется ли во всемірной исторіи болѣе двухъ примѣровъ того, чтобы естествоиспытатель былъ одинаково великъ и въ томъ, и въ другомъ образѣ изслѣдованія. Эти двое были Аристотель и Ньютонъ; они владѣли обоими методами съ одинаковою легкостью, соединяя ловкость и смѣлость дедукціи съ осмотрительностью и выдержанностью индукціи; они одинаково мастерски справлялись какъ съ синтезисомъ, такъ и съ анализомъ, одинаково были способны какъ къ нисхожденію отъ общаго къ частному, такъ и къ восхожденію отъ частнаго къ общему, то предпосылая идеи фактамъ, то факты идеямъ, но никогда не колеблясь, никогда не сомнѣваясь въ выборѣ пути, и никогда не допуская, чтобы которая либо изъ двухъ системъ умозаключенія брала недолжный перевѣсъ надъ противоположною ей. Что Гёнтеръ не былъ въ состояніи сдѣлать то же самое, это только служитъ доказательствомъ, что онъ не доросъ до этихъ двухъ мыслителей, изъ которыхъ каждый, по своимъ почти неимовѣрнымъ дѣяніямъ, имѣетъ право назваться чудомъ человѣческой породы. Но и то, что сдѣлалъ Гёнтеръ, было удивительно; и ему, также, въ его отрасли изслѣдованія, еще не было до сихъ поръ равнаго. Очеркъ характера и объема его изысканій, представленный мною выше, при всемъ несовершенствѣ своемъ, можетъ всетаки послужить къ уясненію антагонизма между шотландскимъ и англійскимъ умами, показавъ, какимъ образомъ методы, свойственные каждой изъ этихъ двухъ націй, оспоривали другъ у друга право на преобладаніе въ этомъ великомъ умѣ, находившемся подъ вліяніемъ обѣихъ системъ. Какой именно изъ методовъ преобладалъ у Гёнтера, сказать

довольно трудно, но то достовѣрно, что борьба между ними смущала его умъ. Достовѣрно также, что благодаря своей любви къ дедукціи или къ умозаключенію отъ общихъ идей, онъ имѣлъ гораздо менѣе вліянія на своихъ современниковъ въ Англіи, чѣмъ имѣлъ бы въ томъ случаѣ, еслибы онъ исключительно слѣдовалъ ихъ любимому методу умозаключенія отъ частныхъ фактовъ Отсюда происходила несоразмѣрность между его значеніемъ и его заслугами. Что касается его заслугъ, то теперь признано, что независимо отъ его физіологическихъ открытій и предложенныхъ имъ важныхъ патологическихъ воззрѣній, мы можемъ приписать ему почти всѣ усовершенствованія, какія были сдѣланы въ хирургіи, въ теченіе около сорока лѣтъ по его смерти. Онъ первый объяснилъ и даже первый призналъ болѣзнь воспаленія венъ, которая случается довольно часто и была послѣднее время очень много изучаема подъ именемъ Phlebitis, до него же, была приписываема совершенно ложнымъ причинамъ. На воспаленіе вообще онъ пролилъ такой свѣтъ, что ученія, которыя онъ защищалъ, и которыя были тогда поднимаемы на смѣхъ, какъ причудливыя нововведенія, теперь преподаются въ школахъ и перешли въ число обыкновенныхъ преданій медицинской профессіи. Онъ ввелъ, кромѣ того, въ хирургію едвали не самое капитальное усовершенствованіе, какое случалось когда либо сдѣлать одному человѣку, а именно перевязываніе, въ аневризмѣ, артеріи на нѣкоторомъ разстояніи отъ пораженнаго мѣста. Одна эта догадка спасла жизнь тысячи людей; и какъ самою догадкою, такъ и первымъ удачнымъ примѣненіемъ ея, мы вполнѣ обязаны Джону Гёнтеру, который, еслибы даже не сдѣлалъ ничего другаго, то уже за это одно имѣлъ бы право быть причисленнымъ къ величайшимъ благодѣтелямъ рода человѣческаго.

Но собственно для непосредственной репутаціи его, все это было напрасно. Онъ жилъ среди людей, не имѣвшихъ никакого сочувствія къ тому процессу мышленія, который

былъ наиболѣе свойственень ему. Они ни во что не ставили идей, если только идеи эти не согласовались съ видами прямой, осязательной пользы; онъ же дорожилъ идеями, ради ихъ самихъ, ради заключающейся въ нихъ истины, независимо отъ всякихъ другихъ соображеній. Современники его, въ Англіи, люди благоразумные и смѣтливые, но близорукіе, видящіе не много вещей заразъ, но видящіе ихъ съ удивительною ясностью, были не въ состояніи оцѣнить его многообъемлющія умозрѣнія. Поэтому, въ ихъ глазахъ, онъ былъ не болѣе какъ нововводитель, какъ человѣкъ восторженный. Поэтому самому, даже введенныя имъ практическія усовершенствованія были приняты холодно, какъ проистекающія изъ такого подозрительнаго источника. Великій Шотландецъ, брошенный въ среду народа, умственныя привычки котораго не подходили къ его привычкамъ, стоялъ, говоритъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ учениковъ его, въ положеніи одинокаго, безотраднаго превосходства. Дѣйствительно, такъ мало обращали на него вниманія даже люди той самой профессіи, которой онъ былъ лучшимъ украшеніемъ, что въ продолженіе многихъ лѣтъ, что онъ читалъ лекціи въ Лондонѣ объ анатоміи и хирургіи, число его слушателей ни разу не доходило до двадцати человѣкъ.

Я окончилъ теперь свой разборъ умственнаго движенія въ Шотландіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Различіе между этими двумя періодами должно поразить всякаго читателя. Въ XVII столѣтіи, способнѣйшіе Шотландцы тратили свои силы на теологическіе предметы, относительно которыхъ мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣденій, ни возможности собрать ихъ. По этого рода вопросамъ, разныя лица и разныя націи, одинаково честныя, одинаково просвѣщенныя и одинаково способные судить о нихъ, — имѣли, и теперь еще имѣютъ самыя различныя мнѣнія, которыя они защищаютъ съ величайшею увѣренностью и подкрѣпляютъ доводами, вполнѣ удовлетворительными для ихъ самихъ, но презрительно от-

вергаемыми ихъ противниками. Каждая изъ спорящихъ сторонъ признаетъ истину за собою; поэтому, безпристрастному изслѣдователю, т. е. тому, кто дѣйствительно любитъ истину и знаетъ, какъ трудно она достается,—приходится искать какихъ нибудь средствъ добросовѣстно разобрать эти сталкивающіяся притязанія и рѣшить, которыя изъ нихъ правы, а которыя нѣтъ. Чѣмъ далѣе онъ заходитъ въ своихъ розыскахъ, тѣмъ болѣе онъ убѣждается, что такихъ средствъ не существуетъ и что этого рода вопросы, если и не выходятъ вообще изъ границъ человѣческаго разума, то во всякомъ случаѣ превышаютъ его настоящія средства, и не подаютъ никакой надежды на разрѣшеніе, до тѣхъ поръ, пока еще не рѣшены другія, болѣе простыя задачи. Странно было бы, въ самомъ дѣлъ, если бы мы, незнакомые со столькими вещами меньшей, второстепенной важности, были въ состояніи открыть и разгадать эти отдаленныя и сложныя тайны. Странно было бы, если бы намъ, которые, не смотря на всѣ сдѣланные нами успѣхи, находимся еще только въ началѣ нашего пути, и которые, подобно дѣтямъ, можемъ ходить только не твердою поступью, и едва въ состояніи двигаться, не спотыкаясь, даже по гладкой и ровной почвѣ,—если бы намъ всетаки удалось взобраться на тѣ одуряющія высоты, которыя, нависая надъ нашею дорогою, манятъ насъ туда, гдѣ насъ ждетъ вѣрное паденіе. Но по несчастью, люди, во всѣ времена, такъ мало сознаютъ свои слабости, что не только берутся за это невозможное дѣло, но даже бываютъ увѣрены, что совершили его. Между людьми, сдѣлавшимися добычею подобнаго обольщенія, есть всегда извѣстное число такихъ, которые, ставъ на эту воображаемую высоту, до такой степени увлекаются своимъ мнимымъ превосходствомъ, что берутся поучать, увѣщевать и порицать остальное человѣчество. Выдавая себя за духовныхъ совѣтниковъ, за преподавателей того, чего они сами еще не изучили, они представляютъ собою самое прочное изъ сочетаній — соединеніе

страшнаго невѣжества съ страшнымъ высокомѣріемъ. Изъ этого неизбѣжно вытекаютъ другія два зла. Невѣжество порождаетъ суевѣріе, а высокомѣріе порождаетъ тираннію. Вотъ почему, въ странѣ какъ Шотландія, гдѣ подъ продолжительнымъ гнетомъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, окрѣпла власть этихъ мнимыхъ мудрецовъ,—во всемъ замѣчаются такія грустныя послѣдствія. Не только національный характеръ, но и національная литература отзываются ихъ вліяніемъ, носятъ на себѣ ихъ отпечатокъ. По этому естественно, что въ Шотландіи, въ XVII столѣтіи, когда власть духовенства была совершенно неограниченна, послѣдствія такого порядка вещей обнаружились особенно явственно. Естественно, что образовалась такая литература, какъ та, которой характеръ я изобразилъ уже выше; литература, поощрявшая суевѣріе, невѣротерпимость и ханжество; литература полная мрачныхъ опасеній и еще болѣе мрачныхъ угрозъ; литература поучавшая людей, что грѣшно наслаждаться настоящимъ и праведно трепетать передъ будущимъ;—словомъ, литература, которая, разливая повсюду мракъ, окисляла нравъ, извращала чувства, обезсиливала умъ, и совершенно роняла въ глазахъ людей тѣ смѣлыя и оригинальныя изслѣдованія, безъ которыхъ невозможенъ успѣхъ въ человѣческомъ знаніи, а слѣдовательно невозможно и увеличеніе человѣческаго благосостоянія.

Всему этому литература XVIII столѣтія представляла разительную противоположность. Казалось, будто все мгновенно измѣнилось. Бальи, Бининги, Диксоны, Дёрамы, Флеминги, Фрэзеры, Джиллеспи, Гёттри, Галибёртоны, Гендерсоны, Рётерфорды, и вся эта монашеская братія, были смѣнены замѣчательными, смѣлыми мыслителями; ихъ геній озорилъ всѣ отрасли знанія, ихъ умы, свѣжіе и бодрые, какъ утро, нашли себѣ новое поприще и обезпечили своему отечеству почетное мѣсто въ лѣтописяхъ европейскаго ума. Кое-что изъ сдѣланнаго ими я уже пытался разсказать; многое, однако, осталось недосказаннымъ. Но я достаточно привелъ доказа-

тельствъ, чтобы убѣдить даже читателя съ особенно скептическимъ настроенiемъ, въ блистательности ихъ подвиговъ и въ существованiи различiя между созданною ими дивною литературою и жалкими произведенiями, обезобразившими предшествовавшее столѣтiе.

Но какъ ни велико было различiе между этими двумя литературами, всетаки онѣ имѣли, какъ я уже доказалъ, одну важную черту, общую имъ обѣимъ. Обѣ были существенно дедуктивны; и доказывая это, я вдавался въ довольно большiя подробности, потому что, сколько мнѣ извѣстно, обстоятельство это ускользнуло отъ вниманiя всѣхъ предшествовавшихъ изслѣдователей, а между тѣмъ послѣдствiя его имѣли первостепенную важность для судьбы Шотландiи и, кромѣ того, оно исполнено интереса для тѣхъ, которые, въ изслѣдованiи дѣлъ человѣческихъ, желаютъ проникнуть нѣсколько глубже самой поверхности, самыхъ наружныхъ признаковъ вещей.

Если мы бросимъ общiй взглядъ на тѣ страны, въ которыхъ разработывалась наука, то найдемъ, что вездѣ, гдѣ только преобладалъ дедуктивный методъ изслѣдованiя, знанiе, хотя часто возрастало и накоплялось, но никогда не бывало широко распространено. Мы найдемъ, съ другой стороны, что когда преобладалъ индуктивный методъ, то знанiе бывало значительно распространено, или по крайней мѣрѣ несравненно болѣе, чѣмъ во время перевѣса дедукцiи. Замѣчанiе это вѣрно не только для различныхъ странъ, но и для различныхъ перiодовъ въ одной и той же странѣ. Оно вѣрно даже для различныхъ индивидуумовъ, живущихъ въ одинъ и тотъ же перiодъ, въ одной и той же странѣ. Если бы въ какой нибудь цивилизованной нацiи, два человѣка одинаково даровитые, предъявили какой нибудь новый, поразительный выводъ, и одинъ изъ этихъ людей сталъ защищать свой выводъ посредствомъ умозаключенiя отъ идей или общихъ началъ, а другой — посредствомъ умозаключенiя отъ част-

ныхъ, видимыхъ фактовъ, — то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что при равенствѣ всѣхъ другихъ условій, послѣдній пріобрѣлъ бы болѣе сторонниковъ. Его выводъ легче распространился бы, единственно потому, что прямое обращеніе, съ перваго же раза, къ осязательнымъ фактамъ, производитъ немедленное дѣйствіе на массу; между тѣмъ какъ обращеніе къ началамъ выходитъ изъ круга ея понятій, и такъ какъ она не сочувствуетъ подобному пріему, то она склонна поднять его на смѣхъ. Факты повидимому для всякаго ясны, — они непреложны. Начала же не такъ очевидны и, будучи часто оспариваемы, становятся для тѣхъ, кто не усвоиваетъ ихъ себѣ, чѣмъ-то недѣйствительнымъ, какимъ-то обольщеніемъ, — и это ослабляетъ ихъ вліяніе. Вотъ почему индуктивная наука, въ которой первое мѣсто вездѣ занимаютъ факты, бываетъ по преимуществу популярна и имѣетъ на своей сторонѣ безчисленное множество такихъ людей, которые не станутъ слушать самыхъ хитрыхъ и тонкихъ доводовъ дедуктивной науки. Вотъ почему, также, мы видимъ изъ исторіи, что введеніе новѣйшей индуктивной философіи, съ ея разнообразными и заманчивыми опытами, ея матеріальными примѣненіями и ея постояннымъ обращеніемъ къ чувствамъ, было тѣсно связано съ пробужденіемъ общественнаго духа, и совпадало съ возникновеніемъ того духа изслѣдованія и той любви къ свободѣ, которые, начиная съ XVI столѣтія, постоянно развивались. Мы можемъ съ увѣренностью сказать, что скептицизмъ и демократическое направленіе составляютъ двѣ главнѣйшія черты этого великаго научнаго движенія. Семнадцатое столѣтіе, которое ввело Бэконовскую философію, было замѣчательно своимъ духомъ неподчиненности, въ особенности въ странѣ, гдѣ родилась эта философія и гдѣ она наиболѣе процвѣтала. Въ слѣдующемъ вѣкѣ, она была перенесена во Францію и тамъ, также, подѣйствовала на духъ народа, и была, какъ я уже замѣтилъ, одною изъ главнѣйшихъ причинъ Французской Революціи.

Если мы вникнемъ еще глубже въ этотъ интересный вопросъ, то найдемъ дальнѣйшее подтвержденіе того взгляда, что выводы индуктивной философіи легче распространяются въ массѣ, чѣмъ заключенія дедуктивныя. Индуктивная наука опирается прямо на испытаніе или, по крайней мѣрѣ, на научный опытъ, который есть ничто иное какъ искусственно устроенное испытаніе. Затѣмъ, огромное большинство людей, даже въ самыхъ передовыхъ странахъ, бываютъ, по своему умственному складу, неспособны усвоивать себѣ общія начала и примѣнять ихъ къ ежедневнымъ дѣламъ, не причиняя серіознаго вреда ни себѣ самимъ, ни кому либо другому. Такое примѣненіе требуетъ не только большаго искусства, но также и знанія тѣхъ постороннихъ причинъ, которыя бываютъ помѣхою дѣйствію всякаго общаго закона. На такое трудное дѣло рѣдко кто рѣшается; и люди средней руки, обладающіе маломальски здравымъ смысломъ, полагаются, главнѣйшимъ образомъ, на опытъ, который служитъ имъ болѣе надежнымъ и полезнымъ руководителемъ, чѣмъ какое-либо общее правило, какъ бы оно ни было точно и согласно съ наукою. Это порождаетъ въ нихъ предубѣжденіе въ пользу изслѣдованія на опытѣ и соотвѣтствующее нерасположеніе къ методу противоположному, болѣе умозрительному. И, мнѣ кажется, едвали можно сомнѣваться, что одною изъ причинъ торжества Бэконовской философіи было возрастаніе промышленныхъ классовъ, дѣловое, положительное направленіе которыхъ въ высшей степени благопріятно для эмпирическихъ наблюденій надъ однообразіемъ послѣдствій, такъ какъ отъ точности подобныхъ наблюденій зависитъ, дѣйствительно, успѣхъ во всѣхъ практическихъ дѣлахъ. Мы находимъ, конечно, что паденіе чисто дедуктивнаго схоластицизма среднихъ вѣковъ вездѣ сопровождалось распространеніемъ торговли; и всякій, кто станетъ тщательно изучать исторію Европы, найдетъ много слѣдовъ существованія связи между этими двумя движеніями, которыя оба отмѣчены возрастающимъ уваженіемъ

къ матеріальнымъ, эмпирическимъ интересамъ и пренебреженіемъ къ занятіямъ идеальнымъ, умозрительнымъ.

Отношеніе между всѣмъ этимъ и популярнымъ направленіемъ индукціи—очевидно. На одного человѣка, способнаго мыслить, приходится по малой мѣрѣ сто человѣкъ, способныхъ наблюдать. Точные наблюдатели конечно рѣдки, но точные мыслители еще рѣже. Это подтверждается такимъ множествомъ доказательствъ, что тутъ не можетъ быть и спора. Дѣйствительно, всякій кому только случалось встрѣчаться съ своими собратіями, долженъ былъ видѣть, до какой степени имъ свойственнѣе наблюдать, чѣмъ размышлять, и какъ рѣдко случается встрѣтить кого нибудь, чей разговоръ или чьи сочиненія носили бы отпечатокъ терпѣливаго, своеобразнаго мышленія. И такъ какъ мыслители болѣе склонны накоплять идеи, а наблюдатели—накоплять факты, то рѣшительное преобладаніе наблюдающихъ классовъ составляетъ положительную причину того, что индукція, начинающая съ фактовъ, всегда популярнѣе дедукціи, начинающей съ идей. Часто говорятъ, и по всей вѣроятности не безъ основанія, что всякой дедукціи предшествуетъ индукція; такъ что въ каждомъ силлогизмѣ, большая посылка, какъ бы она ни казалась очевидною и необходимою, есть не болѣе какъ обобщеніе фактовъ, или выводъ изъ того, что было уже наблюдено чувствами. Но это мнѣніе, справедливо оно, или несправедливо, нисколько не относится къ только-что сказанному мною, такъ какъ оно касается происхожденія нашего знанія, а не дальнѣйшей разработки его, т. е. составляетъ скорѣе метафизическое, чѣмъ логическое мнѣніе. Ибо, если даже предположить, что всякая дедукція, на повѣрку оказывается опирающеюся на индукцію,—всетаки достовѣрно, что въ безчисленномъ множествѣ случаевъ, подобная индукція происходитъ въ такой раннiй періодъ жизни, что мы не сознаемъ ея и никакъ не можемъ воспроизвести ея процессъ. Геометрическія аксіомы представляютъ лучшій образчикъ этого. Никто не въ состоя-

нія сказать, когда и какъ онъ впервые убѣдился, что цѣлое больше своей части, или что вещи равныя одному и тому же, равны и между собою. Всѣ эти предварительные шаги сокрыты отъ насъ, а сила и ловкость дедукціи проявляется уже въ послѣдующихъ пріемахъ, съ помощью которыхъ большая посылка приспособляется и какъ бы пригоняется къ меньшей. Для этого часто требуется большая тонкость мысли, и при всякомъ такомъ случаѣ, внѣшній міръ отлагается въ сторону и теряется изъ виду. Процессъ этотъ, будучи идеальнымъ, не имѣетъ ничего общаго ни съ наблюденіями, ни съ опытами. Внушенія чувствъ тутъ не допускаются, а между тѣмъ умъ проходитъ черезъ рядъ послѣдовательныхъ силлогизмовъ, въ которомъ каждое заключеніе обращается въ большую посылку новаго аргумента, пока наконецъ не получится дедуктивно такой выводъ, который всякому, кто только услышитъ его, покажется не имѣющимъ никакой связи съ первыми посылками, хотя въ дѣйствительности будетъ необходимымъ послѣдствіемъ ихъ.

Методъ такой таинственный, до такой степени скрывающійся отъ всеобщаго взора, никогда не можетъ вызвать всеобщаго сочувствія. Поэтому, если только не произойдетъ какой нибудь замѣчательной перемѣны въ самомъ существѣ человѣческаго ума, или въ тѣхъ средствахъ, которыми онъ располагаетъ, — чувственный, наглядный процессъ восхожденія отъ частныхъ фактовъ къ общимъ началамъ всегда будетъ заманчивѣе идеальнаго процесса нисхожденія отъ началъ къ фактамъ. Въ обоихъ случаяхъ, строится, конечно, рядъ умозаключеній, существенно идеальныхъ; въ обоихъ также случаяхъ образуется совокупность фактовъ существенно чувственныхъ, наглядныхъ. Ни одинъ изъ этихъ методовъ не есть чисто своеобразный. Но такъ какъ въ индукціи факты болѣе выдаются впередъ, чѣмъ идеи, а въ дедукціи идеи болѣе бросаются въ глаза, чѣмъ факты, то очевидно, что выводы, получаемые первымъ путемъ, встрѣтятъ, вообще го-

воря, болѣе полное одобреніе, чѣмъ получаемые вторымъ. Встрѣтивъ болѣе полное одобреніе, они произведутъ и болѣе рѣшительное дѣйствіе и скорѣе повліяютъ на характеръ націи и отразятся на ходѣ ея дѣлъ.

Единственное исключеніе изъ этого составляетъ теологія. Въ ней, какъ я уже замѣтилъ, индуктивный методъ непримѣнимъ, и одна только дедукція можетъ удовлетворять цѣлямъ теолога. У него есть особый источникъ, снабжающій его общими началами, отъ которыхъ онъ можетъ умозаключать; и обладаніе этимъ вспомогательнымъ средствомъ составляетъ основное различіе между нимъ и человѣкомъ науки. Наука есть результатъ изслѣдованія; теологія—результатъ вѣры. Въ одной — духъ сомнѣнія, въ другой — духъ вѣры. Въ наукѣ своеобразность воззрѣнія ведетъ къ открытію и составляетъ, слѣдовательно, заслугу; въ теологіи же она ведетъ къ ереси и поэтому составляетъ преступленіе. Всѣ системы религіи, какія видалъ до сихъ поръ свѣтъ, признаютъ вѣру за непремѣнную обязанность; въ системахъ же науки, принимавіе на вѣру не обязанность, а помѣха, такъ какъ оно не даетъ установиться той привычкѣ къ изслѣдованію и нововведеніямъ, отъ которой зависитъ всякій умственный прогрессъ. Такимъ образомъ, теологъ, возводящій легковѣріе въ заслугу, и цѣнящій людей по ихъ простотѣ и склонности всему вѣрить, мало имѣетъ нужды беспокоиться о фактахъ, съ которыми онъ даже прямо идетъ въ разрѣзъ, въ своемъ рвеніи повѣствовать чудовищныя и нерѣдко чудесныя явленія. Индуктивному же философу это не позволяется. Онъ обязанъ основывать свои выводы на фактахъ, которые ни кѣмъ не оспорены, или которые, по крайней мѣрѣ, всякій можетъ повѣрить самъ лично, или чрезъ посредство другихъ. А если онъ не послѣдуетъ этому пути, то его выводы, будь они сколько угодно вѣрны, съ большимъ трудомъ проникнутъ въ сознаніе народа, потому что они будутъ отзываться тою утонченностью и изысканностью мысли, которая болѣе чѣмъ что либо другое

предрасполагаетъ обыкновенные умы отвергать заключенія, выведенныя философами.

Изъ фактовъ и аргументовъ, содержащихся въ настоящей главѣ и въ предыдущей, читатели, я надѣюсь, будутъ въ состояніи усмотрѣть, почему направленіе шотландскаго ума, въ семнадцатомъ и въ восемнадцатомъ столѣтіяхъ, было по преимуществу дедуктивное; а также почему въ восемнадцатомъ вѣкѣ, шотландская литература, при всемъ своемъ блестящемъ развитіи и при всей своей силѣ, несмотря на величіе и важность выработанныхъ въ ней открытій, имѣла весьма мало, или даже вовсе не имѣла, вліянія на массу народа. По своей смѣлости и своему новаторскому характеру, литература эта была, повидимому, особенно приспособлена къ тому, чтобы разбивать устарѣлые предразсудки и возбуждать духъ пытливости. Но въ ней способъ изслѣдованія и доказательства былъ слишкомъ утонченъ для умовъ средней руки, и потому не имѣлъ дѣйствія на такіе умы. Въ Шотландіи, точно такъ же, какъ въ древней Греціи и какъ въ новѣйшей Германіи, мыслящіе классы, вслѣдствіе своего чисто дедуктивнаго строя мышленія, не въ состояніи были имѣть вліяніе на массу общества. Они смотрѣли на вещи съ слишкомъ высокой точки зрѣнія, съ слишкомъ дальняго разстоянія. Въ Греціи одинъ только Аристотель имѣлъ вѣрное понятіе о томъ, что такое въ сущности индукція. Но даже и онъ ничего не зналъ о перекрестныхъ опытахъ и о теоріи среднихъ выводовъ, то-есть о двухъ главнѣйшихъ пособіяхъ той индуктивной философіи, какую мы имѣемъ въ настоящее время. Но ни онъ, ни кто либо изъ великихъ германскихъ или шотландскихъ философовъ, не придавалъ достаточной важности медленному и осторожному методу, постепенно восходящему отъ каждаго низшаго обобщенія къ непосредственно слѣдующему за нимъ высшему, непропуская ни одного промежуточнаго обобщенія. Правда, что Бэконъ слишкомъ уже настаиваетъ на этомъ методѣ: многія весьма важныя открытія сдѣланы нетолько помимо его, но,

можно даже сказать, вопреки ему. Тѣмъ не менѣе онъ представляетъ дивное орудіе, и только люди истинно геніальные могутъ обойтись безъ него. Да и они, уклоняясь отъ употребленія этого орудія, лишаютъ себя всеобщаго сочувствія своего вѣка и своей страны. Ибо меньшія и ближайшія обобщенія, которыми они пренебрегаютъ, составляютъ именно тѣ стороны философіи, которыя, будучи менѣе удалены отъ области осязательныхъ фактовъ, всего болѣе понятны народу и, слѣдовательно, образуютъ единственную общую почву для мыслителей и для практическихъ людей. Это родъ средней посылки, понимаемой обоими классами и доступной тому и другому. Во всякомъ дедуктивномъ разсужденіи, эта посредствующая или, если можно такъ выразиться, нейтральная область исчезаетъ, и обоимъ классамъ негдѣ сходиться. Вотъ почему шотландская философія, точно такъ же, какъ нѣмецкая и какъ въ древности греческая, вовсе не имѣла вліянія на націю. Напротивъ того, въ Англіи, съ семнадцатаго, и во Франціи, съ восемнадцатаго вѣка, господствующая философія была индуктивная, а потому она имѣла вліяніе не на одни только образованные классы, но двигала мыслью всего народа. Нѣмецкіе философы, относительно глубины и широты мысли, далеко превосходятъ и французскихъ и англійскихъ. А между тѣмъ они своими глубокими изысканіями такъ мало сдѣлали для страны, что нѣмецкій народъ до сихъ поръ во всѣхъ отношеніяхъ менѣе развитъ, чѣмъ народъ французскій или англійскій. Точно такъ же, въ философіи древней Греціи, мы находимъ громадный запасъ крупныхъ, оригинальныхъ мыслей, и, что несравненно важнѣе, находимъ смѣлость изысканія и пламенную любовь къ истинѣ, въ которыхъ не превзошла Грецію ни одна изъ новѣйшихъ націй и развѣ только немногія съ нею сравнились. Но методъ этой философіи ставилъ непреодолимую преграду ея распространенію. Народа она не касулась; онъ все пресмыкался въ прежнемъ невѣ-

жествѣ и былъ жертвою суевѣрій, изъ которыхъ большую часть великіе мыслители презирали, даже часто прямо преслѣдовали, но никакими средствами не могли искоренить. Впрочемъ, какъ ни дурны были эти суевѣрія, мы смѣло можемъ сказать, что они менѣе дѣлали вреда, то-есть имѣли менѣе разрушительное вліяніе на счастіе людей, чѣмъ тѣ отвратительныя и возмутительныя понятія, которыя защищало шотландское духовенство, и которыя были приняты шотландскимъ народомъ. А на эти понятія шотландская философія не могла произвести никакого дѣйствія. Въ Шотландіи, во все продолженіе восемнадцатаго вѣка, суевѣріе и наука, эти два непримиримые врага, процвѣтали рядомъ, нисколько не ослабляя другъ друга, не имѣя даже возможности приходить въ столкновеніе; — это было совмѣстное существованіе, но безъ соприкосновенія. Обѣ силы держались въ сторонѣ другъ отъ друга, и въ результатѣ оказалось, что въ то самое время, какъ шотландскіе мыслители создавали могучую и въ высшей степени просвѣщенную литературу, шотландскій народъ не внималъ великимъ учителямъ мудрости, появившимся въ его отечествѣ, и упорно оставался во мракѣ, предоставляя слѣпцамъ водить такихъ же слѣпцовъ и не допуская ни кого въ помощь имъ.

Истинно любопытно взглянуть, какъ мало вліянія оказывали многія замѣчательныя творенія, написанныя шотландцами въ восемнадцатомъ вѣкѣ. За исключеніемъ Смитова *Богатства народовъ*, я едва-ли могу припомнить хоть одну книгу, которой вліяніе ощутительнымъ образомъ отразилось бы на общественномъ мнѣніи. Причина этого изъятія объясняется весьма легко. Книга о *Богатствѣ народовъ* заключала дѣятельность правительства въ болѣе тѣсныя границы, чѣмъ поставлялись ей когда либо какимъ бы то ни было другимъ знаменитымъ сочиненіемъ. Ни одинъ изъ прежнихъ политическихъ писателей, съ несомнѣннымъ дарованіемъ, не оставлялъ такъ много на долю самого народа, не требовалъ для него такого количества свободы въ устройствѣ собственныхъ дѣлъ, какъ Адамъ

Смитъ. Поэтому книга о *Богатствѣ народовъ*, какъ книга въ высшей степени демократическая, должна была непремѣнно встрѣтить благопріятный пріемъ въ Шотландіи, странѣ по преимуществу демократической. Слыша о выводахъ ея, люди были уже заранѣе предрасположены въ пользу ея доводовъ. Точно такъ же и въ Англіи, та любовь къ свободѣ, которая съ давнихъ вѣковъ составляла нашу отличительную черту и которая въ сущности приноситъ намъ болѣе чести чѣмъ всѣ наши завоеванія, чѣмъ вся наша литература и вся наша философія, взятая вмѣстѣ,—постоянно настраиваетъ общественное мнѣніе въ пользу всего, въ чемъ высказывается какое нибудь требованіе свободы. Поэтому, несмотря на борьбу заинтересованныхъ партій, Англія была предрасположена въ пользу ученія о свободѣ торговли, какъ одного изъ средствъ предоставить каждому поступать съ собственнымъ добромъ, какъ ему угодно. Но воображать, что обыкновенные умы въ состояніи совладать съ такимъ сочиненіемъ, какъ книга о *Богатствѣ народовъ*, и въ состояніи слѣдить, не путаясь, за его длинною и многосложною аргументаціею,—было бы просто нелѣпо. Десятки тысячъ людей, прочтя эту книгу, принимаютъ ея положенія потому только, что они приходятся имъ по душѣ, то-есть, другими словами, потому только что къ тому же идетъ движеніе вѣка. Другое великое твореніе Адама Смита, именно его *Теорія нравственныхъ чувствованій*, если и имѣло какое либо вліяніе, то развѣ только на весьма небольшой кружокъ метафизиковъ, хотя по своему изложенію, оно, какъ иные находятъ, гораздо выше *Богатства народовъ* и, конечно, гораздо доступнѣе общему пониманію. Къ тому же оно значительно короче, — что̀ для большинства читателей также не малое достоинство,—и трактуетъ о предметахъ весьма интересныхъ и близкихъ сердцу каждаго изъ насъ. Но вѣкъ не дорожилъ положеніями, которыя развивались въ книгѣ, а потому оставлялъ безъ вниманія и ея аргументаціи. *Богатство народовъ*, напротивъ, подходило подъ общее настроеніе и потому имѣло громадный

успѣхъ. Оно быстро увлекало не только философовъ, но также и государственныхъ людей и политиковъ; они, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, давали примѣненіе главнѣйшимъ его предложеніямъ, хотя, какъ доказываютъ изданные ими законы и ихъ рѣчи, они никогда не могли усвоить себѣ тѣ великія начала, которыя лежатъ въ основаніи этихъ предложеній и къ которымъ свобода торговли относится только какъ второстепенная, придаточная часть.

Если оставитъ въ сторонѣ «*Богатство народовъ*», то окажется, что шотландская литература восемнадцатаго вѣка, едвали сдѣлала что нибудь для Шотландіи. Что она не достигла своей великой цѣли — ослабленія суевѣрія, — это очевидно для всякаго, кто бывалъ въ этой странѣ и наблюдалъ господствующія въ ней до сихъ поръ понятія и складъ мыслей. Многіе даровитые и образованные люди, живущіе въ Шотландіи, такъ запуганы общественнымъ мнѣніемъ, что ради собственнаго спокойствія и спокойствія своихъ семействъ, не оказываютъ никакого сопротивленія и безмолвно подчиняются тому, что въ душѣ презираютъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, они, по моему твердому убѣжденію, неправы, хотя я и знаю, что многіе добросовѣстные и во всѣхъ отношеніяхъ свѣдующіе судьи полагаютъ, что никто не обязанъ обрекать себя мученичеству или подвергать опасности свои личные интересы, если только не имѣетъ въ виду очевидной отъ этого пользы для общества. Мнѣ однако кажется, что это узкое воззрѣніе, и что первый долгъ каждаго человѣка — прямо и открыто стать противъ того, что онъ признаетъ ложнымъ, и затѣмъ предоставить послѣдствія своего образа дѣйствій собственному ихъ теченію. Правда, что искушеніе сдѣлать на оборотъ — всегда очень сильно, и въ такой странѣ, какъ Шотландія, можетъ даже почитаться непреодолимымъ. Нѣтъ ни одной протестантской страны, нѣтъ даже ни одной страны католической, кромѣ Испаніи, гдѣ бы человѣку, держащемуся образа мыслей несогласнаго съ уче-

ніемъ установленной церкви, приходилось платиться за это столькими непріятностями и неудобствами въ жизни, какъ въ Шотландіи. Въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, онъ пожалуй еще можетъ оставаться безнаказаннымъ, если убѣжденія его не слишкомъ смѣлы и если онъ не будетъ слишкомъ открыто высказывать ихъ. Если онъ человѣкъ робкій и молчаливый, неправовѣрность его, быть можетъ, пройдетъ незамѣченною. Но и въ большихъ городахъ такіе случаи безнаказанности составляютъ лишь исключенія, а никакъ не общее правило. Въ самой даже столицѣ Шотландіи, въ этомъ средоточіи умственнаго развитія, нѣкогда гордившемся названіемъ «Новѣйшихъ Аѳинъ», тотчасъ пронесется шопотъ, что съ такимъ-то не должно водиться, потому что онъ слишкомъ своеобразно мыслитъ; — какъ будто имѣть свой взглядъ—есть преступленіе, а лучше рабски слѣдовать чужому. Въ другихъ же мѣстахъ, то есть по всей Шотландіи, положеніе дѣлъ еще гораздо хуже. Я говорю это не на основаніи какихъ нибудь несвязныхъ толковъ, а на основаніи того, что какъ мнѣ извѣстно, дѣйствительно существуетъ въ настоящее время; за вѣрность такого показанія я ручаюсь и готовъ отвѣчать. Пусть кто нибудь попробуетъ поспорить со мной, когда я скажу, что, въ ностоящую минуту почти по всей Шотландіи съ презрѣніемъ указываютъ пальцемъ на всякого, кто пользуясь своимъ священнымъ и неотъемлемымъ правомъ свободнаго сужденія, не захочетъ согласиться съ тѣми религіозными понятіями и подчиниться тѣмъ религіознымъ обычаямъ, которые, правда, освящены временемъ, но изъ которыхъ многіе противны здравому смыслу, хотя, не смотря на всю ихъ неразумность, народъ ко всѣмъ имъ прилѣпляется съ мрачнымъ и непреклоннымъ упорствомъ.

Я знаю, что настоящіе слова мои будутъ читаться и повторяться по всей Шотландіи, и конечно не желалъ бы навлечь на себя вражду цѣлой націи, къ многимъ высокимъ и неоцѣненнымъ достоинствамъ которой я питаю искреннее и глубокое

уваженіе; но я тѣмъ не менѣе положительно утверждаю, что нѣтъ другой образованной страны, въ которой такъ мало понималась бы вѣротерпимость и въ которой былъ бы такъ широко распространенъ духъ ханжества и гоненія. И никто этому не удивится, кто только наблюдалъ, что тамъ дѣлается. Въ церквахъ постоянно такая же толпа народу какъ бывало въ средніе вѣка; тысячи усердныхъ и невѣжественныхъ молельщиковъ собираются въ нихъ слушать поученія, вполнѣ достойныя среднихъ вѣковъ. Преподаваемыя имъ понятія они принимаютъ съ благоговѣніемъ, и возвращаясь въ семью, или принимаясь за свои ежедневныя, житейскія дѣла, примѣняютъ эти ученія на практикѣ. Результатъ же всего этого тотъ, что по всей странѣ господствуютъ такой духъ угрюмаго фанатизма, такое отвращеніе отъ самаго даже невиннаго веселья, такое стремленіе стѣснять наслажденія другихъ людей, наконецъ такая страсть вмѣшиваться въ образъ мысли ближняго, какихъ мы не встрѣчаемъ ни въ какой другой странѣ; и среди всего этого процвѣтаетъ національная религія въ высшей степени мрачная и суровая, религія полная всякаго рода зловѣщихъ предзнаменованій, угрозъ и ужасовъ, ставящая себѣ въ отраду твердить людямъ, какъ они гадки и жалки, какое ничтожное число изъ нихъ обрѣтетъ спасеніе и какая огромная масса ихъ неизбѣжно обречена невыразимо страшнымъ, вѣчнымъ мукамъ.

Прежде чѣмъ я заключу настоящій томъ, кстати будетъ, мнѣ кажется, припомнить одно происшествіе, которое, хотя случилось очень недавно и въ свое время возбудило большое вниманіе, однако съ тѣхъ поръ почти забыто, подъ вліяніемъ другихъ, болѣе важныхъ событій; а между тѣмъ оно чрезвычайно любопытно для людей изучающихъ многоразличныя проявленія народнаго характера, и притомъ представляетъ разительный примѣръ глубокой противоположности, существующей между шотландскимъ умомъ и англійскимъ,—противоположности тѣмъ болѣе замѣчательной, что она является

между двумя народами, которые не только занимаютъ смежныя области и находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою, но даже говорятъ однимъ языкомъ, читаютъ однѣ и тѣ же книги, принадлежатъ къ одному и тому же государству, имѣютъ одинаковые интересы, и въ то же время оказываются, во многихъ и весьма важныхъ отношеніяхъ, такъ различны между собою, какъ будто они никогда не имѣли ни случаевъ ни средствъ вліять другъ на друга, какъ будто никогда не бывало между ними ничего общаго.

Въ 1853 году холера, произведя сильныя опустошенія въ разныхъ частяхъ Европы, пришла и въ Шотландію. Тутъ она очевидно должна была найти себѣ обильную добычу, среди народа, живущаго въ скверныхъ жильяхъ и не слишкомъ опрятно. Ибо если мы и можемъ сказать что либо положительнаго о холерѣ, такъ именно то, что она всегда съ наибольшею силою поражаетъ тѣ классы населенія, которыя, по бѣдности или по лѣности, плохо кормятся, небрежны въ содержаніи своего тѣла и живутъ въ грязныхъ, сырыхъ и плохо провѣтриваемыхъ домахъ. Въ Шотландіи эти классы очень многочисленны. Поэтому въ Шотландіи холера непремѣнно должна была оказаться особенно гибельною. Въ этомъ не было ничего непостижимаго. Напротивъ, чудо было бы, еслибъ эпидемія въ родѣ азіатской холеры, пощадила страну подобную Шотландіи, гдѣ было собрано и подготовлено все, чѣмъ поддерживается зараза; гдѣ на каждомъ шагу представлялись грязь, нищета и безпорядочность.

При такихъ условіяхъ, не только люди ученые, но и люди съ простымъ здравымъ смысломъ, смотрящіе на вещи безъ предразсудковъ, должны бы понять, что Шотландцамъ представлялось одно только средство успѣшно бороться со своимъ страшнымъ врагомъ. Имъ слѣдовало кормить своихъ бѣдныхъ, убрать нечистоты, очистить воздухъ въ жильяхъ. Еслибъ они это сдѣлали не теряя времени, тысячи жертвъ были бы спасены. Но они объ этомъ нисколько не позаботились, и вся

страна была повергнута въ скорбь. Мало того, что они не приняли этихъ мѣръ, но движимые мрачнымъ суевѣріемъ, которое постоянно давитъ ихъ, какъ чудовище, они задумали мѣру, которая, еслибъ была вполнѣ приведена въ исполненіе, довела бы бѣдствіе до самыхъ ужасныхъ размѣровъ. Всѣмъ очень хорошо извѣстно, что когда свирѣпствуетъ эпидемія, физическое истощеніе и нравственное удрученіе предрасполагаютъ человѣческій организмъ къ воспріятію болѣзни и что, слѣдовательно, ихъ то преимущественно должно устранять. Но какъ ни общеизвѣстенъ этотъ фактъ, шотландское духовенство, поддерживаемое,—прискорбно сказать,—общимъ голосомъ шотландскаго народа, требовало, чтобы общественныя власти приняли мѣру, которая неминуемо и очевидно должна была произвести физическое истощеніе и усилить упадокъ духа. Злоупотребляя религіею и извращая ее во вредъ людямъ, вмѣсто того, чтобы пользоваться ею ко благу ихъ, духовенство именемъ религіи настаивало на необходимости назначить всенародный постъ, который въ такой суевѣрной странѣ, какова Шотландія, былъ бы безъ сомнѣнія соблюдаемъ во всей строгости, а при строгомъ соблюденіи, неминуемо долженъ былъ истощить тысячи людей слабаго сложенія и въ одни сутки приготовить къ дѣйствію яда, которымъ они были уже окружены и къ сопротивленію которому у нихъ и безъ того едва только хватало силы. Всенародный постъ долженъ былъ сопровождаться всенароднымъ покаяніемъ, такъ что ничего не было упущено для того, чтобы разстроить духъ людей и поразить его ужасомъ. Проповѣдники при этомъ стали бы гремѣть съ каѳедръ и обличать грѣхи страны, а бѣдный, блуждающій во тьмѣ и запуганный народъ долженъ былъ бы съ благоговѣніемъ и страхомъ внимать своимъ учителямъ, проводить цѣлые дни безъ необходимой пищи и вечеромъ ложиться въ рыданіяхъ и голоднымъ. Послѣ этого, полагали, Богъ умилостивится и моръ прекратится. Предполагалось, что какъ скоро народъ изберетъ тотъ образъ дѣйствія, который вѣр-

нѣе всякаго другаго долженъ вести къ увеличенію смертности, то есть когда онъ все сдѣлаетъ для того, чтобы испортить свое положеніе,—тогда Всемогущій самъ вмѣшается въ дѣло, остановитъ законы природы и, сотворивъ чудо, спасетъ свою тварь отъ участи, которая, безъ этого чуда, должна бы быть непремѣннымъ послѣдствіемъ ея же собственныхъ сознательныхъ поступковъ.

Таковъ былъ планъ, задуманный шотландскимъ духовенствомъ, и оно рѣшилось привести его въ исполненіе. А для того, чтобы придать ему болѣе величія и силы, оно обратилось къ содѣйствію Англіи, и осенью 1853 года Эдинбургская Пресвитерія, убѣжденная, что по ея положенію ей надлежало стать во главѣ этого движенія, поручила своему предсѣдателю обратиться съ посланіемъ повидимому къ англійскому министру, но въ сущности къ самому англійскому народу. Въ этомъ рѣдкостномъ произведеніи, экземпляръ котораго у меня теперь подъ рукою, представлялось министру внутреннихъ дѣлъ, что члены Пресвитеріи не хотѣли слишкомъ поспѣшно назначить, собственною своею духовною властью, день общаго поста и покаянія, въ томъ предположеніи, что, по всей вѣроятности, будетъ назначенъ такой день королевскою властью. Но какъ такого предписанія еще не послѣдовало, то Пресвитерія почтительнѣйше просила увѣдомить ее о томъ, предполагается ли сдѣлать такое распоряженіе? Пресвитерія просила извиненія въ пріемлемой смѣлости, увѣряя, что она отнюдь не желаетъ неумѣстно вмѣшиваться въ распоряженія правительства, и даже не требуетъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ отвѣта на свой вопросъ, если только онъ самъ не признаетъ себя вправѣ и обязаннымъ дать отвѣтъ. Ей было бы очень пріятно, еслибъ онъ имѣлъ возможность почтить ее отвѣтомъ. Ибо нѣтъ никакого сомнѣнія, что азіатская холера появилась въ странѣ; а въ виду этого обстоятельства, Эдинбургской Пресвитеріи весьма же-

лательно было бы знать, предполагается ли назначеніе, властью королевы, всенароднаго поста и покаянія?

На этотъ разъ однако нечего было бояться, что правительство опять впадетъ въ такую пагубную ошибку. Лордъ Пальмерстонъ, знавшій, что здравый смыслъ англійскаго народа поддержитъ его въ томъ, что онъ задумывалъ, приказалъ написать къ Эдинбургской Пресвитеріи письмо, на которое, если я не ошибаюсь, современемъ будутъ указывать, какъ на любопытный памятникъ, объясняющій исторію развитія общественнаго мнѣнія. Сто лѣтъ тому назадъ, такое письмо вызвало бы взрывъ общаго негодованія противъ государственнаго человѣка, который осмѣлился бы его написать, и онъ былъ бы вынужденъ оставить министерство; двѣсти лѣтъ тому назадъ, онъ поплатился бы за него еще дороже; оно испортило бы и его положеніе въ обществѣ, и его политическую карьеру. Ибо въ этомъ письмѣ онъ явно идетъ на перекоръ тѣмъ суевѣрнымъ понятіямъ относительно происхожденія болѣзней, которыя нѣкогда были повсемѣстно въ ходу и почитались за существенную принадлежность всякаго религіознаго вѣрованія. Преданія, память о которыхъ сохранилась въ богословской литературѣ всѣхъ языческихъ, римско-католическихъ и протестантскихъ націй,— преспокойно оставляются въ сторонѣ, какъ вещи не имѣющія никакой важности и о которыхъ не стоитъ и говорить. Шотландское духовенство, смотря съ старой точки зрѣнія, съ которой искони привыкли смотрѣть всѣ члены этого сословія, принимало за неоспоримую истину, что холера есть слѣдствіе Божія гнѣва и что она ниспослана въ наказаніе за наши грѣхи. Въ отвѣтѣ же, данномъ ему англійскимъ правительствомъ, выражалось совершенно иное воззрѣніе, которое Англичанамъ казалось вполнѣ основательнымъ и здравымъ, но въ глазахъ Шотландцевъ было крайне нечестиво. Пресвитеріи сообщалось, что дѣлами міра сего управляютъ естественные законы, и что отъ соблюденія ихъ

или пренебреженія ими зависятъ благополучіе или бѣдствіе человѣчества. Однимъ изъ такихъ законовъ установлена связь между болѣзнями и испареніями отъ разлагающихся тѣлъ; и въ силу этого-то закона, зараза распространяется или въ многолюдныхъ городахъ, или въ такихъ мѣстахъ, гдѣ совершается разложеніе растительныхъ веществъ. Человѣкъ своими усиліями можетъ разсѣять эти вредныя вліянія, или уничтожить ихъ дѣйствіе. Появленіе холеры доказываетъ, что онъ не употребилъ этихъ стараній. Города не были содержимы въ надлежащей чистотѣ,—вотъ гдѣ корень зла. Поэтому министръ внутреннихъ дѣлъ внушалъ Эдинбургской Пресвитеріи, что лучше позаботиться объ очисткѣ городовъ, чѣмъ поститься. Онъ полагалъ, что когда эпидемія уже появилась, нужно было дѣйствовать, а не каяться. Это было осенью, и до возращенія жаркихъ дней долженъ былъ пройти значительный промежутокъ времени. Этимъ промежуткомъ слѣдовало воспользоваться для устраненія источниковъ болѣзни, и именно для улучшенія жилищъ бѣдныхъ классовъ. Будетъ это сдѣлано,—и все пойдетъ хорошо. Въ противномъ случаѣ,—не миновать возвращенія заразы, «не смотря», — привожу собственныя слова англійскаго министра, — «не смотря ни на какіе молитвы и посты соединеннаго, но бездѣйствующаго народа».

На этотъ обмѣнъ писемъ между шотландскимъ духовенствомъ и англійскимъ министромъ не должно смотрѣть, какъ на мимолетный эпизодъ, представляющій лишь слабый, временный интересъ. Напротивъ, въ немъ выразилась та упорная борьба теологіи съ наукою, которая, начавшись гоненіемъ на науку и мученичествомъ дѣятелей ея, въ послѣднее время приняла болѣе отрадный оборотъ и нынѣ уже явно идетъ къ уничтоженію древняго теологическаго духа, причинившаго міру столько бѣдствій и гибели. Древнее суевѣріе, нѣкогда всюду владычествовавшее, а теперь, хотя и медленно, но безвозвратно, исчезающее, представляло Божество существомъ

постоянно гнѣвнымъ, которое услаждалось будто бы зрѣлищемъ самоуничиженiе и самоумерщвленiя своихъ творенiй, тѣшилось ихъ жертвоприношенiями и ихъ аскетизмомъ, и, что бы они ни дѣлали, безпрестанно насылало на нихъ тяжкiя кары, однимъ изъ главнѣйшихъ видовъ которыхъ были моровыя повѣтрiя. Наука, и одна только наука, постепенно уничтожаетъ эти возмутительныя заблужденiя. Благодаря ей, явленiя, которыя прежде считались посланными свыше богами, теперь признаются происходящими отъ естественныхъ причинъ, и уступающими естественнымъ же средствамъ противодѣйствiя. Человѣкъ можетъ ихъ предсказыватъ и можетъ съ ними бороться. А какъ скоро они суть неизбѣжный результатъ предшествовавшихъ имъ явленiй, то не можетъ уже быть и рѣчи о нихъ, какъ о намѣренно насылаемыхъ карахъ. Эта великая перемѣна въ нашихъ понятiяхъ гибельна для теологiи, но благодѣтельна для религiи; ибо наука, такимъ образомъ, становится уже не врагомъ религiи, а ея союзникомъ. Религiя въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ слагается сообразно тому внутреннему свѣту, которымъ онъ надѣленъ. Поэтому она, въ различныхъ характерахъ, принимаетъ различныя формы, и не можетъ быть подведена подъ одно общее для всѣхъ и произвольно установленное правило. Теологiя же, напротивъ, требуетъ себѣ власти надъ всѣми умами, не признаетъ природнаго ихъ разнообразiя и стремится подчинить ихъ всѣхъ одному общему вѣрованiю; она ставитъ извѣстную норму абсолютной истины, къ которой пригоняетъ образъ мыслей каждаго отдѣльнаго лица и самонадѣянно осуждаетъ всѣ тѣ понятiя, которыя не подходятъ подъ эту норму. Такiя надменныя притязанiя нуждаются въ средствахъ къ своей поддержкѣ. Таками средствами служатъ или угрозы, которыя въ невѣжественныя времена принимаются всѣми на вѣру, и которыя побуждаютъ къ покорности, посредствомъ наведенiя страха. Вотъ почему книги всякой теологической системы повѣствуютъ о дѣянiяхъ самой возмутительной жестокости,

которыя онѣ, нисколько не колеблясь, приписываютъ непосредственному участію Божества. Мягкія, любящія натуры возмущаются этими жестокостями, хотя въ то же время силятся имъ вѣрить. Задача науки—очистить теологію, показать, что тутъ не было жестокости, потому что не было вмѣшательства. Наука приводитъ къ естественнымъ причинамъ то, что теологія приписываетъ причинамъ сверхъ-естественнымъ. По толкованію науки, бѣдствія, поражающія міръ суть плодъ невѣжества людей, а вовсе не намѣренія Божества. Поэтому мы не должны приписывать Ему того, чѣмъ мы обязаны только неразумію и собственнымъ порокамъ. Мы не должны клеветать на всемудрое и всеблагое Существо, не должны надѣлять Его тѣми же мелкими страстями, которыя движутъ нами самими, представлять Его способнымъ къ злобѣ, ревности, мщенію, воображать Его съ вѣчно простертою карающею десницею, вѣчно помышляющимъ о томъ, чтобы усилить бѣдствія человѣка, сдѣлать страданія рода человѣческаго болѣе жестокими, чѣмъ они были бы сами по себѣ.

Что это замѣчательное очищеніе религіозныхъ понятій есть слѣдствіе успѣховъ естествознанія,—очевидно не только изъ тѣхъ общихъ соображеній, которыя заставляютъ насъ предположить, что и не могло быть иначе, но и изъ того историческаго факта, что постепенному паденію старой теологіи вездѣ предшествуетъ выработка и распространеніе естественно-научныхъ истинъ. Чѣмъ болѣе мы познаемъ законы природы, тѣмъ яснѣе понимаемъ, что все совершающееся въ физическомъ мірѣ, — эпидеміи, землетрясенія, голодъ и что бы то ни было другое, — есть необходимое послѣдствіе чего нибудь случившагося прежде. Причина производитъ послѣдствіе, а это послѣдствіе, въ свою очередь, становится причиною другихъ послѣдствій. Мы не видимъ ни одного пробѣла въ этой послѣдовательности и не допускаемъ никакой остановки. Цѣпь является намъ непрерывною; постоянство природы — ненарушимымъ. Умъ нашъ пріучается видѣть все

физическія явленія въ стройномъ, однообразномъ и самобытномъ теченіи, въ правильной и непрерывной послѣдовательности. Таково научное воззрѣніе. Таково же и воззрѣніе религіи. Совершенно противоположно ему воззрѣніе теологическое; но то, что уже утратило власть надъ умами людей, теряетъ ее и надъ ихъ чувствами; и это воззрѣніе такъ явно вымираетъ, что ни одинъ образованный человѣкъ теперь не рѣшится его защищать, не обставивъ своего мнѣнія такими оговорками и ограниченіями, которыя почти равносильны уступкѣ на всѣхъ существенныхъ пунктахъ.

Письмо это, которое посредствомъ журналовъ должно было получить огромную гласность и читаться повсюду, очевидно имѣло цѣлью подѣйствовать на общественное мнѣніе въ Англіи. Подъ нимъ, въ сущности, скрывался упрекъ англійскому правительству за оказываемое имъ пренебреженіе къ своимъ духовнымъ обязанностямъ, за непониманіе того, что постъ самое дѣйствительное средство для прекращенія эпидеміи. Въ Шотландіи оно было повсюду принято съ одобреніемъ; на него смотрѣли, какъ на заслуженный упрекъ Англичанамъ за ихъ недостаточную религіозность, за то, что видя холеру у своего порога, они заботились только о врачебныхъ мѣрахъ, объ охраненіи общественнаго здравія плотскими средствами, ясно показывая этимъ, что они возлагали надежду преимущественно на оружіе плоти. Въ Англіи, напротивъ, заявленіе шотландскаго духовенства было встрѣчено почти общимъ смѣхомъ, и нашло себѣ развѣ немногихъ только ревнителей въ самой невѣжественной и легковѣрной части націи. Министръ, которому было адресовано письмо, былъ лордъ Пальмерстонъ, человѣкъ съ громадною опытностью, знавшій общественное мнѣніе можетъ быть лучше чѣмъ кто либо изъ политическихъ дѣятелей его времени. Отлично понимая различіе между Шотландіею и Англіею, онъ зналъ, что то, что годится для одной страны, негодно для другой, и что понятія, слывшія религіозными у Шотландцевъ, были фанатизмомъ въ глазахъ Англичанъ. Въ

прежнее время, великобританское правительство однажды, уступая требованіямъ, возбужденнымъ немногими дѣятельными и заинтересованными людьми, имѣло безразсудство поступить, въ подобномъ же дѣлѣ, наперекоръ направленію вѣка, предписавъ всенародный постъ; къ счастью, впрочемъ, этотъ постъ не слишкомъ строго соблюдался; но насколько онъ соблюдался, на столько же усилилъ онъ общій страхъ, присоединивъ къ естественнымъ опасеніямъ еще сверхъестественный ужасъ, и такимъ образомъ, разстраивая нервную систему, увеличилъ смертность отъ заразы. Моръ и безъ того великое бѣдствіе для страны, ибо, что бы мы ни дѣлали, онъ всетаки сразитъ много жертвъ. Но тяжелая отвѣтственность падетъ на тѣхъ, которые во время эпидеміи, вмѣсто того чтобы стараться по возможности остановить ея опустошенія, посредствомъ ли предохранительныхъ мѣръ, или же успокоивая народъ и поддерживая въ немъ бодрость,—дѣлаютъ все, что могутъ, для усиленія бѣдствія, поощряя суевѣрный страхъ, ослабляющій въ народѣ энергію, въ то именно время, когда энергія ему всего нужнѣе, и уничтожающій то хладнокровіе, ту самодѣятельность и то самообладаніе, безъ которыхъ не можетъ быть отражена никакая общенародная опасность.

Но между тѣмъ какъ прежнія узкія понятія, въ отношеніи матеріальнаго міра, въ большей части образованныхъ странъ почти уже исчезли, должно сознаться, что относительно духовнаго міра успѣхи ума далеко не такъ быстры. Тѣ же люди, которые признаютъ, что нѣтъ сверхъестественнаго вмѣшательства въ природѣ, не хотятъ вѣрить, чтобы не было такого вмѣшательства и въ жизни человѣка. Въ первомъ случаѣ, они принимаютъ научную теорію правильности; во второмъ случаѣ—держатся теологической теоріи неправильности. Причина такого противорѣчія въ понятіяхъ та, что движенія, наблюдаемыя въ природѣ, не такъ сложны, какъ движенія, наблюдаемыя въ человѣкѣ. По меньшей ихъ сложности,

ихъ легче изучить и они быстрѣе постигаются. Отсюда и происходитъ то, что естественныя науки разрабатываются уже съ давняго времени, а наука исторіи еще только-что зарождается. Наши свѣденія объ условіяхъ, опредѣляющихъ развитіе человѣчества, такъ еще неточны и такъ плохо разработаны, что они едва могли имѣть какое либо вліяніе на понятія общества. Философы знаютъ, правда, что въ этой области, какъ и во всякой другой, должна существовать непремѣнная связь мѣжду самыми отдаленными и самыми разнородными явленіями. Они знаютъ, что всякому противорѣчію есть оправданіе, хотя бы мы, при теперешнемъ состояніи нашего знанія, и не могли отыскать это оправданіе. Въ этомъ они убѣждены, и ничто не въ силахъ поколебать это убѣжденіе. Но масса разсуждаетъ совсѣмъ иначе. Она вѣритъ, что если какое явленіе не объяснено, то это значитъ, что оно и необъяснимо; а что необъяснимо, то непремѣнно сверхъестественно. Наука объяснила большое число физическихъ явленій, и потому эти явленія, даже въ глазахъ толпы, уже не сверхъестественны, а приписываются естественнымъ причинамъ. Напротивъ того, наука не объяснила еще явленій исторіи, а потому теологическій духъ завладѣлъ ими и гнетъ ихъ въ сторону своихъ воззрѣній. Такимъ образомъ возникла давняя и пресловутая теорія нравственнаго управленія міромъ. Это звонкое названіе, и обаянію его поддается множество такихъ людей, которые никогда не дались бы ему въ обманъ, еслибъ хорошо вникли въ притязанія самой теоріи. Ибо, подобно другому понятію, которое мы разсматривали передъ этимъ, оно не только ненаучно, но и крайне нерелигіозно. Это, въ сущности, посягательство на одно изъ возвышеннѣйшихъ свойствъ Божества; это поношеніе Его всевѣдѣнія. Ученіе это утверждаетъ, что судьба народовъ не есть результатъ предшествовавшихъ и окружающихъ ихъ событій, а управляется отдѣльно произволомъ и вмѣшательствомъ Провидѣнія; что есть та-

кіе великіе общественные вопросы, въ которыхъ подобное вмѣшательство необходимо; что безъ этого вмѣшательства дѣла не могли бы идти правильнымъ порядкомъ; что они путались бы и приходили въ разладъ; что нарушились бы строй и гармонія цѣлаго. Такимъ образомъ, тѣ самые люди, которые въ данное время провозглашаютъ всевѣденіе Божіе, вслѣдъ затѣмъ защищаютъ теорію, которая уничтожаетъ это всевѣденіе, взводя на премудрое Существо обвиненіе въ томъ, что порядокъ дѣлъ человѣческихъ, котораго всѣ исходы и всѣ послѣдствія Оно должно было предусмотрѣть съ самаго начала, такъ плохо задуманъ, что можетъ быть нарушаемъ; что порядокъ этотъ вышелъ не такимъ, какимъ Оно предполагало; что онъ разстроенъ собственными Его тварями, и что для сохраненія его цѣлости приходится Ему направлять его движенія и исправлять случающіяся въ немъ разстройства. Такимъ образомъ, Великій Строитель вселенной, Творецъ и начертатель всего существующаго, уподобляется какому нибудь жалкому ремесленнику, который такъ плохо знаетъ свое дѣло, что постоянно приходится призывать его для того, чтобы онъ перестраивалъ собственную свою машину, устранялъ ея недостатки, пополнялъ недосмотры, направлялъ ея ходъ.

Пора положить конецъ такимъ непристойнымъ понятіямъ, пора историкамъ усвоить себѣ то, что давно уже знаютъ философы, и перестать загромождать исторію человѣчества такими вещами, которыя человѣку, проникнутому духомъ науки, должны казаться сущимъ вздоромъ. Избирайте одно изъ двухъ: или отрицайте всевѣденіе Создателя, или признавайте его. Если вы его отрицаете, вы отрицаете то, что для моего по крайней мѣрѣ разсудка составляетъ основную истину, и въ такомъ случаѣ мы не можемъ понимать другъ друга. Если же вы признаете всевѣденіе Божіе, то не порочьте же того, что вы беретесь защищать. Принимая теорію такъ называемаго нравственнаго управленія міромъ, вы поносите Всевѣде-

ніе, ибо вы этимъ утверждаете, что начертанный безпредѣльною Мудростью строй всей вселенной, включая въ него дѣятельность и природы, и человѣка, не въ состояніи выполнить даннаго ему назначенія, если та же Премудрость не будетъ по временамъ вмѣшиваться въ дѣло. Вы въ сущности утверждаете, что или Всевѣденіе ошиблось, или Всемогущество было ослилено. Людямъ, которые вѣруютъ и которые горды и счастливы своимъ вѣрованіемъ въ существованіе Силы, стоящей выше всего и впереди всего, всевѣдущей и всетворящей, не слѣдовало бы, конечно, впадать въ подобную ошибку. Люди, не довольствующіеся нашимъ тѣснымъ чувственнымъ міромъ и стремящіеся вознестись мыслью къ чему-то, чего не могутъ уловить чувства, вдумавшись глубже въ дѣло, безъ сомнѣнія тотчасъ же поймутъ, какъ грубо и какъ матеріально теологическое воззрѣніе, которое возлагаетъ на эту Силу мелкія отправленія земной власти, облекаетъ ее въ образъ земнаго правителя и представляютъ ее во все и всюду вмѣшивающеюся, гремящею угрозами, налагающею кары и воздающею награды. Это низкія и недостойныя представленія, порожденныя невѣжествомъ и мракомъ. Такія грубыя и жалкія понятія не далеко ушли отъ положительнаго идолопоклонства. Это обломки отжившаго вѣка, и они не должны лежать на нашемъ пути. Они были приличны тѣмъ древнимъ, варварскимъ временамъ, когда люди еще не въ состояніи были очистить своихъ мыслей, а слѣдовательно не въ состояніи были очистить и своихъ вѣрованій. Теперь же они поражаютъ насъ фальшью. Они въ разладѣ съ другими частями нашего знанія; они ни съ чѣмъ уже не вяжутся. Все окружающее находится въ противорѣчіи съ ними. Они стоятъ особнякомъ; вокругъ не осталось уже ничего, съ чѣмъ бы они гармонировали. Весь строй и все направленіе новѣйшей мысли невольно приводятъ насъ къ понятіямъ правильности и закона, которымъ эти воззрѣнія прямо противоположны. Сами тѣ, которые еще упорно цѣпляются за нихъ,

дѣйствуютъ скорѣе подъ вліяніемъ преданія, чѣмъ вслѣдствіе полнаго и твердаго вѣрованія. Дѣтская и безграничная вѣра, съ которою нѣкогда принималось ученіе о вмѣшательствѣ, теперь смѣнилась холоднымъ и безжизненнымъ признаніемъ его, нисколько не похожимъ на энтузіазмъ прежнихъ временъ. Скоро и это исчезнетъ и люди перестанутъ тревожиться призраками, созданными ихъ же собственнымъ невѣжествомъ. Нашъ вѣкъ, быть можетъ, не увидитъ этого освобожденія; но какъ вѣрно то, что умъ человѣческій идетъ впередъ, такъ же вѣрно и то, что наступитъ для него часъ освобожденія. Быть можетъ онъ придетъ скорѣе, чѣмъ кто либо думаетъ; ибо мы идемъ впередъ скоро и большими шагами. Знаменья времени всюду вокругъ насъ, и кто хочетъ читать — да читаетъ. Письмена горятъ на стѣнѣ; приговоръ произнесенъ; древнее царство должно пасть; владычество суевѣрія, уже распадающееся, должно рухнуться и разсыпаться прахомъ; новая жизнь вдохнется въ нестройную, хаотическую массу, и ясно покажетъ, что отъ начала созданія не было ни въ чемъ ни противорѣчія, ни разлада, ни безпорядка, ни перерывовъ, ни вмѣшательства; но что все совершающееся вокругъ насъ, до отдаленнѣйшихъ предѣловъ матеріальной вселенной, представляетъ только различныя части единаго цѣлаго, которое все проникнуто единымъ великимъ началомъ всеобщей и неуклонной правильности.

Конецъ втораго Тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ II ТОМА.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

ГЛАВА IV.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

5р. 60к.

ИЗДАНІЯ А. Н. БУЙНИЦКАГО:

БОКЛЬ.

ВЛІЯНІЕ ЖЕНЩИНЪ НА УСПѢХИ ЗНАНІЯ.

Переводъ С. Буйницкаго.

Цѣна 20 коп., пер. отъ 1 до 3 экз. за 1 ф.

Я. МОЛЕШОТТЪ.

ФИЗІОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКЦІЯ.

Читана 21 марта 1864 г. въ Туринскомъ обществѣ ученныхъ и литературныхъ чтеній.

—

ПЕРЕВЕДЕНА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Д. Саранчева.

Цѣна 40 к., пересылка отъ 1 до 3 экзем. за 1 ф.

